

Archeology
культура семантика
историографии

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

Psychology
образовательное пространство
концепт
Linguoculturology
Лингвистика
толерантность

дискурс
SibScript
Literature
studies
Archeology

SibScript
motivation
discourse
Linguistic
picture
of the world

поликультурное пространство
SibScript
Archeology
поликультурное пространство
билингвизм
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство

Historiography
linguistic
picture
of the world
concept
национальная политика
психоллингвистика

Psychology
tourism
Archeology
motivation
психоллингвистика
психоллингвистика

History
cognitive
linguistic
History
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

2949-2122 (PRINT)

2949-2092 (ONLINE)

VOL 25 No 6

2023

СИБ
СКРИПТ

ТОМ 25 № 6

2023

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

лингвистика
лингвистика
лингвистика
лингвистика

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Untill 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K1 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, доцент, БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасүрэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

The SibScript is a national scientific peer-reviewed open-access journal that publishes articles on archeology, history, psychology, literary criticism, and linguistics in the broadest territorial context of Siberia and Eurasia. The SibScript provides a comprehensive and objective coverage of scientific achievements. Its goal is to integrate new scientific knowledge, novel theories, cutting-edge concepts, and forefront achievements. We establish and strengthen links between researchers that work in Asia, Europe, and other parts of the world. We especially value interdisciplinary and comparative studies in the field of philology, psychology, and history, i.e., psycholinguistics, historical anthropology, cultural linguistics, political history, ethnohistory, cognitive sciences, social psychology, pedagogical psychology, etc.

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Ilia V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Перед вами – заключительный шестой номер 2023 года журнала «СибСкрипт». В нем представлены статьи специалистов по истории и археологии. Особое внимание уделено проблемам общественных, религиозных и культурных трансформаций, государственной и региональной социальной и экономической политике. В статьях получили отражение результаты практических и теоретических исследований с применением широкого круга гуманитарных и естественно-научных методов.

В первом разделе **Объекты археологического наследия: методы исследования и результаты** представлены новейшие исследования в археологии. В рамках данных изысканий артефакты не только подвергаются технологической и хронологической интерпретации. Предпринимаются попытки выявления их общественно-ментальных функций в повседневном использовании и погребальной обрядности, а также роли отдельных групп инвентаря в формировании культурных традиций. Интересен опыт систематизации сведений об археологических объектах путем использования ГИС-технологий. Анализ подобных исследований показал необходимость унификации подходов к используемым условным обозначениям картооснов и одновременно создания специализированных археологических ГИС для разных исторических эпох.

Второй раздел **Вопросы религиозной, политической и интеллектуальной истории** раскрывает проблемы религиозных и научных установок в государственной политике и деятельности различных общественных объединений. В определенном смысле

статьи этого раздела посвящены самоидентификации, формированию общих культурных основ разных социумов. Наглядный пример – политика правителя Мимаки по созданию нового культа богини Аматаэрасу и трансформация религиозных традиций в Японии периода раннего Ямато. Другой пример – возникновение и развитие в научной среде историков сообщества специалистов, изучающих историю российской интеллигенции. Обобщающий историографический очерк показывает формирование школы интеллигентоведения как специализированного по предмету исследования научного сообщества, достигшего уровня самоосознания своих достижений и нерешенных проблем.

Ключевые вопросы третьего раздела **Проблемы экономического и социального развития России** охватывают целый ряд аспектов: опыт региональной рекламы в справочных торгово-промышленных изданиях на рубеже XIX–XX вв.; оценку результатов установления государственной монополии в сфере заготовки пушнины в ДВР; исторические судьбы юнкеров пятой роты, сформированной

из выпускников 1916 г. Павловского военного училища; характеристику противоречивых итогов реформы первичного звена здравоохранения в России. Общий контекст данных исследований показывает сложность общественно-экономического развития нашего Отечества.

Разные темы региональной истории рассматриваются в завершающем разделе номера **Из истории Кузбасса советского периода**. В статьях представлена проблематика становления горноспасательной службы в регионе, формирование и деятельность врачебно-физкультурного диспансера, оказывающего помощь кузбасским спортсменам, особенности развития сельскохозяйственного сектора Кемеровской области в первой половине 1980-х гг. Общее внимание авторов статей – социальный аспект. Он находит отражение как в исследовании роста зарплат и социального обеспечения сотрудников горноспасательных служб в 1920-х – первой половине 1930-х гг., так и в реакции сельского населения на аграрную политику государства и местных властей накануне перестройки.

Журнал «СибСкрипт» приглашает специалистов к публикации статей по проблемам археологии, отечественной и всеобщей истории, актуальным аспектам международных отношений.

Dear our readers and authors!

This latest issue of *SibScript* contains articles on history and archeology that focus on social, religious, and cultural transformations triggered by state and regional social and economic policies. These practical and theoretical studies cover a wide range of scientific methods.

The section of [Archeological Sites: Research Methods and Results](#) presents the latest research in archeology. Apart from traditional technological tests and dating, modern archeology subjects its artefacts to a comprehensive sociocultural analysis of their meaning and everyday use. For instance, some tools and weapons were part of complex funeral rites behind various intercultural traditions. Modern archeology employs geographic information systems to systematize archeological data. Our authors emphasize the need for a universal approach to mapping, as well as specialized archeological GIS-methods for different historical periods.

[Religious, Political, and Intellectual History](#) features religious and scientific attitudes in state policy and various

public associations. These articles are about self-identification and shared intercultural foundations, but they cover a wide range of historical eras. In the early Yamato period, Emperor Mimaki started the cult of the Sun Goddess Amaterasu, which eventually transformed the entire religious pattern in Japan. Russian scholars have investigated the phenomenon of Russian intelligentsia for a long time, and now they are ready to start an entire new branch of intellectual studies.

The section entitled [Economic and Social Development in Russia](#) introduces articles on the early history of regional advertising in Siberia and state fur monopoly in the Far East, the life and times of the Pavlovsk Military School cadets graduated in 1916,

the contradictory results of primary health care reform in Russia, etc. These studies show Russia's socio-economic development in all its complexity.

The final section unites articles on the [Soviet History of Kuzbass](#). They feature the history of such regional institutions as Mine Rescue Department and Exercise Therapy Center, as well as the turbulent development of the agricultural sector on the eve of the collapse of the Soviet Union. The authors focus on the social significance of historical events as they analyze the salaries and social security of mine rescue teams in the first decades after the Revolution or describe how the rural population responded to the agricultural reforms before Perestroika.

We hope that you will find this New Year's issue insightful and valuable. The *SibScript* is always glad to welcome new authors to publish manuscripts on archeology, national and world history, and international relations.

Объекты археологического наследия: методы исследования и результаты

- Наконечники копий из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ
в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи
раннего железа 715
- Головченко Н. Н.*
- Геоинформационные системы как инструмент по изучению памятников археологии Нового
времени (по материалам Западной Сибири) 726
- Горлышкин Н. Е.*
- Вкладышевый кинжал эпохи неолита из поселения Усть-Нарым на р. Иртыш 735
- Самашев З. С.*

Вопросы религиозной, политической и интеллектуальной истории

- Пятидесятники в Восточной Европе и Западной Сибири: история и общность судьбы в XX в. 749
- Горбатов А. В., Федорович А. В.*
- Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 2: Формирование династического
культа богини солнца и его трансформация в общегосударственный культ 758
- Суровень Д. А.*
- Российское интеллигентоведение: специфика, основные научные школы, перспективы 776
- Черноперов В. Л., Усманов С. М.*

Проблемы экономического и социального развития России

- Коммерческая реклама на страницах справочных торгово-промышленных изданий
Томской губернии (1894–1903 гг.) 794
- Аброськин С. В.*
- Государственная монополизация пушнозаготовок в ДВР в 1920–1922 гг. как предмет
объективного восприятия и критики руководителем промыслового ведомства
Н. А. Михайловским 806
- Беспалько Д. Н.*
- Модернизация первичного звена здравоохранения: к вопросу об эффективности социальной
политики постсоветского государства 818
- Короткова М. Н.*
- 1916 год. Десятый ускоренный выпуск военного времени Павловского военного училища.
Пятая рота в лицах и судьбах юнкеров 829
- Свеколкин Н. И.*

Из истории Кузбасса советского периода

- Деятельность Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера (1949–1965 гг.) 852
- Карелин А. С.*
- Развитие сельского хозяйства Кузбасса в первой половине 1980-х гг. 861
- Орлов Д. С.*
- Особенности формирования сети горноспасательных станций в Кузбассе в 1922–1934 гг. 870
- Сарин Д. П.*
- Указатель статей, изданных в 2023 г. в журнале «СибСкрипт» 883

Archeological Sites: Research Methods and Results

Spearheads from the Museum of Altai State Pedagogical University: Funeral Rites of the Upper Ob Peoples in the Early Iron Age <i>Golovchenko N. N.</i>	715
Geographic Information Systems as a Tool of Modern Age Archeology in Western Siberia <i>Gorlyshkin N. E.</i>	726
Neolithic Liner Dagger from Ust-Narym in the Irtysh River Valley <i>Samashev Z. S.</i>	735

Religious, Political, and Intellectual History

Pentecostals in Eastern Europe and Western Siberia: Shared History in the XX Century <i>Gorbatov A. V., Fedorovich A. V.</i>	749
Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 2: Dynastic Cult of the Sun Goddess and Its Transformation into a Statewide Cult <i>Surowen D. A.</i>	758
Russian Intellectual Studies: Specifics, Main Scientific Schools, and Prospects <i>Chernoperov V. L., Usmanov S. M.</i>	776

Economic and Social Development in Russia

Advertising in Commercial and Industrial Journals Issued in the Tomsk Province in 1894–1903 <i>Abroskin S. V.</i>	794
State Monopolization of Fur Hunting in the Far Eastern Republic in 1920–1922: Perspective of N. A. Mikhailovsky, Head of Fishing Department <i>Bespalko D. N.</i>	806
Modernization of Primary Healthcare: Efficiency of Social Policy in the Post-Soviet State <i>Korotkova M. N.</i>	818
Fifth Squad Cadets of the Tenth Accelerated Wartime Graduation, Pavlovsk Military School, 1916 <i>Svekolkin N. I.</i>	829

Soviet History of Kuzbass

Kemerovo Regional Medical Exercises Dispensary in 1949–1965 <i>Karelin A. S.</i>	852
Agricultural Development in Kuzbass in 1981–1985 <i>Orlov D. S.</i>	861
Mine-Rescue Stations in Kuzbass in 1922–1934 <i>Sarin D. P.</i>	870
Index of articles published in 2023 in the journal "SibScript"	887

оригинальная статья

Наконечники копий из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа

Головченко Николай Николаевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

Scopus Author ID: 57218919187

nikolai.golowchenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2023. Принята после рецензирования 28.08.2023. Принята в печать 28.08.2023.

Аннотация: В фондах Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета содержится представительная коллекция предметов вооружения эпохи раннего железа. Большая ее часть получена в результате исследований известного сибирского археолога Алексея Павловича Уманского. Особый интерес представляют два железных наконечника копья, происходящие из памятников Новотроицкое-2 и Масляха-1, изучение семантики захоронения которых и является целью настоящей работы. Несмотря на то что данные изделия подробно охарактеризованы в рамках диссертационных исследований, посвященных военному делу древних племен Верхней Оби, они фактически остаются не осмысленными в плане изучения погребальной обрядности населения данного региона второй половины I тыс. до н.э. Данная работа представляет собой попытку анализа роли наконечников копий в погребальном обряде населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. В научный оборот вводятся ранее неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах музея АлтГПУ, дается подборка материалов, состоящих из наконечников копий по Верхнеобскому региону, которые рассматриваются в этом новом аспекте. Контекстуальный анализ находок с учетом привлечения дополнительных материалов из могильников Быстровка-1, Быстровка-2, Каменный Мыс и других позволяет наметить основы интерпретации роли предметов вооружения в отправлении обрядов перехода. Всего могут быть проанализированы шесть железных наконечников копий. Помещение в погребения раритетных и символически сломанных предметов вооружения может рассматриваться как явление событийной сакрализации – широко распространенной адаптационной стратегии интеграции предметного комплекса и идей в погребальную практику поликультурного сообщества. **Ключевые слова:** погребальная обрядность, наконечники копий, предметы вооружения, эпоха раннего железа, Верхнее Приобье

Цитирование: Головченко Н. Н. Наконечники копий из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 715–725. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-715-725>

full article

Spearheads from the Museum of Altai State Pedagogical University: Funeral Rites of the Upper Ob Peoples in the Early Iron Age

Nikolay N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

Scopus Author ID: 57218919187

nikolai.golowchenko@yandex.ru

Received 26 Jul 2023. Accepted after peer review 28 Aug 2023. Accepted for publication 28 Aug 2023.

Abstract: The Museum of History and Local Lore (Altai State Pedagogical University) contains a vast collection of weapon items from the Early Iron Age. Most of the artifacts were obtained by the famous Siberian archeologist Alexei P. Umansky. This article introduces the burial semantics of two iron spearheads from archeological sites Novotroitskoye 2

and Maslyakha 1. These artifacts have already been described in several theses on the ancient military art of the Upper Ob Valley. However, they remain understudied in terms of local funeral rituals in the second half of the 1st millennium BC. The author used some rare archival materials from the museum of the Altai State Pedagogical University to give a new perspective to the spearheads from the Upper Ob. The contextual analysis involved related finds from the burial sites of Bystrovka 1, Bystrovka 2, and Kamenny Mys. It made it possible to interpret the role of weapon in the rite of passage. Unusual and symbolically broken items could represent event sacralization, which was a widespread adaptation strategy for integrating objects and ideas into the funeral practice of a multicultural community.

Keywords: funeral rites, spearheads, weapon, the Early Iron Age, Upper Ob River region

Citation: Golovchenko N. N. Spearheads from the Museum of Altai State Pedagogical University: Funeral Rites of the Upper Ob Peoples in the Early Iron Age. *SibScript*, 2023, 25(6): 715–725. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-715-725>

Введение

Образованный в 1992 г. Историко-краеведческий музей Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ, ранее – АлтГПА, БГПУ, БГПИ) хранит в своих фондах одно из крупнейших археологических собраний Алтайского края. Значительная доля данных материалов получена в ходе проведения ежегодных студенческих полевых археологических практик. Самые крупные археологические коллекции представлены материалами исследований доктора исторических наук, профессора Алексея Павловича Уманского [Труды... 2023].

Масштабные исследования, давшие обильный вещественный материал, осуществлены А. П. Уманским на могильниках эпохи раннего железа Верхнеобского региона. Это некрополи Раздумье-4, Раздумье-6, Камень-1, Камень-2, Соколово, Масляха-1, Масляха-2, Рогозиха-1, Новотроицкое-1, Новотроицкое-2, Новотроицкое-3 и др. Материалы данных памятников были монографически или постатейно введены в научный оборот [Уманский и др. 2005; Шульга и др. 2009].

Среди вещевого комплекса, полученного при исследованиях А. П. Уманского, имеется некоторое количество предметов вооружения, в том числе и железные наконечники копий из могильников Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8) и Масляха-1 (курган 3, погребение 4). Последние не раз анализировались в научной литературе в плане изучения военного дела племен Верхней Оби (Лесостепного Алтая) [Уманский, Шульга 2005; Шульга и др. 2009]. Например, в Барнауле в данном направлении подготовлены работы Г. Е. Иванова [Иванов 1987] и О. С. Лихачевой [Лихачева 2019; 2020с; 2021].

Изучению погребальной обрядности населения Верхнеобского региона посвящены две кандидатские диссертации: Д. А. Михайлова – о погребальных памятниках Новосибирского Приобья V в. до н. э. – IX в. н. э.; Я. В. Фролова – о погребальном обряде населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э., лишь последняя опубликована монографически [Фролов 2008]. Авторами этих исследований вопрос о характере

помещения вооружения в погребальные комплексы остался не решенным в силу его частности по сравнению с общей глубиной решаемых ими задач.

Особое внимание роли вооружения в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья в эпоху раннего железа было уделено в небольшой заметке О. С. Лихачевой [Лихачева 2020b]. Она осуществила анализ собранных ею статистических данных, согласно которым был сделан вывод, что вооружение не играло значительной роли в погребальном обряде каменной культуры и помещалось в захоронения в исключительных случаях, вероятно, наиболее выдающимся представителям воинского сословия. Отдельно был рассмотрен вопрос о трактовке расположения наконечников копий в захоронениях: автор отметила, что они, судя по размеру могил, были положены без древков. Видимо, для этого вида оружия делалось исключение и не давалась символическая привязка к способу его ношения или использования [Лихачева 2020b].

Можно согласиться с мнением об отсутствии привязки положения наконечника копья в погребении с практикой их прижизненного использования. Но определенный символизм помещения наконечников копий в захоронения отдельных индивидов отрицать нельзя. Стоит отметить, что к своим выводам О. С. Лихачева пришла, проанализировав находки только в подкурганных захоронениях Барнаульского Приобья и только т. н. каменной культуры (т. е. двух наконечников копий из рассматриваемых нами могильников – Новотроицкое-2 и Масляха-1). Между тем рассмотрение данного источникового комплекса с позиции гипотезы поликультурности и всего Верхнеобского региона позволит получить более перспективные в плане изучения погребальной обрядности выводы.

Актуальность повторного обращения к вышеобозначенным материалам обусловлена отсутствием комплексного изучения наконечников копий данного региона в контексте погребальной обрядности.

Цель – рассмотреть хранящиеся в собрании Историко-краеведческого музея АлтГПУ наконечники копий в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. Задачи: рассмотрение наконечников копий, хранящихся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ, публикация их фото и сопоставление вариантов реконструкций, семантический анализ положения наконечников копий в погребальных комплексах исходя из микро топографии контекста их обнаружения, верификация случаев обнаружения наконечников копий в погребальных комплексах эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна.

Методы и материалы

Как уже декларировалось выше, опорными материалами для исследования послужили железные наконечники копий из курганных могильников Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8) и Масляха-1 (курган 3, погребение 4). Наконечник из Новотроицкого сохранился фрагментарно и имеет следующие размеры: **перо**: длина – 2,2 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,4 см; **втулка**: длина – 15,4 см, диаметр – 2,8 см, глубина – 4,8 см. Наконечник с Масляхи также фрагментарен и сильно корродирован, его размеры: **перо**: длина – 4,2 см, ширина – 3,7 см, толщина – 0,9 см; **втулка**: длина – 17,4 см, диаметр – 4,2 см, глубина – 8,2 см.

В основе изучения обозначенных наконечников лежит анализ их общего морфологического состояния и микро топографии контекстов их размещения в погребальных комплексах. Сведения, полученные при рассмотрении находок из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ, соотносятся с аналогичными случаями обнаружения изделий того же типа в захоронениях Верхнеобского региона эпохи раннего железа. Такой подход позволяет высказать новые суждения о семантике и функциональной нагрузке использования наконечников копий в погребальной обрядности населения Верхнеобского бассейна.

Результаты

Кратко напомним контекст обнаружения наконечников. Это необходимо для дальнейшего анализа. Кроме того, если материалы Новотроицкого некрополя качественно монографически опубликованы, то часть данных по Масляхе-1 вводится нами в научный оборот впервые.

Могильник Новотроицкое-2 расположен на высокой надпойменной террасе р. Чумыш, правого притока р. Обь, в Тальменском районе Алтайского края, граничащем с Новосибирской областью. Земляной курган 2 имел диаметр 14,8 x 12,2 м и высоту 1,5 м. Экспедицией под руководством В. А. Могильникова, отрядом, возглавляемым А. П. Уманским, в 1984 г.

под его насыпью было вскрыто 9 погребений. Вокруг центрального погребения 9 располагалось одно кольцо периферийных (рис. 1, 1). Ровик у кургана авторами раскопок зафиксирован не был.

Погребение 8 перекрытий не имело (рис. 1, 2). На его дне был расчищен скелет мужчины 30–35 лет [Рыкун 2013], погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на север-северо-запад. Справа от черепа лежали тазовые и трубчатые кости овцы. Среди этих костей обнаружен сломанный, сильно корродированный железный нож. У правого бедра выявлен железный поясной крюк (рис. 1, 3). У правой стопы стоял плоскодонный горшок без орнамента (рис. 1, 4). В юго-западном углу могильной ямы лежал фрагмент стенки крупного сосуда без орнамента. На левом коленном суставе находился железный, сильно корродированный наконечник копья (рис. 1, 5), острием в сторону черепа [Шульга и др. 2009: 73, рис. 51].

Могильник Масляха-1 расположен на высокой левобережной надпойменной террасе р. Обь в Крутихинском районе Алтайского края, также на границе с Новосибирской областью. Земляной курган 3 имел диаметр 16 x 16,5 м и высоту 1,5 м. Экспедицией под руководством В. А. Могильникова, отрядом, возглавляемым А. П. Уманским, в 1979 г. под его насыпью было вскрыто 14 погребений. Вокруг центрального погребения 9 располагались два кольца периферийных. Внутреннее кольцо – погребения 4, 7, 8, 10–12; внешнее – 3, 5, 6, 13 и 14. Впускные погребения 1 и 2, предположительно, намечали третье кольцо. Ровик у кургана авторами раскопок зафиксирован не был (рис. 2, 1).

Стенки погребения 4 были обложены колотыми пополам бревнами в четыре венца (рис. 2, 2). На их уступы у концов и в середине были положены три поперечины, на которых базировалось продольное перекрытие в один ряд из березовых и сосновых бревен толщиной до 0,15 см. Погребенный индивид – мужчина 30–35 лет [Рыкун 2013] – был уложен на спину, вытянуто, головой на запад. За черепом лежали два обломка таза овцы и обломок правой половины нижней челюсти козули и близ них – железный нож с невыделенной рукоятью (рис. 2, 4). Вдоль левого бедра, ниже левой кисти был обнаружен сильно поврежденный коррозией железный наконечник копья (рис. 2, 3) [Могильников, Уманский 1992: 77, 203].

Выявленные на обозначенных памятниках железные наконечники копий по классификации, предложенной О. С. Лихачевой, относятся к разряду втульчатых, разделу коротковтульчатых, отделу ромбических к двум разным типам: вытянутолистовидные (наконечник из Новотроицкого-2) и килевидные (наконечник из Масляхи-1) (рис. 3) [Лихачева 2020а: 62].

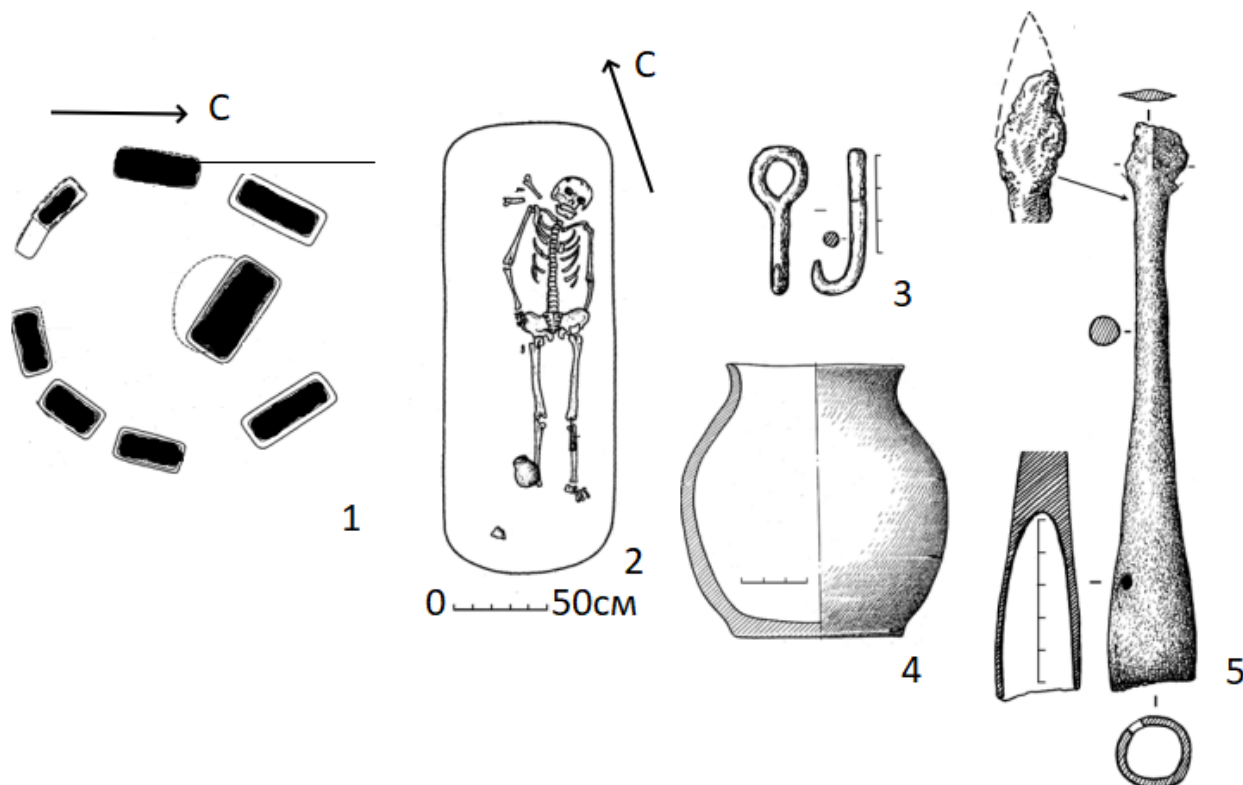

Рис. 1. Контекст обнаружения железного наконечника копья на памятнике Новотроицкое-2: 1 – планиграфия кургана 2; 2 – план погребения 8; 3 – поясной крюк; 4 – керамический сосуд; 5 – прорисовка наконечника копья [по: Шульга и др. 2009: рис. 51].
Fig. 1. Iron spearhead from Novotroitskoe 2 in situ: 1 – horizontal stratigraphy, mound 2; 2 – burial plan, grave 8; 3 – belt hook; 4 – ceramic vessel; 5 – spearhead [Shulga et al. 2009: fig. 51]

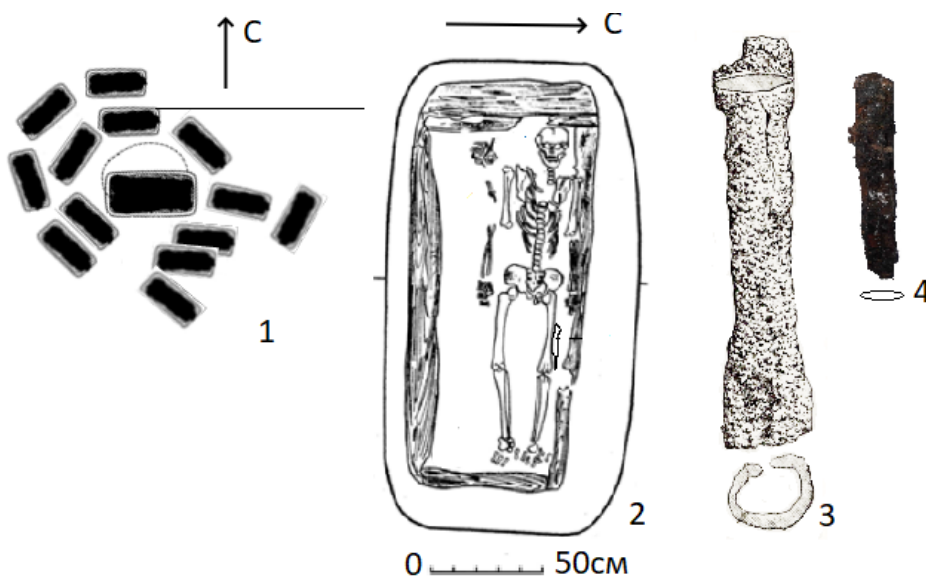

Рис. 2. Контекст обнаружения железного наконечника копья на памятнике Масляха-1: 1 – планиграфия кургана 3; 2 – план погребения 4; 3 – прорисовка наконечника копья [по: Могильников, Уманский 1992: рис. 5]; 4 – фрагмент железного ножа (фото Н. Н. Головченко).
Fig. 2. Iron spearhead from Maslyakha 1: 1 – horizontal stratigraphy, mound 3; 2 – burial plan, grave 4; 3 – spearhead [Mogilnikov, Umansky 1992: fig. 5]; 4 – iron knife fragment (photo by N. N. Golovchenko)

У новотроицкого экземпляра сохранилась только втулка с небольшими фрагментами пера (рис. 3, 1). Судя по характеру перехода от втулки к перу, О. С. Лихачева предположила, что наконечник из могильника Новотроицкое-2 имел перо вытянутолистовидного абриса [Лихачева 2020а: 64], что несколько отличается от реконструкции, предложенной авторами монографии, посвященной публикации материалов данного памятника [Шульга и др. 2009: рис. 51]. Исследовательницей отмечено, что трапецевидная втулка с шейкой встречается у скифских наконечников копий VI–V вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Такие втулки в сочетании с вытянутолистовидным пером бытуют у скифов Среднего Дона в конце V–III вв. до н.э. Совокупность этих признаков позволила О. С. Лихачевой датировать данный наконечник VI–III вв. до н.э., в то время как некрополь Новотроицкое-2 датируется IV–III вв. до н.э.

Перо наконечника, происходящего из могильника Масляха-1, сохранилось фрагментарно (рис. 3, 2), вследствие чего В. А. Могильников отмечал, что его форма точно не устанавливается [Могильников 1997: 52]. Однако, судя по прямым плечикам и параллельно расположенным лезвиям, О. С. Лихачева предположила, что оно было килевидной формы [Лихачева 2020а: 64]. Впрочем, находка близкой ей по параметрам втулки из кургана 14, погребения 2 Быстровки-1 позволяет несколько усомниться в подобной интерпретации [Бородовский 2002: рис. 97].

Такой признак, как цилиндрическая втулка с небольшим расширением в нижней четверти, по мнению О. С. Лихачевой, встречается в материалах Северного Кавказа в VIII–VII вв. до н.э. и сохраняется там до рубежа эр. В сочетании с узким пером килевидной формы она известна в меотских материалах IV–I вв. до н.э. Предложенная исследовательницей датировка в целом согласуется с трактовками иных ученых, рассматривающих данный наконечник в рамках IV–I вв. до н.э., в то время как сам могильник Масляха-1 датирован В. А. Могильниковым и А. П. Уманским III–II вв. до н.э. [Могильников, Уманский 1992]. Однако материалы данного памятника еще целиком не введены в научный оборот, и тематика его точного хронологического позиционирования еще требует особого исследования.

При этом необходимо отметить, что наиболее близкими аналогиями данным наконечникам копий В. А. Могильников, в отличие от более поздних комментаторов, справедливо считал изделия, обнаруженные на могильниках Каменный Мыс (кулайская культура) и Богдановка-1 (саргатская культура) [Могильников 1997: 52–53].

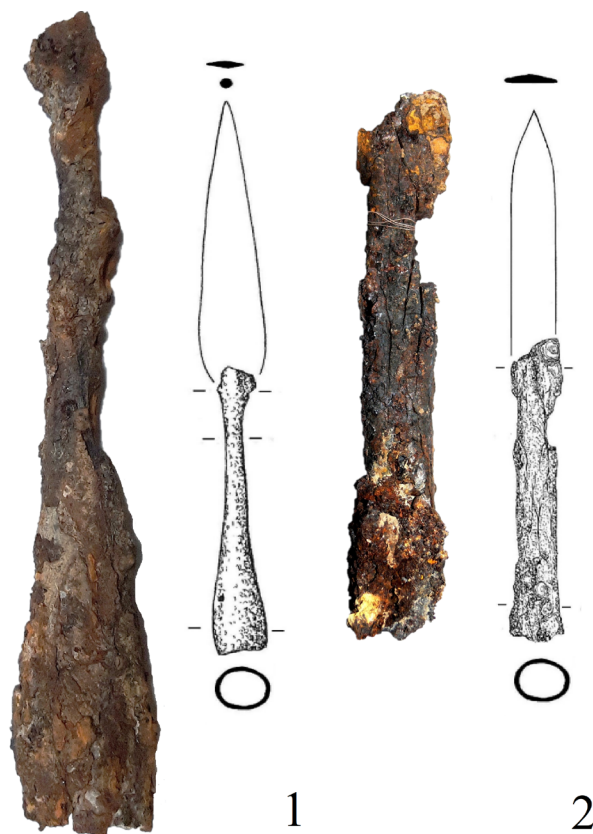

Рис. 3. Железные наконечники копий: 1 – курганный могильник Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8); 2 – курганный могильник Масляха-1 (курган 3, погребение 4) (рисунк-реконструкция [по: Лихачева 2020а: рис. 20], фото Н. Н. Головченко)
Fig. 3. Iron spearheads: 1 – burial mound Novotroitskoe 2 (mound 2, burial 8); 2 – burial mound Maslyakha 1 (mound 3, burial 4) (image-reconstruction [Likhacheva 2020a: fig. 20], photo by N. N. Golovchenko)

Обсуждение

В контексте предпринимаемого нами исследования могут быть рассмотрены 6 эпизодов обнаружения железных наконечников копий в памятниках, расположенных на территории Верхнеобского бассейна (рис. 4). Это фрагментированные и сильно коррозированные находки из курганных могильников Новотроицкое-2, Быстровка-1, Масляха-1, Каменный Мыс. Контексты обнаружения наконечников копий на могильниках Новотроицкое-2 и Масляха-1 подробно нами рассмотрены выше (рис. 1; рис. 2; рис. 5, 1, 2). Сравним их с данными, полученными на остальных попавших в нашу выборку памятниках.

В погребении 2 кургана 14 Быстровки-1 втулка копья обнаружена в детском погребении (рис. 5, 3), слева от костей черепа [Бородовский 2002: 134].

Каменный Мыс – могильник, относящийся к кулайской культуре, но в его материалах фиксируется определенная многокомпонентность, позволяющая рассматривать находки, полученные на нем в рамках нашей выборки [Селин 2021; Троицкая 1979]. Относительно наконечников копий, выявленных на Каменном Мысу, Т. Н. Троицкой отмечено, что они лежали справа от скелета на уровне стопы (острием к ногам) или у плеча (острием к голове). Один наконечник с незамкнутой втулкой имел длину 28,5 см; другой, с широким пером подтреугольной формы, от дротика – не более 16 см; от третьего сохранилась лишь втулка (рис. 5, 4–6). Т. Н. Троицкая, опираясь на эти сведения, предположила, что длина их древка равнялась расстоянию от стопы до плеча погребенного с ним индивида [Троицкая 1979: 12].

Практика обращения с железными наконечниками копий в рамках погребальной обрядности памятников Новотроицкое-2, Быстровка-1 и Масляха-1 крайне близка друг другу кроме явно выделяющегося по всем параметрам детского погребения из Быстровки-1. Могильник Каменный Мыс своими материалами демонстрирует определенную сопричастность данной традиции в формате большебереченско-кулайских связей.

Все выявленные в подкурганых захоронениях наконечники копий происходят из периферийных погребений, разных по своему оформлению – с деревянными конструкциями и без таковых. Уместно напомнить, что А. Н. Телегиным к числу не дифференцирующих

в гендерном отношении признаков погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа отнесены: способ захоронения (ингумация); оформление могил (прямоугольные, овальные, трапециевидные ямы, наличие / отсутствие уступов); размеры и типы погребальных конструкций (деревянные рамы, столбовые конструкции, перекрытия или их отсутствие); характер захоронения; расположение костяка в могиле; встречаемость, количество и местоположение сосудов, орудий труда, костей животных и элементов культовых действий (угли, прокалы, охра, обожженные камни) [Телегин 1999].

В подавляющем большинстве случаев наконечники копий обнаружены в погребениях взрослых мужчин (Новотроицкое-2, Масляха-1, Каменный Мыс). Крайне любопытным представляется единственный факт обнаружения наконечника копья в детском погребении Быстровки-1. Не менее интригующе и обнаружение раритетного бронзового наконечника копья в подкурганном захоронении на Быстровке-2. К тому же это не единственный хронологический парадокс, засвидетельствованный на данном некрополе [Бородавский 2004].

Комплектный состав сохранившегося сопроводительного инвентаря погребений с наконечниками копий – не богатый. В основном в них встречаются остатки жертвенной пищи, ножи, керамические сосуды, резе – поясная фурнитура и дополнительное вооружение.

Рис. 4. Карта местонахождений наконечников копий на территории Верхнего Приобья:

1 – Масляха-1 (курган 3, погребение 4); 2 – Быстровка-1 (курган 14, могила 2); 3 – Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8); 4 – Каменный Мыс (курган 3, погребения 5 и 19; курган 10, погребение 6)

Fig. 4. Spearhead finds

in the Upper Ob River Valley:

1 – Maslyakha 1 (mound 3, burial 4); 2 – Bystrovka 1 (mound 14, burial 2); 3 – Novotroitskoe 2 (mound 2, burial 8); 4 – Kamenny Mys (mound 3, burials 5 and 19; mound 10, burial 6)

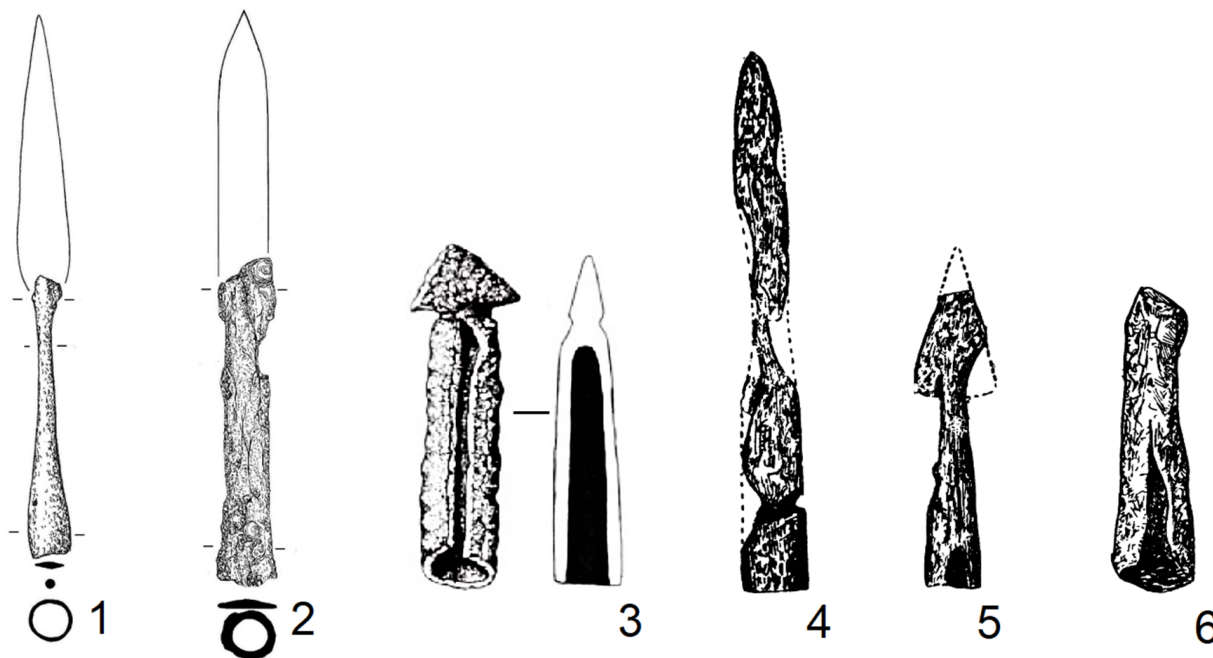

Рис. 5. Железные наконечники копий эпохи раннего железа с памятников бассейна Верхней Оби: 1 – Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8); 2 – Масляха-1 (курган 3, погребение 4); 3 – Быстровка-1 (курган 14, погребение 2); Каменный Мыс: 4 – курган 10, погребение 6; 5 – курган 3, погребение 5; 6 – курган 3, погребение 19 (1–2 – прорисовка наконечников с территории Лесостепного Алтая [по: Лихачева 2020а: рис. 20], 3 – изображение втулки копья из Быстровки-1 [по: Бородовский 2002: рис. 97], 4–6 – изображение наконечников с Каменного Мыса [по: Троицкая 1979: табл. VIII])

Fig. 5. Iron spearheads of the Early Iron Age from the Upper Ob Valley: 1 – Novotroitskoe 2 (mound 2, burial 8); 2 – Maslyakha 1 (mound 3, burial 4); 3 – Bystrovka 1 (mound 14, burial 2); Kamenny Mys: 4 – mound 10, burial 6; 5 – mound 3, burial 5; 6 – mound 3, burial 19 (1–2 – arrowheads from the Forest-Steppe Altai [Likhacheva 2020a: fig. 20], 3 – spear sleeve from Bystrovka 1 [Borodovskiy 2002: fig. 97], 4–6 – arrowheads from Kamenny Mys [Troitskaya 1979: tab. VIII])

Фиксируются следующие практики местоположения наконечника копья в погребении относительно скелета: по левую сторону, у костей нижних конечностей – Новотроицкое-2, Масляха-1, у костей черепа – Быстровка-1; по правую сторону, у костей верхних и нижних конечностей – Каменный Мыс.

Интерпретация

Значимая роль копий в погребальном обряде античных кочевников обозначена особым сообщением Геродота, согласно которому скифы, осуществляя акт захоронения знатного человека, его «тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают копышками циновками» [Геродот 1972: 71].

Говорить об особой знатности индивидов, погребенных с копьями в эпоху раннего железа на территории Верхнего Приобья, пока не приходится. Выявлены они в небольших курганах, периферийных погребениях с малопредставительным сохранившимся сопроводительным инвентарем.

Кроме того, необходимо учесть, что из почти двух тысяч исследованных в Верхнем Приобье погребений второй половины I тыс. до н.э. копья обнаружены лишь в 6. Данное обстоятельство может свидетельствовать, с одной стороны, о достаточно узкой практике их использования в погребальной обрядности, а с другой – об их важности и ценности в повседневной жизни. При этом в целом по региону копья, видимо, были достаточно распространены, особенно если принять во внимание неучтенные случайные находки, оседающие в частных коллекциях.

Наличие копий – косвенный признак наличия щитов и панцирной защиты. Однако если о доспехе в трудах археологов отдельные выкладки присутствуют [Лихачева 2020а: 103–114], то о щитах никаких данных нет, а ведь они, как и пазырыкские экземпляры, могли быть деревянными (так же как деревянными могли быть сами доспехи и шлемы [Соловьев и др. 2006]).

Изделия из древесины, как и прочая органика, в памятниках Верхнеобского региона сохраняются плохо, вероятно, какие-то имитации копий могли

делаться из данного сырья и к моменту современных исследований не сохраниться. Ведь известны цельно-деревянные наконечники стрел скифского времени [Молодин 2000: 109].

Именно вследствие плохой сохранности древесины невозможно достоверно установить, помещались ли копья в погребения с древками или без таковых. В отдельных металлических втулках выявлены фрагменты древка. Однако характер расположения наконечника копья в погребении не всегда позволяет предполагать его положение в боевом состоянии. Так, О. С. Лихачевой особо отмечен факт помещения в погребение копья со сломанным древком на Новотроицком-2 [Лихачева 2020а: 66; Шульга и др. 2009: 73]. Вероятно, сломанными в погребения помещались и некоторые другие железные наконечники копий, но точно это установить вряд ли возможно из-за сильной коррозии предметов. При этом они именно укладывались на могильное ложе, а не втыкались в него.

Обратимся к конкретным примерам. Во втулке наконечника копья из Новотроицкого еле заметны остатки древка, однако его положение – не у стопы, а у колена погребенного, учитывая общие размеры погребения, фактически исключает возможность его помещения в могилу в боевом, готовом к использованию состоянии. То же заключение правомерно и для наконечника с Масляхи, который был обнаружен у бедра погребенного. На Ближних Елбанах-7 бронзовый наконечник копья с остатками древка во втулке находился между грудной клеткой и левой плечевой костью погребенного скорченно индивида [Грязнов 1956: 58], данную микрофотографию находки невозможно себе представить при захоронении копья с цельным древком. Стоит ли говорить, что копье в функциональной сборке тем более не могло поместиться в захоронение ребенка на Быстровке. К тому же косвенным свидетельством преднамеренной деструкции (порчи) копий, помещаемых в погребения, абсолютно во всех зарегистрированных случаях является отсутствие находок втоков, в то время как их находки для другого вида древкового оружия – чеканов – надежно документируются.

Семантическая сторона помещения в погребальные комплексы преднамеренно сломанных (выведенных из функционального состояния) вещей в широкой перспективе на материалах этнографии приведена в работе А. Ш. Бодровой [Бодрова 2009], а на материалах археологии ранних кочевников – например, в статье [Бейсенов, Джумабекова 2017].

Деструкция вещей, помещаемых в погребальные комплексы населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа, рассмотрена нами на примере элементов предметного комплекса одежды [Головченко 2021; 2022].

Показателен в данном отношении и пример, приведенный А. П. Бородовским по материалам погребения 7 кургана 6 могильника Быстровка-2, в котором был обнаружен наконечник стрелы кулайского типа, адаптированный под «местные реалии» спиливанием длинных шипов [Borodovskiy 2015: 91]. В погребении 4 кургана 13 Новотроицкого-1 у черепа женщины была выявлена импортная согнутая гофрированная биметаллическая заколка без характерной бусины-навершия (вероятно, изъятая в меморативных целях), также согнутой и фрагментарно представленной оказалась заколка из могилы 3 кургана 15а того же могильника, а у изделия из кургана 18 могилы 2 навершие было расплющено [Шульга и др. 2009: рис. 17, рис. 46]. Под черепом женщины из погребения 5 кургана 17а Новотроицкого-1 выявлена золотая подвеска серьги, украшенная зернью, в верхней части которой сохранились следы от оторванной припаянной петельки [Шульга и др. 2009: 51].

К сломанным вещам могут быть отнесены и найденные в районе предплечий некоторых погребенных металлические «пластинчатые» «необычные предметы», аналогичные выявленным в погребении 15 кургана 3 и погребении 1 кургана 5 Новотроицкого-2 [Шульга и др. 2009: рис. 54, рис. 55], которые иногда, как в случае с находкой из могилы 2 кургана 6, были украшены елочным орнаментом [Шульга и др. 2009: рис. 60] или имели вид «раскованного изделия с выступами на углах», как предмет из могилы 2 кургана 8 того же могильника [Шульга и др. 2009: 87]. Символической поломке подвергались также гривны, мечи, зеркала и бронзовые котлы, что находит ряд аналогий на памятниках сопредельных территорий [Бейсенов, Джумабекова 2017].

Заключение

Два железных наконечника копий, происходящие из могильников Новотроицкое-2 и Масляха-1 и хранящиеся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ, представляют собой фрагментированные изделия, помещенные в культовых целях в погребальные комплексы.

Анализ морфологического состояния, а также микрофотографии обнаружения наконечников копий в погребальных памятниках Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа позволяет предполагать, что к моменту проведения погребальной церемонии данные изделия представляли собой раритеты с дефектами, не позволяющими эффективно использовать их по прямому назначению (как минимум они были лишены цельного древка). Может быть, наконечники копий или их древки ломали преднамеренно. Данные манипуляции отражают процесс наделения сакральными смыслами изделий, неостребованных в бытовых

условиях, отражая специфическую форму обращения с вещью в контексте обряда перехода, которая может быть определена как символическая или функциональная деструкция [Головченко 2022].

Редкость обнаружения копий в погребальных памятниках региона пока не позволяет расценивать их как неперенный атрибут обрядности профессиональной группы мужчин-воинов. Но в то же время очевидно, что случаи использования в погребальной обрядности наконечников копий прочно связаны с мужчинами в расцвете сил (и детьми, потенциально способными стать таковыми, но в силу каких-то причин до этого не дожившими). Вероятно, необходимость помещения наконечника копья в погребение определялась и какими-то специфическими ситуационными факторами – обстоятельствами смерти индивида, отношением коллектива к нему, наличием или отсутствием подходящего для обряда наконечника копья и т. п.

Наконечник копья в рамках погребального обряда мог наделаться и иными значениями – выступать в роли

своеобразной жертвы или амулета-охранителя. Событийная сакрализация – широко распространенная адаптационная стратегия интеграции предметного комплекса и идей (поверий и примет) в погребальную практику поликультурного сообщества [Бородовский 2016; 2017; Головченко 2020; Савинов 2002: 155; Borodovskiy 2015]. Расширение источниковой базы по предмету исследования, тщательная фиксация новых обнаружений наконечников копий в погребальных комплексах и случайных находок позволят осуществить более аргументированную и точную интерпретацию роли предметов вооружения в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников. *Поволжская Археология*. 2017. № 2. С. 28–46. [Beisenov A. Z., Dzhumabekova G. S. Ancient item spoilage ritual used in nomadic burial rite. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2017, (2): 28–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/ra2017.2.20.28.46>
- Бодрова А. Ш. Семантика погребальной одежды народов Сибири в контексте мифологических представлений. *Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*, отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Кн. 1. С. 33–38. [Bodrova A. S. Semantics of burial clothes of the peoples of Siberia in the context of mythological representations. *Siberian Collection 1: Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories*, ed. L. R. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAS, 2009, book 1, 33–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/scuvzd>
- Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2002. 208 с. [Borodovskiy A. P. *Archeological sites of the Iskitimsky District, Novosibirsk Region*. Novosibirsk: RPC for the Preservation of Historical and Cultural Heritage, 2002, 208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aauihn>
- Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби). *Археологические вести*. 2017. № 23. С. 229–240. [Borodovskiy A. P. Funeral space in the polycultural context (materials from the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob). *Arkheologicheskie vesti*, 2017, (23): 229–240. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yoiaand>
- Бородовский А. П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материал Быстровского некрополя. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2016. № 3. С. 94–102. [Borodovskiy A. P. Polyculturalism of the Early Iron Age in the forest steppe Ob region according to the Bystrovka necropolis materials. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2016, (3): 94–102. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xaghw>
- Бородовский А. П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа. *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*, ред. и сост. О. А. Митько. Новосибирск: Сибирь-Наука: XXI век, 2004. Т. 3. С. 98–101. [Borodovskiy A. P. Chronological paradoxes of the clothing complex of the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age. *Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations*, ed. and comp. Mitko O. A. Novosibirsk: Sibir-Nauka: XXI vek, 2004, vol. 3, 98–101. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbdabd>
- Геродот. История в девяти книгах. Кн. IV. Мельпомена. Л.: Наука, 1972. 187 с. [Herodotus. *History in nine books*. Book IV. Melpomene. Leningrad: Nauka, 1972, 187. (In Russ.)]

- Головченко Н. Н. «No connection»: расстегнутый пояс в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. *Народы и религии Евразии*. 2021. Т. 26. № 3. С. 24–35. [Golovchenko N. N. "No connection": unbuttoned belt in the funeral rites of the population of the Upper Ob region of the Early Iron Age. *Nations and Religions of the Eurasia*, 2021, 26(3): 24–35. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)3-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)3-02)
- Головченко Н. Н. Предметный комплекс одежды в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2022. № 3. С. 337–358. [Golovchenko N. N. Clothing assemblage in the burial rituals of the Early Iron Age population of the Upper Ob River region. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2022, (3): 337–358. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55086/sp223337358>
- Головченко Н. Н. Предметный комплекс одежды как маркер межкультурных коммуникаций на территории Верхнего Приобья в эпоху раннего железа. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2020. № 3. С. 73–92. [Golovchenko N. N. Elements of clothing as a marker of intercultural communications on the territory of the Upper Ob River region in the Early Iron Age. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2020, (3): 73–92. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/suhsyv>
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.-Л.: АН СССР, 1956. 163 с. [Gryaznov M. P. *The history of the ancient tribes of the Upper Ob based on the excavations at Bolshaya Rechka village*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1956, 163. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ppropob>
- Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке. Военное дело древнего населения Северной Азии, отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1987. С. 6–27. [Ivanov G. E. Armament of the population of the Forest-Steppe Altai in the early Iron Age. *Military affairs of the ancient population of North Asia*, eds. Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1987, 6–27. (In Russ.)]
- Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.). Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020а. 304 с. [Likhacheva O. S. *Armament and military affairs of the population of the Forest-Steppe Altai in the early Iron Age (VIII–I centuries BC)*. Barnaul: IP Kolmogorov I. A., 2020a, 304. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kjiqqw>
- Лихачева О. С. Использование предметов вооружения в погребальной практике у ранних кочевников Лесостепного Алтая. *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. (Самара, 1–2 октября 2020 г.) Самара: СГСПУ, 2020b. Т. 2. С. 75–77. [Likhacheva O. S. Weapons in funeral practice among the early nomads of the Forest-Steppe Altai. *Works VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara*, Samara, 1–2 Oct 2020. Samara: SSUSSE, 2020b, vol. 2, 75–77. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gmrwii>
- Лихачева О. С. Комплекс вооружения большереченской культуры по материалам экспозиции Бийского краеведческого музея. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2021. № 27. С. 390–397. [Likhacheva O. S. The complex of weapons of the bolsherechenskaya culture based on the materials of the exposition of the Biysk Museum of local lore. *Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*, 2021, (27): 390–397. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2021.27.59>
- Лихачева О. С. Средняя конница каменной культуры и эволюция военного дела населения Лесостепного Алтая в VI–I вв. до н.э. *Народы и религии Евразии*. 2020с. № 2. С. 21–36. [Likhacheva O. S. Medium cavalry of the Kamenska culture and the evolution of military affairs of the population of the forest-steppe Altai in VI–I BC. *Nations and Religions of the Eurasia*, 2020с, (2): 21–36. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2020\)2-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2020)2-02)
- Лихачева О. С. Реконструкция вооружения и снаряжения воина каменной культуры II в. до н.э. (по материалам могильника Камень-II). *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2019. № 3. С. 89–96. [Likhacheva O. S. Reconstruction of weapons and equipment of the Kamen culture warrior, II century BC, Kamen II burial ground. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2019, (3): 86–96. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ofhirt>
- Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пушкинский Научный центр РАН, 1997. 195 с. [Mogilnikov V. A. *Population of the Upper Ob region in the middle – second half of the 1st millennium BC*. Moscow: Pushchino Scientific Center RAS, 1997, 195. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxnpoj>
- Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года. *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла*, отв. ред. А. П. Уманский. Барнаул: БГПУ, 1992. С. 69–93; 198–208. [Mogilnikov V. A., Umansky A. P. The mounds of Maslyakha I in 1979. *Archeological Issues of Altai and Western Siberia of the Metal Age*, ed. Umansky A. P. Barnaul: BSPU, 1992, 69–93; 198–208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zahevr>

- Молодин В. И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II. *Феномен алтайских мумий*, отв. ред. В. И. Молодин, А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 86–119. [Molodin V. I. Cultural and historical characteristics of the burial complex of the burial mound No. 3, archeological site Verkh-Kaljin II. *Phenomenon of the Altai mummies*, eds. Molodin V. I., Derevyanko A. P. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2000, 86–119. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dsmamw>
- Рыкун М. П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул: АлтГУ, 2013. 284 с. [Rykun M. P. *Paleoanthropology of the Upper Ob in the Early Iron Age: the Kamen culture*. Barnaul: AltSU, 2013, 284. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/trbgzv>
- Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 202 с. [Savinov D. G. *Early nomads of the Upper Yenisei. Archaeological culture and cultural genesis*. St. Petersburg: SPbSU, 2002, 202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfvesx>
- Селин Д. В. Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2021. Т. 20. № 7. С. 86–96. [Selin D. V. Ceramic production of the Kulai Culture in the Novosibirsk Ob region: Based on materials from the Kamenny Mys burial ground. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2021, 20(7): 86–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96>
- Соловьев А. И., Бородовский А. П., Комиссаров С. А. К вопросу о защитном вооружении из дерева. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2006. Т. 12. № 1. С. 468–472. [Solovyev A. I., Borodovskiy A. P., Komissarov S. A. Protective weapons made of wood. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2006, 12(1): 468–472. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/owdbfj>
- Телегин А. Н. Половая принадлежность погребений каменной культуры (опыт выделения археологических признаков). *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Междунар. науч. конф.* (Барнаул, 24–27 марта 1999 г.) Барнаул: АлтГУ, 1999. С. 180–184. [Telegin A. N. Gender features of Kamensky culture burials (the experience of archeological features extraction). *Scythian epoch in Altai and adjacent territories: Intern. Sci. Conf.*, Barnaul, 24–27 Mar 1999. Barnaul: AltSU, 1999, 180–184. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gkupab>
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с. [Troitskaya T. N. *Kulai culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Nauka, 1979, 124. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynvdel>
- Труды Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета. Вып. 1: Археологические коллекции А. П. Уманского из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ, сост. Н. С. Грибанова, Н. Н. Головченко, В. Б. Бородаев, автор вступ. ст. М. А. Демин. Барнаул: АлтГПУ, 2023. 72 с. [Proceedings of the Local History Museum of the Altai State Pedagogical University. Vol. 1: A. P. Umansky's Archaeological collections, Altai State Pedagogical Museum of Local Lore, comps. Gribanova N. S., Golovchenko N. N., Borodaev V. B., opening article by Demin M. A. Barnaul: AltSPU, 2023, 72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37386/2949-3315-2023-1>
- Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: АлтГУ, 2005. 204 с. [Umansky A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I. *Scythian burial site Rogozika-1 on the left bank of the Ob River*. Barnaul: AltSU, 2005, 204. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpcdnv>
- Уманский А. П., Шульга П. И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя. *Теория и практика археологических исследований*. 2005. № 1. С. 121–132. [Umansky A. P., Shulga P. I. Weaponry from the Novotroitsk necropolis: Preliminary results. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2005, (1): 121–132. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qixgvz>
- Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с. [Frolov Ya.V. *Funeral rite in the Barnaul Ob region in the VI century BC – II century AD: burial grounds*. Barnaul: Azbuka, 2008, 479. (In Russ.)]
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГУ, 2009. 329 с. [Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A. *The necropolis of Novotroitsk*. Barnaul: AltSU, 2009, 329. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qmnfhv>
- Borodovskiy A. P. The Reconstruction of cultural processes in the forest-steppe Ob basin during the Early Iron Age, based on the chronology of the Bystrovka cemetery. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, 43(2): 87–96. <https://doi.org/10.1016/j.aear.2015.09.009>

оригинальная статья

Геоинформационные системы как инструмент по изучению памятников археологии Нового времени (по материалам Западной Сибири)

Горлышкин Никита Евгеньевич

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-1710-2877>

Gorlyshkin.nikita@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.10.2023. Принята после рецензирования 21.11.2023. Принята в печать 21.11.2023.

Аннотация: Статья посвящена проблемам применения ГИС-технологий в археологических исследованиях комплексов периода русского освоения Западной Сибири. Актуальность работы состоит в активном распространении в последнее десятилетие геоинформационных систем как инструмента сбора, аккумуляции и визуализации сведений об объектах археологии, а также в выявленной нехватке теоретических работ по применению ГИС в русской археологии. Цель работы – осмыслить наработанный опыт, имеющиеся проблемные аспекты и перспективы использования ГИС-технологий в качестве инструмента по изучению археологических комплексов Нового времени в Западной Сибири. Представлен краткий, но репрезентативный историографический анализ, отражающий опыт применения геоинформационных систем при исследовании объектов археологического наследия в разных субъектах РФ. На основе изучения доступных автору ГИС была выдвинута предварительная классификация геоинформационных систем. Рассмотренный опыт использования ГИС-технологий зафиксировал практическую пользу применения в аккумулировании имеющихся теоретических сведений об объектах археологического наследия, а также оценки перспективности определенных территорий в контексте проведения полевых археологических работ. Зафиксирован ряд проблем, основанный на имеющемся опыте применения ГИС-технологий: 1) необходимость унификации атрибутивных маркеров, условных обозначений, картооснов; 2) проблемы с доступом к разработкам коллег; 3) нехватка специализированных археологических ГИС по эпохе Нового времени. Устранение или минимизация данных негативных явлений в совокупности с активным внедрением технологий искусственного интеллекта позволит, по мнению автора, открыть новые перспективы в деле изучения и сохранения памятников русской археологии.

Ключевые слова: русская археология, памятники Нового времени, геоинформационные системы (ГИС), инструмент научного познания, Западная Сибирь

Цитирование: Горлышкин Н. Е. Геоинформационные системы как инструмент по изучению памятников археологии Нового времени (по материалам Западной Сибири). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 726–734. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-726-734>

full article

Geographic Information Systems as a Tool of Modern Age Archeology in Western Siberia

Nikita E. Gorlyshkin

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-1710-2877>

Gorlyshkin.nikita@yandex.ru

Received 12 Oct 2023. Accepted after peer review 21 Nov 2023. Accepted for publication 21 Nov 2023.

Abstract: Geographic Information Systems (GIS) can be applied to archeological sites that belong to the epoch of Russian exploration of Western Siberia. GIS make it possible to collect, accumulate, and visualize archeological data. Although the method has gained a lot of popularity in the recent decades, Russian GIS-archeology has poor theoretical foundations. This article summarizes experience, problems, and prospects of using GIS at Modern Age archeological sites in Western Siberia. It starts with a comprehensive historiographic analysis of the domestic experience in various

regions of Russia. The author introduces a preliminary classification of GIS-technologies. The analysis proved that GIS are acknowledged practical tools that make it possible to accumulate available theoretical data about archeological sites. Some regions have more prospects for GIS-archeology than others. A number of issues will have to be solved to develop the domestic GIS-archeology. For instance, attributive markers, conventional designations, and map bases should be unified. Moreover, archeologists often experience problems with access to data and experience obtained by their colleagues. Finally, there are very few specialized archeological GIS on Modern Age sites. In addition, Russian archeology will definitely benefit from AI-technologies.

Keywords: Russian archeology, Modern Age archeological sites, geographic information systems (GIS), scientific method, West Siberia

Citation: Gorlyshkin N. E. Geographic Information Systems as a Tool of Modern Age Archeology in Western Siberia. *SibScript*, 2023, 25(6): 726–734. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-726-734>

Введение

На сегодняшний день продолжается процесс открытия новых археологических памятников, относящихся к эпохе Нового времени, расширение комплекса материалов, полученных при исследовании памятников XVII–XIX вв. Это ставит перед нами вопрос о систематизации и обработке полученных археологических сведений. Одним из наиболее удобных и наглядных инструментов, на наш взгляд, является разработка геоинформационных систем (ГИС) – т. е. создание электронных баз данных с последующим нанесением данных на картооснову.

Своими корнями геоинформационные системы уходят в археологическое картографирование и первые попытки использования математических методов в археологии, которые относятся к середине XX в. [Бородкин, Владимиров 2018; Ковальченко 1964; Монгайт 1962]. Несмотря на то что использование ГИС в археологических исследованиях имеет относительно недавнюю историю, данный инструмент получил достаточно широкое распространение. За последние годы были разработаны многочисленные геоинформационные системы археологических комплексов субъектов Российской Федерации – республик Калмыкия и Удмуртия, Красноярского и Ставропольского краев, Чукотский АО [Курзыбова, Дмитриев 2021: 5], Кемеровской области – Кузбасса [Плац и др. 2022], Омской и Воронежской областей [Бирюкова, Маслихова 2022], Республики Крым [Буряк и др. 2018] и др. Разрабатываются ГИС, посвященные отдельным археологическим периодам в рамках отдельных субрегионов.

Цель работы – осмыслить наработанный опыт, имеющиеся проблемные аспекты и перспективы использования ГИС-технологий в качестве инструмента по изучению археологических комплексов Нового времени в Западной Сибири.

В данной работе мы хотели бы представить результаты разработки ГИС «Территориальное распределение сельских поселений XVII – начала XX вв. в Кузнецком Притомье». Данный научный продукт не только аккумулирует в себе сведения об исторических деревенских поселениях региона, представленных в виде одноименной запатентованной базы данных¹, на основе которой была создана историко-археологическая карта поселенческих комплексов Нового времени в Кузнецкой котловине, но и является прикладным научным инструментом при планировании и организации полевых археологических работ на памятниках XVII–XIX вв. на территории Кузнецкой котловины.

Развитие геоинформационных систем в качестве инструмента анализа и визуализации археологических источников, несомненно, подтолкнуло отечественных исследователей к теоретическому осмыслению полученных результатов и оценке перспектив в рамках данного направления. А. В. Кениг и Е. А. Зайцева рассматривают проблемы использования геоинформационных систем для охраны культурного наследия Среднего Приобья [Кениг, Зайцева 2013].

В работе «Геолого-геоморфологическое ГИС-моделирование для оценки перспективности поисков палеолитических памятников в Горном Алтае» коллектив автор рассматривает возможности ГИС-технологий в качестве инструмента, позволяющего оценить перспективность тех или иных районов Республики Алтай для поиска археологических комплексов эпохи камня. Опираясь на ряд предложенных параметров, авторы исследования обследовали ряд ландшафтных зон субъекта федерации, что позволило выявить 19 местонахождений эпохи палеолита. Данный результат, по их мнению, позволяет констатировать

¹ Горлышкин Н. Е., Марочкин А. Г. Территориальное распределение сельских поселений XVII – начала XX вв. в Кузнецком Притомье. Свидетельство о государственной регистрации базы данных RU № 2022623591, 21.12.2022. Номер заявки – № 2022623442 от 05.12.2022. <https://elibrary.ru/qknydv>

перспективность использования ГИС-технологий в качестве инструмента прогнозирования целесообразности проведения археологических исследований в конкретных ландшафтных зонах [Постнов и др. 2015].

В статье «Теоретико-методические аспекты ГИС-картографирования археологических памятников (на примере Чуйского бассейна, Юго-Восточный Алтай)» Е. П. Крупочкин и Н. И. Быков предлагают научному сообществу разработанную геоинформационную систему и набор параметров, которые, по их мнению, необходимы для моделирования объектов археологии с целью наиболее полного вычленения сведений о прошлом [Крупочкин, Быков 2015].

Интересный опыт создания геоинформационных систем по материалам памятников наскального искусства Республики Алтай (памятник Туру-Алта) был представлен В. В. Казаковым и Ж. Буржуа (Бельгия). Авторами проведена работа сведения местоположений и археологических данных о 321 скальной поверхности с рисунками. По мнению авторов, использование ГИС-технологий в процессе изучения наскальной живописи не только расширит доступ разных научных команд к петроглифическим источникам, но и откроет новые перспективы для сохранения культурного наследия Российской Федерации [Казаков, Буржуа 2019: 16–17].

В статье барнаульских археологов рассматривается перспективность ГИС-технологий для исследования процессов жизнеобеспечения человека в древних обществах. Используя математические методы, коллектив авторов рассчитал показатели теплообеспеченности на основе географического распределения населения, тем самым предложив научному сообществу критерии, методики и алгоритмы пространственного анализа жизнеобеспечения древних социумов на основе ГИС-инструментария [Крупочкин и др. 2019: 40–46].

В ряде работ рассматривается использование геоинформационных систем для реконструкции систем расселения древних обществ [Вострокнутов, Шмуратко 2021], типологизации археологических комплексов в рассматриваемом регионе.

Отдельный корпус работ представлен публикациями, в которых затрагиваются технические особенности разработки и применения ГИС в археологической науке: использование специального программного обеспечения, разработка параметров представления объектов археологии, использование методов статистики и др. [Белим и др. 2016: 121–124; Курзыбова, Дмитриев 2021].

Завершая краткий анализ литературы по теме, можно сделать вывод, что в современной археологической науке ГИС-технологии имеют максимально широкое применение: от использования в деле сохранения объектов археологического наследия (ОАН) России

до реконструкции процессов жизнеобеспечения древних социумов. В то же время нельзя не отметить отсутствие в нашем историографическом обзоре работ, посвященных работам по археологическим ГИС памятников Нового времени, что придает статье дополнительную актуальность.

Методы и материалы

Применены различные по своему характеру методы, в частности метод баз данных, который является устойчивой специфической формой представления сведений об объектах археологии.

Метод историко-археологического картографирования использован нами при нанесении сведений из базы данных об исторических поселениях Кузнецкого Притома на картооснову с целью создания модели расселения русских переселенцев на территории региона. При помощи метода археологической разведки апробирована прогностическая функция ГИС при выборе перспективных районов для проведения полевых археологических работ. Контент-анализ позволил проанализировать каталог интернет-библиотеки eLibrary. Ru, интернет-ресурс ВебГИС, который используется для создания и публикации геоинформационных систем. Анализ материалов данных веб-сайтов позволил привлечь для исследования геоинформационные системы, опубликованные в сети Интернет, а также рассмотреть работы, в которых содержатся сведения о ГИС (источниковая база, география, хронология, программное обеспечение, используемое при разработке, критерии описания памятников археологии и др.), которые в свободном доступе отсутствуют.

Также задействованы общенаучные методы познания (синтез, анализ, дедукция и индукция, обобщение).

В рамках работы мы рассматриваем в качестве источника созданные ГИС, в которых затрагиваются археологические комплексы Нового времени на территории Западной Сибири. При анализе данного типа научного продукта мы обращаем внимание на следующие характеристики: цель, с которой создана ГИС; территория, которую охватывает геоинформационная система; какие археологические эпохи затрагивает система; предложенные критерии и параметры для систематизации и обработки данных внутри ГИС; настолько в ней отражены памятники Нового времени.

При создании геоинформационной системы нами был привлечен комплекс источников письменного характера (материалы ревизских сказок [Усков 2005: 81–129], списки населенных мест Томской губернии, «История Сибири» Г. Ф. Миллера, записки С. П. Крашенникова, И. Г. Гмелина), материалы исторической картографии XVII – начала XX в., научные публикации, в которых

затрагиваются проблемы селообразования на территории Кузнецкой котловины [Емельянов 1978: 35–39; Косовец 2010; Окунева 2006: 29–31; Рабинович 1983; Сизёв 2017; Усков 2007].

Результаты

Рассматривая находящиеся в открытом доступе геоинформационные системы, в которых отражены выявленные или потенциальные памятники археологии Нового времени, нами было выявлено условно три категории подобных ГИС, различающихся по способу представления информации и содержащихся в системе данных. Данная классификация не окончательна и, более чем вероятно, подвергнется изменениям в процессе появления в открытом доступе все большего количества баз данных и ГИС.

Первая категория представлена геоинформационными системами, в которых рассматриваются уже выявленные памятники археологии Нового времени. В качестве примера подобной системы можно представить ГИС «Археологическое наследие Кузбасса». Данная геоинформационная система не специализируется на репрезентации степени изученности памятников археологии XVII–XIX вв. Кузнецкой котловины, а затрагивает все ОАН и ВОАН Кемеровской области. Однако массив данных, описывающих археологические комплексы Нового времени, в ГИС представлен. Надо отметить, что данная ситуация характерна для большинства ГИС, отражающих степень изученности ОАН субъектов РФ.

На основе ГИС «Археологическое наследие Кузбасса» зарегистрировано несколько баз данных, в которых аккумулирована информация о памятниках отдельных географических и ландшафтных зон Кемеровской области. Одной из них стала база данных «Археологические памятники в среднем течении р. Томь»², сведения из которой привлечены при написании статьи.

Информация о каждом памятнике в системе представлена в виде таблицы, содержащей ряд атрибутирующих признаков: название; тип памятника; локализация; широта и долгота; культурно-хронологическая атрибуция; первооткрыватель; степень изученности; акт органа исполнительной власти субъекта РФ по постановке объекта археологии на государственный учет и охрану. Наиболее важными, на наш взгляд, критериями в рассматриваемой ГИС являются указание места хранения

обнаруженных материалов, описание степени изученности, состояния памятника, его примерные границы, местность, на которой расположен объект археологии. Каждый археологический комплекс атрибутирован на основе 37 критериев [Плац и др. 2022: 386].

Также в базе данных содержится информация о научных трудах, в которых публиковались материалы по каждому из рассмотренных памятников Нового времени региона. Сведения об археологических комплексах разных хронологических эпох отражены на карте, визуализированной на основе программного обеспечения QGIS [Плац и др. 2022: 386].

Всего в ГИС «Археологическое наследие Кузбасса» содержится информация о 94 археологических комплексах XVII–XIX вв., из которых 51 содержит культуро-содержащий слой, относящийся к бытовой культуре русских старожилов, а 43 – культурные слои автохтонного населения региона.

Вторая категория геоинформационных систем представлена ГИС, аккумулирующими сведения об укрепленных русских поселениях периода освоения Сибири без привязки к степени их археологической исследованности. Примером такой системы является разработка новосибирского специалиста по археологии Нового времени С. В. Горохова «Картографический онлайн каталог деревянных оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII веков»³. Одним из главных достоинств, на наш взгляд, данной работы является ее доступность широкому кругу специалистов благодаря разработке ГИС на основе веб-инструментария NEXTGIS, основанного на базе QGIS. Всего автором представлена информация о 440 острогах и зимовьях.

Созданная ГИС является логическим продолжением монографии «Становление Московско-Сибирского тракта на участке от Тары до Томска. Транспортные коммуникации и опорные пункты (конец XVII – середина XVIII века)». Во второй и третьих главах работы подробно отражены сведения о ряде острогов, пасах, расположенных на территории современной Новосибирской области [Горохов 2022: 59–179].

В рамках нашей работы рассмотрим отдельно содержание каталога укрепленных поселений, представленных в табличном виде, и созданной на его основе карты. В каталоге каждый из рассматриваемых объектов атрибутирован на основе 13 критериев: 1) название;

² Плац И. А., Марочкин А. Г. Археологические памятники в среднем течении р. Томь. Свидетельство о государственной регистрации базы данных RU № 2022620773, 08.04.2022. Номер заявки – № 2022620583 от 25.03.2022. <https://elibrary.ru/fkfkq>

³ Картографический онлайн каталог деревянных оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII веков, сост. С. В. Горохов. 2023. Дата обновления: 03.06.2023. URL: <https://gorokhov-sv.nextgis.com/resource/9/display?pa> (дата обращения: 03.06.2023).

2) примечание к названию; 3) принадлежность к стране (Россия, Китай, Монголия); 4) принадлежность к субъекту РФ; 5) принадлежность к административно-территориальным единицам внутри субъекта РФ; 6) ближайший населенный пункт; 7) географические объекты и примечания к ним; 8) расположение; 9) географические координаты (в системе WGS-84); 10) точность локализации; 11) широта / долгота; 12) год основания; 13) ссылки на научную литературу.

Карта визуализирует представленную информацию. Важной особенностью карты является наличие условных обозначений, содержащих сведения о точности локализации. Зеленые точки – локализация объекта установлена точно; желтые – с погрешностью в несколько километров; красные – с погрешностью в несколько десятков километров. Отдельно автор ГИС картографировал маршруты экспедиций И. Г. Гмелина и Д. Г. Мессершмидта, а также посещенные ими населенные пункты. Первую попытку реконструкции маршрутов исследования автор предпринял в указанной монографии [Горохов 2022: 27–58, 110–139].

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод, что С. В. Горохов обобщил значительный массив сведений об острогах и зимовьях Сибири, известных нам по данным археологии и изучения корпуса письменных источников. ГИС является логичным продолжением написанной ранее монографии. Таким образом, мы видим выстраивание автором научной инфраструктуры для дальнейшего изучения укрепленных поселений как объекта исследования. Наличие «белых пятен» в локализации значительной части объектов и представленная автором карта позволяют использовать данную ГИС в качестве инструмента прогнозирования в определении перспективности территорий для проведения археологических работ по изучению русских укрепленных поселений.

Третья категория ГИС представлена системами, аккумулирующими информацию о сельских неукрепленных поселениях. Примером такой ГИС является база данных «Территориальное распределение сельских поселений XVII – начала XX вв. в Кузнецком Притомье»⁴. ГИС находилась в разработке с 2021 г. В процессе создания ГИС авторами публиковались предварительные результаты работы [Горлышкин 2021b; Горлышкин, Плац 2021: 19–22]. Проанализирована информация о 414 селах и деревнях региона.

База данных, созданная на основе Microsoft Excel, основана на разработанных авторами критериях: 1) тип населенного пункта; 2) волостная принадлежность; 3) название; 4) дата первого упоминания;

5) месторасположение; 6) источники; 7) альтернативное название, встречающееся в источниках; 8) альтернативное месторасположение, встречающееся в источниках; 9) существует ли поселение на сегодняшний день (1 – да, 0 – нет); 10) наличие постоянного населения; 11) современная административная принадлежность; 12) примечание.

Карта сельских поселений создана на картооснове Google Earth. На основе периодизации процесса селообразования, разработанной И. Ю. Усковым, населенные пункты нанесены на карту согласно условным обозначениям (значков определенного цвета), отражающим этап, на котором возникло поселение: красный цвет – 1618–1759 гг.; желтый – 1759–1865 гг.; зеленый – 1865–1921 гг. [Усков 2005: 83–96]. Каждое сельское поселение распределено по папкам соответственно волостному делению. При работе непосредственно с картой возможно включение / отключение значка конкретного поселения, волости или целого этапа. Данный подход позволяет нам проследить хронологическую и территориальную динамику процесса поземельного освоения региона. Отображенные на картооснове села и деревни снабжены краткой справочной информацией, что позволяет при необходимости использовать карту без привлечения базы данных. Особенностью карты является нанесение на картооснову возможного альтернативного месторасположения населенных пунктов, что расширяет прогностические возможности ГИС при планировании полевых археологических работ.

Говоря о практическом применении ГИС «Территориальное распределение сельских поселений XVII – начала XX вв. в Кузнецком Притомье» при планировании полевых археологических исследований, можно отметить следующие аспекты. Выделение возможных альтернативных местоположений сельских поселений на основе данных письменных и картографических источников позволяет нам уточнить будущий ход полевых работ по нахождению и / или уточнению культуросодержащего слоя конкретного исторического поселения. Соотнесение ГИС с картой уже изученных археологических комплексов Нового времени позволит выделить перспективные зоны для проведения полевых археологических работ [Сизёв 2017: 94], которые еще не были затронуты вниманием исследователей. Привлечение комплекса картографических источников позволило нам аккумулировать пространственные представления о населенных пунктах, не нашедших отражения в комплексе письменных источников. Особенно это касается поселений, исчезнувших на ранних этапах

⁴ Горлышкин Н. Е., Марочкин А. Г. Территориальное распределение сельских поселений...

освоения региона. Археологическое изучение подобных поселений для нас наиболее ценно, т.к. именно в их культуросодержащем слое законсервировалась материальная культура первых русских переселенцев [Горлышкин 2021a].

Последний аспект был апробирован непосредственно в ходе полевых работ. В рамках разведки в Юргинском районе Кемеровской области – Кузбасса в 2021 г., основываясь на сведениях из разрабатываемой ГИС, нами была обнаружена деревня Колпачково, сведения о которой отсутствуют в письменных источниках, однако сохранились на картах 1730-х гг. На территории исторического поселения были обнаружены не только фрагменты материальной культуры начала XVIII в. (керамика, изделия из металла и др.), но и следы т.н. «черного копа», что свидетельствует о необходимости срочной постановки объекта на государственный учет и охрану.

Таким образом, использование разработанной нами ГИС не ограничивается только применением в качестве инструмента для планирования проведения полевых работ на комплексах Нового времени, но и косвенно помогает в организации необходимых мероприятий по охране культурного наследия народов РФ.

В будущем планируется пополнение ГИС «Территориальное распределение сельских поселений XVII – начала XX вв. в Кузнецкой котловине» поселенческими комплексами автохтонного населения Кузнецком Притомье.

Проблемные аспекты в использовании ГИС как инструмента по изучению и сохранению ОАН Нового времени

Опираясь на собственный опыт разработки геоинформационных систем, а также на результаты ознакомления с ГИС других авторов, мы выделяем ряд общих проблем для геоинформационных систем, затрагивающих археологические комплексы XVII–XIX вв.

1. Специалистами еще не выработаны общие критерии, описывающие памятники Нового времени. Каждый специалист самостоятельно выбирает атрибутирующие маркеры, что может стать проблемным при использовании ГИС от разработчиков.

2. Отсутствие общей картосемантики и картооснов. Унификация данного аспекта разработки ГИС облегчит процесс картографирования памятников Нового времени и упростит использование карт, созданных разными авторами [Горлышкин, Плац 2021: 22].

3. Наблюдается нехватка специализированных ГИС, аккумулирующих сведения о степени изученности и визуализирующих локализацию археологических комплексов периода русского освоения Западной Сибири.

Большая часть изученных памятников Нового времени внесены в ГИС, созданные по географическому, а не хронологическому признаку. В то же время потенциальные объекты археологического исследования (остроги, зимовья, села и др.) остаются предметом рассмотрения самостоятельных неархеологических ГИС. Выделение разработки геоинформационных систем, посвященных комплексам XVII–XIX вв., в качестве отдельного направления значительно повысит прогностическую и иные функции ГИС как инструмента научного познания процессов русского освоения Сибири.

4. Одной из главных проблем является слабая степень доступа специалистов к ГИС-разработкам коллег. Во многом подобная скрытость связана с попытками пресечь доступ к информации о памятниках археологии Нового времени т.н. «черных копателей». В то же время создание механизма доступа коллег к разработкам в рассматриваемой области не только позволило бы решить описанные нами проблемные аспекты, но, как нам кажется, повысило бы качество итоговых продуктов и помогло сделать новые шаги в разработке археологических ГИС эпохи Нового времени.

Заключение

В настоящее время археологические памятники периода русского освоения Западной Сибири являются полноправной частью разрабатываемых региональных археологических ГИС. Выделенные нами в работе категории ГИС условны и нуждаются в дальнейшей переработке и уточнении.

Постепенно накапливается опыт по аккумулированию знаний и визуализации поселенческих комплексов, имеющих потенциал в качестве объектов археологического исследования. В то же время отмечается нехватка публикаций, посвященных использованию ГИС-технологий при изучении памятников XVII–XIX вв. Будучи инструментом аккумулирования знаний об исследованных памятниках, ГИС являются отличным подспорьем в поиске местонахождения ОАН, историографии их изучения, культурной атрибуции и др. Наложение собранных в базах данных материалов на картооснову не только отлично визуализирует ход освоения Западной Сибири и ее отдельных регионов, но и дает исследовательскому сообществу пищу для размышления о роли природно-климатического фактора в динамике движения переселенцев, о влиянии ландшафта на процессы градо- и селообразования.

Подтверждается практическая функция ГИС в прогнозировании перспективных зон для археологических полевых работ, а также как сборника теоретической информации для написания научных штудий.

Можно констатировать, что ГИС-технологии на практическом опыте доказали свою состоятельность в качестве инструмента в ходе археологического изучения объектов Нового времени.

В то же время отмеченные проблемные аспекты (необходимость унификации атрибутивных маркеров, условных обозначений, картооснов; проблемы с доступом к разработкам коллег; нехватка специализированных ГИС) тормозят применение ГИС-технологий и снижают их эффективность. Устранение заявленных проблем, выделение археологических ГИС Нового времени в отдельное направление в совокупности с быстроразвивающимся пластом технологий, связанных с технологиями искусственного интеллекта, нейросетями, откроют перед исследовательским сообществом новые горизонты в процессе аккумуляции знаний, планирования исследовательских работ и сохранения культуросодержащего слоя на комплексах XVII–XIX вв.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Funding: The research was part of state assignment АААА-А21-121012090006-0: Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval communities in the contact zones of Western and Middle Siberia (Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences).

Литература/References

- Белим С. В., Бречка Д. М., Горбунова Т. А., Ларионов И. Б., Шмидт И. В. Интеллектуальная геоинформационная система археологических объектов. *Математические структуры и моделирование*. 2016. № 3. С. 119–126. [Belim S. V., Brechka D. M., Gorbunova T. A., Larionov I. B., Schmidt I. V. Intelligent geographic information system of archaeological sites. *Mathematical Structures and Modeling*, 2016, (3): 119–126. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wlxwzlz>
- Бирюкова Т. В., Маслихова Л. И. Основные этапы формирования региональной геоинформационной системы объектов культурного наследия Воронежской области. *Студент и наука*. 2022. № 4. С. 5–10. [Biryukova T. V., Maslikhova L. I. The main stages of the formation of the regional geoinformation system of cultural heritage objects of the Voronezh region. *Student i nauka*, 2022, (4): 5–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gnbkpu>
- Бородин Л. И., Владимиров В. Н. К 50-летию отечественной квантитативной истории. *Историческая информатика*. 2018. № 3. С. 1–6. [Borodkin L. I., Vladimirov V. N. 50th Anniversary of national quantitative history. *Historical informatics*, 2018, (3): 1–6. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yhiigd>
- Буряк Ж. А., Лисецкий Ф. Н., Ильяшенко С. В. Геоинформационная аналитическая система «Археологические памятники Крыма». *Геодезия и картография*. 2018. Т. 79. № 12. С. 29–40. [Buryak Z. A., Lisetskii F. N., Ilyashenko S. V. Geoinformation analytical system "Archaeological sites of Crimea". *Geodeziya i Kartografiya*, 2018, 79(12): 29–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22389/0016-7126-2018-942-12-29-40>
- Вострокнутов А. В., Шмуратко Д. В. Пермское Предуралье в V–VII вв.: реконструкция системы расселения с использованием ГИС. *Уральский исторический вестник*. 2021. № 1. С. 160–169. [Vostroknutov A. V., Shmuratko D. V. The Perm Cis-Urals in 5th–7th centuries: reconstruction of the settlement system using GIS. *Ural'skij Istoricheskij Vestnik*, 2021, (1): 160–169. (In Russ.)] [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-160-169](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-160-169)
- Горлышкин Н. Е. «Исчезнувшие» деревни как уникальный источник по археологическому изучению материальной культуры русского старожильческого населения Кузнецкого Притомья в XVII–XVIII вв. *Материалы LXI Российской (с Межд. уч.) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых*. (Иркутск, 4–8 апреля 2021 г.) Иркутск: ИГУ, 2021а. С. 190–191. [Gorlyshkin N. E. "Disappeared" villages as a unique source for the archaeological study of the material culture of the Russian old-time population of the Kuznetsk Pritomie region in the 17th–18th centuries. *Proceedings of the LXI Russian (with foreign participation) archaeological and ethnographic conference of students and young scientists*, Irkutsk, 4–8 Apr 2021. Irkutsk: ISU, 2021a, 190–191. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bkramq>
- Горлышкин Н. Е. Сельские поселения Нового времени как объекты археологического наследия в Притомье: проблемы историко-археологического картографирования. *Актуальные вопросы истории, международных отношений, политических наук и туризма: симпозиум в рамках XVI (XLVIII) Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 300-летию Кузбасса*. (Кемерово, 1–30 апреля 2021 г.) Кемерово: КемГУ, 2021b. Вып. 22. С. 16–19.

- [Gorlyshkin N. E. Modern history rural settlements as objects of archaeological heritage in the tom River Valley: historical and archaeological mapping. *Current Issues in History, International Relations, Political Science, and Tourism: Symposium at the XVI (XLVIII) Intern. Sci.-Prac. Conf. dedicated to the 300th anniversary of Kuzbass, Kemerovo*, 1–30 Apr 2021. Kemerovo: KemSU, 2021b, iss. 22, 16–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jfehrb>
- Горлышкин Н. Е., Плац И. В. Проблемы и перспективы картографии сельских поселений как метода по реконструкции поземельного освоения Кузнецкого Притома в Новое время. *Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: конф.* (Сургут, 8–13 ноября 2021 г.) Омск: Институт археологии Севера, 2021. Т. 2. С. 19–24. [Gorlyshkin N. E., Plats I. V. Problems and prospects of rural settlements cartography as a method for the land development reconstruction of the Kuznetsk Pritomie in modern history. *Modern Age. Russian culture in archaeological research: archeology of the Russian North: Conf.*, Surgut, 8–13 Nov 2021. Omsk, 2021, vol. 2, 19–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lfrly>
- Горохов С. В. Становление Московско-Сибирского тракта на участке от Тары до Томска. Транспортные коммуникации и опорные пункты (конец XVII – середина XVIII века). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. 374 с. [Gorokhov S. V. *Moscow-Siberian tract between Tara and Tomsk. Transport communications and strongholds (late XVII – middle XVIII centuries)*. Novosibirsk: PPC NSU, 2022, 374. (In Russ.)]
- Емельянов Н. Ф. Население Среднего Притома в XVII – первой половине XIX вв. *Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв.*, ред. А. Д. Колесников. Томск: ТГУ, 1978. С. 17–39. [Emelyanov N. F. Population of the Middle Tom River Valley in XVII – early XIX centuries. *Russian population of Siberia in the XVII – early XIX centuries.*, ed. Kolesnikov A. D. Tomsk: TSU, 1978, 17–39. (In Russ.)]
- Казаков В. В., Буржуа Ж. Петроглифы Туру-Алты: опыт создания ГИС по памятникам наскального искусства. *Universum Humanitarium*. 2019. № 1. С. 4–18. [Kazakov V. V., Bourgeois J. Petroglyphs of Turu-Alta: experience of creating a GIS on rock art monuments. *Universum Humanitarium*, 2019, (1): 4–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kgsuyl>
- Кениг А. В., Зайцева Е. А. Применение технологии ГИС и методов ДЗЗ в системе выявления, мониторинга и охраны объектов археологического наследия. *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2013. Т. 8. С. 48–51. [Kenig A. V., Zaitseva E. A. Application of GIS technologies and earth's remote sensing for detecting, monitoring and preservation of archaeological heritage. *Interekspo Geo-Sibir*, 2013, 8: 48–51. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qiudkr>
- Ковальченко И. Д. О применении математических методов при анализе историко-статистических данных. *История СССР*. 1964. № 1. С. 13–19. [Kovalchenko I. D. Mathematical analysis of historical and statistical data. *Istoriia SSSR*, 1964, (1): 13–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqsinn>
- Косовец В. И. Заселение и освоение окрестностей Юрги и прилегающих территорий Среднего Притома и Приобья. Юрга, 2010. 164 с. [Kosovets V. I. *Settlement and development of the environs of Yurga and the adjacent territories of the middle Volcano and Ob*. Yurga, 2012, 164. (In Russ.)]
- Крупочкин Е. П., Быков Н. И. Теоретико-методические аспекты ГИС-картографирования археологических памятников (на примере Чуйского бассейна, Юго-Восточный Алтай). *Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований: V Междунар. конф. по исторической географии*. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.) СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. Ч. 1. С. 95–99. [Krupochkin E. P., Bykov N. I. Theoretical and methodological aspects of GIS-mapping of archaeological sites in the Chuya basin, South-Eastern Altai. *Historical geography of Russia: past and present of comprehensive regional studies: V Intern. Conf. on Historical Geography*, St. Petersburg, 18–21 May 2015. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2015, vol. 1, 95–99. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/updtvb>
- Крупочкин Е. П., Ульянова А. В., Воробьев Д. А., Суханов С. И. ГИС как инструмент моделирования и интерпретации геоархеологических данных на примере интегрального показателя теплообеспеченности. *Наука и туризм: стратегии взаимодействия*. 2019. № 11. С. 37–48. [Krupochkin E. P., Ulyanova A. V., Vorobyev D. A., Sukhanov S. I. GIS as a tool for modeling and interpretation of geoarchaeological data on the example of the integral index of heat supply. *Nauka i turizm: strategii vzaimodeistviya*, 2019, (11): 37–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/khalxi>
- Курзыбова Я. В., Дмитриев В. И. О разработке базы данных ArchaeoNomos для сопровождения археологических исследований. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2021. Т. 35. С. 3–16. [Kurzybova Ya. V., Dmitriev V. I. On the development of the database "ArchaeoNomos" to support archaeological research. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 2021, 35: 3–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.35.3>

- Монгайт А. Л. Задачи и возможности археологической картографии. *Советская археология*. 1962. № 1. С. 19–43. [Mongait A. L. Tasks and possibilities of archaeological cartography. *Sovetskaya arkheologiya*, 1962, (1): 19–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ffvzsn>
- Окунева И. В. Поселения Среднего Притомья: итоги работ хозяйственной темы «Волна». *Археология Южной Сибири*, отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 29–39. [Okuneva I. V. Settlements of Middle Tom River Valley: results of commercial excavations, Volna Project. *Archeology of Southern Siberia*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Letopis, 2006, iss. 24, 29–39. (In Russ.)]
- Плац И. А., Веретенников А. В., Горлышкин Н. Е. Разработка археологической ГИС Кузбасса: первые результаты и перспективы использования. *Кузбасс: образование, наука, инновации. Молодежный вклад в развитие научно-образовательного центра «Кузбасс»*: X Инновационный конвент. (Кемерово, 30 января 2022 г.) Кемерово: КемГУ, 2022. С. 385–389. [Plats I. A., Veretennikov A. V., Gorlyshkin N. E. Development of Kuzbass archaeological GIS: first results and prospects of use. *Kuzbass: education, science, innovation. Youth contribution to the development of the Kuzbass scientific and academic center*: X Innovation Convention, Kemerovo, 30 Jan 2022. Kemerovo: KemSU, 2022, 385–389. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gfmpsv>
- Постнов А. В., Зольников И. Д., Славинский В. С., Цыбанков А. А., Лямина В. А., Чупина Д. А. Геолого-геоморфологическое ГИС-моделирование для оценки перспективности поисков палеолитических памятников в Горном Алтае. *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. (Казань, 20–25 октября 2014 г.) Казань: Отечество, 2015. Т. V. С. 97–99. [Postnov A. V., Zolnikov I. D., Slavinsky V. S., Tsybankov A. A., Lyamina V. A., Chupina D. A. Geological and geomorphological GIS-mapping of Paleolithic monuments in the Altai Mountains. *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan*, Kazan, 20–25 Oct 2015. Kazan: Otechestvo, 2015, vol. V, 97–99. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfomhj>
- Рабинович Е. М. Раскопки поселения Сосновка. *Археологические открытия 1981 года*, отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 228. [Rabinovich E. M. Excavations of the Sosnovka settlement. *Archaeological discoveries of 1981*, ed. Rybakov B. A. Moscow: Nauka, 1983: 228. (In Russ.)]
- Сизёв А. С. Русская археология Кузнецкого Притомья: история изучения, современное состояние и перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 4. С. 90–98. [Sizev A. S. Russian archeology of the Kuznetsk Tom' River valley: history of research, current condition and prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 90–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-90-98>
- Усков И. Ю. О времени поставления Верхотомского острога. *Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века*: регион. науч. конф. (Новосибирск, 23–25 сентября 2007 г.) Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2007. С. 227–231. [Uskov I. Yu. About the time of the Verkhotomsky Ostrog establishment. *The role of the state in the economic and sociocultural development of Asian Russia in the XVII – early XX centuries*: Region. Sci. Conf., Novosibirsk, 23–25 Sep 2007. Novosibirsk: RIPEL plus, 2007, 227–231. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xgtrzj>
- Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 130 с. [Uskov I. Yu. *Formation of the peasant population of the Middle Tomsk region in the XVII – first half of the XIX centuries*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 130. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qozwvl>

© 2023. Самашев З. С.

Вкладышевый кинжал эпохи неолита

оригинальная статья

Вкладышевый кинжал эпохи неолита из поселения Усть-Нарым на р. Иртыш

Самашев Зайнолла Самашевич

Институт археологии имени А. Х. Маргулана, Казахстан, Алматы

Казахский национальный университет имени Аль Фараби, Казахстан, Алматы

<https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Scopus Author ID: 57110326000

archaeology_kz@mail.ru

Поступила в редакцию 05.09.2023. Принята после рецензирования 17.11.2023. Принята в печать 21.11.2023.

Аннотация: Вкладышевый костяной кинжал происходит из неолитического слоя поселения Усть-Нарым на р. Иртыш и по своему конструктивному решению, технологии обработки материалов, функциональному назначению, а также по многим другим параметрам является редким и наиболее древним на сегодняшний день образцом оружия рукопашного боя в Казахстане. Составной предмет изготовлен из задней левой плюсневой кости дикого тура (быка) с помощью различных инструментов и включает тонкие и острые кремневые пластины, которые прикреплялись с помощью специального клеящего вещества в пазы на боковых гранях оправы кинжала. Допустимо, что для боевого применения данного колюще-режущего характера оружия, для его чрезмерно короткой рукояти могли использовать дополнительный насад. Изображения символических знаков в виде точек или кругов, соединенных прямыми линиями, расположенных на противоположных сторонах клинка, позволяют предполагать включенность данного оружия в круг сакрализованных в конкретном социуме предметов, которые могли быть использованы при проведении различных ритуально-обрядовых церемоний, в том числе связанных с актом жертвоприношения. Типологически кинжал из Усть-Нарыма имеет близкие параллели в поздне-палеолитических и мезолитических памятниках юга Западной Сибири, Урала, Прибайкалья и ряда регионов Восточной Европы, которые в совокупности с другими компонентами материальной культуры маркируют этапы интеграции технико-технологических идей, адаптированных к местным сырьевым ресурсам, и многовековые этносоциокультурные процессы на обширной территории Евразии.

Ключевые слова: кинжал, кость, вкладыш, поселение, неолит, оружие, знаки

Цитирование: Самашев З. С. Вкладышевый кинжал эпохи неолита из поселения Усть-Нарым на р. Иртыш. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 735–748. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-735-748>

full article

Neolithic Liner Dagger from Ust-Narym in the Irtysh River Valley

Zainolla S. Samashev

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Republic of Kazakhstan, Almaty

Al Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan, Almaty

<https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Scopus Author ID: 57110326000

archaeology_kz@mail.ru

Received 5 Sep 2023. Accepted after peer review 17 Nov 2023. Accepted for publication 21 Nov 2023.

Abstract: The present research featured a slotted, or liner, bone dagger from the Neolithic layer of the Ust-Narym settlement on the Irtysh River. Its design, material processing technology, and functional purpose make it a rare, as well as the most ancient example of hand-to-hand combat weapons found in Kazakhstan. This composite object was carved from the posterior left metatarsal bone of a wild auroch with the help of several tools. It includes thin and sharp flint inserts, which were attached into the grooves on the side faces of the dagger frame with a special adhesive substance. An additional nozzle for a short handle made it possible to use this piercing-cutting weapon in battle. It is decorated with dots and circles connected by straight lines, which probably means it was a socialized object of ritual use associated with sacrifice. Typologically, the dagger from Ust-Narym is similar to artifacts found in the Late Paleolithic and Mesolithic

sites in the south of Western Siberia, in the Urals, in the Baikal region, and in Eastern Europe. The dagger marks a milestone in the technical and technological development of ancient Eurasian peoples. It also illustrates the ethno-social and cultural processes across the vast territory of Eurasia.

Keywords: dagger, bone, liner, settlement, Neolithic, weapons, signs

Citation: Samashev Z. S. Neolithic Liner Dagger from Ust-Narym in the Irtysh River Valley. *SibScript*, 2023, 25(6): 735–748. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-735-748>

Введение

В Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, хранится костяной двухпазовый кинжал с кремневыми вкладышами, найденный в 1954 г. экспедицией под руководством С. С. Черникова в неолитическом слое поселения Усть-Нарым на р. Иртыш, в 3 км от одноименного села, исчезнувшего при создании Бухтарминского водохранилища, в пределах современной административной территории Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Данный архаичный тип оружия привлек наше внимание, поскольку он маркирует целый пласт культуры, связанный с совершенствованием технологии обработки материалов, появлением новейших для своего времени орудий труда и предметов вооружения, возникновением и сложением новых социокультурных установок и порядков в неолитических сообществах Евразийских степей. Вкладышевый кинжал неолитической эпохи из Восточного Казахстана можно отнести к числу ярких находок во всем Евразийском степном пространстве. Технично-функциональные, конструктивные и другие особенности изделия предполагают более тщательный подход к его изучению. Разработка проблем типологии, классификации и хронологической атрибуции кинжалов как одной из наиболее распространенных категорий наступательного оружия ближнего (или рукопашного) боя, несмотря на очевидные успехи оружейведения, все еще остается актуальной. Костяные двухпазовые вкладышевые кинжалы, представленные во всем Евразийском пространстве пока немногочисленными образцами, еще не привлекались активно к процедуре археологической типологии, за исключением, пожалуй, находок из Горного Алтая (Усть-Иша, Каминная и др.), Оленеостровского могильника, Минино 2 в Подмоскowie, Черноозерье II в Омской области, Пеган в Курганской области РФ и из Прибайкалья, которые датируются широким хронологическим диапазоном от позднего палеолита до неолита

включительно. Поэтому специальное изучение вкладышевого кинжала из Усть-Нарыма на р. Иртыш позволит рассматривать оружейный комплекс неолитической эпохи в контексте культурно-исторических явлений, контактов и взаимовлияний, которые имели место в указанный исторический период. Ниже дадим доступную нам информацию о нем.

Результаты

Как следует из отчета Восточно-Казахстанской экспедиции, поселение было обнаружено еще в 1950 г. во время разведочно-поисковых работ в зоне затопления Бухтарминской ГЭС. На месте поселения были зафиксированы микролиты из камней черного цвета и множество других артефактов [Черников 1952: 84].

В 1952 г. здесь был исследован котлован шалаше-видной конической формы (в реконструкции) жилища с каменным очагом в середине. В соответствующем культурном слое поселения зафиксированы кремневые пластины, обломки керамики, зернотерки, кости животных, рыб и др., которые дали основание датировать пласт культуры с жилищем раннеандроновского времени [Черников 1956: 45, 47, 48, рис. 17]. Дальнейшее расширение и углубление раскопок привело к открытию неолитического пласта культуры поселения, который был отделен от верхнего слоя полосой стерильного песка мощностью 1,0–1,10 м¹. В 1956 г. основные изыскания на поселении Усть-Нарым были завершены. Среди огромного количества материалов кремневой индустрии из Усть-Нарыма (около 16 тысяч орудий [Коробкова 1963: 215]), по данным С. С. Черникова, определены 49 наконечников стрел «на пластинке с приостренным краем, листовидные, сплошь ретушированные с округлым основанием и выемкой у основания (большинство)», т. е. с намечающимися жальцами, с прямым и округлым основанием, 54 наконечника копий, более 600 ножей (листовидной формы с выпуклым лезвием, подпрямоугольной и подтреугольной форм

¹ Черников С. С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР. 1953. *Архив Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея*. № ВКОМ КПнв8п-6109. Л. 5; Черников С. С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР. 1954. *Архив Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея*. № ВКОМ КПнв8п-6109. Л. 4–8.

с выпуклым и прямым лезвием на массивных пластинах, отщепах и на сланцевых плитках), вкладыши от режущих и колющих орудий, рубящие орудия (топоры, тесла, долота, в том числе с пришлифованным рабочим краем, и костяные изделия) [Черников 1970: 8, 9]. Такое изобилие кремневой индустрии позволило предположить наличие здесь мастерской по изготовлению каменных орудий. Среди них – ножи, обломки наконечников копий, стрел и дротиков, ретушированные вкладыши, «утюжки» (рис. 1) и др. [Черников 1959: 99–102, рис. 38, 39].

С. С. Черников позже предпринял попытку обосновать выделение здесь неолитической Усть-Нарымской археологической культуры и определить ее место среди подобных памятников степной Евразии [Черников 1959: 100; 1970: 12–15].

Кинжал, о котором речь пойдет ниже, лежал под четырьмя ребрами человека, с его правой стороны и острием к его ногам и на уровне пояса, погребенного

в неолитическом слое (квадрат К-6) поселения Усть-Нарым (рис. 2², 3³). Кости индивида оказались заметно потревоженными.

По положению сохранившихся костей скелета можно установить, что умерший первоначально был положен на спину в вытянутом состоянии, руки покоились вдоль туловища. Среди разрозненных костей скелета находилась нижняя челюсть человека.

У плечевой кости погребенного найден, как отмечено в отчете, небольшой каменный терочник со скошенной рабочей площадкой⁴.

Согласно отчету экспедиции, на той же глубине (1,30 м от дневной поверхности) в соседнем квадрате (3-5) находился другой скелет, принадлежавший мужчине старческого возраста⁵. Человек был положен на спину с согнутыми коленями вверх, вещей при нем не было. Хотя оба погребения находились на одном горизонте, в близких квадратах раскопа, по поводу датировки

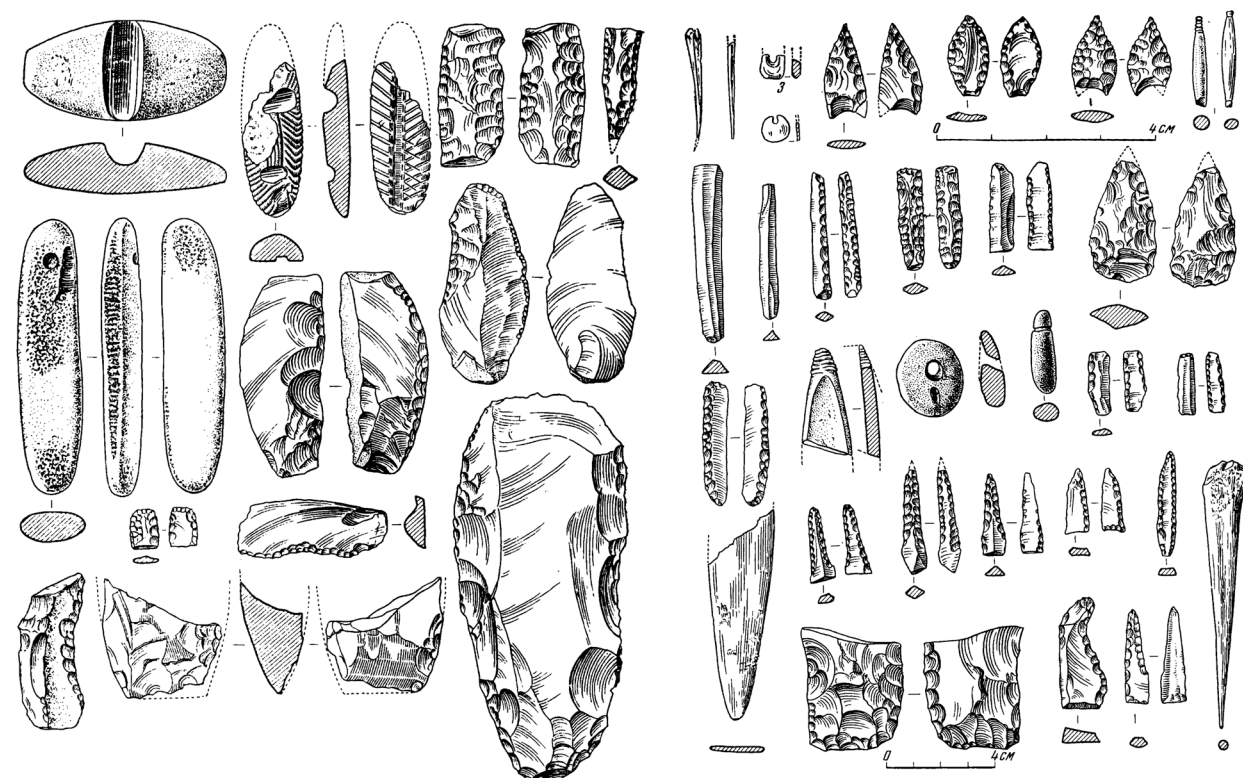

Рис. 1. Каменные изделия из неолитического слоя поселения Усть-Нарым на р. Иртыш [по: Черников 1959: рис. 38, 39]

Fig. 1. Artifacts from the Neolithic layer of the Ust-Narym settlement on the Irtysh River [Chernikov 1959: fig. 38, 39]

² Черников С. С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР. 1954. Рис. КПо21п-9356.

³ Там же. Рис. КПо21п-9360. Фрагмент фото.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же.

Рис. 2. Поселение Усть-Нарым на р. Иртыш. Разрушенное погребение с вкладышевым кинжалом
 Fig. 2. Ust-Narym settlement on the Irtysh River: desecrated grave where the dagger was found

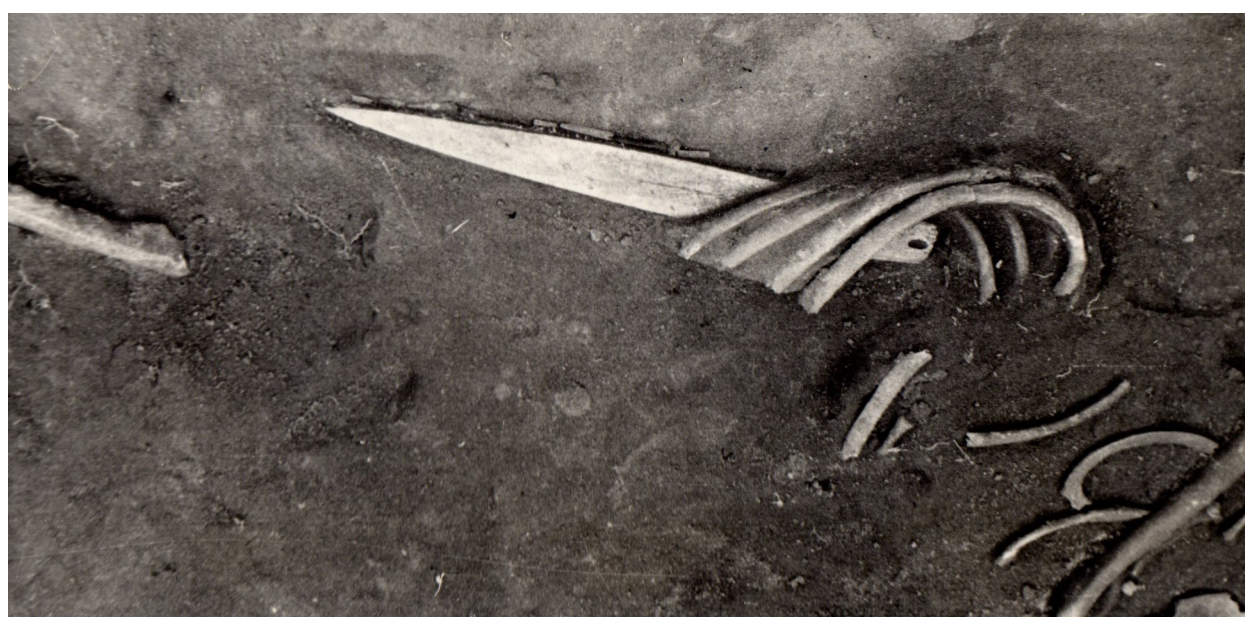

Рис. 3. Поселение Усть-Нарым. Вкладышевый кинжал in situ
 Fig. 3. Ust-Narym settlement: liner dagger in situ

и антропологических характеристик есть разные подходы. Большинство современных исследователей погребение пожилого мужчины датируется энеолитическим временем [Солодовников и др. 2019: 128, 129; Яблонский 2002: 60]. В. В. Гинзбург полагал, что останки этого человека принадлежат мужчине некоего протоевропеоидного антропологического типа, также относил к энеолиту [Гинзбург 1956: 167].

Касательно другого погребения с костяным кинжалом указанный автор склонялся к более древней датировке – неолиту [Гинзбург 1956: 170].

Кинжал представляет собой плоскую пластину-оправу толщиной 0,3 см, длиной в 23 см, максимальной шириной 2,2 см. Нижняя часть плоской костяной оправы кинжала резко сужается к острию. Кончик оружия имеет повреждение современного происхождения. Рукоять кинжала не выделена (рис. 4).

С. С. Черников полагал, что оружие было изготовлено из ребра крупного животного⁶. Однако палеозоолог М. Шагирбаев из Института археологии имени А. Х. Маргулана, изучивший кинжал в 2023 г. современными методами на предмет таксономической идентификации, сообщил нам, что он изготовлен из задней левой плюсневой кости дикого тура (*Bos primigenius*) путем сложной технологической обработки.

В верхней части костяной оправы кинжала имеется естественного происхождения отверстие (проксимальное межкостное отверстие), которое слегка расширено до овально-вытянутой формы и приспособлено, возможно, для подвешивания с помощью кожного шнура к поясу (или же для крепления к дополнительной рукояти). Возможность использования естественного отверстия допускают и другие исследователи [Жилин 2001: 89].

Естественную основу имеет и продольный желоб на поверхности кости, выполнявший, возможно, функцию долы клинка кинжала, т. е. элемента, имитирующего ребра жесткости.

Трасологический анализ, проведенный А. Ержановой из Института археологии имени А. Х. Маргулана, позволил определить характер следов рабочих инструментов, использованных для изготовления данного изделия. Скобелем и строгальным ножом костяной оправе кинжала придавалась нужная форма и выравнивалась поверхность (рис. 5).

Лицевая поверхность изделия имеет едва заметную вогнутость, залощена (возможно, с помощью шкуры), а внутренняя поверхность – плоская, несколько шероховатая, отшлифована абразивом. На обушковой части оправы кинжала видны остатки естественной губчатой кости, которая была срезана с помощью ножа

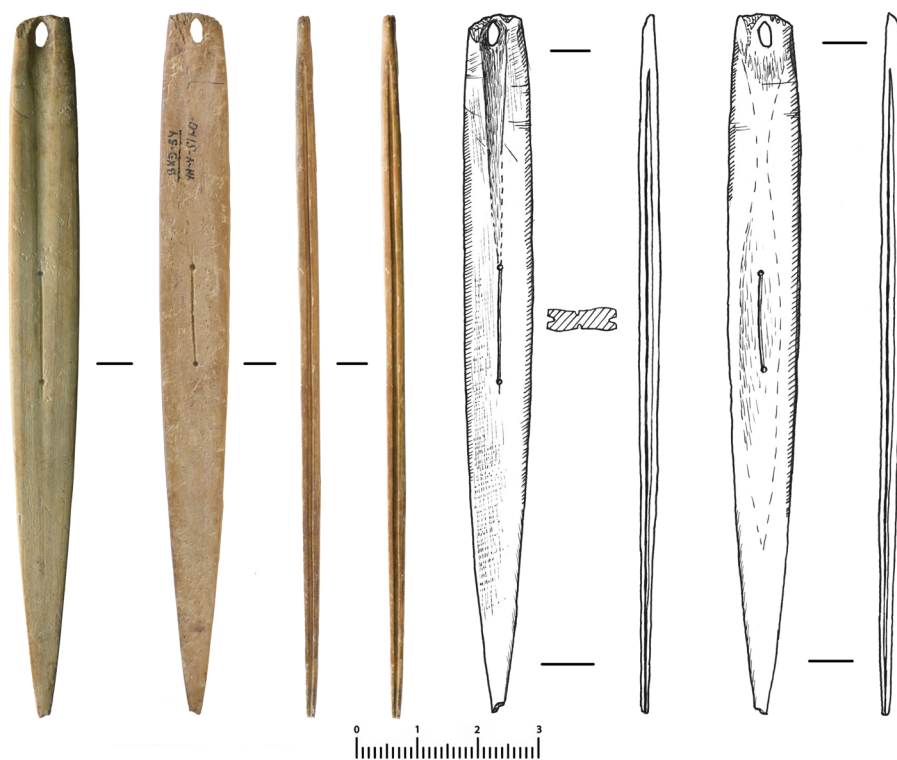

Рис. 4. Фотографии и графические рисунки костяной оправы и паз на боковых гранях кинжала из неолитического слоя поселения Усть-Нарым на р. Иртыш
Fig. 4. Photographs and sketches of liner dagger: bone frame and side grooves

⁶ Там же.

и отшлифована каменным абразивом. Боковые грани кинжала также были обработаны каменным абразивом по длине структуры кости.

Важнейшим элементом конструкции кинжала является наличие двух паз для крепления кремневых вкладышей, которые прорезаны резцом с точечной кромкой на боковых гранях костяной оружия (рис. 4). Поэтому такие изделия называют двухпазными. Ширина паз – 3 мм, глубина – местами до 5 мм, в сечении имеют V-образное очертание. Что касается истинных параметров, форм и количества кремневых вкладышей, то на фотографии к отчету за 1954 г. различимы несколько образцов только лишь с одной стороны кинжала (рис. 3). Сам С. С. Черников писал, что по обеим «узким сторонам кинжала, во всю длину прорезаны пазы, куда вставлены очень тонкие пластинки черного кремня без ретуши (сохранились не все)»⁷ [Черников 1970: 7].

В реестре археологической карты Казахстана за 1960 г. дан графический рисунок этого изделия (рис. 6, 1), обозначенный как «кость с кремневыми вкладышами», где с обеих сторон схематически показаны вкладыши⁸. Для экспонирования в музее в боковые пазы кинжала вставлены кремневые микропластины, которые происходят тысячами из неолитического слоя того же поселения Усть-Нарым, но, как показали трасологические анализы, напрямую не связаны с этим предметом вооружения (рис. 6, 2).

Вкладышевый кинжал, найденный в чрезвычайно насыщенном артефактами неолитическом слое поселения Усть-Нарым на р. Иртыш, как продукт обработки и соединения разных по природе происхождения материалов – кости дикого тура и твердой породы камня – является маркером технологического уровня социума, за которым просматриваются общие черты

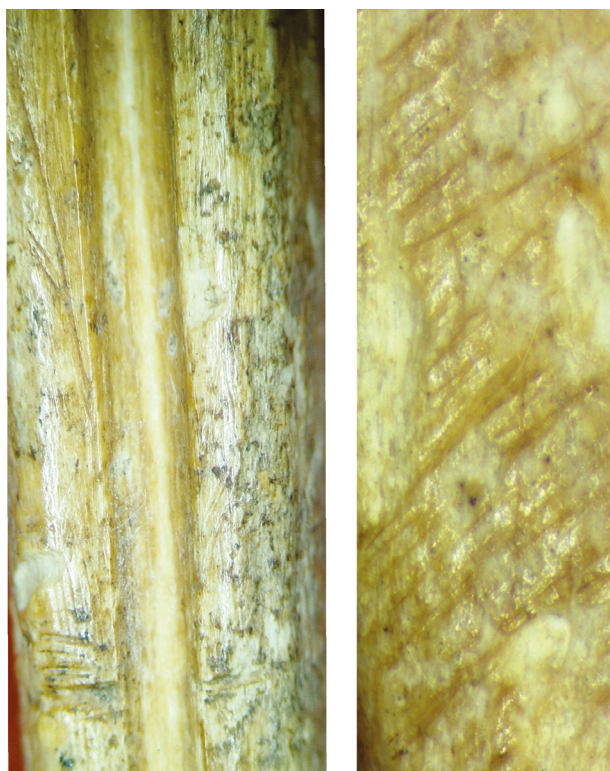

Рис. 5. Прямые и косые следы обработки кости с помощью резцов на поверхности неолитического кинжала из Усть-Нарыма (макро-фото А. Ержановой)

Fig. 5. Straight and oblique traces of bone processing with different cutters: Neolithic dagger from Ust-Narym (macro-photo by A. Yerzhanova)

Рис. 6. Вкладышевый кинжал из Усть-Нарыма: 1 – графический рисунок на Археологической карте Казахстана, 1960 г.; 2 – экспозиционный вариант показа вкладышевого кинжала из поселения Усть-Нарым (Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, 2023 г.)

Fig. 6. Liner dagger from Ust-Narym: 1 – drawing made on the Archaeological Map of Kazakhstan, 1960; 2 – exposition version from the East Kazakhstan Regional Museum of History and Local Lore, 2023

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата: АН КазССР. 1960. Табл. IX, рис. 71.

палеоэкономической структуры и сложные социокультурные явления неолитических сообществ, их многоплановые контакты в пространстве и соответствующие этим процессам признаки интеграции, «блуждающие» технологические идеи, адаптированные к местным сырьевым ресурсам, о которых красноречиво свидетельствует распространение в ряде локальных зон Евразии сходных по форме и функциональному назначению составных предметов вооружения и быта. Одинаковые символические знаки, расположенные на противоположных поверхностях клинка в виде точек / кругов, соединенных прямыми линиями / дорожками, возможно, включаются в бинарное мировоззренческое поле как носители некоего сакрально-магического текста, и сам предмет, согласно изначально заложенной в нем функции как оружия колюще-режущего свойства, в случае квалификации его как священного оружия, безусловно, интегрируется к процедуре ритуально-обрядовых действий, проводимых в определенные периоды жизни социума.

Обсуждение

У кинжала из Усть-Нарыма отсутствует полноценная рукоять, без которой трудно наносить сильные направленные тычковые или колющие удары при рукопашном бое. Поэтому с учетом находок вкладышевых кинжалов, копий и других орудий, происходящих, например, из Минино 2 в Подмосковье, в Прибайкалье, Оленеостровского могильника в Карелии и других памятников соседних и отдаленных регионов, можно предположить, что изделие могло иметь ручку-насад для удобства и усиления ударного действия. Как показывает анализ состава находок из указанных и других памятников Евразии, дополнительные насады были характерны в основном для костяных вкладышевых наконечников метательных оружий [Сорокин 2013: 271]. В то же время некоторые авторы, ссылаясь на этнографические материалы, допускают, что такого типа кинжалы могли быть использованы без дополнительной рукояти, с обмоткой кожей или другими материалами [Жилин 2001: 86; 2021: 45].

На обеих сторонах костяной оправы клинка нашего кинжала изображены, как отмечено выше, одинаковые геометрической формы знаки-символы в виде узкой, но довольно заметной резной линии с двумя точками на концах, выполненные резцом и сверлом (рис. 4, 6, 7). Глубина отверстий – 2 мм, длина прорези – 32 мм.

Относительно назначения и содержания данного знака-символа на поверхности оружия следует заметить, что это не обычные декоративные элементы, возможно, они связаны с мифо-ритуальным комплексом неолитических племен. Две точки или лунки (или два круга) на концах прямой линии, возможно, связаны

с идеей начала и конца какого-то жизненного или природного цикла, бинарными оппозициями. В качестве типологической и, возможно, семантической параллели укажем на т. н. гантелеобразные и очкообразные фигуры в петроглифах бронзового Казахстана, которые встречаются нередко в культовых сюжетах в сочетании с образами ряженных людей, изображений быков-туров и других животных (рис. 8, 9). В этой связи отметим, что поверхности некоторых типологически близких костяных вкладышевых кинжалов, которые использовались еще в финальном палеолите

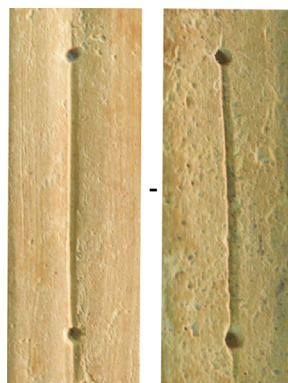

Рис. 7. Знаки на поверхности вкладышевого кинжала неолитического времени из Усть-Нарыма (фотография З. С. Самашева)
Fig. 7. Liner agger from Ust-Narym: ornament (photo by Z. S. Samashev)

Рис. 8. Петроглифы бронзового века на скале Терс. Юг Казахстана (фотография З. С. Самашева)
Fig. 8. Bronze Age petroglyphs on Ters Rock, Southern Kazakhstan (photo by Z. S. Samashev)

Рис. 9. Наскальные изображения бронзового века на хребте Каратау. Урочище Сауыскандык (фотография З. С. Самашева)
Fig. 9. Bronze Age rock paintings on the Karatau Ridge, Sauyskandyk Tract (photo by Z. S. Samashev)

и мезолите ряда близких и отдаленных территории (Черноозерье II, Пеган, Оленеостровский памятник и др.), украшались простыми и сложными геометрическими узорами (рис. 10, 1–3), образующими в ряде случаев смысловые композиции, которые рассматриваются некоторыми исследователями как знаковый синтаксис орнаментального текста [Шмидт 2022]. Геометрические изображения на костяном кинжале из Пегана рассматривались и как план рыболовных сооружений [Матюшин 1976: 273–275]. Орнаментальные элементы и мотивы, составляющие сложные композиции, отмечают исследователи на поверхностях костяных пазовых орудий (в основном мезолит и неолит) из Красноярского археологического района [Акимова и др. 1996: 67, 68, рис. 1–6]. Материал из погребения памятника Сопка-2 на реке Оми (рис. 10, 4) свидетельствует о том, что традиция декорировать поверхность подобного рода оружия сохраняется и в эпоху раннего металла [Молодин 2001: 51, рис. 26].

Усть-Нарымский кинжал отнесен исследователями к неолитическому времени [Гребенюков 2015: 60; Коробкова 1963; 1969; Черников 1959: 99], и пока нет попытки пересмотра его датировки другими учеными.

Укажем на некоторые доступные нам, типологически и функционально близкие аналогии к Усть-Нарымскому кинжалу из близких и отдаленных регионов.

Костяной двухпазовый вкладышевый кинжал с орнаментированной поверхностью, найденный в культурном слое позднелепестчатой стоянки Черноозерье II на р. Иртыш, на территории Саргатского района Омской области РФ (рис. 10, 2) [Петрин 1974: 15, рис. 1, 1], типологически (но не хронологически) близок к нашему экземпляру [Мосин 2019: 139, 140]. Следует заметить, что еще в эпоху мезолита в Западной Сибири, на юге Урала и в Восточной Европе распространение таких кинжалов становится довольно заметным явлением [Жилин 2001: 86; 2021: 45; Сальников 1952: рис. 1].

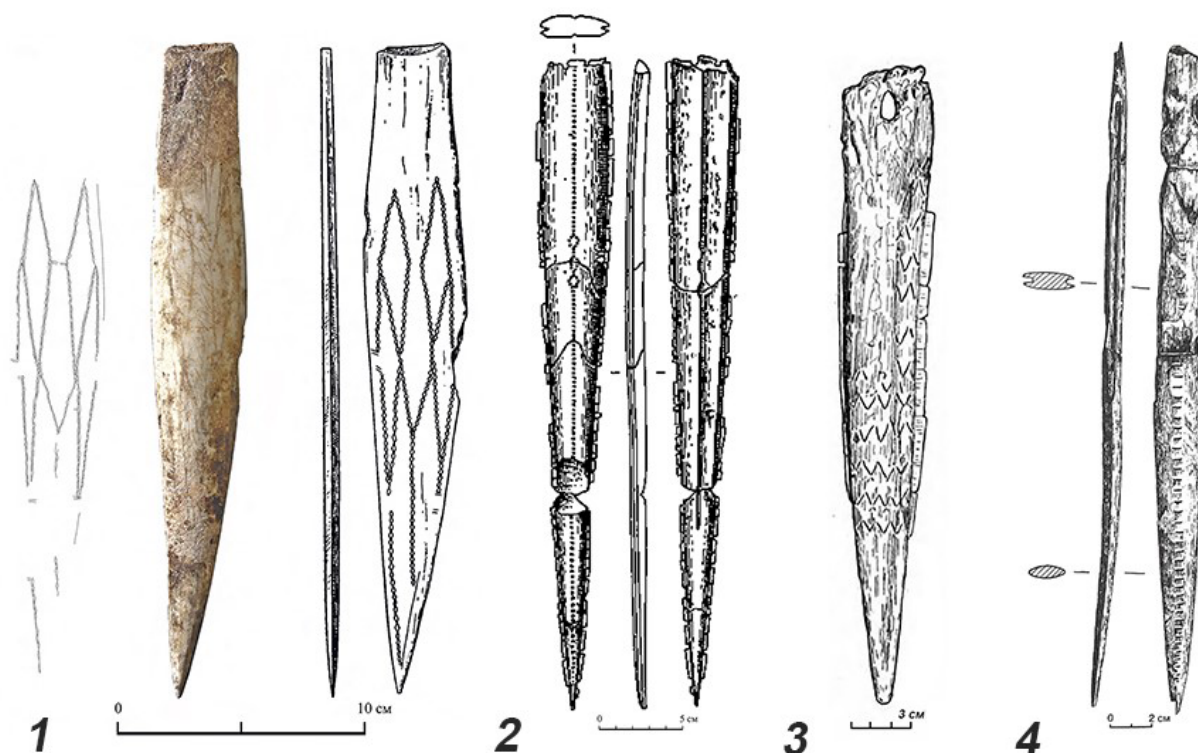

Рис. 10. Костяные кинжалы с гравированными знаками: 1 – костяной вкладышевый кинжал с ромбовидными знаками из погребения Пеган, Курганская область, РФ [по: Шмидт 2022: 353, рис. 4]; 2 – костяной вкладышевый кинжал со знаками из позднелепестчатой стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше [по: Петрин 1974: 15, рис. 1, 1]; 3 – кинжал из Оленеостровского могильника [по: Гурина 1956: 224, рис. 122, 1]; 4 – Костяной вкладышевый кинжал с короткими поперечными насечками из энеолитического погребения № 656 могильника Сопка-2 [по: Молодин 2001: 51, рис. 26]

Fig. 10. Bone daggers: 1 – bone dagger with diamond-shaped ornament from Pegan, Kurgan Region, Russia [Schmidt 2022: 353, fig. 4]; 2 – bone liner dagger from the Late Paleolithic site of Chernoozerie II on the Middle Irtysh River [Petrin 1974: 15, fig. 1, 1]; 3 – dagger from the Olenostrovsky burial site [Gurina 1956: 224, fig. 122, 1]; 4 – Bone liner dagger with short transverse notches and incisions from Eneolithic burial site No. 656, Sopka 2 burial ground [Molodin 2001: 51, fig. 26]

Наибольшее количество морфологически и территориально-хронологически близких образцов происходит из разных регионов Алтайской горной системы: три основы вкладышевого кинжала – из могильника Солонцы-5 (рис. 11, 1), в правобережье р. Бия на территории Алтайского края [Кунгурова 2005: 19, 117, рис. 38, 2–4, фото 9]; один – из женского погребения неолитической эпохи возле пещеры Каминной (рис. 11, 2) в Усть-Канском районе Республики Алтай РФ [Маркин 2000: рис. 3, 29] и восемь – из Усть-Иши (рис. 11, 3), в северном предгорье Алтая, при впадении р. Иша в р. Катунь [Кирышин и др. 2000: 17, 87, 88, рис. 22, 23].

Из числа территориально и хронологически близких к нашему экземпляру находок отметим фрагмент основы вкладышевого кинжала с отверстием в верхней части рукояти (рис. 12, 1), найденный в шурфе пещеры Бийка-1 в Горном Алтае [Нохрина, Чеха 2013: 136]. На территории Кемеровской области РФ, у деревни Васькова, среди костяных орудий труда, найденных в разрушенном неолитическом погребении, имеется обломок костяного кинжала [Бородкин 1967: 103, 104, рис. 9].

Из западных и северо-западных параллелей, кроме упомянутых выше Черноозерья II и Пеган, отметим образец, найденный в местности Тау-Тюбе в Северном Прикаспии (рис. 12, 2), с аналогичными конструктивными решениями [Дубягин и др. 1982: 128, рис. 24].

Из восточных параллелей укажем на кинжал, обнаруженный в неолитическом погребении в Норовлин ууле (рис. 12, 3) на р. Керулен в Монголии [Волков 1975: 78, рис. 2].

Морфологически близки нашему экземпляру вкладышевые кинжалы из Прибайкалья (рис. 13). А. П. Окладников, исследовавший серию таких орудий в Прибайкалье, обращал внимание на их особенности, на технику изготовления кремневых вкладышей и способов их крепления в пазы костяной оправы [Окладников 1950: 180, 185, 186]. В Северо-Восточном Прибайкалье также известны памятники (Большой Якорь и др.), где зафиксированы различные типы вкладышевых предметов, которые использовались 11,5–12,6 т. л. н. [Инешин и др. 2004: 54, 64, рис. 5].

Интересные соответствия нашему образцу находим среди древностей упомянутого выше далекого Оленеостровского могильника на Онежском озере в Карелии [Гурина 1956] и Подмоскovie (рис. 14), в частности в Милино 2 [Сорокин 2013]. Они прежде датировались неолитическим временем. В настоящее время их стали относить, согласно результатам радиоуглеродных данных, к мезолиту [Manninen et al. 2021], что требует корректировки вопросов происхождения и развития сибирских и казахстанских составных предметов, происходящих из разных погребальных, поселенческих и иных комплексов.

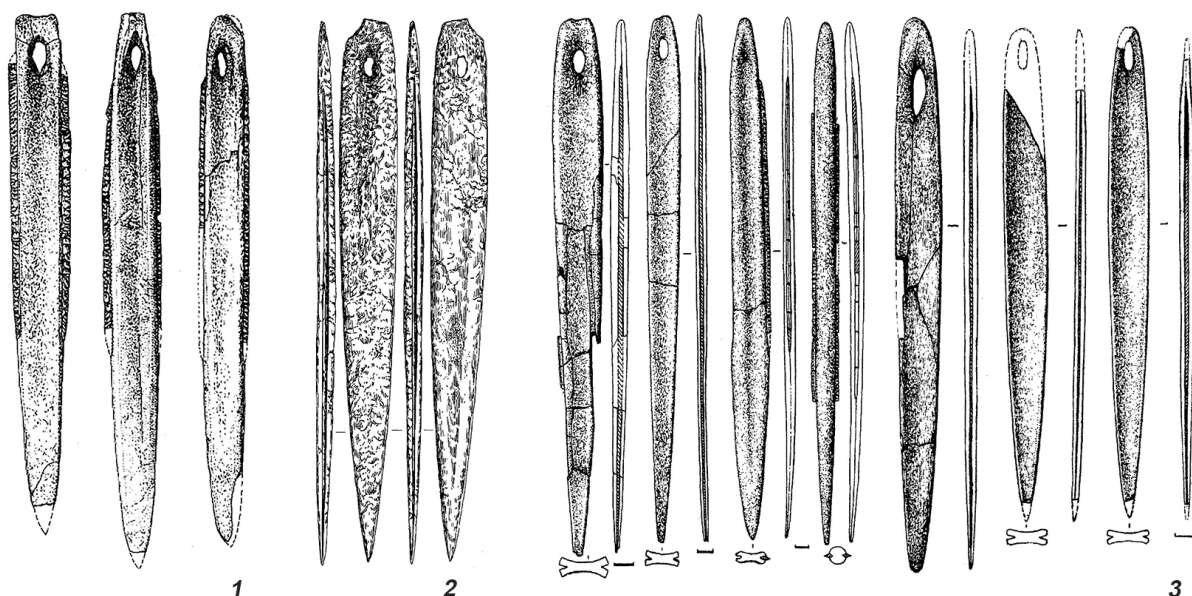

Рис. 11. Вкладышевые кинжалы из неолитических погребений Алтая (масштаб различен): 1 – Солонцы-5 [по: Кунгурова 2005: 19, 117, рис. 38, 2–4, фото 9]; 2 – пещера Каминная [по: Маркин 2000: рис. 3, 29]; 3 – Усть-Иша [по: Кирышин и др. 2000: 17, 87, 88, рис. 22, 23]
Fig. 11. Liner daggers from the Neolithic burials of Altai (the scale may vary): 1 – Solontsy 5 [Kungurova 2005: 19, 117, fig. 38, 2–4, photo 9]; 2 – Kaminnyaya Cave [Markin 2000, fig. 3, 29]; 3 – Ust-Isha [Kiryushin et al. 2000: 17, 87, 88, fig. 22, 23]

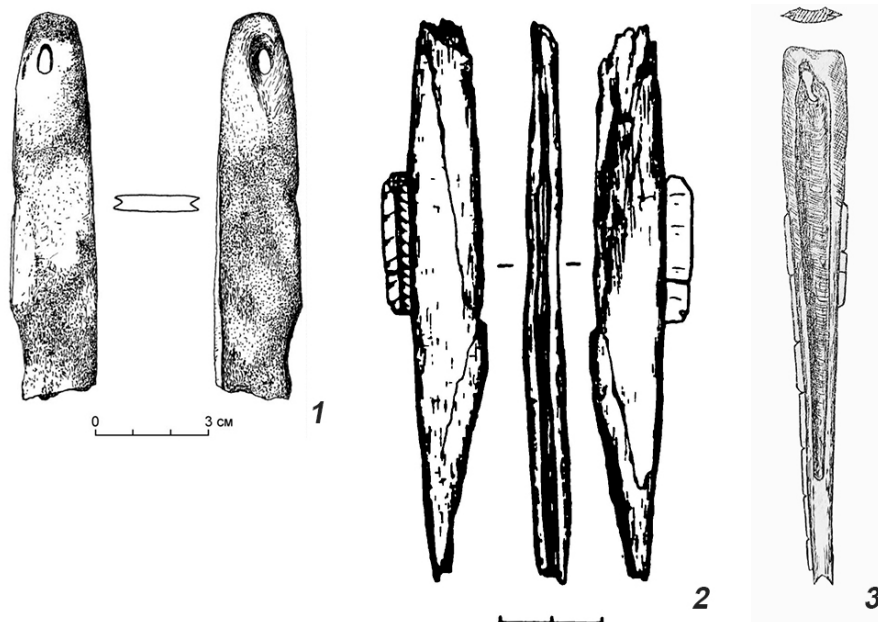

Рис. 12. Вкладышковые кинжалы: 1 – пещера Бийка-1, Горный Алтай [по: Нохрина, Чеха 2013: 136]; 2 – вкладышковый кинжал из Тау-Тюбе, Северный Прикаспий [по: Дубягин и др. 1982: 128, рис. 24]; 3 – вкладышковый кинжал из неолитического погребения в Норовлин, Монголия [по: Волков 1975: 78, рис. 2]

Fig. 12. Liner daggers: 1 – Biyka 1 Cave, Gorny Altai [Nokhrina, Chekha 2013: 136]; 2 – liner dagger from Tau-Tyube, Northern Caspian Valley [Dubyagin et al. 1982: 128, fig. 24]; 3 – liner dagger from a Neolithic burial in Norovlin, Mongolia [Volkov 1975: 78, fig. 2]

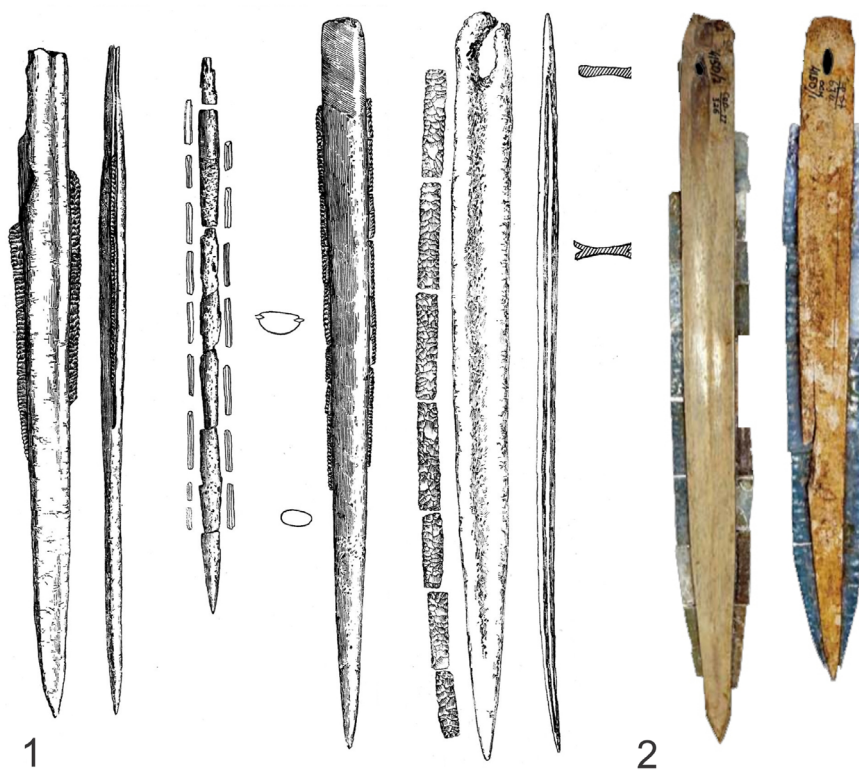

Рис. 13. Костяные вкладышковые наконечники копий и кинжалы неолитической эпохи из Прибайкалья (масштаб различен): 1 [по: Окладников 1950: 183, рис. 31; 215, рис. 62; 365, рис. 109, 5]; 2 [по: История Сибири... 2022: 280, рис. 165, 29, 30, фото А. И. Соловьева]

Fig. 13. Neolithic bone liner spearheads and daggers, Baikal region (scale may be different): 1 [Okladnikov 1950: 183, fig. 31; 215, fig. 62; 365, fig. 109, 5]; 2 [History of Siberia 2022: 280, fig. 165, 29, 30, photo by A. I. Solovyov]

Рис. 14. Вкладышковый кинжал из Минино 2 в Подмоскowie [Сорокин 2013: 247, рис. 250]

Fig. 14. Liner dagger from Minino 2, Moscow region [Sorokin 2013: 247, fig. 250]

Следует заметить, что несмотря на изобилие кремневых пластин в памятниках неолитического облика, находки сложносоставных орудий со вкладышами из изящных пластин, наконечников копий, дротиков, топоров с ручками и т. д., которые могли быть использованы как оружие, встречаются нечасто.

Что касается составных вкладышевых предметов, найденных на территории Казахстана, то можно указать на однопазовый вкладышевый нож (или кинжал), который происходит из неолитической стоянки Кара Мурза VI в Тургайском прогибе, в пределах Костанайской области [Логвин, Шевнина 2007: 180, рис. 3, 2]. Заостренность одного конца костяной оправы указывает, что в конструкцию изделия изначально была заложена идея использования оружия для проведения комбинированных колюще-режущих действий в ближнем бою.

Из указанной стоянки происходит также обломок однолезвийного вкладышевого ножа, оправка которого изготовлена из трубчатой кости крупного животного [Логвин, Шевнина 2007: 182].

Обломок ножа в костяной оправе и с одним пазом из нео-энеолитического слоя стоянки Шидерты-III в Павлодарской области [Мерц 1994], судя по сильно закругленному кончику и широкой спинке, был рассчитан только для режущих действий, но вполне мог входить в боекомплект и быть использован как боевое оружие.

Остатки вкладышевых ножей обнаружены и в других неолитических памятниках Казахстана и соседних регионов, среди которых отметим обломки двух вкладышевых ножей из неолитического поселения на озере Борлы [Мерц 1994: 40; 2011: 184–186, рис. 3].

Укажем еще на остатки обоймы вкладышевого ножа (длина – 22 см, ширина – 2–3, 5 см, толщина – 0,8 см) с односторонним пазом из кургана № 3 могильника Майское-V в Павлодарской области, но, как полагают авторы раскопок, погребение может быть датировано энеолитическим временем [Захаров и др. 2020: 990–992, 994, 995, рис. 4].

Литература / References

- Акимова Е. В., Вдовин А. С., Макаров Н. П. Пазовые орудия Красноярского археологического района. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. А. С. Вдовин. Красноярск: КГУ, 1996. Вып. 1. С. 62–82. [Akimova E. V., Vdovin A. S., Makarov N. P. Liner tools of the Krasnoyarsk archaeological region. *Ancient Artifacts from The Yenisei River Valley in Siberia*, ed. Vdovin A. S. Krasnoyarsk: KSU, 1996, iss. 1, 62–82. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfwlrr>
- Бородин Ю. М. Материалы неолитического погребения у с. Васькова. *Известия лаборатории археологических исследований*, отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1967. Вып. 1. С. 101–107. [Borodkin Yu. M. Neolithic burial at the village of Vaskovo. Materials from a Neolithic burial near the village Vaskovo. *News of the laboratory of archaeological research*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1967, iss. 1, 101–107. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zeycbn>

Заключение

Костяные вкладышевые кинжалы, наряду с другими категориями составных предметов, маркируют технико-технологические достижения и некоторые социокультурные явления, которые имели место в период от позднего палеолита до неолита включительно, в ряде регионов восточнее Урала, юга Западной Сибири, Прибайкалья и Восточной Европы. Вкладышевые изделия зафиксированы также в памятниках эпохи раннего металла [Васильев, Синюк 1985: 85, табл. 4, рис. 28; 87, табл. 6, рис. 11, 12; Молодин 2001: 51, 98, 99, рис. 26].

Костяной кинжал из неолитического слоя поселения Усть-Нарым в Восточном Казахстане мы относим к числу редких по конструкции, технологии изготовления и, безусловно, по функциональному назначению предметов. Типологически он относится к оружию ближнего наступательного (или рукопашного) боя. Погребенный, которого сопровождал в инобытие данный кинжал, относившийся к числу престижных вещей (или атрибутов), принадлежал, возможно, к социальной категории служителей культа (жречеству) или обладал другим особо важным статусом в конкретном социуме.

Сложносоставной кинжал эпохи неолита также демонстрирует на фоне чрезвычайно богатой индустрии кремневых орудий, происходящих из поселения Усть-Нарым, специфику этносоциокультурного развития общества изучаемой эпохи, становление новых общественных отношений и практики религиозно-культурных действий. Как оружие особого назначения с оригинальной конструкцией его можно отнести к числу сакральных предметов, особо почитаемых в социуме, и можно допустить, что он использовался исключительно при проведении важных ритуально-обрядовых действий, связанных в ряде случаев с актом жертвоприношения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с. [Vasiliev I. B., Sinyuk A. T. *Eneolithic East-European forest-steppe: origin and periodization of cultures*. Kuibyshev: KSPI, 1985, 118. (In Russ.)]
- Волков В. В. Погребение в Норовлин уула (Монголия). *Археология Северной и Центральной Азии*, ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1975. С. 76–79. [Volkov V. V. Burial ground in Norovlin Uula (Mongolia). *Archaeology of North and Central Asia*, eds. Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1975, 76–79. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yvcme>
- Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. *Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 1. Археология*. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 159–171. [Ginzburg V. V. Anthropological characteristic of the population of Kazakhstan in the Bronze Age. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography. Vol. 1. Archaeology*. Alma-Ata: AS Kazakh SSR, 1956, 159–171. (In Russ.)]
- Гребенюков В. И. Археологическое изучение неолита и энеолита Восточного и Центрального Казахстана (50–60-е гг. XX столетия). *Вестник Нур-Султанского государственного университета*. 2015. № 4. С. 60–66. [Grebnyukov V. I. Archaeological studies of the Neolithic and Chalcolithic age in Eastern and Central Kazakhstan (50s–60s of the 20th century). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2015, (4): 60–66. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/unjofd>
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.-Л.: Наука, 1956. 432 с. [Gurina N. N. *Oleneostrovsky burial ground*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1956, 432. (In Russ.)]
- Дубягин П. С., Чикриз Ф. Д., Чуринов В. А., Васильев И. Б., Выборнов А. А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия. *Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла*, отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. Т. 263. С. 95–134. [Dubyagin P. S., Chikrizov F. D., Churinov V. A., Vasiliev I. B., Vybornov A. A. New Neolithic bronze from the Northern Caspian. *Volga-Ural steppe, and forest-steppe in the Early Metal Era*, ed. Merpert N. Ya. Kuibyshev: KSPI, 1982, vol. 263, 95–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uxpjtn>
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 328 с. [Zhilin M. G. *Mesolithic bone industry of the forest zone of Eastern Europe*. Moscow: URSS, 2001, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pdfkrf>
- Жилин М. Г. Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2021. 180 с. [Zhilin M. G. *Functional classification of bone and antler weapons in the Mesolithic of the forest zone of Eastern Europe*. Moscow: IA RAS, 2021, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pfymgx>
- Захаров С. В., Мерц В. К., Бычков В. С. Охранные раскопки курганной группы Майское V (предварительные результаты). *Мир Большого Алтая*. 2020. Т. 6. № 3. С. 983–1000. [Zakharov S. V., Merts V. K., Bychkov V. S. Protective excavations of the burial mounds of Mayskoe V: preliminary results. *Mir Bolshogo Altaia*, 2020, 6(3): 983–1000. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wdiiau>
- Инешин Е. М., Клементьев А. Н., Мартынович Н. В., Тернер-П К. Дж., Тетенькин А. В., Хензыкхенова Ф. И. Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря 1. *Известия лаборатории древних технологий*. 2004. № 1. С. 49–86. [Ineshin E. M., Klementiev A. N., Martynovich N. V., Turner-P K. J., Tetenkin A. V., Khenzykhenova F. I. Problems and questions methodology of the zooarchaeological researches of the Bolshoy Yakor 1. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2004, (1): 49–86. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vyxfyf>
- История Сибири в 4 томах. Т. 1. Каменный и бронзовый век, отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с. [History of Siberia. Vol. 1. *Stone and Bronze Age*, ed. Shunkov M. V. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2022, 660. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aqygxu>
- Кирушин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2000. 117 с. [Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu., Kadikov B. Kh. *The oldest burial grounds of the northern foothills of Altai*. Barnaul: AltSU, 2000, 117. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vabqkb>
- Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л.: Наука, 1969. 216 с. [Korobkova G. F. *Labor tools and economy of Neolithic tribes of Central Asia*. Leningrad: Nauka, 1969, 216. (In Russ.)]
- Коробкова Г. Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. *Новые методы в археологических исследованиях*, отв. ред. С. И. Руденко. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 215–233. [Korobkova G. F. Functions of stone implements from Ust-Narym. *New methods in archaeological research*, ed. Rudenko S. I. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1963, 215–233. (In Russ.)]

- Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. 128 с. [Kungurova N. Yu. *Solontsy 5 burial ground. Culture of buried Neolithic Altai*. Barnaul: BLI MIA of Russia, 2005, 128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qraorpj>
- Логвин А. В., Шевнина И. В. Производственные аспекты жизнедеятельности маханджарского населения. *Оман тарихы*. 2007. № 3. С. 174–185. [Logvin A. V., Shevnina I. V. Production aspects of life activity of the Makhanjar population. *History of the Homeland*, 2007, (3): 174–185. (In Russ.)]
- Маркин С. В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая. *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2000. № 2. С. 53–64. [Markin S. V. Neolithic burial of Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, (2): 53–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tgvevx>
- Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с. [Matyushin G. N. *Mesolithic of the Southern Urals*. Moscow: Nauka, 1976, 368. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxunht>
- Мерц В. К. Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана. *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы*: Междунар. науч. конф. (Алматы, 12–15 декабря 2011 г.) Алматы: Хикари, 2011. Т. I. С. 178–186. [Merts V. K. New materials on Neolithic Age in North-Eastern Kazakhstan. *Archaeology of Independent Kazakhstan: results and prospects*: Intern. Sci. Conf., Almaty, 12–15 Dec 2011. Almaty: Khikari, vol. I, 178–186. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xxudgt>
- Мерц В. К. О происхождении комплексов Прибайкальского типа в энеолите Казахстана. *Палеодемография миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье*: Междунар. науч. конф. (Барнаул, 12–13 апреля 1994 г.) Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 39–42. [Merts V. K. Origin of complexes of Transbaikal type in Eneolithic Kazakhstan. *Paleodemography migration processes in Western Siberia: from ancient times to the Middle Ages*: Intern. Sci. Conf., Barnaul, 12–13 Apr 1994. Barnaul: AltSU, 1994, 39–42. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vezskl>
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с. [Molodin V. I. *Sopka-2 site on the Om river bank. Vol. 1. The cultural-chronological analysis of the burial sites belonging to the Neolithic and Early Metal Periods*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2001, 128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pdgjgh>
- Мосин В. С. История Южного Урала. Т. 1. Южный Урал в каменном веке. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2019. 408 с. [Mosin V. S. *History of the Southern Urals. Vol. 1. Southern Urals in the Stone Age*. Chelyabinsk: PC SUSU, 2019, 408. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgsosl>
- Нохрина Т. И., Чеха А. Н. Костяной вкладышевый кинжал из пещеры Бийка-1 (Горный Алтай). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2013. Т. 19. С. 135–138. [Nokhrina T. I., Chekha A. N. Bone liner dagger from the Biyka 1 Cave in Gorny Altai. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2013, 19: 135–138. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtrtkh>
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I–II. 1950–1955. М.-Л.: АН СССР, 1950. 412 с. [Okladnikov A. P. *Neolithic and Bronze Age of Baikal region. Historical and archaeological research. Pt. I–II. 1950–1955*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1950, 412. (In Russ.)]
- Петрин В. Т. Раскопки позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше. *Из истории Сибири*. Вып. 15. Материалы по археологии Западной Сибири, отв. ред. В. Ф. Генинг, В. И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1974. С. 13–17. [Petrin V. T. Excavations of the Late Paleolithic site Chernoozerie II on the Middle Irtysh. *From the History of Siberia. Iss. 15. Materials on archeology of Western Siberia*, eds. Gening V. F., Matyushchenko V. I. Tomsk: TSU, 1974, 13–17. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfucpp>
- Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1952. № 47. С. 15–23. [Salnikov K. V. To the question about the Neolithic of the steppe Trans-Urals. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1952, (47): 15–23. (In Russ.)]
- Солодовников К. Н., Багашев А. Н., Тур С. С., Громов А. В., Нечвалода А. И., Кравченко Г. Г. Источники по палеоантропологии неолита – энеолита Среднего Прииртышья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2019. № 3. С. 116–136. [Solodovnikov K. N., Bagashev A. N., Tur S. S., Gromov A. V., Nechvaloda A. I., Kravchenko G. G. Neolithic-Eneolithic paleoanthropological sources from the Middle Irtysh area. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2019, (3): 116–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-116-136>
- Сорокин А. Н. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН, 2013. 448 с. [Sorokin A. N. *Settlement and burial site Minino 2 in the Moscow Region: bone and antler tools*. Moscow: IA RAS, 2013, 448. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxnzih>

- Черников С. С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1952. № 48. С. 81–92. [Chernikov S. S. East Kazakhstan expedition of 1950. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1952, (48): 81–92. (In Russ.)]
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы (результаты археологических исследований): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. 60 с. [Chernikov S. S. *East Kazakhstan in the Neolithic and Bronze Age: results of archeological studies*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1970, 60. (In Russ.)]
- Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1956. № 64. С. 43–60. [Chernikov S. S. The East Kazakhstan expedition. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1956, (64): 43–60. (In Russ.)]
- Черников С. С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1959. № 73. С. 99–106. [Chernikov S. S. The East Kazakhstan archeological expedition in 1956. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1959, (73): 99–106. (In Russ.)]
- Шмидт И. В. Ромбовидные знаки Черноозерья II и Пегана – орнаментальные инварианты? Попытка обоснования и локализация стиля. *Краткие сообщения Института археологии*. 2022. № 267. С. 345–363. [Schmidt I. V. Rhombic signs from Chernoozerye II and Pegan: ornamental invariants? Attempt to justify and localize the style. *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*, 2022, 267: 345–363. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.345-363>
- Яблонский Л. Т. Восстановление лица по черепу человека из погребения на стоянке Шидерты 3 и проблема раннего расогенеза на территории Казахстана. *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья*, отв. ред. В. К. Мерц. Павлодар: Эко, 2002. С. 44–63. [Yablonsky L. T. Face restoration based on a human skull from Shiderty 3 archeological site and the problem of early race genesis in Kazakhstan. *Archeological sites of Pavlodar Irtysh River region*, ed. Merts V. K. Pavlodar: Eko, 2002, 44–63. (In Russ.)]
- Manninen M. A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P. Using radiocarbon dates and tool design principles to assess the role of composite slotted bone tool technology at the intersection of adaptation and culture-history. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2021, 28(2): 845–870. <https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7>

оригинальная статья

Пятидесятники в Восточной Европе и Западной Сибири: история и общность судьбы в XX в.

Горбатов Алексей Владимирович
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул
<https://orcid.org/0000-0002-8493-6468>
Scopus Author ID: 57202902433
gorbn1965@yandex.ru

Федорович Александр Викторович
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 08.09.2022. Принята после рецензирования 19.10.2022. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: Представлены результаты анализа материалов архивных источников, периодической печати и литературы о деятельности христиан веры евангельской Восточной Европы и Западной Сибири в XX в. Использованы труды зарубежных и отечественных историков и религиоведов. Рассмотрены вопросы генезиса движения, особенностей государственной вероисповедной политики, динамики численности общин. Выделены этапы и характерные черты деятельности пятидесятников в Восточной Европе и Западной Сибири. Выявлена роль харизматичных лидеров в генезисе развития центров пятидесятничества в Восточной Европе. Прослежены деятельность И. Е. Воронаева и его влияние на формирование общин в движении на восток – от Украины до Западной Сибири. Выявлена одна из главных составляющих роста общин пятидесятников и экспансии организации на всех территориях, а именно прозелитизм – обращение евангельских христиан и баптистов в свое исповедание. Отмечено преобладание «воронаевцев» в общинах Западной Сибири, их принципиальное нежелание объединяться с евангельскими христианами и баптистами в единый союз, регистрироваться и идти на компромиссы с властью. Обнаружены противоречивые и порой антагонистические отношения объединений пятидесятников и социалистических государств в Польской Народной Республике и СССР. Зафиксировано устойчивое стремление общин пятидесятников к автономному, независимому существованию от государства, отстаивание права на глоссолалию, активную миссионерскую деятельность и поддержку других характерных для деноминации конфессиональных канонов.

Ключевые слова: пятидесятники, Восточная Европа, Западная Сибирь, вероисповедная политика, И. Е. Воронаев, Польша, Украина, Россия, СССР

Цитирование: Горбатов А. В., Федорович А. В. Пятидесятники в Восточной Европе и Западной Сибири: история и общность судьбы в XX в. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 749–757. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-749-757>

full article

Pentecostals in Eastern Europe and Western Siberia: Shared History in the XX Century

Alexey V. Gorbatov
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
Altai State University, Russia, Barnaul
<https://orcid.org/0000-0002-8493-6468>
Scopus Author ID: 57202902433
gorbn1965@yandex.ru

Alexander V. Fedorovich
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 8 Sep 2022. Accepted after peer review 19 Oct 2022. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: The article compares the lives of the Evangelical Pentecostals in Eastern Europe and Western Siberia in the XX century. The study relied on archival sources, as well as foreign and domestic publications on history and religious studies. The analysis covered such aspects as genesis, developmental stages, religious policy, population,

and the role of charismatic leaders, e.g., Ivan E. Voronaev, who initiated the migration from Ukraine to Western Siberia. All Pentecostal communities shared the same expansion strategy, i.e., proselytism: they gained new members by converting Evangelical Christians and Baptists. The followers of the Voronaev movement lived in Western Siberia and were reluctant to unite with the local Evangelical Christians and Baptists. They avoided official registrations and made no compromises with the authorities. The Pentecostals contradicted the official policy of Soviet states and the Polish People's Republic. Pentecostal communities sought independence from the state, glossolalia, active missionary work, and other denomination canons.

Keywords: Pentecostals, Eastern Europe, Western Siberia, religious politics, Ivan Voronaev, Poland, Ukraine, Russia, USSR

Citation: Gorbatov A. V., Fedorovich A. V. Pentecostals in Eastern Europe and Western Siberia: Shared History in the XX Century. *SibScript*, 2023, 25(6): 749–757. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-749-757>

Введение

В современном мире к пятидесятникам (христианам веры евангельской (ХВЕ)) относятся около 250 млн верующих (по оценкам самих адептов, около полумиллиарда являются пятидесятниками либо реформистами-харизматами). Движение пятидесятников считается самым быстрорастущим христианским сообществом [Robbins 2004]. Для пятидесятнических собраний характерны особенно эмоциональные молитвы и богослужения. У последователей ХВЕ особый акцент сделан на восприятии даров Святого Духа, таких как дар исцеления, мудрости, любви, но наибольшее значение придается восприятию этого дара в виде «говорения на иных языках», или глоссолалии. В цели данной статьи входят задачи проследить общую историю пятидесятников в Восточной Европе и Западной Сибири в XX в., рассмотреть генезис движения и его поступательное распространение на Восток, общие тенденции и противоречия на различных временных этапах.

При подготовке статьи, помимо архивных источников и материалов СМИ, использовались труды отечественных и зарубежных специалистов (историков, религиоведов, социологов). Историю американского христианства исследует Ф. Г. Бердсли [Beardsley 1938]. Последнее великое пробуждение *christian revival* рассматривает во втором издании монументальной монографии «Религиозная история американского народа» С. Э. Альстром в отдельном разделе «Пятидесятническое и харизматическое обновление» [Ahlstrom 2004: 1103–1106]. Вопросы глобализации пятидесятнического и харизматического христианства рассматривал Д. Робинз [Robbins 2004]. Историю зарождения и развития пятидесятничества в Польше описывает З. Пасек [Pasek 1992]. Этапы распространения конфессий на территории Польши выделяет М. Рынковский [Рынковский 2009]. Историю пятидесятничества от предыстории движения до классификаций

направлений пятидесятничества скрупулезно рассматривают религиозный историк и пресвитер В. А. Слободяник [Слободяник 2000] и религиовед А. Т. Москаленко [Москаленко 1973]. Проблематике вероисповедной политики по отношению к ХВЕ посвящены работы зарубежных исследователей [Франчук 2002; Kamiński 2012; Tomaszewski 2009; Tyminiński 1999; Yong 2000], в том числе в России и СССР [Löfstedt 2011; 2012]. Истории пятидесятничества в России (СССР) посвящены труды отечественных специалистов [Горбатов 2008; Дашковский, Зиберт 2022; Дударенок, Островская 2017; Дударенок и др. 2018; Зиберт 2018; Одинцов 2012; Панченко 2013; Религия и власть... 2021; Федорович 2020; Этнорелигиозные... 2019].

Истоки движения

Основоположником пятидесятнического движения в Европе стал Т. Б. Барратт (1862–1940). После пребывания в Америке до 1906 г. он прибыл в Осло, где стал активно продвигать идеи ХВЕ. После насаждения веры в Норвегии Т. Б. Барратт отправился в Польшу, где продолжал вести миссионерскую деятельность. В годы зарождения и становления европейского пятидесятнического движения Польша все еще была разделена. Ранние идеи пятидесятничества были приняты в восточной части Германской империи, Силезии, Померании и Восточной Пруссии, в Познани и Гданьском Поморье. Здесь были сосредоточены наиболее радикальные элементы неопятидесятничества (нем. *Gemeinschaftsbewegung*) – движения, которое предшествовало немецкому пятидесятничеству. Его проповедники после раскола в 1909 г. организовали пятидесятнические церкви Германии. Уже в 1909 г. были проведены конференции в Оструде и Бреслау с участием немецкого лидера, пастора Д. Пауля¹.

¹ Historia Kościoła – Kościół Zielonoświątkowy w PL. 2020. URL: <https://kz.pl/historia-kosciola/> (accessed 2 Mar 2022).

Развитие движения на территории стран Восточной Европы и Российской империи тесно связано с выдающимся деятелем протестантского харизматического движения в России Николаем Смородиным (1875–1953). Штабс-капитан российской армии был уволен из армии за чрезмерное религиозное рвение. Проповедовал под влиянием американского миссионера Андрея Уршана учение о едином Боге. В 1913 г. в Петербурге образовалась община его последователей. Вскоре объединения единственников² появились в губерниях Европейской России и на Кавказе [Москаленко 1973: 42]. Уже во время гражданской войны Н. П. Смородин прибыл на территорию Польши, где к 1932 г. основал еще одну церковь пятидесятников.

Своим расцветом на Украине, а затем и в России пятидесятничество также обязано двум направлениям своего движения, которые были основаны евангелистами Иваном Воронаевым и Георгием Шмидтом. Выраженное ими вероучение практически полностью совпадало с основными положениями баптистского и евангельско-христианского богословия, за исключением особого акцента на важности даров Святого Духа, особенно глоссолалии [Ahlstrom 2004].

И. Е. Воронаев (Черкасов) был эмигрантом и вел свою деятельность в Сан-Франциско. Уже там он, в прошлом баптист, познакомился с учением пятидесятников и был направлен в СССР после гражданской войны в 1921 г. для расширения влияния ХВЕ. Его возвращение спонсировала «Ассамблея Бога» (вторая по величине и сегодня пятидесятническая деноминация в США). По прибытию на территорию Украины И. Е. Воронаев обосновался в Одессе. Здесь он активно вел миссионерскую деятельность, в своих проповедях говорил: «В настоящее время жизнь многих людей похожа на жизнь Иова во дни испытания его, когда он, лишась всего, сидел на гноище в прахе и пепле... так и теперь многие наши граждане умирают от голода, холода и болезней и других гибельных последствий нищеты... Теперь многие, подобно Давиду, ждут сострадания, но нет его – утешителей, но не находят... Бог говорит людям: "Я, я сам утешитель ваш"... Вот в ком наше избавление и наше утешение... Бог протягивает руку помощи и утешения, а люди отворачиваются от нее»³.

Очагом распространения учения стала Одесса, где ему удалось в 1922 г. основать первое объединение ХВЕ, а костяком состава стали бывшие баптисты, общину

которых он расколол. И. Е. Воронаев наладил рассылку писем, благовестников в различные районы СССР и за его пределы. В воззваниях содержался призыв лично посетить главу общины Одессы, при встрече пресвитер давал советы по насаждению и важным аспектам миссионерской деятельности. Ему удалось из разрозненных общин создать единое пятидесятническое движение. Действительно, более крупные пятидесятнические деноминации ведут свою историю от миссионерской деятельности Ивана Воронаева [Löfstedt 2011]. Прделанная работа привела к образованию крупных общин не только на территории Украины, но и в Сибири.

В Западной Сибири «воронаевцы», прибывшие сюда в конце 1920-х гг., преобладали среди пятидесятничества. Так, в Омской области членом Русско-Восточной европейской миссии Подлесским за достаточно короткое время организовываются несколько общин, создаются религиозные сообщества в Бийске и Барабинском округе. В 1927 г. под руководством И. Е. Воронаева был создан пятидесятнический Союз христиан евангельской веры СССР. К этому времени община Одессы насчитывала около 400 прихожан, а в Союз входило 350 объединений, численность которых была 17 тыс. человек [Москаленко 1973: 53].

Вопрос о спонсировании деятельности пятидесятников из-за рубежа стоял остро еще в 1930-х гг. Журнал «Атеист» в 1930 г. сообщал: «Воронаев получает деньги из Америки на миссию... общую сумму не сообщает и не дает никаких сведений... Община тоже ничего не знает»⁴. Также бывший сотрудник канцелярии Вилкин давал показания, что И. Е. Воронаеву приходило из Америки каждый месяц по 800 долларов, вдобавок, т. к. он занимал пост председателя Всеукраинского союза христиан евангельской веры, его заработная плата составляла 400 руб. [Москаленко 1973: 53–55].

Евангельские христиане и другие течения были обеспокоены таким масштабом распространения и ростом влияния пятидесятников. Новое движение энергично впитывало в свои ряды разные направления христианства. Теряя паству, активисты разных общин обвиняли конкурентов в извращении христианства, приклеили им обидную кличку «трясуны». М. Браунштейн, один из значимых деятелей баптистов, писал следующее: «мы должны помнить: две опасности... Одна из них – это жизнь без Духа Святого... и другая, не менее опасная – трясунство»⁵. Журнал «Христианин» опубликовал

² Евангельские христиане в духе апостолов настаивают на единственной правильной формуле крещения: «Во имя Иисуса Христа», а не «Во имя Отца, Сына и Святого Духа».

³ Евангелист. Одесса. 1928. № 2. С. 14–17.

⁴ Атеист. Москва. 1930. № 55. С. 126–128.

⁵ Баптист Украины. Харьков. 1926. № 4. С. 25–26.

текст проповедника М. А. Ревы: «учение трясун, которое наделало много бед, поразрушив общины и группы верующих... теперь приходится бороться с трясунками... Трясуны ходят по хатам и извращают евангельскую веру»⁶.

Этимология прозвища «трясуны» обусловлена особенностью пятидесятников входить в транс во время глоссолалий. Считается, что впервые оно было употреблено, когда происходила активная фаза конфронтации баптистов и ХВЕ, его автором был С. В. Белоусов, который на тот момент являлся редактором журнала «Баптист». Он не стеснялся в выражениях на страницах журнала: «Трясунским проповедникам... следовало бы идти в вертепы, дома разврата, кабаки и там проявлять свои дары... Трясуны именуют себя пятидесятниками, но мы умышлено не употребляем это наименование, ибо оно совершенно к ним не подходит, ибо это чистое хлыстовство». Ответная реакция пятидесятников была представлена в сатирическом ключе и высмеивала предостережения баптистов: «баптисты трясунство ставят выше себя: не из трясунства переходят в баптизм, а из баптизма в трясунство... Так баптисты злобно называют истинных детей Божьих, крещенных Духом Святым... когда эти трясунки, в силе Духа Святого, проникают в общины баптистов или евангельских христиан, то до основания растрясуют их общины и оставляют им только щепки да осколки»⁸.

Что касается поляков, то первыми пятидесятниками были некоторые члены Христианской общины, неопиетистского движения⁹ в рамках лютеранства в Цешинской Силезии. Исключение пятидесятников из христианского сообщества привело к образованию Союза твердых христиан, который стал первой независимой пятидесятнической общиной в Польше. Союз был зарегистрирован в окружном управлении в Цешине в 1910 г. австрийскими властями. В 1920 г. Цешинская Силезия была разделена между Польшей и Чехословакией. Значительные польские населенные пункты, включая большинство общин пятидесятников, оказались за пределами страны. Представителем ХВЕ при чешских властях в Заольжье был К. Калета. В Польше пятидесятничество возглавляли К. Снинен, который принял веру во время конференций немецких пятидесятников в Нова-Суле, К. Купка (в 1927–1931 гг.) и А. Малыш (в 1931–1935 гг.). Накануне

начала Второй мировой войны Союз стойких христиан насчитывал около 2000 членов¹⁰.

Пятидесятническое движение достигло западной Украины и Белоруссии в 1920-х гг., частично благодаря служению украинских и белорусских эмигрантов, вернувшихся из Соединенных Штатов. Кроме того, работа выросла благодаря служению Г. Шмидта, русско-немецкого миссионера Ассамблеи Бога. Он служил в Польше с 1920 по 1925 г. и в 1930 г. основал Библейский институт в Данциге, который обучал служителей-пятидесятников из разных уголков Восточной Европы. Многие недавно созданные пятидесятнические церкви, в основном в восточной Польше, объединились в Союз христиан евангельской веры Польши в 1929 г. [Löfstedt 2011].

В 1939 г. после присоединения Советским Союзом части территорий Польши, которые сейчас являются западными областями Белоруссии, Украины и восточной Литвы, многие пятидесятнические общины, принадлежавшие Польскому союзу, оказались в другом государстве. Хотя эти общины также страдали от советских репрессий, пятидесятническое движение в целом утвердилось в этих западных регионах более прочно, чем в других частях Советского Союза. Во время Второй мировой войны части Белоруссии и Украины находились под контролем нацистов, сообщает Торстен Лёфстедт (Швеция), и некоторым пятидесятническим группам было разрешено официально зарегистрироваться в нацистском оккупационном правительстве [Löfstedt 2011].

В Польше после вторжения немецкой армии собрания пятидесятников были запрещены. Поэтому они собирались для молитв в жилых домах. Некоторые верующие были депортированы в Германию, откуда они вернулись только после окончания войны. До Второй мировой войны евангельское пятидесятничество было самой многочисленной пятидесятнической церковью в Польше. Она насчитывала около 20 тыс. верующих, 500 церквей и церковных центров¹¹. Его институциональным рождением стал съезд представителей пятидесятнических церквей в Старой Чолнице под Луцком в мае 1929 г., на котором объединились церкви из центральной и восточной Польши. Генезис обоих центров пятидесятнического движения в Старой Чолнице, из приграничных

⁶ Христианин. Ленинград. 1925. № 5. С. 58–59.

⁷ Баптист. 1927. № 5. С. 18–21.

⁸ Евангелист. Одесса. 1928. № 1. С. 22–24.

⁹ Пиетизм (от лат. *pietas* – благочестие) – течение в протестантизме, для которого характерна высокая эмоциональная религиозность на основе молитвенного созерцания и глубокого размышления над текстами Библии.

¹⁰ Historia Kościoła – Kościół Zielonoświątkowy w PL...

¹¹ Ibid.

районов и из центральной Польши, был разным. Пятидесятнические церкви в центральной Польше собирали главным образом верующих немецкой национальности и были созданы не без влияния англосаксонских миссионерских организаций. С другой стороны, пятидесятнические церкви в приграничных районах были созданы в основном в результате деятельности реэмигрантов из Америки¹². На конференции в Старой Чолнице было избрано руководство церкви. Главой правления стал А. Бергхольц из Лодзи, которая стала резиденцией верховной власти¹³. До Второй мировой войны Церковь была многонациональной, поэтому, например, она издавала свои журналы на нескольких языках: в Лодзи – "Przysięg" на польском языке под редакцией Артура Бергхольца, в Тарнополе – «Евангельский голос» под редакцией Г. Федишина на украинском, а в Гданьске – «Примиритель» на русском [Франчук 2002: 609].

Возвращаясь к России, следует отметить, что судьба И. Е. Воронаева (Черкасова) связана с Западной Сибирью и драматическими обстоятельствами. Н. П. Черкасов стал известен в истории ХВЕ как И. Е. Воронаев после получения поддельного паспорта. Его судили в царской России за отказ от несения воинской службы по религиозным мотивам, он бежал от суда в Сибирь, где единоведец отдал ему свои документы. Четыре года И. Е. Воронаев, еще баптист, скитался по Сибири. Из Омска Воронаевы переехали в Ново-Николаевск, а оттуда – в Иркутск.

В 1929 г. на II съезде Союза безбожников атеистическая работа была провозглашена важнейшим участком классовой борьбы. В 1930 г. И. Е. Воронаев (уже пастор и миссионер пятидесятнической церкви) и его единомышленники были арестованы и отправлены в ссылку. В 1936 г. был вторично арестован и отправлен в лагерь под Мариинском. 2 ноября 1937 г. особым совещанием НКВД отец русского пятидесятничества И. Е. Воронаев был осужден в третий раз и приговорен к расстрелу. В Мариинске (Кузбасс) 3 августа 2018 г. состоялось торжественное открытие памятного знака протестантскому подвижнику, одному из основателей российского пятидесятничества И. Е. Воронаеву¹⁴. К середине 1930-х гг. движение пятидесятников стало запрещенным и децентрализованным религиозным движением. Примечательно, что определенная часть русскоязычных пятидесятников продолжала организованную

деятельность в Польше и Прибалтике до оккупации этих регионов нацистской Германией и Советским Союзом в 1939–1940 гг. [Панченко 2013: 218–228].

Христиане веры евангельской в послевоенное время

После войны в Польше первая конференция в 1945 г. была созвана в Бытоме, а следующая – в Лодзи. На конференции в Лодзи был назначен новый церковный совет. Таким образом, правление возглавил Ю. Черский, который также входил в руководство церкви в довоенный период. В 1950–1953 гг. большинство пятидесятнических активистов были заключены в тюрьму властями Польской Народной Республики в рамках репрессивных действий против религиозных общин в Польше. Арест всех их произошел ночью 20 сентября 1950 г. В 1953 г. эта большая пятидесятническая община, уступив давлению властей, была вынуждена присоединиться к Объединенной евангелической церкви, существующей с 1947 г.

Схожие процессы происходили в СССР. Государство проводило политику слияния протестантских деноминаций с целью унификации и подчинения единому центру для простоты контроля и управления. В 1945 г. с 19 по 27 августа состоялось совещание глав различных общин пятидесятников. Необходимость съезда обуславливалась желанием руководства религиозных объединений получить легальный статус. Союз христиан евангельской веры и Союз евангельских христиан-баптистов отмечали, что порядок обрядовых действий имеет схожие черты и существенно не отличается. Камнем преткновения являлись глоссолалии, обсуждению которых и было уделено большее время. Общим решением являлось то, что «незнакомый язык без истолкования остается без плода, о чем ап. Павел очень ясно говорит... обе стороны пришли к соглашению воздержаться от незнакомых языков в общественных собраниях... обе стороны согласились вести воспитательную работу против такого рода явлений»¹⁵.

Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВС ЕХБ) признавался высшим органом управления общин. Однако наиболее принципиально настроенные представители пятидесятников-воронаевцев отказались вступать в данный союз и не признавали Августовское соглашение, к ним присоединились и «смородинцы». Также лишь формально подписали это соглашение

¹² Ibid.

¹³ Фотография ХВЕ 1938 г. Гайновский район (Польша). *Historia Kościoła – Kościół Zielonoświątkowy w PL...*

¹⁴ Памятный знак Ивану Воронаеву открыт в Мариинске. *Централизованная религиозная организация «Российский объединенный Союз христиан веры евангельской» (пятидесятников)*. 07.08.2018. URL: <https://www.cef.ru/infoblock/news/read/article/1475534> (дата обращения: 02.03.2022).

¹⁵ Братский вестник. Москва. 1945. № 3. С. 17–19.

и главы некоторых религиозных групп. Так, А. И. Бидаш с целью укрепить свою позицию на территории Украины, подорванную во время оккупации нацистами, только на бумаге исполнял договор [Москаленко 1973: 73]. В 1956 г. в Харькове состоялся нелегальный съезд, на нем присутствовали представители общин Украины, Молдавии и РСФСР. Съезд призвал все пятидесятнические организации выходить из состава ВС ЕХБ, проводить самостоятельные молитвенные собрания, обращаться в местные и центральные органы власти с заявлениями о самостоятельной регистрации и образовании отдельного пятидесятнического центра [Панченко 2013: 228].

В Западной Сибири внушительная часть ХВЕ отказалась от слияния. В Омской области практически все общины и группы отторгли союз, при этом на каждом совещании руководителей ХВЕ подтверждая свое решение¹⁶. Не пошли на компромисс ряд общин Кузбасса и Алтайского края. Практически все время советского периода Церковь ХВЕ была вне закона. Маргинальный статус объединения неизменно вызывал судебные и административные преследования, которые сопровождалась пропагандистской кампанией, призванной сформировать общественное мнение о пятидесятниках как об изуверской секте. Наиболее высокая концентрация пятидесятников в Западной Сибири локализовалась в Кузбассе (11 общин и 5 групп) и Омской области (табл.¹⁷).

Еще одной проблемой, связанной с негативным восприятием пятидесятников в обществе, помимо глоссололий, стали пророчества, которые получили активное распространение в 1950–1970-х гг. Было популярно предсказание о новом спасительном ковчеге. В 1955 г. пророки Крыма распространяли сведения, что на полуостров приплывут корабли из «заморской страны» и заберут всех тех, кто был крещен святым духом, и переправят их в «землю свободную». На этой земле их будет ждать райская жизнь. Однако ни один корабль так и не явился. Подобные пророчества были в ходу и на территории Эстонии, в их интерпретации судно должно было их увезти «навстречу Иисусу Христу, грядущему за Своей невестой» [Слободяник 2000: 50]. Пророчества распространялись до Сибири и Дальнего Востока, возбуждали эмигрантские настроения и соответствующие действия [Дударенок, Островская 2017], на что резко негативно реагировали власти.

Табл. Количество учтенных общин и групп ХВЕ в Западной Сибири на 1 января 1962 г.

Tab. Pentecostals in Western Siberia: community populations, January 1, 1962

Регионы	Количество религиозных объединений		Всего человек
	общины	группы	
Алтайский край	1	1	50
Кемеровская область	11	5	720
Новосибирская область	1	3	60
Омская область	3	4	200
Томская область	2	5	125
Тюменская область	–	2	30
Всего	18	20	1185

К середине 1960-х гг. у руководства СССР наступает понимание того, что администрирование и репрессии лишь усугубляют проблему государственно-конфессиональных отношений. Пересматривается трактовка религиозного законодательства. В журнале «Социалистическая законность» за 1965 г. приводится пример, из которого следует, что совершение религиозных обрядов в частных домах и изготовление листовок не образуют состава преступления¹⁸. С этого времени начинают осторожно разрешать регистрацию автономных общин ХВЕ, но только «умеренным», тем, кто продемонстрировал свою лояльность власти. Однако оставались объединения ЕХБ, которым было вполне комфортно в подпольном состоянии, они принципиально не собирались идти на уступки государству, продолжали свое противостояние с ним.

Пятидесятники в постсоциалистическое время

22 мая 1987 г. в Польше на последнем XII синоде Объединенной евангелической церкви после братских, спокойных и не бурных дискуссий было принято решение о роспуске религиозной федерации, созданной после Второй мировой войны под давлением властей по советскому образцу [Pasek 1992]. Решение о роспуске Объединенной евангелической церкви было утверждено 1 февраля 1988 г. решением тогдашнего Управления

¹⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 24. Л. 13; Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 7250. Л. 83.

¹⁷ Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 321. Л. 42–43; Д. 323. Л. 21–32; Д. 339. Л. 14–30; Д. 344. Л. 65–80; Д. 355. Л. 82–85; Д. 356. Л. 48–54; Д. 368. Л. 34–42; Д. 370. Л. 29–30; Д. 373. Л. 8–11.

¹⁸ Необоснованное привлечение к уголовной ответственности по ст. 227 УК РСФСР лиц, занимающихся религиозной деятельностью. Социалистическая законность. 1965. № 2. С. 89.

по делам религий¹⁹. В тот же день решением вышеуказанного Управления была зарегистрирована независимая Пятидесятническая церковь в Польше, в которую вошли бывшие церкви пятидесятников из Цешина, Твердых христиан и бывшая Евангельская христианская церковь, за исключением церквей т. н. Люблинской группы, которая сохранила свое прежнее название и получила независимую регистрацию. С 1 февраля 1988 г. пятидесятничество снова стало независимой единицей в Польше. После обретения независимости пятидесятническая церковь вновь пережила интенсивное развитие: в 1988 г. она насчитывала 82 церкви, в 2020 г. – 220 церквей с около 20 тыс. верующих²⁰. В современное время пятидесятники в Польше состоят не только в одной церкви, но и входят в независимые общины. Основной организационной единицей у польских пятидесятников является церковь, которая представляет собой местную общину верующих. Ее возглавляет пастор и совет пресвитеров. Духовенство церкви выполняет следующие функции: пастор, евангелист, проповедник, учитель Слова Божьего, глава церковной повестки дня, окружной пресвитер, главный пресвитер. Пятидесятническая церковь в Польше разделена на церковные округа, которые возглавляют окружные пресвитеры. Высшим органом власти Церкви является Синод, который избирает пресвитера-главу Церкви и по его представлению назначает остальных членов пресвитерии Высшего Церковного Совета.

Согласно информации М. Рынковского, на 2002 г. в Польше насчитывалось 186 общин, 324 священнослужителя и 20027 прихожан [Рынковский 2009: 447]. М. Моравчикова отмечает, что в Словакии в 1991 г. число прихожан было в районе 1116, а в 2001 г. – 3905 человек, рост почти в 3 раза связан с распространением миссионерской деятельности на территории Словакии, а также с ослаблением государственной политики в отношении церкви [Моравчикова 2009: 510]. К концу XX в. в ряде стран Восточной Европы была задействована система договоров с властью, взаимные соглашения с которой играют важную роль в выстраивании социальной политики. Всё чаще распространяется тенденция, в том числе и в системах, где преобладает прерогатива контроля и управления религиозными объединениями со стороны государства, к признанию права на самоопределение общин [Рынковский 2009: 455–457].

В СССР Августовское соглашение продолжало действовать до 1989 г., когда пятидесятники, так же как и в Польше в 1987 г., официально вышли из состава объединенной организации ВС ЕХБ. Однако большинство церквей находилось в положении «нерегистрированных»

до начала 1990-х гг. Только после принятия 25 октября 1990 г. закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» часть общин пятидесятников стала легализовать свою деятельность. Наиболее влиятельный союз «консервативных» пятидесятников, Объединенная церковь ХВЕ, до сих пор традиционно не обращается в федеральные или территориальные органы государственной регистрации для легализации общин. Ранее адептов данной церкви называли или «нерегистрированными пятидесятниками», или по именам своих лидеров – «воронаевцами», «федотовцами» и т. д. В 1990-е гг. определенный импульс в развитие движения в России придало появление из-за рубежа пятидесятников харизматического направления, на что неодобрительно отреагировала российская и тем более православная общественность. К концу XX в. в пятидесятническом движении в России сложилось три основных направления: традиционалисты, умеренные и харизматы (неопятидесятники).

Заключение

Формирование пятидесятнических общин в Восточной Европе первоначально осуществлялось преимущественно за счет миссионерства из США в связи с отсутствием надлежащих кадров, кандидатов, способных возглавить приходы. Немаловажную роль в динамичном развитии движения ХВЕ в Европе и России играли харизматичные лидеры движения, такие как Т. Барратт, Н. П. Смородин, И. Е. Воронаев, Г. Шмидт и др.

Рост количества и численности пятидесятнических церквей на территории современной России (СССР) на протяжении всего XX в. во многом связан с деятельностью как местных проповедников, так и проповедников из стран и территорий бывшего СССР (Украины, Белоруссии), а также иностранных миссионеров западных стран. Прирост адептов движения осуществлялся за счет прозелитизма (переманивания) и обращения членов других религиозных объединений (баптистов и евангельских христиан). Определяющую роль в организации общин как на территории Российской Европы, так и Западной Сибири определила деятельность И. Е. Воронаева (Н. П. Черкасова) как зачинателя пятидесятнического движения в России (СССР).

В послевоенный период характерно активное вмешательство государств социалистического лагеря в дела общин, контроль, а чаще препятствие свободной деятельности. В целях пропаганды атеизма применялись средства по очернению и дискредитации общин и отдельных верующих. Следует выделить основные черты пятидесятников, которые вызывали в обществе

¹⁹ Historia Kościoła – Kościół Zielonoświątkowy w PL...

²⁰ Ibid.

особое противоречивое (негативное) отношение к их деятельности: проведение тайных собраний; распространение буклетов и писем религиозного характера; практика глоссолалий; активная пророческая деятельность; энергичная миссионерская деятельность, являющаяся долгом каждого пятидесятника.

В ряде стран госструктуры вынуждали пятидесятников слиться с баптистами и евангельскими христианами (Объединенная евангелическая церковь в Польше и ВС ЕХБ в СССР). Незарегистрированные объединения подвергались преследованиям. Это касалось прежде всего лидеров и активистов движения.

В постсоциалистический период в каждом государстве Восточной Европы пятидесятническое движение и его разветвленные направления со множеством названий развивались своим путем, при этом необязательно копируя тот источник, из которого оно возникло. Крайне сложно разделить пятидесятническое движение на какие-либо подгруппы, это можно сделать лишь условно, т. к. внешне богослужение у различных течений может быть схожим, а по происхождению это могут быть разные церкви. Немаловажное значение в вопросе развития движения играла та модель вероисповедной политики, которую избрали государственные органы той или иной страны: от комплиментарной к партнерской, договорной, нейтральной, фискальной, антагонистической и др.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00023 «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.».

Financing: The research was supported by the Russian Science Foundation as part of grant Project No. 19-18-00023: Religion and Power: Historical Experience of State Regulation of Religious Communities in Western Siberia and Adjacent Regions of Kazakhstan in the XIX–XX Centuries.

Литература / References

- Горбатов А. В. Государство и христиане веры евангельской в Сибири (1945–1970 гг.). *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4-3. С. 68–73. [Gorbatov A. V. State and Pentecostalist's societies in Siberia, 1945–1970th. *Izvestiya of Altai State University*, 2008, (4-3): 68–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxmqrn>
- Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Положение религиозных общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики середины 1950-х – первой половины 1960-х гг. *Новейшая история России*. 2022. Т. 12. № 2. С. 477–490. [Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. The situation of religious communities in Western Siberia in the context of the state confessional policy in the mid-1950s – early 1960s. *Modern History of Russia*, 2022, 12(2): 477–490. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.213>
- Дударенок С. М., Островская О. П. Феномен религиозной миграции: пятидесятники на советском Дальнем Востоке в 1940–50-е годы. *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. 2017. № 3. С. 174–186. [Dudarenok S. M., Ostrovskaya O. P. The phenomenon of religious migration: Pentecostals in the Soviet Far East in the 1940s–1950s. *Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina*, 2017, (3): 174–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zowlbb>
- Дударенок С. М., Федирко О. П., Поспелова А. И., Потапова Н. В., Островская О. П., Синичкин А. В. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е – конец 1980-х гг.). М.: Терция, 2018. 464 с. [Dudarenok S. M., Fedirko O. P., Pospelova A. I., Potapova N. V., Ostrovskaya O. P., Sinichkin A. V. *History of Evangelical Christians (Pentecostals) of the Russian Far East (1920s – late 1980s)*. Moscow: Tertsia, 2018, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snryvv>
- Зиберт Н. П. Деятельность протестантских общин на территории Сибири в 1920-е годы. *Религиоведение*. 2018. № 1. С. 22–28. [Zibert N. P. The activities of Protestant communities in Siberia in the 1920s. *Religiovedenie*, 2018, (1): 22–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xulehr>
- Моравчикова М. Государство и церковь в Словакии. *Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений)*, отв. ред. А. А. Красиков. М.: ИЕ РАН, 2009. С. 507–543. [Moravčíková M. The state and the church in Slovakia. *States and religions in the European Union: Experience of state-confessional relations*, ed. Krasikov A. A. Moscow: IE RAS, 2009, 507–543. (In Russ.)]

- Москаленко А. Т. Пятидесятники. 2-е изд. М.: Политиздат, 1973. 201 с. [Moskalenko A. T. *Pentecostals*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1973, 201. (In Russ.)]
- Одинцов М. И. Вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой... История Пятидесятнической церкви в России, XIX–XX вв. М.: РОИР, 2012. 498 с. [Odintsov M. I. "But you will receive power when the Holy Spirit has come upon you..." *The history of the Pentecostal Church in Russia, XIX–XX centuries*. Moscow: RSRR, 2012, 498. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwbvdb>
- Панченко А. А. «Трясуны»: дисциплинарное общество, политическая полиция и судьбы пятидесятничества в России. *Антропологический форум*. 2013. № 18. С. 223–255. [Panchenko A. A. "Shakers": disciplinary society, political police, and the fate of Pentecostalism in Russia. *Antropologicheskij Forum*, 2013, (18): 223–255. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rdtbkj>
- Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных регионах Казахстана в XIX–XX вв., отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: АлтГУ, 2021. 330 с. [Religion and Power: the historical experience of state regulation of the activities of religious communities in Western Siberia and adjacent regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries, ed. Dashkovskiy P. K. Barnaul: AltSU, 2021, 330. (In Russ.)]
- Рынковский М. Государство и церковь в Польше. *Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений)*, отв. ред. А. А. Красиков. М.: ИЕ РАН, 2009. С. 447–470. [Rynkovski M. The state and the church in Poland. *States and religions in the European Union: Experience of state-confessional relations*, ed. Krasikov A. A. Moscow: IE RAS, 2009, 447–470. (In Russ.)]
- Слободяник В. А. Очерки по истории пятидесятничества (с комментариями). Ирпень: Ирпенская Библейская Семинария ВСО ЕХБ, 2000. 320 с. [Slobodyanik V. A. *Essays on the history of Pentecostalism (with comments)*. Irpen: Irpen Bible Seminary AUC ECB, 2000, 320. (In Russ.)]
- Федорович А. В. Христиане веры евангельской (пятидесятники) в 1950–1960-х гг. (на примере общины Яшкинского района в Кузбассе). XXII Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартковского государственного университета. (Нижневартовск, 6–7 апреля 2020 г.) Нижневартовск: НВГУ, 2020. Ч. 3. С. 154–156. [Fedorovich A. V. Christians of the Evangelical faith (Pentecostals) in the 1950s and 1960s in Yashkino district, Kuzbass. XXII All-Russian Sci.-Prac. Conf. of Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, 6–7 Apr 2020. Nizhnevartovsk: NVSU, 2020, 154–156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rpoicy>
- Франчук В. Просила Россия дождя у Господа. К.: Світанкова Зоря, 2002. Т. 1. 652 с. [Franchuk V. *Russia asked for rain from the Lord*. Kiev: Svitanкова Zoria, 2002, vol. 1, 652. (In Russ.)]
- Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI в., ред. П. К. Дашковский. Барнаул: АлтГУ, 2019. 268 с. [Ethnoreligious processes in the cross-border space of Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy in the XX – the beginning of the XXI centuries, ed. Dashkovskiy P. K. Barnaul: AltSU, 2019, 268. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvkbsw>
- Ahlstrom S. E. *A religious history of the American people*. 2nd ed. Yale University Press, 2004, 1216.
- Beardsley F. G. *The history of Christianity in America*. NY: American Tract Society, 1938, 244.
- Kamiński M. *Kościół zielonoświątkowy w Polsce w latach 1988–2008*. Warszawa: Arka, 2012, 214.
- Löfstedt T. Pentecostal and Charismatic Denominations in Russia. *The East-West Church & Ministry Report*, 2011, 19(1): 9–11.
- Löfstedt T. Religious revival among Orthodox and Pentecostals in Russia: Causes and limitations. *Religion, State and Society*, 2012, 40(1): 92–111. <https://doi.org/10.1080/09637494.2011.647458>
- Pasek Z. *Ruch zielonoświątkowy*. Kraków: NOMOS, 1992, 174.
- Robbins J. The globalization of Pentecostal and Charismatic Christianity. *Annual Review of Anthropology*, 2004, 33(1): 117–143. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.32.061002.093421>
- Tomaszewski H. R. *Zjednoczony Kościół Ewangeliczny 1947–1987*. Warszawa: KOMPAS II, 2009, 341.
- Tymiński M. *Kościół Zielonoświątkowy w Polsce*. Wrocław: Misja "Życie", 1999, 196.
- Yong A. *Discerning the spirit(s): A Pentecostal – charismatic contribution to Christian theology of religions*. Sheffield Academic Press, 2000, 143.

оригинальная статья

Религиозно-политические реформы государя Мимаки.**Часть 2: Формирование династического культа богини солнца и его трансформация в общегосударственный культ**

Суровень Дмитрий Александрович

Уральский государственный юридический университет, Россия, Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0001-5676-0859>

Yamato.ur@mail.ru

Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята после рецензирования 13.07.2023. Принята в печать 17.07.2023.

Аннотация: Анализируются сведения японских источников о начале религиозно-политических преобразований периода раннего Ямато, произошедших в царствование государя Мимаки (Судзин, 324–331 гг. пр. [испр. хрон.]). Установлено, что род государя Дзимму считал своими главными богами Таками-мусуби и О-хирумэ. Среди восьми божеств, почитавшихся с основания династии Ямато при дворе государя, обращает на себя О-мия-но мэ-но kami, которая одновременно была богиней небесного солнца. Она могла стать прообразом, на основе которого начал формироваться солярный культ нового родового божества государя Мимаки (Судзина), наделенного функциями прежнего верховного бога Таками-мусуби и бога-духа солнца *Аматэру митама*, одной из ипостасей *кунитама* – духа-покровителя земель Ямато из святилища у подножия горы Мива. Чтобы придать более высокий статус новой богине солнца (Аматэрасу) необходимо было вывести культ этой богини из состояния внутриродового культа и придать ему всеобщий характер. Для этого было создано святилище богини солнца в селении Касануи-но мура в округе Сики области Ямато. В результате теперь функции управления отделялись от культовых функций, но монарх сохранял функции верховного жреца, при котором осталась яшма *магатама* и, вместо отправленных в Касануи священного зеркала и священного меча, были изготовлены зеркало-заменитель и меч-заменитель.

Ключевые слова: древняя Япония, Ямато, Судзин, Мимаки, солярные культы, гора Мива, верховный жрец-правитель, Аматэрасу, О-куни-дама, три священных регалии, магатама, священное зеркало, священный меч

Цитирование: Суровень Д. А. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 2: Формирование династического культа богини солнца и его трансформация в общегосударственный культ. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 758–775. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-758-775>

full article

Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki.**Part 2: Dynastic Cult of the Sun Goddess and Its Transformation into a Statewide Cult**

Dmitriy A. Surowen

Ural State Law University, Russia, Ekaterinburg

<https://orcid.org/0000-0001-5676-0859>

Yamato.ur@mail.ru

Received 30 Apr 2023. Accepted after peer review 13 Jul 2023. Accepted for publication 17 Jul 2023.

Abstract: The study featured Japanese sources about the onset of religious and political reforms introduced in the early Yamato period by Emperor Sūjin, who ruled in 324–331 A.D. and was also known as Emperor Mimaki. The Jimmu clan worshiped Takamimusubi and Ōhirume. The Yamato dynasty worshiped eight deities, including the Sun Goddess Ōmiya-no-Me-no-Kami, granddaughter of the supreme god Takamimusubi. She could become a prototype for the solar cult of Emperor Sūjin's dynasty. This deity united the functions of the former supreme god Takamimusubi with those of the sun spirit Amaterasu, who was a hypostasis of *kunitama*, the patron spirit of the Yamato lands from the shrine at the foot of Mount Miwa. To give a higher status to the new Sun Goddess Amaterasu, it was to be transformed from

an intra-family cult into a universal one. As a result, they built her a shrine in the village of Kasanuimura (*ancient Jap. Kasanupi*) in the Shiki area of Yamato region. The control functions were separated from the cult functions, but the ruler retained the functions of the high priest. He was left with one of the three imperial regalia, the jasper jewel Yasakani-no-Magatama. The other regalia, i.e., the sacred mirror and the sacred sword, were sent to Kasanuimura and replaced with replicas.

Keywords: ancient Japan, Yamato, Sūjin, Mimaki, solar cults, Mount Miwa, high priest-ruler, Amaterasu, Ō-kuni-dama, three sacred regalia, magatama, sacred mirror, sacred sword

Citation: Surowen D. A. Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 2: Dynastic Cult of the Sun Goddess and Its Transformation into a Statewide Cult. *SibScript*, 2023, 25(6): 758–775. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-758-775>

Введение¹

Воцарение в Ямато после периода распада единства страны (периода «восьми правителей») фактически **новой династии**, начинавшейся с государя **Мимаки** (посмертное почетное имя Судзин², 324–331 гг. [испр. хрон.]³), означало вследствие этого и смену бога-покровителя правящего рода (как это часто бывало в древнем мире). В «Нихон-сёки» о богах-покровителях Ямато времени царствования Мимаки (Судзина) сказано: «двух богов – великую богиню Аматэрасу-опомиками⁴ и Ямато-но Опо-куни-тама **вместе (наравне – яп. *нараби-ни*)**⁵ почитали обрядами в великом государевом дворце»⁶ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 6-й год пр.) [Ellwood 1990: 200; Palmer 1991: 81, 82]. Здесь богиня солнца Аматэрасу ставилась вровень с прежним верховным богом-покровителем Ямато – Ō-куни-тама (др.-яп. Опо-куни-тама). На вопрос о том, откуда взялась эта богиня, ученые дают разные ответы.

Все исследователи отмечают, что культ Аматэрасу – новый культ, возникший позднее многих других культов (на что указывает сакральная «генеалогия» божества). Поскольку прародительница правящего рода Аматэрасу относилась к поздним поколениям «небесных божеств», то ее приоритетное положение в пантеоне богов следует признать «антиисторичным» и нарушающим абсолютность хронологического критерия оценки, согласно которому значимость божества тем выше, чем раньше оно было рождено, что свидетельствует о сравнительно

позднем включении Аматэрасу в синтоистский пантеон [Мещеряков 1991: 39]. В связи с этим следует проанализировать и сравнить сведения источников о появлении культа богини солнца Аматэрасу и о превращении его в общегосударственный культ.

Время появления культа Аматэрасу

Исследователи предлагали разные гипотезы относительно того, чьим божеством первоначально являлась Аматэрасу. Так, известный японский мифолог Мацумаэ Такэси считал, что первоначально Аматэрасу не являлась богом-предком императорской семьи, а была солярной богиней плодородия у местного населения [Matsumae 1983: 160] – верховным божеством народа *ама*⁷, рыбаков-мореходов, населявших береговую часть Исэ⁸. Этот культ каким-то образом оказался связан с **новой династией**, основателем которой стал государь Мимаки (Судзин), пришедший к власти после длительного периода «восьми правителей» (316–324 гг. [испр. хрон.] – периода борьбы за власть против других претендентов на трон (подробнее см. [Суровень 1999; 2021а;]). По мнению Мацумаэ Такэси, Аматэрасу была выбрана идеологами Ямато как верховное божество именно потому, что не принадлежала к божествам двух основных соперничающих кланов древней Японии – Ямато и Идзумо⁹.

¹ Начало темы – в статье [Суровень 2020b].

² 諡 яп. окурина – посмертное имя. *Большой японско-русский словарь* (БЯРС). М.: Русск. яз.; Живой язык, 2000. Т. I. С. 735.

³ О хронологии данного периода см. [Суровень 2015; 2021а].

⁴ 天照大神 др.-яп. Аматэрасу-опомиками, совр.-яп. Аматэрасу-ōмиками (Великое августейшее божество, сияющее в небесах) [Palmer 1991: 81, 82].

⁵ 並 яп. *нараби-ни*, кит. *бін* (наречие) – 1) парно, параллельно; рядом, вместе; наравне (БЯРС. Т. II. С. 234).

⁶ 「天照大神、倭大國魂 二神並祭^レ於天皇ノ大殿之内。」 – Нихон-сёки 日本書紀 (из серии «Кокуси-тайкэй» 國史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. С. 159. См.: Нихон-сёки: *Анналы Японии*, пер. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 207.

⁷ Может быть, в связи с этим термин *ама*- (небесный) в именах богов мог первоначально иметь значение '[относящийся к] народу *ама*'. О народе *ама* см. [Косарев, Соколов 2017; Суровень 2018].

⁸ Нихон-сёки: *Анналы Японии*... С. 427, прим. 53.

⁹ Там же.

В древнейших сказаниях, зафиксированных в «Когосюи», исследователям бросается в глаза то, что в мифе о сотворении мира божествами-творцами Идзанаги и Идзанами, всё, ими рожденное, включая светила (кроме Сусаноо), **не имеет собственных имен** [Симонова-Гудзенко 2002: 75]. «Пришлось [однажды] слышать, что в начале образования мира два божества Идзанаги и Идзанами стали мужем и женой. Они родили страну Восьми великих островов, а также горы, реки, травы и деревья. Затем породили богов Солнца и Луны. И, наконец, Сусаново-но *ками*»¹⁰ (Когосюи, Идзанаги и Идзанами). Как видно из текста, имя божества Солнца не указано. Разделение в древнейшей мифологии функций **божества Солнца** и **богини Аматаэрасу**, по мнению комментаторов источника, указывает на то, что в период создания этой древней хроники рода Имибэ понятия **божество Солнца** и **Аматаэрасу – богиня правящего рода** существовали в сознании древних японцев раздельно, Аматаэрасу воспринималась лишь как прародительница правящей династии¹¹. Следует обратить внимание, что в житии «Ямато-химэ-но микото сэйки» иногда имя Аматаэрасу не употреблялось, а использовался теоним *хи-но Kami* (божество солнца)¹² (Ямато-химэ-но микото сэйки, Кэйкё, 20-й год, год киноэ-тора).

Вайда Манабу полагал, что на становление культа Аматаэрасу повлияли следующие обстоятельства. По его мнению, изначально **богом солнца** был **Таками-мусуби** (Такаки), которому служила шаманка-жрица, исполнявшая обряды в солнечном культе как его «священная жена». Со временем «жена солнца» стала отождествляться с самим солнцем, поднявшись до божественного

статуса, персонифицированная как **Хирумэ** (что означало ‘жена солнца’)¹³. Возможно, эта Хирумэ была непосредственным источником образа Аматаэрасу. Возникла концепция **феминизируемого солнца**. В этом, вероятно, причина, почему японская мифология указывает на два божества – Таками-мусуби (Такаки) и богиню солнца – как родовых богов (*ками*) императорского дома [Palmer 1991: 82].

И действительно, анализ древнеяпонских источников показывает, что изначально, помимо Таками-мусуби, **покровительницей рода** государя Дзимму выступало **женское божество солнца О-хирумэ** (др.-яп. *Опо-пирумэ* – досл. ‘Великая Хирумэ’). Это видно из того, что Дзимму в своей речи перед Восточным походом, обращенной к сородичам и общинникам, назвал **своими богами Таками-мусуби и О-хирумэ** [Yamao 1983: 74] (Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год киноэ-тора). О-хирумэ, как явствует из знака *хи-* (др.-яп. *пи-*), была богиней солнца¹⁴ (но она **не являлась** богиней Аматаэрасу, с которой ее позднее отождествили)¹⁵ [Воробьев 1980: 56]. Возможно, О-хирумэ была солярным божеством аустроазиатского происхождения [Ермакова 1995а: 31]. **О-хирумэ-мути** названа в начале «Ямато-химэ-но микото сэйки» в рассказе о «раскрытии Неба-Земли, когда впервые вышло Солнце»¹⁶. В «Когосюи» после вступления «вначале, когда разделились Небо и Земля, те боги, которые родились в середине неба, именуют [себя]»¹⁷, следует список из двенадцати имен божеств, предков различных родов (прежде всего, родов Имибэ). Комментаторы текста обратили внимание на то, что в этом списке имя богини Аматаэрасу отсутствует, а императорским предком назван

¹⁰ Когосюи. Синто: путь японских богов, пер. Е. К. Симоновой-Гудзенко. СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. С. 84.

¹¹ Синто: путь японских богов... С. 397, прим. 4.

¹² 「日神」 яп. *хи-но Kami* – досл. ‘божество солнца’. См.: Ямато-химэ-но микото сэйки 倭姫命世紀. *Кокуси-тайкэй* 國史大系. Токио: Токио: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雑誌社, 1901. Т. 7. С. 494; Ямато-химэ-но микото сэйки 倭姫命世紀. *Дзоку гунсё руйдзё* 續群書類從. Токио: Дзоку гунсё руйдзё кансэй-кай 續群書類從完成會, 1923. Вып. 1. Ч. 1. С. 58; Ямато-химэ-но микото сэйки. Житие Ямато-химэ-но микото, пер. Л. М. Ермаковой. *Синто: путь японских богов...* С. 206; Ямато-химэ-но микото сэйки. Житие Ямато-химэ-но микото, пер. Л. М. Ермаковой. In: Ермакова Л. М. Когда раскрылись Небо и Земля. М.: Наука – Вост. лит., 2020. Т. II. С. 569.

¹³ 日靈 др.-яп. *пирумэ*, яп. *хирумэ* – жена солнца; букв. ‘храмовая женщина-служка [бога] солнца (дневного света)’ (ср.: 昼 яп. *хиру* – А. 1) середина дня, полдень; 2) день, дневное время... Б. днём... См.: Японско-русский словарь. М.: Русск. яз., 1984. С. 155; Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов (ЯРУСИ). М.: Русск. яз., 1977. С. 196; БЯРС. Т. II. С. 476); где 日 яп. *хи* – 1) день; 2) солнце (ЯРУСИ. С. 290); 靈 яп. *мэ* – 1) дева святилища (англ. *shrine maiden*, т. е. 巫女 яп. *фудзё* / *мико* – синт. храмовая жрица, прорицательница, предсказательница судьбы, шаманка; иначе: 神女, 神子 яп. *мико*. (БЯРС. Т. I. С. 596; ЯРУСИ. С. 202)); 2) **показатель женского рода**; это видно из вариантов написания термина *хирумэ*: 日女 (букв. ‘женщина солнца’), 日靈. Этимология слова *хирумэ* такова: 日 (солнце) + 女 (женщина). Есть теория, объясняющая, что знак *мэ* 靈 был особой формой для слова 妻 (жена), применяемого для 巫女 (*мико* – *храмовой девы*, служительницы синтоистского святилища), которая служила солнцу, но которая в конце концов превратилась в богиню. る ру – это, возможно, вариант ро ろ, архаический показатель родительного падежа, возникший еще до древнеяпонского языка. 女 -мэ использовалось для обозначения женщин, как в *химэ* 姫 (знатная женщина), *отомэ* 乙女 (дева) и *мусумэ* 娘 (дочь) (Хирумэ 日靈. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/日靈#> (accessed 30 Mar 2018)); см.: Нихон-сёки, 1997. С. 406, прим. 38.

¹⁴ 大日靈 др.-яп. *Опо-пирумэ*, совр.-яп. *О-хирумэ* – досл. ‘Богиня Великого солнца’ (Нихон-сёки, 1957. С. 111).

¹⁵ *Аустроазиаты* (в японских легендах народ *тэнсон*) – предки *вожэнь* – принесли с собой миф о женском божестве солнца О-хирумэ (позднее – богиня Аматаэрасу), которое впоследствии стало покровителем рода императоров Японии [Воробьев 1980: 56].

¹⁶ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 548.

¹⁷ Когосюи, 2002. С. 84.

бог Таками-мусуби [Симонова-Гудзенко 2002: 76]. «Затем Таками-мусуби-но ками (древнее слово [яп. *кого*]¹⁸ – Таками-мусуби-хико). Это[т] (бог – прим. автора) стал Сумэмуцу камуроки-но микото»¹⁹ (Когосюи, Таками-мусуби-но ками). Термин Сумэмуцу камуроки-но микото (в английском переводе теоним прочтен как Сумэрага-муцу камуроги-но микото²⁰) дословно переводится как ‘государев родитель (яп. *субэраги-о-я*) – божественный предок’ (каму-ро ги)²¹.

Обаяси Тарё указывает на более значимую роль Таками-мусуби в сходных сюжетах «Когосюи» по сравнению с другими мифологическими сводами [Симонова-Гудзенко 2002: 75]. В «Нихон-сёки», в самой древнейшей версии мифа об отправке на землю императорского предка Хо-но Ниниги, Аматаэрасу не упоминается, приказ об отправке дается дедом Ниниги – Таками-мусуби (Нихон-сёки, св. 2-й, 9), которого государь Дзимму называет своим богом (вместе с богиней солнца О-хирумэ [др.-яп. *Опо-пирумэ*])²² [Ятао 1983: 74] (Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год киноэ-тора). Учитывая матри-линейный счет родства у аустронезийцев (предков народов кумасо и хаято, населения областей Сацума, Осуми и Химука [Ермакова 1995а: 22; 1995b: 262]), сын дочери Таками-мусуби от сына богини солнца по имени Ниниги (т. е. внук Таками-мусуби) относился к материнскому роду, т. е. роду дочери Таками-мусуби, и там должен был воспитываться. Об этом в «Нихон-сёки» сказано: «Прародитель его священный – Така-мимусупи-но микото особо его (т. е. своего внука Ниниги – прим. автора) любил и холил. И потом, вырастив божественного внука, Аматаупикопико-пико-по-но Ниниги-но микото, решил сделать его владыкой Срединной Страны Тростниковых Равнин»²³ (Нихон-сёки, св. 2-й, Ниниги, 9). «И рёк тогда Така-мимусупи-но микото своё повеление (земным богам – прим. автора): “Я воздвигну для вас Небесные роуци-кумирни и Небесные каменные ограды-кумирни, а вы должны славить моего внука и служить ему”»²⁴

(Нихон-сёки, св. 2-й, Ниниги, 9.2). Здесь примечательно то, что, во-первых, главенствующее положение (судя по тексту) занимает Таками-мусуби; во-вторых, он назван прародителем предков рода Дзимму; в-третьих, он занимается воспитанием своего внука Ниниги; в-четвертых, именно Таками-мусуби принимает решение о том, чтобы Ниниги стал владыкой земной территории [The Cambridge history of Japan 1993: 347]. Именно Таками-мусуби созывал собрание ками (т. е. народное собрание «небесной» [яп. *ама*] общины) и руководил его заседаниями²⁵. Когда возникли проблемы с покорением Серединной страны тростниковых равнин, Таками-мусуби посылал богов для их урегулирования²⁶.

Многие элементы культа Таками-мусуби сохранились в придворном церемониале Ямато более позднего периода. Таками-мусуби считался ответственным за долгую жизнь императора и его процветание. Таками-мусуби был одним из восьми ками, почитаемых в дворцовой часовне правительственного Совета по делам религии синто Хассиндэн (а Аматаэрасу – нет). Более того, Таками-мусуби играл важную роль на религиозных праздниках Тинконсай (ежегодном зимнем празднике, проводимом для омоложения души императора) и Кинэнсай (весеннем сельскохозяйственном празднике) [The Cambridge history of Japan 1993: 347]. Можно утверждать, что первоначально именно Таками-мусуби, а не Аматаэрасу, был верховным богом и прародителем рода Дзимму.

Кроме того, следует обратить внимание еще на один факт. Исследователями было установлено, что предки государя Дзимму по женской линии (Тоё-тама-хико и Тоё-тама-химэ из рода Ватацуми – родоначальники клана Адзуми-но мурадзи [Ермакова 1995а: 157; Ishida 1960: 26; Mori 1962: 140]) проживали на островах Цусима (в местности Тоётама) (подробнее см. в [Суровень 2018: 69–76; Суровень 2021d: 74]). В списке «Куни-но мияцүко-хонки» в «Кудзи-хонки» (св. 10-й) род местных правителей островов Цусима – Цусима-но агата-но атаи (досл. ‘атаи округа Цусима’) – назван кланом потомков

¹⁸ 古語 яп. *кого* – 1) устаревшее слово, архаизм; 2) старинное изречение (БЯРС. Т. I. С. 444).

¹⁹ 「次 高皇産<靈>神 【古語 多賀美武須比。是 皇親 神留伎命】」 – Когосюи 古語拾遺. Когосюи *kōgi: hētō* 古語拾遺講義. Ōсака 大阪: Ōэн сёин 桜園書院, 1926. С. 5; Когосюи, 2002. С. 84.

²⁰ Kogoshūi: Gleanings from Ancient Stories. Tokyo: Meiji Japan Society, 1926. P. 19.

²¹ 皇親 神留伎命 яп. Сумэрага-муцу камуроги-но микото – дословно переводится как 皇親 ‘государев родитель’ (др.-яп. *субэраки-муту*, яп. *субэраги-о-я*) – 神留伎 (др.-яп. *камуроги*) божественный предок (букв. ‘пребывающий муж’); где 神 яп. *каму* – божественно; 留 яп. *ро* – оставаться, пребывать, проживать (где-л. временно) (ЯРУСИ. С. 404); 伎 яп. *ги* – показатель мужского рода (ср.: о женском божестве сказано 神留弥 др.-яп. *камуроми* – прародительница, женщина-предок) (Kogoshūi, 1926. P. 19).

²² Нихон-сёки, 1997. С. 147–151.

²³ Там же. С. 147.

²⁴ Там же. С. 157.

²⁵ Там же. С. 147.

²⁶ Там же. С. 147–148, 149, 156.

мнению, еще называют **Ама-но Хи-но ками-но микото** [Богиня небесного солнца]; [7] Микэцу-ками ([он] младший брат О-мия-но мэ-но ками, по одному мнению, еще [его звали] Ама-но Цуки-но ками-но микото [досл. 'Бог небесного месяца']); [8] Кото-сиро-ниси-но ками»⁴⁰ (Мононобэ-удзи-но кудэнсэ, Яцу-мико-но доно). В «Когосюи» также сказано: «Затем, прямо следуя приказу двух небесных богов-предков (Таками-мусуби и богини солнца⁴¹ – прим. автора), священное место со священными деревьями и камнями (др.-яп. *пимороги*, яп. *хумороги* – прим. автора) было воздвигнуто при государевом дворе и в результате следующие божества здесь почитались (названы вышеуказанные восемь божеств – прим. автора) (поклонение этим восьми богам ныне выражается придворными жрицами *синто*)»⁴² (Kogoshūi, Jimmu; Когосюи, Дзимму). Эти же восемь божеств упомянуты в нескольких *норито*⁴³ (возникновение которых относят к периоду III–VII вв. [Воробьев 1980: 8; Сондерс 1977: 410]).

Как видно из материалов «Когосюи» и «Мононобэ-удзи-но кудэнсэ», в период царствования государя Дзимму среди божеств-покровителей правительственной резиденции, которых почитали при дворе императора, богиня **Аматэрасу не упоминается**. Таким образом, получается, что в самом начале существования династии Ямато, в царствование Дзимму (310–316 гг. [испр. хрон.] [Суровень 1998; 2015]) и в период «восьми правителей» (316–324 гг. [испр. хрон.]), **Аматэрасу** как богиня солнца была еще **не известна**.

В «Мононобэ-удзи-но кудэнсэ» о восьми божествах, почитавшихся в государственной резиденции со времен государя Дзимму, далее сказано: «Вышеуказанные восемь божеств (яп. *дза* – досл. 'мест') – эти государевы божества (яп. *кō-син* – досл. 'духи неба'⁴⁴) – хозяева десяти небесных [сокровищ] *мидзу-такара*. По этой причине [они] стали божествами обряда усмирения души (яп. *Тинконсай*,

или *Митамасидзумэ*, или *Митамафури-но мацури*⁴⁵). <...> С древности, это были [те] восемь божеств (яп. *дза*), которые [ныне] имеют место в Дзингикане (Совете [по делам] синтоистских божеств), [которым] выполняют обряды (*мацуру*) жрицы (*мико*)»⁴⁶ (Мононобэ-удзи-но кудэнсэ, Яцу-мико-но доно). Сведения «Энги-сики» подтверждают, что эти восемь божеств почитались в Дзингикане (Совете по делам богов *синто*)⁴⁷. А богине Аматэрасу даже тогда – в более позднее время – **не поклонялись** в дворцовой часовне правительственного Совета по делам религии *синто* (яп. *дзингикан*) – святилище Хассиндэн («Павильон восьми божеств») при императорском дворе⁴⁸.

Таким образом, появление Аматэрасу в истории японской религий было **недавним феноменом**. В царствование государя Мимаки (Судзина) только начинался процесс сосредоточения и централизации различных форм солярного культа отдельных политических единиц, подконтрольных режиму Ямато, в солнечный культ дома правителя. Данные солярные культы разных территорий оказались под монархическим контролем во второй половине VI в. Среди ученых есть мнение, что **имя** богини солнца в форме Аматэрасу было установлено только в конце VII в. [Palmer 1991: 82].

Формирование культа новой богини-покровительницы

Здесь следует обратить внимание на один интересный факт: одним из божеств, составлявших **восьмерку особо почитаемых богов** при дворе Ямато еще со времен государя Дзимму, являлась богиня О-мия-но мэ-но ками (досл. 'Богиня великого дворца', т.е. дворца государя), которая одновременно была **богиней небесного солнца** (яп. **Ама-но Хи-но ками**)⁴⁹ (Мононобэ-удзи-но кудэнсэ, Яцу-мико-но доно). В «Кодзики» и «Нихон-сёки» это божество отсутствует⁵⁰, но упомянуто в *норито*

⁴⁰ 「高皇產靈神 [天御中主神之子、所謂「天神御祖」也...]... 神皇產靈神 [高皇產靈神ノ弟 也...] 魂留產靈神 [神皇產靈神 弟 也...] 生産靈神 [神皇產靈神之子 也...] 足產靈神 [魂留產靈神之子 也...] 大宮壳神 [高皇產靈神之子 也、或説亦名「天日神命」、御氣都神 [大宮壳神ノ弟 也、或説亦為「天月神命、事代主神...」] (Там же).

⁴¹ Kogoshūi, 1928. P. 68, note 50.

⁴² Kogoshūi, 1926. P. 34; 「爰、仰從「皇天二組之詔、建「樹神籬。<...> 【已上、今 御巫 所 奉齋 也。】...」 – Когосюи, 1926. С. 47.

⁴³ Норито. Сэмме, пер. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1991. С. 92, 103.

⁴⁴ 皇神 яп. *кō-син*, кит. *хуán-шэнь* – дух неба, бог; где 皇 яп. *кō*, кит. *хуán* – прил. 1) высочайший, августейший; священный; монарший; сущ. 1) государь, император; императорский; 2) владыка; божество, бог; дух неба (БКРС. Т. II. С. 162, 161).

⁴⁵ Норито. Сэмме. С. 230.

⁴⁶ 「以上八座、此皇神等者主「天瑞宝十種、因以爲「鎮魂祭ノ神、<...> 昔、在「神祇官 坐「御巫等祭「八座 是 也...」 – Мононобэ-удзи-но кудэнсэ 物部氏口伝抄.

⁴⁷ Kogoshūi, 1926. P. 70, note 60.

⁴⁸ Норито. Сэмме. С. 232, прим. 5.

⁴⁹ 「大宮壳神 [...或説 亦 名「天日神命、」] – Мононобэ-удзи-но кудэнсэ 物部氏口伝抄.

⁵⁰ Норито. Сэмме. С. 215, прим. 20.

Тосигои-но мацури⁵¹, Минадзуки-но цукинами⁵², Оото-но хокаи⁵³, а также в «Когосюй»⁵⁴ и «Кудзи-хонки»⁵⁵. Следует обратить внимание на то, что в «Мононобэ-удзи-но кудэнсё» О-мия-но мэ-но kami названа дочерью (букв. 'ребёнком') бога Таками-мусуби⁵⁶. В «Когосюй» и «Кудзи-хонки» она внучка Таками-мусуби (дочь Ама-но Футо-дама⁵⁷ [далекого предка рода жрецов Имибэ-удзи⁵⁸, Имибэ-но обито⁵⁹ и Имибэ-но сукунэ⁶⁰] – сына Таками-мусуби⁶¹) (Когосюй, kami-но ё, Аматаэрасу; Кудзи-хонки, св. 2-й (2))⁶². В мифах Футо-дама-но микото сыграл важную роль в извлечении богини солнца Аматаэрасу из небесной пещеры. В «Когосюй» и «Кудзи-хонки» сказано, что после этого богине О-мия-но мэ-но kami было приказано служить перед Аматаэрасу во дворце (доно)⁶³.

Возникает вопрос – не связана ли богиня небесного солнца Ама-но Хи-но kami – она же дворцовая богиня О-мия-но мэ-но kami (др.-яп. Ама-но Пи-но kami – Опо-мия-но мэ-но kami) – с формированием культа Аматаэрасу? Указанием на наличие этой связи может служить фраза из «Синсэн-сёдзи-року», в которой имя богини Мия-но мэ-но kami (можно полагать, это сокращение от О-мия-но мэ-но kami) названо в связи с результатами религиозно-политической реформы государя Мимаки. «В царствование государя (сумэра-микото) 【посмертное почетное имя (яп. окурин) – Судзин】, правившего территорией [государства]

из дворца Мидзугаки-но мия в Сики, в Поднебесной были бедствия (яп. магагото). Поэтому отправили Э-тараси-хи-но микото, приказав [ему] исполнять очистительные обряды [перед] богом О-моно-нуси-но kami. Несчастья разные как раз [и] прекратились. Государь [Судзин] провозгласил указ, говоря: "Исчезли (яп. кизта) [в] Поднебесной бедствия. Сто родов (др.-яп. опо-митакара, арх.-яп. хякусэй, т. е. общинники⁶⁴) получили благополучие. Отныне и потом должна быть богиня дворца (яп. Мия-но мэ-но kami)"⁶⁵ (Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й, [513] Каму-мия-бэ-но мияцуко). О-мия-но мэ-но kami⁶⁶ входила в восьмерку высших божеств, поклонение которым при дворе Ямато, начиная с Дзимму, выполнялось придворными жрицами синто⁶⁷. В синтоистском обряде Отонохогаи (Пожелания удачи или благословения Великого дворца – молитве богам-охранителям государева дворца)⁶⁸, проведенном впервые в начале царствования государя Дзимму (по сведениям раздела «Дзимму» в «Когосюй»), покровительство богини О-мия-но мэ-но kami призывалось для защиты дворца императора от любой болезни⁶⁹. В «Когосюй» о функциях этой богини О-мия-но мэ-но kami сказано: «О-мия-но мэ-но kami... (Эта [богиня]... подобно придворным дамам (яп. найси – арх. фрейлинам)⁷⁰ нынешнего поколения, [она посредством] добрословий (ёгото) [и] красивых слов (уцукусий

⁵¹ Там же. С. 92.

⁵² Там же. С. 103.

⁵³ Там же. С. 108, 109.

⁵⁴ 大宮賣神 – Когосюй, 1926. С. 47; Норито. Сэммё. С. 216, прим. 20.

⁵⁵ 「大宮賣神」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. С. 205–206.

⁵⁶ 「大宮売神 [高皇産靈神之子也...]」 – Мононобэ-удзи-но кудэнсё 物部氏口伝抄.

⁵⁷ 「大宮売神 【天太玉命 久志備所生之神...】」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. С. 205–206.

⁵⁸ Нихон-сёки, 1997. С. 154.

⁵⁹ Кодзики 古事記 (из серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсё» 日本古典文学全集). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. С. 116, 117; Kojiki, transl. Chamberlain B. H. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1982. P. 134, note 32; ср.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I: Свиток 1-й, пер. Е. М. Пинус. СПб.: Шар, 1994. Т. I. С. 86.

⁶⁰ Kogoshūi, 1926. P. 17; 「天太玉命. 【齋部宿禰 祖也.】」 – Когосюй, 1926. С. 8.

⁶¹ Когосюй, 1926. С. 7, 8.

⁶² 「大宮賣神... 【是、太玉命 久志備所生之神...】」 – Когосюй, 1926. С. 22; 「大宮売神 【天太玉命 久志備所生之神...】」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. С. 205–206.

⁶³ 「...其殿、令レ大宮賣神二 侍レ於 御前。」 – Когосюй, 1926. С. 22; 「復 令レ大宮賣神ヲ 侍レ於 御前。」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. С. 205–206.

⁶⁴ 百姓 др.-яп. опо-митакара, арх.-яп. хякусэй – простой народ, т. е. рядовые общинники. Ср.: БЯРС. Т. II. С. 518.

⁶⁵ (513) 山城国、神別、天神: 「神宮部造。…磯城ノ瑞籬宮ノ御宇ノ【謚 崇神】天皇ノ御世。天下 有レ災。因 遣レ吉足日命、令レ齋祭レ大物主神。災異 即 止。天皇 詔レ曰: 「消レ天下ノ災、百姓 得レ福。自今以後 可レ為レ宮能売神」...」 – Саэки Арикиё 佐伯 有清. «Синсэн-сёдзи-року»-но кэнкё. Хомбун-хэн 『新撰姓氏録の研究 本文篇』. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 241.

⁶⁶ 大宮賣神 яп. О-мия-но мэ-но kami – досл. 'богиня Великого дворца' (Когосюй, 1926. С. 22); см.: Kogoshūi, 1926. P. 64, note 23. 「大宮売神」 – Мононобэ-удзи-но кудэнсё 物部氏口伝抄.

⁶⁷ Kogoshūi, 1926. P. 34.

⁶⁸ Текст норито см.: Норито. Сэммё. С. 107–109.

⁶⁹ Kogoshūi, 1926. P. 34, 69, note 56.

⁷⁰ 内侍 яп. найси, кит. нэй-шй – 1) придворный... 3) дворцовый чиновник (до дин. Тан) (БКРС. Т. III. С. 326); ср.: 内侍 яп. найси – арх. фрейлина (БЯРС. Т. I. С. 662). Е. К. Симонова-Гудзенко читает термин найдзи 内侍 как утишумисабурахи (Когосюй, 2002. С. 87; 87, прим. *) – букв. 'служашая при государе во дворце'.

котоба) смягчает (яп. *яварагэру* – также *успокаивает*) отношения государя и подданных, заставляя мысли государя (яп. *син-кин*)⁷¹ быть в большой радости (яп. *эцуэки*)⁷²» (Когосюи, Аматаэрасу). Сходная мысль высказана в «Кудзи-хонки»: «О-мия-но мэ-но kami...

【Эта богиня] подобно придворным (яп. *найси*) (из придворных дам [яп. *нэкан / нэкан*]⁷⁴ – прим. переводчика) нынешнего поколения, [используя] добрословия (*ёгото*) [и] красивые слова (*уцукусий котоба*) (в переводе на совр. яп.: изысканные слова [яп. *юбина котоба*] и изящные слова [яп. *танрэйна котоба*] – прим. автора), смягчая (яп. *яварагэтэ*) [отношения] между государем и подданными, заставляя мысли государя (яп. *син-кин*) быть в большой радости (яп. *эцуэки*)】 (в переводе на совр.-яп.: радуется августейшее сердце [яп. *ми-кокоро*] государя [яп. *сумэра-микото*])⁷⁵ (Кудзи-хонки, св. 2-й (2)).

Богиня Омия-но мэ-но kami считалась посредницей между вождем и общинниками, владельцем и подданными⁷⁶. В *норито* «Благопожелание великому дворцу» (*Отонохокаи*) о богине О-мия-но мэ-но микото сказано: «Отдельными словесами говорю смиренно – произнесу имя священное богини Оомия-но мэ-но микото, что водворилась в том же дворце внука божественного, и правит выбором людей тех, кто входит, и тех, кто выходит, и то, что божества грубого творят, то она словом выпрямляет и смягчает, и не допустит, чтоб челядь в белых полотнах накинутых, челядь со шнурами привязанными, что государю служит за утренней трапезой, за вечерней трапезой, руками ошиблась, ногами ошиблась, и не допустит, чтоб кровные государевы, все властители и вельможи, всех ста управ чиновники по своему бы действовали хотению, пусть без помыслов дурных, без сердца грязного они, во дворец приходя – приходят, во дворце служа – служат, а оплошность, ошибка приключится, она, видя, – выправит, слыша – выправит, дабы мирно, спокойно они служили. Посему священное имя Оомия-но мэ-но микото восславлю, – так говорю смиренно»⁷⁷.

О-мия-но мэ-но kami считалась хозяйкой первого из двух **священных зеркал**⁷⁸, входивших в состав десяти священных сокровищ *мидзу-такара*, доставшихся государю Дзимму от Ниги-хаяхи-но микото через его сына Умасимади (с этим кланом родством был связан новый государь Ямато – Мимаки) [Суровень 2020с; 2021с] (Мононобэ-удзи-но кудэнсё, Такэ-фуцу-о-ками-но ги). Младшим братом О-мия-но мэ-но kami был бог месяца (бог луны). «Микэцу-ками ([он] – младший брат О-мия-но мэ-но kami, по одному мнению, еще [его звали] Ама-но Цуки-но kami-но микото [досл. 'Бог небесного месяца']»⁷⁹ (Мононобэ-удзи-но кудэнсё, Яцу-мико-но доно). Роль **богини-покровительницы государева дворца О-мия-но мэ-но kami** как **богини небесного солнца и хозяйки священного зеркала** (*солярного* символа – воплощения солнечного светила) явно **сближает** ее с богиней солнца Аматаэрасу, также первоначально являвшейся богиней-покровительницей дворца государя Мимаки (Судзина). К тому же у Аматаэрасу (как и у О-мия-но мэ-но kami) тоже был младший брат – бог месяца Цуки-ёми-но kami. Возможно, что О-мия-но мэ-но kami (одно из восьми древних высших божеств) с ее атрибутами и родственными связями послужила прототипом персонажа богини Аматаэрасу.

Кроме того, добавляют исследователи, в процессе становления культа Аматаэрасу она была наделена свойствами *солярного* божества *аустроазиатского* происхождения, ведающего едой и т.п. [Ермакова 1995а: 31]. Этим *солярным* божеством, видимо, являлась **О-хирумэ**, которая стала позднее рассматриваться как одно из проявлений (ипостасей) Аматаэрасу [Matsumae 1978: 3].

Более того, в процессе становления культа Аматаэрасу О-мия-но мэ-но kami была **наделена функциями Таками-мусуби**, главного божества народов алтайского типа [Ермакова 1995а: 31], который стал считаться ее дедом (Когосюи, *ками-но ё*; Кудзи-хонки, св. 2-й (2)). В связи с этим примечательно сообщение «Ямасиро-фудоки», где имя Таками-мусуби указано

⁷¹ 宸襟 яп. *син-кин*, кит. *чэнь-цзэнь* – возвыш. мысли (думы) императора (БКРС. Т. III. С. 861; БЯРС. Т. II. С. 94).

⁷² 悦懌 яп. *эцуэки*, кит. *юэй* – ликовать, сильно радоваться, быть очень довольным; удовлетворение; большая радость, удовольствие (БКРС. Т. IV. С. 449).

⁷³ [大宮實神... 【是、...如 今世 内侍 善言・美詞、和 君臣間、令 宸襟 悦懌 也。】] – Когосюи, 1926. С. 22. См.: Kogoshūi, 1926. Р. 23. Ср.: Когосюи, 2002. С. 87; [Ермакова 2020: 294, п. 20].

⁷⁴ 女官内侍 яп. *нэкан / нэкан найси* – досл. 'фрейлина из придворных дам'. Кудзи-хонки, св. 2-й (2) 舊事本紀、第二卷 (2). URL: [http://www.h4.dion.ne.jp/~muniyu/kujihonki/KHonki02\(2\).files/mokujik.htm](http://www.h4.dion.ne.jp/~muniyu/kujihonki/KHonki02(2).files/mokujik.htm) (accessed 28 May 2018), где 女官 яп. *нэкан / нэкан* – фрейлина (БЯРС. Т. I. С. 680); ср.: 女官 кит. *ньюйгуань* – 1) *ист.* придворная дама... 3) женщина-чиновник (БКРС. Т. IV. С. 1010). См.: Сэндай кудзи-хонки, 1901. С. 206.

⁷⁵ [大宮實ノ神... 【...如 今世ノ内侍 善言・美詞、和 君臣間、令 宸襟 悦懌 焉。】] – Сэндай кудзи-хонки, 1901. С. 205–206.

⁷⁶ Норито. Сэммё. С. 202–203, прим. 10.

⁷⁷ Там же. С. 108–109.

⁷⁸ [高皇産靈尊之女子 大宮壳神、主 瀛都鏡 也] – Мононобэ-удзи-но кудэнсё 物部氏口伝抄.

⁷⁹ [御氣都神 [大宮壳神ノ弟 也、或説 亦 為 天月神命、] – Мононобэ-удзи-но кудэнсё 物部氏口伝抄.

как «Аматэрасу Таками-мусуби-но микото»⁸⁰ (Ямасиро-фудоки, фрагмент «Святылище Мито-но ясиро» из св. 8-го «Сяку-нихонги», раздел «Тоё-тама-химэ»⁸¹). А далее в том же фрагменте «Сяку-нихонги» сказано: «[В] фудоки: Аматэрасу Таками-мусуби...»⁸². Ока Масао аргументирует эту параллель между мифами о Таками-мусуби и Аматэрасу как представляющую контакты и смешение народа, происходящего из Юго-Восточной Азии (который поклонялся богине солнца), с северо-азиатским тунгусским народом⁸³, принесшим с собой культ небесного *ками* Таками-мусуби [The Cambridge history of Japan 1993: 347–348].

Н. А. Иофан в связи с этим отмечает, что с *солярным* культом, переосмысленным (на стадии расслоения первобытного общества и выделения общинной знати) в культ *солнечного предка* главы объединения гражданских общин (др.-яп. *сумэра-микото*, яп. *тэннō*), ставшего потомком Аматэрасу, связано начало возведения курганов (яп. *кофун*) на стадии перехода от металлургии бронзы к железу (т.е. на рубеже III–IV вв.) [Иофан 1974: 38].

Мацумаэ Такэси указывает, что слово *аматэрасу* является гонорифической формой от *аматэру*, что значит 'сияющий в небесах' [Matsumae 1978: 3]. По сведениям «Энги-сики» и «Нихон сандай дзицу-року», в Японии было много святилищ, которые назывались Аматэру-дзиндзя или Аматэру-митама-дзиндзя, особенно в области Кинки (столичном регионе) [Matsumae 1978: 3]. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что изначальный бог-покровитель области Ямато – божество горы Мива – также было связано с *солярным* культом. Долгое время в названии маленького святилища на вершине горы Мива фигурировало словосочетание *хи-муки*, что значит 'обращенное к солнцу'. Данное обстоятельство, как и сама конфигурация вершины (она представляет собой довольно обширную ровную площадку), дает основания предполагать, что это было место отправления *солярного* культа, широко распространенного в древней Японии. Дух солнца назывался Аматэру митама – 'Дух, сияющий в небе' [Светлов 1994: 26]. Это божество солнца было одной из ипостасей *кунитама* – духа-покровителя земель Ямато из святилища у подножия горы Мива. В функции *кунитама* (связанного с культом предков и земледельческой

обрядностью) входили также способности дарить людям воду и солнце, обеспечивать богатый урожай, оберегать от эпидемий и стихийных бедствий [Светлов 1994: 38]. Этот культ в дальнейшем смешается с культом далекого предка тех завоевателей – выходцев из Кюсю, что поселились у подножия горы Мива [Светлов 1994: 26]. Именно вышеназванная ипостась *кунитама* – Аматэру митама – со временем превратилась в клановое божество государева рода, получившее впоследствии имя Аматэрасу [Светлов 1994: 38]. Мацумаэ Такэси указывает, что святилища Аматэрасу в областях Ямато, Ямасиро, Тамба и Сэццу были посвящены *мужским* солнечным божествам [Matsumae 1977: 3]. Смена пола божества-покровителя с мужского (Аматэру митама) на женский (Аматэрасу), видимо, связана с заменой верховной жрицы-женщины (Ямато-то-момосо-бимэ), находившейся в «священном браке» с богом-покровителем территории страны, на верховного жреца-мужчину, который теперь должен был вступать в «священный брак» с богиней-покровительницей Ямато.

Таким образом, получалось, что Аматэрасу была *клановой богиней*-прародительницей [Ермакова 1985: 9; Matsumae 1978: 3]. Культ Аматэрасу первоначально являлся только *внутриродовым* культом. В пользу этого говорит то, что религиозные обряды, посвященные Аматэрасу, должен был проводить глава клана **в своем жилище**. Скорее всего, первоначально она являлась божеством рода Кōгэна-Кайка, из которого происходил государь Мимаки, т.к. (по сведениям «Нихон-сёки») именно Мимаки в первые годы своего царствования **в своем жилище** (т.е. во дворце правителя) выполнял обряды дворцовой богине солнца (позднее названной «богиней Аматэрасу» [Palmer 1991: 82])⁸⁴. Получается, что в то время культ дворцовой богини (культ Аматэрасу) был *дворцовым* культом рода государя Мимаки и не имел общегосударственного значения.

Однако воцарение Мимаки изменило ситуацию. Возвышение рода и гражданской общины, из которых происходил новый государь, повлекло за собой и повышение статуса его богини-покровительницы, который следовало объединить с *солярным* культом богов-прародителей пришедшего из юго-восточного Кюсю государя Дзимму и его сородичей, которые принесли

⁸⁰ 水渡社: 「山城國ノ風土記ニ 曰、『久世ノ郡。水渡ノ社【祇社】。名ハ 天照高彌牟須比命...」」 – Кофудоки ицубун kōsē 古風土記逸文考證. Токио 東京: Тэйкоку кёикукай сюппанбу 帝国教育会出版部, 1936. С. 21.

⁸¹ 「山城國ノ風土記ニ 曰、『久世ノ郡。水渡ノ社【祇社】。名ハ 天照高彌牟須比命...」」 – Сяку-нихонги 釋日本紀. Кокуси тайкэй 國史大系. Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. Т. 7. С. 627.

⁸² 「風土記、天照高御魂...」 – Сяку-нихонги, 1901. С. 627.

⁸³ Его переселение, в отличие то того, что думал Ока Масао, произошло в середине I тыс. до н. э. Подробнее см. в [Суrowень 2012; 2013].

⁸⁴ Синто: путь японских богов. С. 582, прим. 19.

из юго-западной Японии «три священные регалии» (яп. *сансю-но дзинки*⁸⁵ – священное зеркало, священный меч и священную яшму [Мендрин 1999]), а также с солярным божеством *Аматэру митама*, связанным с культом местного бога-покровителя горы Мива. Во дворец государя Мимаки (Судзина) – Мидзугаки-но мия в Сики, где теперь располагалась резиденция главы государства, были перенесены эти три священные регалии, связанные с культом государевых предков рода Дзимму.

Три священных регалии

Как установили исследователи, этот тройной ритуальный комплекс (зеркало, меч и яшмовые подвески *магатама*) сложился в I веке н. э. [Иофан 1974: 24] на острове Кюсю в рамках юго-западного ареала культуры *яёй*. Первоначально эти три регалии были *амулетами*, служившими для защиты особы правителя [Светлов 1985: 25]. На рубеже III–IV вв. в результате завоевания, получившего в сказаниях название *Восточный поход Дзимму*, произошла смена двух локальных культур бронзы (*яёй*) единой культурой раннего железного века (*кофун*) при характерном единообразии предметов у верхнего слоя общества [Воробьев 1980: 108–109]. Как отмечает С. А. Арутюнов, анализ артефактов курганной культуры показывает, что комплекс предметов господствующих классов раннего железа во всей Японии продолжает те традиции, которые до этого складывались на севере Кюсю: культ *зеркала, меча и яшмовых подвесок* [Арутюнов 1975: 9; Kujiŋa 1978: 201].

Таким образом, эти три священных предмета, получивших в японской традиции название *три священных регалии* (яп. *сансю-но дзинки*), действительно, могли быть привезены участниками «Восточного похода» с Кюсю в центральную Японию. Судя по легендам, древние японцы полагали, что три священных регалии передавались со времен Ниниги-но микото в его нисходящем потомстве до государя Дзимму⁸⁶ [Мендрин 1999: 346].

При вступлении государя Дзимму на престол три священные регалии были помещены в резиденции правителя. «В 1-ю луну 8-го года (Восточного похода – прим. автора) *каното-тори* (301 года [испр. хрон.]⁸⁷ – прим. автора) столица была возведена в Касихара. Для жилища государя возвели обитель прекрасную, где он мог сокрыться от неба, сокрыться от солнца и страной в четырех направлениях спокойно, мирно править. Приняв небесные знаки – *меч* и *зеркало*, изрек заклинания благие, славу [богам] вознес[ли], чтобы небесное престолонаследие они оберегали и спасали»⁸⁸ (Ямато-химэ-но микото сэйки, 6. Каму-ямато-иварэ-бико (Дзимму), 8-й год [похода], 1-я луна). Подробности появления трех священных регалий во дворце Дзимму сообщают «Когосёи» и «Кудзи-хонки». Обряд поднесения трех императорских регалий государю Дзимму, которые были установлены в главном обрядовом зале государева дворца, совершили люди жреческого рода Имибэ-но оми. В «Когосёи» сказано: «Ама-но Томи-но микото (выходец с Кюсю, предок рода Имибэ-удзи – прим. автора), возглавив всех [людей корпорации] Имибэ, почтительно подняв двумя руками (яп. *хōдзи-ситэ*) небесные знаки (божественные государевы регалии – прим. автора) – *зеркало* и *меч*, установил⁸⁹ [их] в главном обрядовом зале⁹⁰, вместе с [ними] повесил *тама* из красной яшмы (арх.-яп. *ни, нэ*; яп. *тама*)⁹¹, расставил дары (яп. *хэй-буцу*, кит. *bù-yù*) для них, [возгласил] "норито" *Отонохогаи* (досл. 'норито богослужения в главном обрядовом зале' [т.е. благопожелание великому дворцу]⁹²)»⁹³ (Когосёи, Дзимму). Сходная информация дана в «Кудзи-хонки»: «"Сын" Таками-мусуби-но микото (т.е. сын жрицы, находившийся в священном браке с богом – прим. автора) [по имени] Ама-но Томи-но микото, возглавив всех [людей корпорации] Имибэ, держа в поднятых руках (яп. *сасагэтэ*) небесные знаки – *зеркало* и *меч*, поместил [их] в главном обрядовом зале»⁹⁴ (Кудзи-хонки, св. 5-й (4), Дзимму, 1-й год пр., 1-я луна). Следует обратить внимание, что обрядами внесения «священных регалий»

⁸⁵ 三種神器 яп. *сансю-но дзинки* – три священных сокровища. О них см. в [Мендрин 1999].

⁸⁶ См.: Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 549.

⁸⁷ См. [Суровень 2015].

⁸⁸ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551.

⁸⁹ 奉安 яп. *хōан-суру* – кн. поместить в храм (для поклонения верующих) (БЯРС. Т. II. С. 486); ср.: 奉安 кит. *фэн-āнь* – 2) установить (напр. в нише, киоте...) (БКРС. Т. II, С. 860).

⁹⁰ 正殿 яп. *сэйдэн* – 1) *синт.* главное здание храма; 2) центральное здание дворцового комплекса, зал для торжественных церемоний (БЯРС. Т. II. С. 172); ср.: 正殿 кит. *чжэн-дэнь* – главный (обрядовый) зал (БКРС. Т. II. С. 227).

⁹¹ 瓊玉 др.-яп. *тама-тама*, яп. *кэй-гёку* – букв. 'тама (драгоценные камни) из красной яшмы'; где 瓊 арх.-яп. *ни, нэ*, совр.-яп. *кэй / тама*, кит. *цзюнь* – 1)* красная яшма, нефрит с красными прожилками (БКРС. Т. IV, с. 6); 玉 а) яп. *гёку* – 1) драгоценный камень; 2) нефрит; яшма; *тама* – 1) драгоценный камень, драгоценность; 2) бусинка (ЯРУСИ. С. 394).

⁹² См.: Норито. Сэммё. С. 107–109.

⁹³ 「天富命、率^レ諸齋部、捧持^レ天璽鏡・劍、奉安^レ正殿、并懸^レ瓊玉、陳^レ其幣物、殿祭祝詞。」 – Когосёи, 1926. С. 49.

⁹⁴ 「高皇產靈尊ノ兒 天富命、率^レ諸齋部、擎^レ天璽鏡・劍、奉安^レ正殿 矣。」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. С. 263.

во дворец государя руководил «сын» бога **Таками-мусуби**, видимо, от которого, по первоначальной версии предания, Ниниги-но микото и должен был получить три священных предмета.

Полагали, что эти регалии передавались со времен Ниниги-но микото в его нисходящем потомстве от государя Дзимму (прижизненное тронное имя Каму-ямато-иварэ-бико) и до Судзина (прижизненное имя Мимаки) и должны были неизменно находиться при каждом преемнике в том же помещении, где обитал он сам [Мендрин 1999: 346]. В «Ямато-химэ-но микото сэйки» сказано: «От государя Каму-ямато-иварэ-бико [правления императора Дзимму] и до государя Вака-ямато-нэко-хико-оо-хи-хи [императора Кайка] было девять государей... В те времена между государями и богами еще граница не была положена, один общий дворец (*дōдэн кёсё*⁹⁵ – прим. автора) у них был. Так было в обычае. И дела, связанные с богами, еще не были отделены от дел, связанных с управлением»⁹⁶ (букв. ‘божественные вещи [др.-яп. ками-но моно, яп. симбуцу]⁹⁷ [и] казенное имущество [др.-яп. тукаса-но моно, яп. цукаса-но моно / каммоцу, камбуцу]⁹⁸ еще не различались / еще не разделялись [яп. мибумбэцу датта]⁹⁹)»⁹⁹ (Ямато-химэ-но микото сэйки, 6. Каму-ямато-иварэ-бико [Дзимму], 8-й год [похода], 1-я луна). Далее в «Ямато-химэ-но микото сэйки» говорится: «От государя [Дзимму] на протяжении царствования девяти государей (до государя Вака-ямато-нэко-хико О-би-би [Кайка] – прим. автора) в одном дворце... они жили, одни полы... делили (*дōдэн кёсё* – прим. автора)»¹⁰⁰ (Ямато-химэ-но микото сэйки, 7. Мимаки [Судзин], 6-й год). В «Когосёи» сообщается: «Тогда, в то (древнее) время, государево и божественное – их разделение (досл. ‘межа, граница’) не было [столь] далеким [друг от друга]. [Государево имущество и священные вещи находились] в одном главном обрядовом зале [на] общем одре (яп. *дōдэн кёсё*). Поэтому было

[так] всегда»¹⁰¹ (Когосёи, Дзимму). В источниках нахождение трех священных регалий (яп. *сансю-но дзинки*) во дворце государя определялось выражением *дōдэн кёсё* (досл. ‘один и тот же дворец и совместный помост’)¹⁰². То есть дворец и храм не были разделены и обозначались одним термином *мия*. Это было и жилище правителя (дворец), и жилище бога (храм)¹⁰³. Понятия культ и управление при этом полностью совпадали [Конрад 1974: 27; Reischauer 1937: 116] (управление обозначалось термином *мацуригото* – досл. ‘совершение праздничного обряда мацури’ [Иофан 1974: 85]). Законным государем должен был считаться только фактический обладатель трех сокровищ [Мендрин 1999: 344].

Видимо, уже при Мимаки (Судзине) или в более позднее время происхождение трех священных регалий связали с клановым божеством его рода – богиней Аматаэрасу. В поздней редакции древнеяпонских мифов уже Аматаэрасу наделяла тремя священными регалиями своего внука Ниниги¹⁰⁴ (Нихон-сёки, св. 2-й, 9.1; Дзиннō-сётоки, св. 2-й, Дзимму; Jinnō-shōtōki, I, Jimmu, 69).

Создание святилища в Касануи

Чтобы придать более высокий статус новой богине солнца (Аматаэрасу) необходимо было вывести культ этой богини из состояния внутриворцовой обрядности и родового культа и придать ему всеобщий характер. В связи с этим некоторые исследователи обнаруживают в политике Мимаки (Судзина) в культовой сфере стремление сделать культ Аматаэрасу общегосударственным – не только царского дома, но и всех кланов (яп. *удзу*) Ямато [Ishii 1980: 8]. Поэтому Мимаки, как сказано в источниках, желая избежать всяческих несчастий, чтя зеркало (яп. *ята-но кагами*)¹⁰⁵ как святыню и боясь осквернить ее обладанием как обыкновенной вещью [Мендрин 1999: 350], приказал поклоняться своей Аматаэрасу в селении Касануи-но мур

⁹⁵ Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

⁹⁶ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551.

⁹⁷ 神物 др.-яп. ками-но моно, яп. симбуцу / симмоцу, кит. шэнь-у – 2) святыня, 4) удивительная вещь (БКРС. Т. II. С. 935).

⁹⁸ 官物 др.-яп. тукаса-но моно, яп. цукаса-но моно / каммоцу, камбуцу, кит. гуань-у – казенные вещи, казенное имущество (БКРС. Т. II. С. 544).

⁹⁹ 「凡 神倭伊波禮彥天皇【神武】已下、稚日本根子彥大日天皇【開化】以往 九帝... 帝與神 其際 未遠、同殿共床、以此爲 常。故二、神物 官物 亦 未分別 焉。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 48–49.

¹⁰⁰ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551; 「天皇以往九帝、同殿共床...」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹⁰¹ 「當 此之時、帝之與神、其際 未遠。同殿共牀、以此 爲 常。」 – Когосёи, 1926. С. 50.

¹⁰² 同殿共床 яп. *дōдэн кёсё* – досл. ‘один и тот же дворец (палаты) и совместный помост’ [Мендрин 1999: 346]; где *床* яп. *сё* / *юка* – пол (в помещении); яп. *токо* – 1) постель, ложе, одр; 2) пол; в соч.: яп. *сё* / *токо* – постель, ложе; 2) яп. *юка* – пол (ЯРУСИ. С. 211; БЯРС. Т. II, С. 568, 291); Kogoshūi, 1926. P. 35.

¹⁰³ 宮 яп. *мия* – ‘синтоистский храм’; ‘императорский дворец’ (ЯРУСИ. С. 183).

¹⁰⁴ Нихон-сёки, 1997. С. 152, 154. 「...大和國橿原(かしはら)に都をさだめて、宮つくりす。<...> 天照太神より伝給へる三種の神器を大殿(みあらか)に安置し、床(ゆか)を同くします。」 – Дзиннō-сётоки хёсяку 神皇正統記評釈. Токио 東京: Мэйдзи-сёин 明治書院, 1925. С. 59.

¹⁰⁵ 八咫鏡 яп. *ята-но кагами* – досл. ‘зеркало в восемь та, т. е. большое зеркало (咫 др.-яп. *та* – древняя мера длины, лядь)’.

(др.-яп. Касанупи-но мура)¹⁰⁶ в округе Сики области Ямато [Ермакова 1995а: 73; Мендрин 1999: 350]. «Поэтому великую богиню Аматаэрасу *опо-ками*... [стали] почитать в селении Касанупи-но мура в [области] Ямато»¹⁰⁷. В «Когосёи» по этому поводу сообщается: «[Судзин-но сумэра-микото]. [Когда] наступило [время царствования государя Мимаки при] дворе Мидугаки в Сики, в конце концов устранившись влияния богов, не решились оставлять [божественные вещи – зеркало и меч] в одном и том же дворце (*дōдэн*¹⁰⁸ – досл. ‘один и тот же дворец (палаты)’ – прим. автора) [с государем]... Поэтому [тогда] в деревне Касанупи-но мура [области] Ямато начали [дело поклонения богине Аматаэрасу]»¹⁰⁹ (Когосёи, Судзин; Kogoshūi, Sūjin) [Ellwood 1990: 200]. «Ямато-химэ-но микото сэйки» сообщает: «Однако прошло время, и стал государь опасаться мощи этой богини. Стало ему тревожно жить вместе»¹¹⁰. Поэтому «государь Мимаки-ири-хико-исунэ [император Судзин]... повелел добраться до селения Касануи провинции Ямато... и славить там Великую богиню Аматаэрасу и меч Кусанаги»¹¹¹ (Ямато-химэ-но микото сэйки, 7. Мимаки [Судзин], 6-й год, 9-я луна).

Деревня Касануи находилась в двух километрах к северу (по древней дороге Яманобэ) от святилища бога О-моно-нуса – О-Мива-дзиндзя. Сегодня о ней напоминает лишь надпись на памятной стеле (на месте деревни Касануи-но мура), установленной в пределах святилища Хибара-дзиндзя [Светлов 1994: 38, 39]. Выбор места, видимо, был не случаен. Новая богиня должна была заменить прежнего бога-покровителя Ямато, поэтому ее святилище и оказалось в Касануи – рядом с местом культа О-моно-нуса (в округе Сики-но агата).

Здесь, в Касануи-но мура, государь Мимаки приказал создать культовое место – «священную ограду» в Сики (Сики-но химороги) – это был особый большой участок

земли для почитания божеств¹¹². Там был сооружен сложенный из камней алтарь (жертвенник) с посаженными наверху деревьями (дубровным храмом) – всё это называлось *химороги* (др.-яп. *пимороги*)¹¹³. *Химороги* (др.-яп. *пимороги*) – нечто вроде кумирни для временного пребывания божества, поясняет Л. М. Ермакова¹¹⁴. Священная роща *химороги* представляла собой участок земли, обозначенный воткнутой в землю веткой вечнозеленого растения *сакаки* с навешенными на нее полосками ткани, иногда обнесенный изгородью с такими же полосками [Ермакова 1995а: 73]. «Поэтому великую богиню Аматаэрасу *опо-ками*... [стали] почитать в селении Касанупи-но мура в [области] Ямато. По этой причине [там] поставили священную ограду в [округе] Сики («Священная ограда». Это произносится *пимороки*)»¹¹⁵. «Когосёи» приводит сходные сведения: «И поэтому в деревне Касануи в Ямато особо возвели Сики-но хи[м]ороки и с благоговением поместили туда Аматаэру-ōмиками (т.е. ее символ – священное зеркало – прим. автора) и Кусанаги-но цуруги (священный меч – прим. автора)»¹¹⁶ (Когосёи, Судзин). «Государь Мимаки-ири-хико-исунэ (император Судзин)... повелел... восставить там каменные *химороги* ([округа] Сики – прим. автора) и на это новое место перенести и славить там Великую богиню Аматаэрасу и меч Кусанаги»¹¹⁷, «и служить им»¹¹⁸ (Ямато-химэ-но микото сэйки, Мимаки [Судзин], 6-й год, 9-я луна). Некоторые комментаторы текста источника полагают, что в случае с «переносом Великой богини Аматаэрасу» речь идет о священном зеркале, заменяющем Аматаэрасу¹¹⁹.

Зеркало *ята-но кагами* было перенесено в этот храм и в открытом виде, без всяких покровов и оборток, подвешено на дереве как объект *начавшего зарождаться культа* (объект ритуального поклонения) [Мендрин 1999: 350, 358]. Вместе с зеркалом

¹⁰⁶ 笠縫邑 яп. Касануи-но мура [Мендрин 1999: 350].

¹⁰⁷ 「故以天照大神... 祭^レ於 倭笠縫邑。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 159.

¹⁰⁸ 同殿 яп. *дōдэн* – досл. ‘один и тот же дворец (палаты)’ (Когосёи, 1926. С. 52).

¹⁰⁹ 「至^レ于 磯城ノ瑞垣朝 漸畏神威 同殿 不安。<...> 仍就^レ於 倭ノ笠縫ノ邑...」 – Когосёи, 1926. С. 52, 53.

¹¹⁰ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551; 「然漸 畏^レ其神ノ勢、共住 不安。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹¹¹ Там же; 「御間城入彦五十瓊殖天皇 (崇神) ... 就^レ於 倭笠縫邑... 奉遷^レ天照太神 及 草薙劍。」 – Там же.

¹¹² Синто: путь японских богов. С. 415, прим. 132.

¹¹³ 神籬 др.-яп. *пимороки*, яп. *химороги* – досл. ‘священная изгородь’ (ЯРУСИ. С. 452).

¹¹⁴ Синто: путь японских богов. С. 473, прим. 13; Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 582, прим. 21.

¹¹⁵ 「故以天照大神... 祭^レ於 倭笠縫邑、仍立^レ磯城神籬。(神籬。此云^レ比葬呂岐。)」 – Нихон-сёки, 1957. С. 159.

¹¹⁶ Когосёи, 2002. С. 94; 「仍就^レ於 倭ノ笠縫ノ邑 殊立^レ磯城ノ神籬 奉遷...」 – Когосёи, 1926. С. 53.

¹¹⁷ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551; Ямато-химэ-но микото сэйки, 2002. С. 196.

¹¹⁸ Там же; 「御間城入彦五十瓊殖天皇 (崇神) ... 殊立^{シキ}磯城ノ神籬、奉遷^{ヒモロキ}天照太神 及 草薙劍。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹¹⁹ Синто: путь японских богов. С. 582, прим. 22.

в Касануи-но мура из дворца был перенесен и священный меч (яп. *амэ-но муракумо-но цуруги*¹²⁰; он же – *кусанаги-но цуруги*), который также был поручен попечению принцессы-жрицы при зеркале. Причем он находился сначала в дубровном храме, где был подвешен без покровов на дереве [Мендрин 1999: 354]. «Государь Мимаки-ири-хико-исуниэ [император Судзин]... повелел... славить там... меч Кусанаги»¹²¹ «и служить» ему¹²² (Ямато-химэ-но микото сэйки, Мимаки [Судзин], 6-й год, 9-я луна).

Служить при зеркале была поставлена старшая дочь государя Мимаки – принцесса Тоё-суки-ири-химэ¹²³, которая и стала первой жрицей при зеркале [Мендрин 1999: 350; Ellwood 1990: 200]. «Тоёсукипимэ-но микото служила в Великих храмах Исэ»¹²⁴ (имеется в виду «служила жрицей культа Аматаэрасу», т.к. тогда культ Аматаэрасу еще не переместился в Исэ¹²⁵) (Кодзики, св. 1-й, Судзин). «Тогда доверил он Тоё-суки-ири-бимэ-но микото [почитание] Аматаэрасу-ономиками, с тем чтобы впредь обряды [в честь этой богини] совершались в Касануи, в Ямато»¹²⁶ (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 6-й год пр.). «Славить там Великую богиню Аматаэрасу и меч Кусанаги. Служить им назначено было дочери государевой Тоё-суки-ири-химэ»¹²⁷ (Ямато-химэ-но микото сэйки, Мимаки [Судзин], 6-й год, 9-я луна). «Государева дочь (принцесса) Тоё-сёки-ири-пимэ была сделана [жрицей], исполняющей обряды [для богини Аматаэрасу]»¹²⁸ (Когосёи, Судзин; Kogoshūi, Sūjin). Упоминание о жреческой деятельности Тоё-суки-ири-химэ в Касануи считается **первым упоминанием** в сводах сказаний об **отправлении культа божеству солнца** (получившей с течением времени имя Аматаэрасу)¹²⁹.

Некоторые подробности церемонии перенесения священных регалий в Касануи сообщены в источниках. «В день, когда праздновался этот перенос [места для обряда], все люди из дворца туда пришли и всю ночь до рассвета пели песни и плясали»¹³⁰ (Ямато-химэ-но микото сэйки, 7. Мимаки [Судзин], 6-й год, 9-я луна). «Вечером, когда проводили торжественные религиозные обряды при перенесении божественных государевых символов, все придворные присутствовали и занимали (гостей) в течение всей ночи у освященной еды, распевая (песню)»¹³¹ (Kogoshūi, Sūjin; Когосёи, Судзин). Новый культ с течением времени стал постепенно разрастаться и принимать более определенные формы, потребовав для себя более значительное количество людей, но неизменно главной, верховной жрицей всегда была принцесса [Мендрин 1999: 350].

В результате теперь функции управления отделялись от культовых функций, но монарх сохранял функции верховного жреца [Конрад 1974: 27]. В подтверждение этого государь Мимаки приказал вместо прежних «божественных знаков» – древнего зеркала и древнего меча (по легенде, полученных от богини Аматаэрасу) – сделать новые зеркало и меч¹³², которые Ясуда Наомити и Акимото Ёситоку назвали **небесными знаками** (в отличие от божественных знаков)¹³³. «Ямато-химэ-но микото сэйки» сообщает, что государь Мимаки «тогда призвал людей рода Имибэ, повел за собой (людей) двух родов [из] отдаленных потомков¹³⁴ богов – прим. автора) (потомков) Исикори-томэ-но kami (т.е. зеркальщики¹³⁵ – прим. автора) и (потомков – прим. автора) Амэ-но Махитоцу... [-но kami] (т.е. литейщики – прим. автора), заново были отлиты зеркало и меч –

¹²⁰ 天叢雲劍 яп. *амэ / ама-но муракумо-но цуруги* – досл. ‘меч небесных густых (собравшихся вместе) облаков’ [Мендрин 1999: 354].

¹²¹ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551; 「御間城入彦五十瓊殖天皇 (崇神) ... 殊立 礪城ノ神籬、奉遷 天照太神 及 草薙劍。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹²² Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551.

¹²³ 豊鋤入姫 яп. *Тоё-суки-ири-химэ* – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹²⁴ Кодзики, 1994. Т. II. С. 55.

¹²⁵ При Мимаки (Судзине) в Исэ еще не было храма богини Аматаэрасу, он будет построен позднее – в правление государя Икумэ (Суйнина). См.: Нихон-сёки, 1997. С. 226–228.

¹²⁶ Нихон-сёки, 1997. С. 207.

¹²⁷ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2002. С. 196; 「令 皇女 豊鋤入姫命ニ 奉斎 焉。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹²⁸ 「令 皇女 豊鋤入姫命 奉 斎 焉。」 – Когосёи, 1926. С. 53.

¹²⁹ Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II: Свитки 2-й и 3-й, пер. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Шар, 1994. С. 117, прим. 39.

¹³⁰ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551; 「其遷祭之日 (夕部) 二、宮人ハ 皆參、終夜、宴樂 歌舞。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹³¹ Kogoshūi, 1926. Р. 37; 「其遷祭之夕 宮人 皆 參 終夜 宴 樂歌...」 – Когосёи, 1926. С. 53.

¹³² Синто: путь японских богов. С. 415, прим. 133.

¹³³ Там же. С. 415, прим. 131.

¹³⁴ 裔 яп. *эй*, кит. *й* – сущ. 5) отдаленные потомки, отпрыски, потомство (БКРС. Т. III. С. 276).

¹³⁵ Кодзики, 1994. Т. I. С. 228.

как **знаки небесные**, чтобы себя защитить (от несчастий и напасти¹³⁶, т.е. быть берегами или амулетами – прим. автора). Это и есть те самые священные знаки – зеркало и меч, которые подносят в день передачи престола (называют их *найсидокоро*)¹³⁷ (Ямато-химэ-но микото сэйки, Мимаки [Судзин], 6-й год). Термином *найсидокоро*¹³⁸ обозначались как зеркало и меч, так и место их хранения; данное слово, по-видимому, служило эвфемизмом этих священных регалий [Ермакова 2020: 582, п. 23]. В «Когосёи» сказано: «Поэтому затем клан Имибэ[-но оми], поставив руководить двумя кланами – потомков богини Исикоридомэ-но kami (клан Кагами-цукури-но мурадзи – клан руководителей корпорации изготовителей зеркал¹³⁹ – прим. автора) и потомков бога Ама-но Мапитоту-но kami (совр.-яп. Махитоцу-но kami) (предок кланов Имибэ области Цукуси [на северном Кюсю] и области Исэ¹⁴⁰ – прим. автора), далее зеркало отлили, меч изготовили, священными знаками (*мисируси*) [для] защиты (*мамори*) [особы государя и страны] [их] сделали. Это [то, что] является зеркалом и мечом священных знаков – государевых регалий (*мисируси*), [которые] ныне в день вступления на престол государя подносят [новому императору]»¹⁴¹ (Когосёи, Судзин). Как видно из источника, в создании заменителей зеркала и меча приняли участие потомки переселенцев с острова Кюсю – члены клана Имибэ из области Цукуси (на северном Кюсю). Зеркало и меч в источниках названы «священными знаками (*мисируси*) [для] защиты (*мамори*) [особы государя и страны]». Исследователи полагают, что в данном случае речь идет об амулетах, охранявших особу государя.

Таким образом, вместо священного зеркала *ята-но кагами* было сделано другое зеркало (яп. *синкэ*)¹⁴², которое Мимаки оставил при себе во дворце в качестве заменителя [Мендрин 1999: 350, 358]. Зеркало-копия

читилось так же, как и настоящее, было объектом поклонения, на него были перенесены свойства настоящего зеркала [Мендрин 1999: 358]. Зеркало-копия, сохранившееся до сих пор¹⁴³, с древнейшего периода стало храниться обернутым в материю и вложенным в ящички; время от времени обертка и ящички меняются, но совсем зеркало не открывается. Поэтому в последующие времена его никто не видел; во всяком случае описаний его нет, и потому нельзя с достоверностью решить, что это такое. *Синкэ* считается подобием *ята-но кагами*, но насколько это действительно точная копия, сказать нельзя. Здесь главное было не безукоризненное сходство, а то, что это **заместитель ята-но кагами**. Поэтому достаточно было и приблизительного сходства. Возможно, что для *синкэ* было сделано какое-нибудь зеркало наподобие тех, какие были тогда в обиходе. Вероятно, это бронзовое или медное зеркало – круглое, или т.н. формы *яцу-хана-гата*¹⁴⁴.

Вместо священного меча (вместе со священным зеркалом перенесенного на особый алтарь в Касануи-но мура) был сделан другой меч¹⁴⁵ – меч-заместитель (яп. *синкэн*), который с тех пор и стал находиться всегда непосредственно при государе как заместитель настоящего меча, ставшего храмовой святыней [Мендрин 1999: 361]. Меч-заместитель не был, как полагают, завернут подобно остальным предметам, а только покрыт материей. Описания этого меча нет, но он не окружен такой таинственностью, как остальные предметы. *Синкэн* не являлся одним и тем же мечом, бессменно сохранявшимся с древнейших времен. В зависимости от обстоятельств для *синкэна* несколько раз брались разные мечи. *Синкэн* как заместитель *амэ-но муракумо-но цуруги* считается святыней императорского дома, эмблемой, императорской регалией, но культа для *синкэна* не возникло никакого [Мендрин 1999: 361].

¹³⁶ 護身 яп. *госин*, кит. *хушэнь* – защищать себя от несчастий и напасти (БКРС. Т. III. С. 1000).

¹³⁷ Ямато-химэ-но микото сэйки, 2020. С. 551–552; Ямато-химэ-но микото сэйки, 2002. С. 197; 「改^レ齋部氏ヲ、樂^レ石凝姥神ノ裔、天日一箇[神]ノ裔ノ二氏ヲ、更^レ鑄造^レ鏡劍ヲ、以^レ護身 御璽 焉。是今 踐祚ノ日ニ、所獻神璽鏡劍 是也 (謂^レ内侍所 是也)。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки, 1901. С. 481; Ямато-химэ-но микото сэйки, 1923. С. 49.

¹³⁸ 内侍所 яп. *найсидокоро* – букв. ‘место придворных (фрейлин)’ – Там же.

¹³⁹ Кодзики, 1994. Т. I. С. 86, 227–228.

¹⁴⁰ 「天目一箇命。【筑紫、伊勢 兩國ノ忌部祖 也。】」 – цит. по: Когосёи. Ч. 1 古語拾遺(1). URL: <http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/wakan/kogo1.html> (accessed 28 May 2018).

¹⁴¹ 「故更^レ令^レ齋部氏 率^レ石凝姥神ノ裔・天目一箇[神]ノ裔ノ二氏 更^レ鑄^レ鏡、造^レ劍、以^レ爲^レ護^レ御璽、是命 踐^レ祚 天之日 所 獻^レ神璽ノ鏡・劍 也。」 – Когосёи, 1926. С. 52.

¹⁴² Зеркало-копия, как и оригинал, стало обозначаться терминами 神鏡 яп. *синкэ* – ‘священное зеркало’ и 寶鏡 яп. *хōкэ* – ‘драгоценное зеркало, сокровище-зеркало’ [Мендрин 1999: 358].

¹⁴³ Находится в Токийском дворце в специальном здании *Касикодокоро* (賢所 [恐所 или 威所] – досл. ‘место, внушающее благоговейный страх’) [Мендрин 1999: 359].

¹⁴⁴ 八花形 яп. *яцу-хана-гата* – «форма “восьми цветков”», т.е. восьми цветочных лепестков; в некоторых синтоистских храмах есть и теперь зеркала такой формы [Мендрин 1999: 360].

¹⁴⁵ Меч-заместитель стал называться 神劍 яп. *ками-но цуруги* / *синкэн* – досл. ‘священный (божественный) меч’ или 寶劍 яп. *такара-но цуруги* / *хōкэн* – ‘драгоценный меч’, ‘сокровище-меч’. См. [Мендрин 1999: 361].

Зеркало-копия находилось во дворце при государе вместе с мечом-копией (яп. *модзё-но цуруги*)¹⁴⁶ и яшмой (яп. *ясакани-но магаатама*)¹⁴⁷ [Мендрин 1999: 358]. В противоположность зеркалу и мечу, перенесенным в храм, яшма **всегда оставалась** непосредственно около самого государя в его жилых покоях. Она чтилась как наследственная святыня, сокровище императорского дома, как эмблема божественного происхождения государя, как его охранный талисман, как императорская регалия [Мендрин 1999: 357]. *Я-сака-ни-но магаатама* хранилась в жилом покое императора вместе с копией священного меча¹⁴⁸. С древнейших времен яшма была обернута обычно красными материями, одна поверх другой, и в таком виде вложена в особый ящик, где она и хранилась. Верхние обертки иногда менялись, но до конца она никогда не разворачивалась, так что никто, не считая самых древних времен, ее не видел. Описаний ее нет, и что собственно представляет *я-сака-ни-но магаатама*, в точности не известно [Мендрин 1999: 357, 361].

В результате из дворца Мидзугаки в святилище Касануи были перенесены две из трех священных регалий [Ishii 1980: 8; Reischauer 1937: 116].

Заключение

Мимаки попытался родовую богиню солнца (получившую в более позднее время наименование *Аматэрасу*) на основе соединения нескольких солярных культов сделать богиней-покровительницей всего Ямато, создав для нее специальное святилище в Касануи,

где поместили две из трех священных регалий (зеркало и меч). Это замещение культа верховного бога-покровителя страны вызвало недовольство старой жреческой знати центральной Японии, связанной с культом прежнего бога-покровителя О-моно-нуса – божества горы Мива. Кроме того, другие местные культы оказались в небрежении со стороны новой династии. В стране росла напряженность и неповиновение¹⁴⁹. В конце концов недовольство общинной знати вылилось в события, получившие название «мятежа принца Такэ-хани-ясу-бико» (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 6-й год пр.; Кодзики, св. 2-й, Судзин).

Подавление мятежа принца Такэ-хани-ясу-бико и его сторонников, а также отстранение от должности верховной жрицы-правительницы Ямато-тото-химомосо-бимэ (в «Кодзики»: Ямато-то-момосо-бимэ) и лишение ее жизни¹⁵⁰ сделали возможным завершение религиозно-политических реформ периода правления государя Мимаки (Судзина)¹⁵¹ и создали условия для расширения территории государства Ямато (Нихон-сёки, св. 5-й, Судзин, 10-й и 11-й годы пр.; Кодзики, св. 2-й, Судзин).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арутюнов С. А. Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция. *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века*, отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1975. С. 9–12. [Arutyunov S. A. Jimmu-tenno: mythical fiction and historical reconstruction. *Siberia, Central and East Asia in the Middle Ages*, ed. Larichev V. E. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1975, 9–12. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wniubf>
- Воробьев М. В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Наука, 1980. 344 с. [Vorobyov M. V. *Japan in the III–VII centuries. Ethnicity, society, culture, and the world around us*. Moscow: Nauka, 1980, 344. (In Russ.)]
- Ермакова Л. М. Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Т. 2. Переводы. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 591 с. [Ermakova L. M. *When Heaven and Earth were revealed. Myth, ritual, and poetry of Ancient Japan. Vol. 2. Translations*. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2020, 591. (In Russ.)]

¹⁴⁶ 模造劍 яп. *модзё-но цуруги* – букв. ‘скопированный меч’. См. [Мендрин 1999: 358]; где 模造 яп. *модзё* – имитация, подделка *подо что-л.*; *модзё-но* – искусственный, поддельный (БЯРС. Т. I. С. 613).

¹⁴⁷ 八坂瓊曲玉 яп. *я-сака-ни-но магаатама*; или 八尺勾玉 яп. *я-сака-но магаатама* – ‘сияющая (красивая, прекрасная) изогнутая яшма (красный самоцвет) в восемь сяку’ (1 сяку 尺 = 10 сун, т. е. 30,3 см). См. [Мендрин 1999: 356]; где 瓊 яп. *ни, нэ* – арх. красный самоцвет; 八尺瓊勾玉 яп. *ясакани-но магаатама* – изогнутая яшмовая бусина (одна из трех регалий японских императоров; см.: 三種の神器); где 勾(曲)玉 яп. *магаатама* – магаатама (старинная драгоценность изогнутой формы из яшмы, изумруда и т. п.) (БЯРС. Т. I. С. 569).

¹⁴⁸ Яшма и копия меча лежали на двухэтажной этажерке (яп. *дзуси 厨子* – 2) шкафчик с двустворчатой дверцей (для... книг, утвари и т. п.) (БЯРС. Т. I. С. 187)) [Мендрин 1999: 357, 361].

¹⁴⁹ См. также [Конрад 1974: 28; Ishida 1960: 24].

¹⁵⁰ Подробнее см. [Суrowень 2020с; 2021b].

¹⁵¹ Это тема следующей статьи (3-й части данного исследования).

- Ермакова Л. М. Мифопоэтический строй как модус ранней японской культуры. *Человек и мир в японской культуре*, отв. ред. Т. П. Григорьева. М.: Наука, 1985. С. 7–25. [Ermakova L. M. Mythopoetic system as a modus of early Japanese culture. *Man and the world in Japanese culture*, ed. Grigoryeva T. P. Moscow: Nauka, 1985, 7–25. (In Russ.)]
- Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М.: Вост. лит., 1995а. 272 с. [Ermakova L. M. *Speeches of the gods and the songs of people. Ritual and mythological origins of Japanese literary aesthetics*. Moscow: Vost. lit., 1995а, 272. (In Russ.)]
- Ермакова Л. М. Три типа ритуальных текстов древней Японии. *Религии древнего Востока*, отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, А. Н. Мещеряков. М.: Вост. лит., 1995b. С. 259–301. [Ermakova L. M. Three types of ritual texts of ancient Japan. *Religions of the Ancient East*, eds. Bongard-Levin G. M., Meshcheryakov A. N. Moscow: Vost. lit., 1995b, 259–301. (In Russ.)]
- Иофан Н. А. Культура древней Японии. М.: Наука, 1974. 261 с. [Iofan N. A. *Culture of ancient Japan*. Moscow: Nauka, 1974, 261. (In Russ.)]
- Конрад Н. И. Древняя история Японии. In: Конрад Н. И. *Избранные труды: история*. М.: Наука, 1974. С. 11–74. [Konrad N. I. Ancient history of Japan. In: Konrad N. I. *Selected Works: History*. Moscow: Nauka, 1974, 11–74. (In Russ.)]
- Косарев В. Д., Соколов А. М. Ама Японии и другие «народы моря». От истоков до XXI века. СПб.: Кунсткамера, 2017. 680 с. [Kosarev V. D., Sokolov A. M. *Japanese Ama and other "peoples of the sea". From origins to the XXI century*. St. Petersburg: Kunstkamera, 2017, 680. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/upgshs>
- Мендрин В. М. Сансю-но дзинки – Три священных сокровища. In: Мендрин В. М. *История сёгуната в Японии (Нихон-гайси)*. М.-СПб.: Рос. гос. б-ка; Летний сад, 1999. Т. II. С. 344–370. [Mendrin V. M. Sanshu-no jinki: Three Sacred Treasures. In: Mendrin V. M. *The History of the Shogunate in Japan (Nihon-gaishi)*. Moscow-St. Petersburg: RSL; Letnii sad, 1999, vol. II, 344–370. (In Russ.)]
- Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. М.: Наука, 1991. 224 с. [Meshcheryakov A. N. *Ancient Japan: culture and text*. Moscow: Nauka, 1991, 224. (In Russ.)]
- Светлов Г. Е. Колыбель японской цивилизации. Нара: История, религия, культура. М.: Искусство, 1994. 271 с. [Svetlov G. E. *Cradle of Japanese civilization. Nara: history, religion, culture*. Moscow: Iskusstvo, 1994, 271. (In Russ.)]
- Светлов Г. Е. Путь богов: синто в истории Японии. М.: Мысль, 1985. 240 с. [Svetlov G. E. *The way of the gods: Shinto in the history of Japan*. Moscow: Mysl, 1985, 240. (In Russ.)]
- Симонова-Гудзенко Е. К. Когосюи. Синто: путь японских богов. Т. II. *Тексты Синто*, отв. ред. Е. М. Ермакова и др. СПб.: Гиперион, 2002. С. 71–83. [Simonova-Gudzenko E. K. Kogoshui. *Shinto: the path of the Japanese gods. Vol. II. Shinto Texts*, ed. Ermakova E. M. et al. St. Petersburg: Giperion, 2002, 71–83. (In Russ.)]
- Сондерс Э. Д. Японская мифология. *Мифологии древнего мира*, ред. В. А. Якобсон. М.: Наука, 1977. С. 405–431. [Saunders E. D. Japanese mythology. *Mythologies of the ancient world*, ed. Yakobson V. A. Moscow: Nauka, 1977, 405–431. (In Russ.)]
- Суровень Д. А. Верхние слои сказания о двух братьях и морской и горной удаче как источник по истории юго-западной Японии периода позднего яёй. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение*. 2018. № 3. С. 63–91. [Surowen D. A. The upper layers of the legend on two brothers and sea and mountain luck as the source on histories of southwestern Japan during the late Yayoi period. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seria: Epic studies*, 2018, (3): 63–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.11.16941>
- Суровень Д. А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму. *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 3. С. 136–220. [Surowen D. A. To a question of chronology of the establishing of Yamato dynasty and reign sovereign Jimmu. *Genesis: Historical research*, 2015, (3): 136–220. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.3.14752>
- Суровень Д. А. Конфедерация Ямато. *Проблемы истории общества, государства и права*, ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021а. Вып. 15. С. 135–286. [Surowen D. A. Yamato Confederation. *Problems of the history of society, state, and law*, ed. Smykalin A. S. Ekaterinburg: UrSLU, 2021а, iss. 15, 135–286. (In Russ.)]
- Суровень Д. А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико. *Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств*, отв. ред. Е. Р. Кастель, Е. С. Соколова. Екатеринбург: УрГЮА, 1998. С. 175–198. [Surowen D. A. The foundation of Yamato state and the problem of the Eastern campaign of Kamu-Yamato-Iware-biko. *Historical-legal studies of Russian and foreign states*, eds. Kastel E. R., Sokolova E. S. Ekaterinburg: Izd. UrSLA, 1998, 175–198. (In Russ.)]

- Суrowень Д. А. Политическая борьба в государстве Ямато в середине 20-х годов IV века и мятеж Такэ-хани-ясу-бико. Часть 1-я. *Уральское востоковедение*. 2020a. № 10. С. 35–54. [Surowen D. A. Political struggle in Yamato state in mid-20s of 4th century and Take-hani-yasu-biko rebellion. Part 1st. *Uralskoe vostokovedenie*, 2020a, (10): 35–54. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gdlyuz>
- Суrowень Д. А. Политическая борьба в государстве Ямато в середине 20-х годов IV века и мятеж Такэ-хани-ясу-бико. Часть 2-я. *Уральское востоковедение*. 2021b. № 11. С. 63–80. [Surowen D. A. Political struggle in Yamato state in mid-20s of 4th century and Take-hani-yasu-biko rebellion. Part 2nd. *Uralskoe vostokovedenie*, 2021b, (11): 63–80. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wkjsws>
- Суrowень Д. А. Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина). *Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Серия 2: Гуманитарные науки*. 1999. № 13. С. 89–113. [Surowen D. A. The problem of the "Eight Rulers" period and the development of the Yamato state in the reign of Mimaki (emperor Sūjin). *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 1999, (13): 89–113. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mqurdx>
- Суrowень Д. А. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020b. Т. 22. № 3. С. 701–713. [Surowen D. A. Religious-political reforms of emperor Mimaki. Part 1: The cult of Mount Miwa and the change of the supreme priestess and ruler with a male supreme ruler and priest. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020b, 22(3): 701–713. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-701-713>
- Суrowень Д. А. Сведения древнеяпонских источников о расселении тунгусо-маньчжурского народа идзумо на острове Хонсю. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 1. С. 72–87. [Surowen D. A. The information of ancient Japanese sources about resettlement of Tungusian-Manchurian people Izumo on island Honshu. *Herald of Vyatka State University for the Humanities*, 2013, (1): 72–87. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gvuzit>
- Суrowень Д. А. Сказание о «сошествии» Ниги-хаяхи-но микото как источник о миграции группы населения с острова Кюсю в Центральную Японию в середине III в. н. э. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение*. 2020c. № 2. С. 38–63. [Surowen D. A. The story of the "downward moving" of Nigi-hayahi-no mikoto as the source on the migration of a population group from Kyushu Island to Central Japan in the mid-3rd century AD. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Epic studies*, 2020c, (2): 38–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25587/z6009-7265-9954-k>
- Суrowень Д. А. Состав переселенцев с острова Кюсю и места их расселения в центральной Японии в середине III в. н. э. (по материалам сказания о «сошествии» Ниги-хаяхи-но микото). *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение*. 2021c. № 1. С. 78–104. [Surowen D. A. Composition of settlers from Kyushu Island and places of their settlement in central Japan during the middle of the 3rd century A.D. according to the story about the "downward moving" of Nigi-hayahi-no mikoto. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Epic studies*, 2021c, (1): 78–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25587/y9740-5877-9395-z>
- Суrowень Д. А. Участие тунгусо-маньчжурских народов в заселении Японских островов. *Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек*. 2012. № 4. С. 80–90. [Surowen D. A. Участие тунгусо-маньчжурских народов в заселении Японских островов. *Vestnik Uralskogo otdeleniia RAN. Science. Society. Man*, 2012, (4): 80–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/afwtbt>
- Суrowень Д. А. Япония в середине – второй половине IV века: государыня Окинага-тараси-химэ и Ямато ранне-исторического периода. Екатеринбург: Альфапринт, 2021d. 408 с. [Surowen D. A. *Japan in the middle – second half of the IV century: Empress Okinaga-tarashi-hime and Yamato of the early historical period*. Ekaterinburg: Alfaprint, 2021, 408. (In Russ.)]
- Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 384 с. [Tsybulskii V. V. *Lunar-solar calendar of East Asian countries*. Moscow: Nauka, 1987, 384. (In Russ.)]
- Ellwood R. S. The Sujin religious revolution. *Japanese journal of religious studies*, 1990, 17(2-3): 199–217. <https://doi.org/10.18874/jjrs.17.2-3.1990.199-217>
- Ishii Ryosuke. *A history of political institutions in Japan*. Tokyo: University of Tokyo Press, 1980, 172.
- Matsumae Takeshi. Origin and growth of the worship of Amaterasu. *Asian folklore studies*, 1978, 37(1): 1–11. <https://doi.org/10.2307/1177580>

- Matsumae Takeshi. The myth of the descent of the heavenly grandson. *Asian folklore studies*, 1983, 42(2): 159–179. <https://doi.org/10.2307/1178480>
- Palmer E. Land of the Rising Sun. The predominant east-west axis among the early Japanese. *Monumenta Nipponica*, 1991, 46(1): 69–90.
- Reischauer R. K. *Early Japanese history*. Princeton-L.: Princeton University Press, 1937, pt. A, IX+405.
- The Cambridge history of Japan. Vol. I. Ancient Japan*, ed. Delmer M. Brown. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, XXIII+602.
- 石田 一浪. 神話と歴史. 東京: 新潮社, 1960. 54 頁. [Ishida Ichirō. *Myths and history*. Tōkyō: Shinchōsha, 1960, 54. (In Jap.)]
- 鯨 清. 日本国誕生の謎. 東京: 日本文芸社, 1978. 268 頁. [Kujira Kiyoshi. *The mystery of the birth of Japan*. Tokyo: Nihon bungeisha, 1978, 268. (In Jap.)]
- 森 清人. 日本新史. 東京: 錦正社, 1962. 366 頁. [Mori Kiyoto. *New History of Japan*. Tokyo: Kinseisha, 1962, 366. (In Jap.)]
- 山尾 幸久. 日本古代王権形成史論. 東京: 岩波書店, 1983. 486, 15 頁. [Yamao Yukihiisa. *History of the formation of ancient Japanese kingship*. Tōkyō: Iwanami shoten, 1983, 486, 15. (In Jap.)]

обзорная статья

Российское интеллигентоведение: специфика, основные научные школы, перспективы

Черноперов Василий Львович

Ивановский государственный университет, Россия, Иваново

<https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Scopus Author ID: 57188661103

vlchernoperov@rambler.ru

Усманов Сергей Михайлович

Ивановский государственный университет, Россия, Иваново

Scopus Author ID: 57192177662

Поступила в редакцию 21.02.2023. Принята после рецензирования 18.10.2023. Принята в печать 23.10.2023.

Аннотация: Исследуются различные аспекты изучения интеллигенции в современной российской науке. Характеристика интеллигентоведения как научной школы является одним из направлений интеллектуальной истории. Первостепенное внимание авторы уделяют вкладу различных российских научных школ в исследование прошлого и настоящего российской интеллигенции. Особое внимание уделяется деятельности научной школы интеллигентоведов, созданной профессором В. С. Меметовым в Ивановском государственном университете. Вместе с тем авторы признают значительные заслуги в изучении феномена российской интеллигенции другими научными школами, в частности, на Урале, в Санкт-Петербурге, Москве, Омске. Значительный интерес исследователей вызывают также проблемы методологии интеллигентоведения. Авторы отмечают существенно большую сравнительно с другими разработанность деятельностного подхода в исследованиях российских ученых. Отмечается насущная необходимость применения и других методов в изучении интеллигенции. Авторы стремятся выявить нерешенные проблемы и трудности в научном поиске, призывая к большей координации усилий исследователей различных школ и направлений. Они подчеркивают значение научного журнала «Интеллигенция и мир», доказавшего свою состоятельность за более чем два десятилетия своей деятельности.

Ключевые слова: российская интеллигенция, российское интеллигентоведение, научные школы интеллигентоведов, методологические подходы в интеллигентоведении, ведущие российские интеллигентоведы

Цитирование: Черноперов В. Л., Усманов С. М. Российское интеллигентоведение: специфика, основные научные школы, перспективы. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 776–793. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-776-793>

review article

Russian Intellectual Studies: Specifics, Main Scientific Schools, and Prospects

Vasily L. Chernoperov

Ivanovo State University, Russia, Ivanovo

<https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Scopus Author ID: 57188661103

vlchernoperov@rambler.ru

Sergey M. Usmanov

Ivanovo State University, Russia, Ivanovo

Scopus Author ID: 57192177662

Received 21 Feb 2023. Accepted after peer review 18 Oct 2023. Accepted for publication 23 Oct 2023.

Abstract: The article examines the phenomenon of intelligentsia as an object of modern Russian science. The authors focus on the contribution of various Russian scientific schools that study the past and present of Russian intelligentsia, e.g., the school founded by Professor V. S. Memetov at the Ivanovo State University, as well as scientific schools in the Urals, St. Petersburg, Moscow, and Omsk. *The Intelligentsia and the World* is a twenty-year-old periodic edition that publishes research connected with intelligentsia and intellectuals in different historical periods. The article features methodology issues, including the activity approach, which is very popular in domestic Russian science. The authors believe that the domestic intellectual studies need a wide range of methods to approach a number of unresolved issues, as well as a stronger interuniversity cooperation.

Keywords: Russian intelligentsia, Russian intellectual studies, scientific schools of intellectual studies, methodological approaches in intellectual studies, leading Russian scholars in intelligentsia studies

Citation: Chernoperov V. L., Usmanov S. M. Russian Intellectual Studies: Specifics, Main Scientific Schools, and Prospects. *SibScript*, 2023, 25(6): 776–793. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-776-793>

Введение

Характеристика интеллигентоведения как научной школы является одним из направлений интеллектуальной истории. Российское интеллигентоведение – новая научная дисциплина, появившаяся на исходе прошлого столетия. Разумеется, изучение интеллигенции велось в нашей стране уже давно. И сделано было в этом отношении немало. Но даже для самих «вождей» интеллигенции исследование общественного слоя, который они сами олицетворяли, никогда не было темой постоянной и исключительной. К ней обращались по ходу дела, при том или ином обострении общественных проблем и противоречий. Проблема усугублялась активностью на этом исследовательском поле дилетантов, чьи громкие, но научно несостоятельные публикации подчас заслоняли от читателя, интересующегося интеллигентоведческими вопросами, серьезные научные изыскания.

Еще одной трудностью в интерпретации роли и места интеллигенции в общественной жизни являлась нечеткость терминологии в изысканиях по данной проблематике. По этому поводу еще в самом начале XXI в. точно высказался известный ученый, профессор, доктор философских наук Валерий Георгиевич Ледяев: «отечественной литературе по интеллигенции (причем, не только публицистической, но и академической) не хватает именно четкости и обстоятельности в определении содержания понятия интеллигенции, в уточнении ее объема и вида. В высказываниях специалистов подчас ощущается некоторое пренебрежение к концептуальным проблемам и понятийной строгости» [Ледяев 2001: 17].

Вот почему в конце прошлого столетия появилась в российской науке насущная необходимость заняться исследованием феномена интеллигенции уже не от случая к случаю, а основательно, без «пренебрежения». Тогда и появляется интеллигентоведение. Правда, у этой новой дисциплины обнаружилось много «отцов»: таковыми называли и известного уральского ученого Михаила Ефимовича Главацкого, и маститого петербургского библиографа Аркадия Васильевича Соколова, и – чаще всего – профессора Ивановского государственного университета (ИвГУ) Валерия Сергеевича Меметова.

Последняя точка зрения представляется наиболее убедительной. Достаточно только обратиться к материалам сборника памяти В. С. Меметова, выпущенного в 2020 г. [Валерий Сергеевич Меметов... 2020].

Открывает его статья трех профессоров, очень видных исследователей из крупных университетских центров: Сергея Николаевича Полторака (Санкт-Петербург), Ирины Валентиновны Купцовой (Москва) и Галины Владимировны Серебрянской (Нижний Новгород), напечатанная первоначально в журнале «Клио» к 80-летию мэтра. Да, эта статья – юбилейная, но весьма аргументированная. В ней в самом начале Валерий Сергеевич Меметов прямо называется «основателем нового научного направления – интеллигентоведения» [Валерий Сергеевич Меметов... 2020: 6]. Конечно, в конце прошлого столетия в целом ряде российских научных центров были предприняты усилия к комплексному изучению интеллигенции. Но именно В. С. Меметову удалось достигнуть здесь, пожалуй, наибольшего успеха. Недаром С. Н. Полторака, И. В. Купцова и Г. В. Серебрянская, ссылаясь на челябинского ученого Игоря Вячеславовича Сибирякова, называют Ивановский государственный университет «общероссийской Меккой интеллигентоведения» [Валерий Сергеевич Меметов... 2020: 15].

Близки к данным оценкам слова одного из крупнейших специалистов по истории интеллигенции, доктора исторических наук, профессора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, заслуженного работника культуры РФ Валерия Степановича Волкова: «общепризнанный Центр изучения интеллигенции», «основой которого является ядро научной школы профессора В. С. Меметова», появившись в «нужное время и в нужном месте», «разными способами направляет и координирует исследовательскую деятельность сотен ученых в России и ближнем зарубежье»¹. В другой своей публикации В. С. Волков называл научную школу В. С. Меметова «национальным достоянием России» [Волков 2009: 57]. Правда, эта статья была приурочена к юбилею В. С. Меметова, но все, кто хорошо знал В. С. Волкова, могли бы признать, что для него эти слова не были дежурным поздравлением, а являлись хорошо взвешенной оценкой. Близкие к нему ученые выделяли у В. С. Волкова такие черты, как «острота ума в анализе, точность формулировок в изложении, правдивость в изучении, тщательность и добросовестность в подборе фактов» [Меметов, Комиссаров 2013: 9–10], «преданность избранному делу и профессии, гражданственность», высокую ответственность, «чувство долга,

¹ Межвузовские научные центры в интеллектуальном образовательном пространстве постсоветской России (материалы круглого стола). *Интеллигенция и мир*. 2014. № 1. С. 30. <https://elibrary.ru/rvslx>

требовательность к себе и другим»², твердость «в своих убеждениях», мужественность и силу волю³.

Заметим, что вышеприведенное определение ивановской школы интеллигентоведения как «общероссийской Мекки», координирующего и направляющего центра или «национального достояния России» дают отнюдь не уроженцы г. Иваново. Кроме того, ее деятельность не получила каких-либо существенных критических замечаний со стороны других научных школ и исследователей. В настоящее время традиции, заложенные В. С. Меметовым [Олейник 2021], продолжает и развивает Научно-образовательный центр «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» при ИвГУ. В этой связи целью работы является выявление основных результатов деятельности главных научных школ российского интеллигентоведения в контексте тех научных проблем, которые представляются в настоящее время наиболее актуальными.

Специфика интеллигентоведения

Всякий, кто всерьез занимался изучением интеллигенции, достаточно скоро был вынужден осознать сложность и неоднозначность данной тематики, в изучении которой, говоря словами известного итальянского русиста Витторио Страды, «возникают многочисленные вопросы, на которые нет простых ответов» [Страда 1999: 29].

Тщательное научное изучение феномена интеллигенции затрудняется также, помимо всего прочего, самой нечеткостью и некоторой размытостью объекта исследования. В этой связи представляются уместными слова интеллектуала из Великобритании Лоренса Уайтхеда: «Если сбор данных и проверка гипотез может показаться простым и не хлопотным занятием в стабильных и безопасных политических системах, те же самые операции становятся сомнительными и двусмысленными (выделено нами – прим. авторов), когда они проводятся в неустойчивых и раздираемых конфликтами государствах» [Уайтхед 1999: 349]. Но так как в современном мире стабильность и безопасность являются чем-то уходящим из реальной действительности, а интеллигенция это ощущает, безусловно, намного острее и определеннее, чем массы обывателей, данное наблюдение британского ученого выглядит весьма уместным.

Вот почему в интеллигентоведческом поиске так необходимы надежные методологические основы, без реального, а не декларативного применения которых любая научная работа об интеллигенции превращается только в более или менее выразительную публицистику. Другое дело, что поиск такой методологии дается

интеллигентоведам очень нелегко. Примечательны в этой связи наблюдения известного пермского исследователя Владимира Александровича Порозова за методологическими исканиями В. С. Меметова, которые ему были хорошо известны (В. А. Порозов несколько раз был соавтором научных работ ивановского интеллигентоведа). В своей недавней статье В. А. Порозов наглядно показывает, насколько сложной была траектория таких поисков в публикациях В. С. Меметова, и сколько раз мэтр интеллигентоведения менял свою точку зрения: тут имели место и дискуссионность, и недоговоренность, и вопросы, которые остаются открытыми [Порозов 2022: 5–11]. При всем том очевидно, что все это В. А. Порозов рассматривал отнюдь не для формулировки неких упреков своему покойному старшему коллеге, а для дальнейшей актуализации и развития его научного наследия.

Согласимся с пермским исследователем в его наблюдениях, однако и добавим нечто от себя. Действительно, В. С. Меметов был нередко изменчив и даже многолик в своих научных изысканиях, но ведь в большой степени это было связано с его очень сильной научной интуицией, необходимой для внедрения новых научных подходов в интеллигентоведческих трудах, а также и со стремлением обеспечить реальную междисциплинарность научного поиска.

Несколько иной была научная позиция другого крупного интеллигентоведа из ИвГУ – доктора филологических наук, профессора Валерия Петровича Ракова. В. П. Раков подчеркивал, что расширение научных горизонтов интеллигентоведения предполагает введение новых когнитивно-инструментальных исследовательских ресурсов, синтезирующих достижения истории, философии, богословия, эстетики и филологии, а также использование особого языка – как в научном поиске, так и в интерпретации его результатов [Раков 2002; 2007; 2009]. Впрочем, В. П. Раков ставил и другие, более общие проблемы изучения интеллигенции. В частности, он не считал нужным выделять по профессиональному признаку отдельные «отряды» интеллигенции: учителей, врачей, инженеров и т. п. Главным он считал внимание к личности («интеллигентной личности»), и только затем уже и к интеллигенции как таковой [Раков 2009: 25]. При этом «интеллигентную личность» он отнюдь не предлагал живописать «средствами победного и благостного стиля» (что столь характерно для очень многих интеллигентоведов). Как полагал В. П. Раков, «интеллигентная личность» несет в себе не только нечто радостное и возвышенное (исследователь

² Валерия Степанович Волков – ученый, педагог, гражданин. *Интеллигенция и мир*. 2016. № 1. С. 113. <https://elibrary.ru/vvgqsh>

³ Там же. С. 117.

нередко использовал в данном случае концепт *эйдос*), но и подвержена воздействию темных, разрушительных сил, или, говоря словами самого В. П. Ракова, она не чужда и «мгlistой стихии меона» [Раков 2009: 25–26].

Возможно также рассмотрение интеллигенции как своеобразного, но значимого элемента в процессе формирования ноосферы. Подобный ноосферный подход в рамках ивановской школы интеллигентоведов уже длительное время развивает и аргументирует доктор философских наук, профессор ИвГУ Григорий Станиславович Смирнов [Смирнов 2007; 2008; 2014; 2016]. Для него «процесс становления ноосферы в социально-философском смысле – это последовательный процесс формирования интеллигенции как социального слоя, связанного с духовным производством. Такой взгляд позволяет обнаружить в становлении ноосферы критерий качественного порядка. Становление интеллигенции (в широком смысле слова), исторические эпохи ее формирования и можно спроецировать на эпохи становления ноосферы» [Смирнов 2007: 24].

Научные подходы Г. С. Смирнова нашли поддержку части философов и культурологов. В стенах ИвГУ изыскания в этом направлении сегодня продолжает коллега Г. В. Смирнова по кафедре философии, кандидат наук Михаил Вячеславович Жульков [Жульков 2017; 2019].

Большинство интеллигентоведов в последние десятилетия используют в своих конкретных изысканиях деятельностный подход. Чаще всего это делается недостаточно продуманно, подчас даже и неосознанно. Зачастую и непоследовательно, только частично. Очень метко выявлял в свое время изъяны подобного ограниченного применения деятельностного подхода замечательный петербургский исследователь-интеллигентовед В. С. Волков. В двух работах 2014 г. он сделал по данному вопросу несколько важных замечаний, которые сохраняют значение и сегодня: «Роль интеллигенции в обществе может быть раскрыта во всей полноте только в результате детального изучения степени реализации ею своих социальных функций, т.е. ее практической деятельности» [Волков 2014а: 15]. При этом сам «вопрос о содержании и сущности деятельностного принципа (подхода) к изучению интеллигенции... требует дальнейшей теоретической разработки, в чем можно легко убедиться, прочитав работы, названия которых начинаются словами "Деятельность интеллигенции..."». Увы, нередко перед читателем оказывается не анализ процесса деятельности интеллигенции или отдельных ее социально-профессиональных отрядов (педагогов, инженеров и т. п.), а перечень направлений и результатов деятельности. Например, в работах о деятельности научно-технической и производственно-технической интеллигенции перечисляются заводы, построенные

при ее участии, новые конструкции машин и механизмов, а "кухня", "технология" этой деятельности остается за кадром» [Волков 2014б: 62]. Оттенял В. С. Волков и еще одно негативное явление в интеллигентоведении – подмену деятельностного подхода, т.е. изучения деятельности интеллигенции, общими малопродуктивными рассуждениями о ее роли «в прогрессе общества» с их «абстрактностью» и «умозрительным теоретизированием» [Волков 2014а: 16].

Весьма значимым в интеллигентоведении является культурологический подход. Еще в конце советской эпохи его продвигал профессор, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР / Института Российской истории РАН Владимир Тихонович Ермаков [Матвеев 2009]. Он одним из первых в нашей стране вычленил кардинальные проблемы, пронизывающие развитие культуры XX в. [Ермаков 1973], и стал их изучать в неразрывной связи с общественной жизнью, что не только обеспечило объемность и целостность методологии, историографии и истории, но и прокладывало путь к системности в изучении содержания и формы национальных культур СССР, ее творцов и носителей [Ермаков 1968; 1973].

Несколько позднее культуроцентричность исследований интеллигенции весьма убедительно обосновал Игорь Вадимович Кондаков [Кондаков 1998]. В контексте интеллигентоведения нам представляется интересным обращение этого маститого ученого к понятию *готовность к событию*, введенному французским философом Аленом Бадью [Бадью, Тарби 2013: 20–21]. И. В. Кондаков вслед за французским исследователем и рядом отечественных мыслителей рассмотрел данный феномен «как особенность стратегии человека или общества, готовых к ситуации неопределенности», которая содержит в себе не только неприятные эмоции, но и позитивные возможности дальнейшего развития [Кондаков 2018: 16]. А такое положение существенно поднимает значение субъективного фактора. Прежде всего, как нам представляется, не рядового обывателя, а интеллектуала, его готовность «к будущему событию, к предстоящему историческому повороту – возможному, неизбежному, необходимому... И наконец, – к непосредственному участию в историческом повороте» [Кондаков 2018: 16]. Неисчерпаемая множественность культурных смыслов, подготавливающих перевороты, порождает многозначный и многослойный процесс столкновения, проникновения, синтеза локальных культурогенезов, порождающих на международном уровне либо альянсы / союзы, либо противостояние и войны [Кондаков 2011].

Интересный опыт применения культурологического подхода в конце прошлого столетия продемонстрировали исследователи, объединившиеся вокруг проекта

омских ученых «Культура и интеллигенция России: социокультурная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)». Ученые из разных регионов, ведомые авторитетными специалистами Валентиной Павловной Корзун [Якуб, Бычков 2018] и Валентиной Георгиевной Рыженко [Мамонтова, Ермола 2018], исследуя историю интеллигенции «в контексте развития городов российской провинции» и используя новейшие методики гуманитарных наук [Культура и интеллигенция меняющихся регионов 2006а; 2006b; Культура и интеллигенция России... 1998а; 1998b; 2000а; 2000b; 2009; 2012], стали «развивать такие актуальные направления, как культурная история, интеллектуальная биография, феноменология советской культуры»⁴. Но не только. Проследившая процесс становления и развития на общероссийском и локальном уровнях отдельных ученых и научных сообществ как единый взаимосвязанный процесс, исследователи, объединенные омиками, одними из первых в России показали развитие интеллигенции через сетевую модель. Кроме того, участница данного проекта В. Г. Рыженко выступила первопроходцем во введении в научный оборот термина *родиноведение* и выяснении его корреляции с интеллигентоведением [Рыженко 1997; 1998].

Как ни странно, в современном интеллигентоведении менее успешно применяется социологический подход. Конечно, такие работы имеются, и подчас – весьма детализированные. Самым подходящим примером здесь могли бы быть научные конференции под руководством маститого социолога, члена-корреспондента РАН Жана Терентьевича Тощенко и его труды [Тощенко 2015].

Однако мы имеем в виду не только исследования «жизненного мира» интеллигенции конкретно-социологического характера. Думается, в современном интеллигентоведении необходимы и общие контуры социального профиля интеллигенции и ее исторического предназначения. В этой связи мы не раз уже отмечали пользу тех основ социологии интеллигенции, которые предложил еще в 1970-е гг. польско-американский ученый Александр Гелла. По его мнению, интеллектуалы нужны для любого общества, интеллигенция же появляется только в период индустриализации феодальных обществ. Причем сразу становится отдельной социальной стратой, чего об интеллектуалах сказать нельзя [Gella 1976: 22]. Конечно, к А. Гелле можно предъявить претензии в спутывании в единый клубок научной терминологии XIX–XX вв. и создании некоего гибрида

из марксизма и теории модернизации, но для нас в его работах важнее другое – ясное определение интеллигенции как продукта модернизации традиционных обществ. При этом он не принижает интеллигента как явление недостаточно модернизированного социума перед западным интеллектуалом как представителем «передового» общества. Напротив, А. Гелла, основывая свои размышления на культурологическом подходе, говорит о возможности появления в будущем некой «мировой интеллигенции», которую сплотит «общая культура» и ориентация на «универсальные цели» [Gella 1976: 27]. Впрочем, согласно его мнению, интеллигенты уже современной и даже прежней генерации представляют собой, в первую очередь, «круг людей культуры», которые разделяют ее общие ценности, нормы и традиции [Кондаков 1998: 254]. Этот ценностный фундамент самосознания и мировоззрения интеллигенции чрезвычайно важен в ее самоопределении. Причем он не противоречит ни основам «социологии интеллигенции», ни теории модернизации, из которой такая социология выводится. Дело в том, что, как отмечал известный французский ученый Ален Турен, процесс модернизации представляет собой не просто какое-то внеличностное рациональное изменение существующего порядка вещей, а сознательное саморазвитие общества [Touraine 1988: 452]. Интеллигенция же была, есть и будет одним из активных участников этого процесса.

Основные научные школы русского интеллигентоведения

Один из самых известных и авторитетных российских интеллигентоведов, не раз упоминавшийся выше, В. С. Волков в конце своего жизненного пути выделял несколько научных школ в изучении российской интеллигенции⁵ [Волков 2013; 2014b]. Во-первых, это ленинградская / петербургская школа, созданная еще в 1960-х гг. Борисом Ивановичем Сандиным, затем – новосибирская школа во главе с Варленом Львовичем Соскиным, в-третьих, уральская научная школа. Однако все они со временем утратили свои лидирующие позиции.

Ленинградская школа после ликвидации в Герценовском пединституте кафедры истории КПСС, которая выступала «опорной базой историков интеллигенции», ослабила «связи с историками» не только страны, но даже родного Санкт-Петербурга⁶. Аналогичной оказалась судьба неформального Центра интеллигентоведения в Новосибирске⁷. Несколько дольше свои позиции

⁴ Межвузовские научные центры в интеллектуальном образовательном пространстве постсоветской России... С. 37.

⁵ Там же. С. 30–32.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же. С. 32.

сохранял Екатеринбург. Здесь в 1970–1980-е гг. активно действовал Проблемный совет «Культурное строительство в СССР и духовное развитие советского общества» при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, которым руководил Владимир Григорьевич Чуфаров, а его заместителем являлся М. Е. Главацкий. Именно этот Совет выступал, пожалуй, главным координатором интеллигентоведческих исследований на всероссийском уровне. Конец его истории положили изменения в стране после 1991 г. и уход из жизни В. Г. Чуфарова⁸.

М. Е. Главацкий попытался возродить традиции Проблемного совета в созданном при Уральском государственном университете Научно-исследовательском центре (НИЦ) «XX век в судьбах интеллигенции России». Силами НИЦ было проведено более десяти научно-практических конференций [Интеллигенция и власть... 1996; Интеллигенция России в конце XX века... 1998; Интеллигенция России в XX веке... 1999; Интеллигенция России и Запада... 2004; Культура и интеллигенция России... 2003]. В екатеринбургском Центре, как отмечала доктор исторических наук, профессор Елена Михайловна Раскатова, в духе «свободолюбия, интеллектуального равноправия, бережного и уважительного отношения к новациям» «впервые открыто обсуждались проблемы: художник и власть, тоталитаризм и культура, репрессивность системы в отношении инакомыслящих художников и т. д.»⁹. Изучение этих и других вопросов со временем привело исследователей к вопросам конформизма интеллигенции (С. А. Красильников), выявления типов и форм конформизма (Г. А. Бордюгов). Существенно была расширена не только тематика, но также география и временные рамки исследований [Никитина 2007: 164–166]. Еще двумя отличительными чертами конференций екатеринбургского НИЦ стали «реабилитация имен незаслуженно забытых представителей российской интеллигенции, в первую очередь тех, чья судьба была связана с Уралом»¹⁰, и активная публикационная работа. В ряду книг, изданных Центром, выделяется энциклопедический словарь «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей», увидевший свет в 2002 г.¹¹ В него вошли краткие биографии 150 интеллигентов с указанием их основных трудов.

Однако после 2005 г. НИЦ «XX век в судьбах интеллигенции России» перестал действовать. В итоге, как отмечал В. С. Волков, лидирующие позиции в области интеллигентоведения перешли к «ивановской школе интеллигентоведения (В. С. Меметов и др.)» [Волков 2013: 179].

Интересно, что с точки зрения самого В. С. Волкова, научные школы в интеллигентоведении не есть понятие чисто географическое. Так, к ленинградско-петербургской школе, по его мнению, принадлежали ученые и из других городов, прошедшие в Герценовском университете становление в период подготовки кандидатских или докторских диссертаций: из Архангельска (Владислав Иванович Голдин), Иркутска (Сергей Николаевич Рубцов), Костромы (Виктор Романович Веселов), Красноярска (Юрий Николаевич Яблоков), Петрозаводска (Сергей Николаевич Чернов) [Волков 2013: 190]. Вкладу в науку некоторым из них В. С. Волков дал емкие и точные оценки [Волков 2002].

Следуя этой логике, то же самое можно сказать и о других научных школах интеллигентоведов. Например, ученый из Новосибирска, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Варлен Львович Соскин [Главацкий, Красильников 1995; Матвеев 2010; Черноперов и др. 2022] не только объединял специалистов в подготовке сборников научных трудов по истории интеллигенции [Интеллигенция, общество, власть... 1995], но и подготовил немало учеников, работающих с этой темой в разных городах Сибири и Сибирском отделении РАН. В этой связи достаточно только назвать имя известного новосибирского ученого, доктора исторических наук, профессора Сергея Александровича Красильникова, который и сам имеет учеников-интеллигентоведов (Н. Н. Аблажей, С. Н. Ушакова, С. В. Шарапов, О. В. Шер (Веремейко) и др.)¹².

Необходимо отметить то обстоятельство, что научные школы интеллигентоведения стоит оценивать не только по количеству опубликованных научных работ и проведенных конференций, хотя данные показатели сами по себе вовсе не являются малозначимыми. По меньшей мере они отражают немалые усилия организаторов имеющихся научных школ в направлении комплексного исследования отнюдь не одной интеллигенции, но и многих других значимых социально-политических

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ История интеллигенции России в биографиях ее исследователей: опыт энциклопедического словаря, отв. ред. М. И. Кондрашева. Екатеринбург: Ур. ун-т; АИРО-XX, 2002. 197 с.

¹² Сергей Александрович Красильников. URL: <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/60-years/history/RusHist/krasilnikov-sa/> (дата обращения: 21.12.2022).

проблем. Вместе с тем количественные параметры недостаточны для понимания качества проводимых научных изысканий.

В конечном счете значимость выполненных исследований может быть оценена по достигнутым научным результатам. Казалось бы, это очевидно, но когда речь идет о таком объекте изучения, как интеллигенция, получается так, что аргументированные выводы подчас подменяются эффектными декларативными заявлениями с сильным субъективным подтекстом. Конечно, они имеют немалый успех не только у массового читателя, но и у некоторой части исследователей. Они даже в каком-то смысле актуализируют поставленные проблемы. Но по существу подобного рода публикации мало что дают для научного постижения истории и судьбы интеллигенции.

В этой связи можно вспомнить известную статью Александра Кустарева «Конгломерат "интеллигенция" и его нарратив», которую нередко называют по разделу журнала, в котором она была помещена, «Нервные люди» [Кустарев 2006]. Много ее цитировали, неоднократно на нее ссылались и ученые различных гуманитарных специальностей. Но по своему содержанию эта яркая и образная статья – не более чем пример весьма выразительной общественно-политической публицистики, выдержанной в вульгарно-социологическом ключе. А ее эффект не может особенно удивлять, если вспомнить, насколько успешным радиожурналистом был сотрудник Русской службы Би-би-си Александр Кловвер (это другой псевдоним того же автора).

Относительно содержательной стороны деятельности различных научных школ думается, что наиболее широкий и гибкий подход демонстрирует именно ивановская школа. Это проистекало в немалой степени из устремлений ее основателя. Как нам уже приходилось отмечать, «В. С. Меметов, кажется, и не стремился – как это иногда встречается у некоторых других авторов – так сказать, извлекать фундаментальную теорию прошлого, настоящего и будущего интеллигенции. Напротив, он находился в непрерывном поиске, постоянно выпускал эскизы и наброски (обычно в виде тезисов или кратких вступительных статей), в которых как-то проверял свои предположения, а нередко их и корректировал. Очевидно, что он хорошо понимал: в исследовании интеллигенции нет "простых ответов" на многие вопросы. Вероятно, по этим же мотивам он очень внимательно знакомился с изысканиями других исследователей (в том числе и своих учеников) и постоянно делал к ним отсылки» [Усманов, Калинин 2021: 59].

В других научных школах интеллигентоведения исследователи успешно применяли деятельностный подход. Мы уже отмечали его обоснование и популяризацию

В. С. Волковым. Но данный подход вполне возможно сочетать и с другими, например с просопографическим. Успешный образец такого сочетания продемонстрировал в свое время глава уральской школы М. Е. Главацкий. Думается, совсем не случайно он так настойчиво писал об известном ученом-металлурге Владимире Ефимовиче Грум-Гржимайло. Ведь в этом герое соединилось несколько аспектов, привлекавших маститого уральского исследователя – деятельность и свобода выбора «интеллигентной личности» на разломе эпох и в период тоталитарного строя [Главацкий 1995; 1997; Грум-Гржимайло 2001].

Сочетание деятельностного и просопографического подходов постарались воплотить в жизнь и авторы настоящей статьи в монографии о выдающемся германском историке Леопольде фон Ранке [Черноперов, Усманов 2021], которая получила положительные отзывы известных ученых [Стрелец 2022а; 2002b; Хавкин 2022].

Менее удачными в российском интеллигентоведении пока были опыты применения социологического и культурологического подходов. Но в данном случае – это наша предварительная оценка. Она не охватывает творчества и достигнутых результатов всех российских научных школ интеллигентоведения, а тем более – более или менее успешных изысканий всех ведущих российских интеллигентоведов. Действительно, помимо ведущих научных школ в российском интеллигентоведении имеются и менее крупные научные центры и отдельные группы исследователей.

Так, только в Москве таких центров и групп существует несколько. Наиболее значительным из них является Научный центр, созданный в Институте социологии РАН одним из ведущих российских социологов, членом-корреспондентом РАН Ж. Т. Тощенко [Смыслы жизни... 2018]. Центр регулярно проводит научные конференции, а в координации с ним работает научный центр интеллигентоведов Забайкалья во главе с доктором исторических наук, профессором Иваном Иосифовичем Осинским [Осинский 2019].

Важное место в сохранении и укреплении многоуровневых научно-образовательных связей российских гуманитариев занимает Центр интеллектуальной истории при Институте всеобщей истории РАН, созданный в 2000 г. Руководитель Центра – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ) Лорина Петровна Репина – и ее сотрудники не только активно выступают с докладами на научных форумах, но и прилагают серьезные усилия по объединению разноликого научного сообщества как на фундаменте РОИИ и проводимых под его эгидой конференций, так и через публикации книг и сборников статей

[Апрыщенко и др. 2014; История через личность... 2005]. В этом ряду особо важное место занимают периодические издания: «Диалог со временем», «Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем», «Адам и Ева». Можно сказать, что Центр интеллектуальной истории при ИВИ РАН формирует единое пространство, в котором наблюдается пересечение и синтез разных гуманитарных направлений академической и вузовской науки.

Важное значение в интеллигентоведении сохраняет Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ). Здесь еще в недавнем прошлом важную роль в изучении интеллигентоведения играл доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник кафедры истории Российского государства факультета государственного управления Андрей Владимирович Квакин [Меметов, Комиссаров 2008]. Один из первопроходцев изучения интеллигенции Российского Зарубежья, он не ограничивался только этой областью исследований. Ему принадлежит подтверждение гипотезы о том, что в интеллигентской среде накануне и в период революционной смуты 1917 г. размежевание произошло не по социальным или профессиональным группам, а внутри них. Кроме того, А. В. Квакин оставил заметный след в разработке тем повседневной жизни людей интеллектуального труда и исторической психологии. В настоящее время традиции А. В. Квакина в МГУ успешно продолжает доктор исторических наук, профессор Ирина Валентиновна Купцова. В центре ее внимания находятся проблемы истории российской художественной интеллигенции и формирование креативного класса современной России [Купцова 2014а; 2014b; 2018; 2020].

В Московском государственном университете технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первом казачьем университете) трудится доктор исторических наук, профессор Алексей Николаевич Кураев. Ученого привлекают самые разные темы (история казачества, становление и развитие текстильной промышленности, конфликтология и т. д.). Не обошел он вниманием и проблемы интеллигентоведения. В частности, изучал вопросы методологии и определения места интеллигенции в системе социальных и гуманитарных наук [Кураев 2017; 2018].

Оба исследователя – И. В. Купцова и А. Н. Кураев – свои научные изыскания ведут постоянно в координации и творческом взаимодействии с ивановской школой интеллигентоведов. То же самое можно сказать и о таких видных исследователях, как докторе исторических наук, профессоре Игоре Вячеславовиче Сибирякове из Южно-Уральского государственного университета [Сибиряков 2014; 2016; 2018], Олеге Васильевиче Золотареве из Сыктывкарского государственного

университета имени Питирима Сорокина [Золотарев 2015; 2018; 2022], Алексее Вячеславовиче Зябликове и Андрее Авенировиче Соловьеве из Костромского государственного университета имени А. Н. Некрасова [Зябликов 2004; 2019; Соловьев 2007]. Все перечисленные ученые успешно применяют как деятельностный, так и просопографический подход.

В Санкт-Петербурге упоминавшийся выше ведущий ученый-библиограф, доктор педагогических наук, профессор А. В. Соколов приобрел значительную известность своими интеллигентоведческими трудами, среди которых выделяется объемная монография 2007 г. «Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории» [Соколов 2007]. На наш взгляд, и это мы уже отмечали, его изыскания мало что дают для интеллигентоведения [Усманов, Калинин 2021: 59–61]. Однако известного ученого стоит и поблагодарить за постановку значимых научных проблем. Также в Санкт-Петербурге трудится сделавший очень много для научных исследований в сфере интеллигентоведения доктор исторических наук, профессор Сергей Николаевич Полтораки [Еремеева 2015]. Ему в заслугу можно поставить не только его собственные научные труды, но и успехи в организации интеллигентоведческих штудий: созданный профессором С. Н. Полтораком журнал «Клио» является одной из признанных трибун для выступлений интеллигентоведов.

Разумеется, следует отметить хотя бы тезисно и другие российские научные центры интеллигентоведения: Омск, где много делали и делают для развития интеллигентоведения упоминавшиеся В. Г. Рыженко и В. П. Корзун; Кемерово [Интеллигенция в системе... 1991], где трудился один из видных исследователей истории интеллигенции Герман Григорьевич Халиулин [Халиулина, Красильников 1997]; Саратов, связанный с наследием Анатолия Ихильевича (Ильича) Авруса [Полтораки 2017]; Екатеринбург, где проводили свои исследования М. Е. Главацкий и Маргарита Ионовна Кондрашова [Меметов, Будник 2013; Москвина 2019].

Перечисленными центрами список, конечно, не исчерпывается. Рамки статьи не позволяют рассмотреть вопрос более обстоятельно, но можно уверенно констатировать, что в настоящее время на пространствах России сложилась сеть интеллектуальных сообществ, в которой, используя подход американского философа и социолога Рэндалла Коллинза, связи распространяются горизонтально (между современниками) и вертикально (от поколения к поколению) [Коллинз 2002: 32–35]. В результате наука приобретает черты интерференции «актов коммуникации», при которой ее развитие оказывается подчиненным «определенным нормам и образцам взаимодействия ученых» [Корзун 2011: 292].

Отражением служат не только регулярные встречи интеллектуалов на традиционных конференциях на Ивановской земле (в сентябре 2023 г. состоялась 33-я), но и появление новых центров, инициированных начинающими учеными, получившими толчок в своем развитии на этих форумах или изданиях, связанных с НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» при ИвГУ. Ярким примером служит Иркутск, где в марте 2022 г. усилиями молодых авторов, установивших связь с ИвГУ [Ткачев 2021; 2022], появился Научно-исследовательский центр «Иркутская историческая школа интеллигентоведения»¹³.

Заключение

Завершение разговора по проблеме интеллигентоведения начнем с цитаты из статьи одного из авторов настоящей статьи – С. М. Усманова: «стоит особенно подчеркнуть актуальность существенного расширения культурного и цивилизационного контекста исследований траекторий развития и исторических судеб российских интеллигентов и западных интеллектуалов. Пока же приходится признать, что узость культурно-исторических и духовных горизонтов многих российских интеллигентоведов зачастую делает их аналитические попытки недостаточными и концептуально беспомощными. Для того чтобы сделать здесь что-то существенное, надо этот вызов для начала хотя бы сформулировать. Только в таком случае можно было бы избавиться от самодовольства достигнутыми объемами научной продукции, создав возможности для новых достижений в научном поиске» [Усманов 2016: 43–44]. Возможно, такие оценки покажутся некоторым коллегам слишком резкими. Но мы, во всяком случае, уже не раз формулировали наши конкретные соображения по поставленным проблемам. В этой связи считаем необходимым еще раз напомнить о них.

Основные концептуальные аспекты нашего подхода к изучению российской интеллигенции были изложены в нескольких публикациях, можно сказать, программного характера, как в России, так и за рубежом [Усманов, Калинин 2021; Черноперов, Усманов 2014; 2016; Черноперов и др. 2015; Chernoperov, Usmanov 2016a; 2016b], получившие в целом положительные оценки научного сообщества [Оришев 2015; Софронова, Хазина 2018]. В контексте нашего разговора заслуживают внимания суждения одного из рецензентов из Москвы – доктора исторических наук, профессора Александра Борисовича Оришева, которого более заинтересовали наши рассуждения о моделях поведения российской интеллигенции,

чем западных интеллектуалов: «Подобный подход (предлагаемые модели – прим. авторов) не может не вызывать одобрения, поскольку ощущается острый недостаток в действительно продуманных, осуществимых и конструктивных проектах преобразований нашей действительности, рассчитанных на длительную перспективу» [Оришев 2015: 508]. Впрочем, рецензия А. Б. Оришева содержит и замечание принципиального характера: «Прежде всего, стоит пожелать исследователям не просто откликаться на многие новые и новейшие разработки западных ученых, но и конструктивно с ними полемизировать, отстаивать, так сказать, интересы нашей, отечественной науки. Кроме того, некоторые новаторские соображения авторов заслуживали более развернутой аргументации» [Оришев 2015: 509].

Признавая обоснованность данных критических слов, заметим следующее. Проблема концептуального совершенствования изучения проблем интеллигенции и интеллектуалов требует основательного осмысления, для чего необходима консолидация творческих сил интеллигентоведов разных регионов. Здесь же мы высказываем некоторые свои соображения о перспективах развития интеллигентоведения.

При изучении интеллигенции и интеллектуалов сохраняют значение научные методы структурно-функционального анализа, этнометодологии и просопографии. Однако деятельностный подход, как мы показали в настоящей статье, показывает более значимые и интересные результаты. Его применение высвечивает новые аспекты в изучении места и роли интеллигенции и интеллектуалов. Кстати, именно на его основании мы и разработали модели поведения интеллигентов и интеллектуалов в меняющейся общественно-политической деятельности (для российской интеллигенции – это «хождение во власть», «вечное противостояние», «башня из слоновой кости»; для западных интеллектуалов – «бес- сильные люди», «независимые эксперты», «аутсайдеры- нонконформисты») [Черноперов, Усманов 2014; 2016; Черноперов и др. 2015].

Сохраняют научный потенциал методы социологии интеллигенции. Однако, как нам представляется, опора только на них не позволяет решить одну из значимых проблем интеллигентоведения – надежно классифицировать расхождения внутри российской интеллигенции и западных интеллектуалов на своих и чужих. В данном случае нам приходилось обращаться уже к культурологическому анализу Ю. М. Лотмана (определявшему российских интеллигентов как испорченных своих и неправильных чужих) [Черноперов и др. 2015: 26]. Один из авторов настоящей статьи – В. Л. Черноперов,

¹³ Иркутская историческая школа интеллигентоведения. URL: <http://zhizngoroda.tilda.ws/> (дата обращения: 12.10.2022).

опираясь на деятельностный подход, поднимал данную проблему на примере разделения на своих и чужих советских дипломатов и порожденного этим противостоянием влияния на принятие внешнеполитических решений [Черноперов 2005; Chernopero 2012].

Констатируя определенные успехи в освоении исследовательского поля *свои – чужие*, следует признать, что изучение этой проблемы только в рамках деятельностного подхода не дает целостной и всесторонней картины. Она остается несколько однобокой. Для ее решения явно требуются методы культурологии интеллигенции, требуется обращение к ее культурным и духовным предпочтениям. Впрочем, эта мысль актуальна и при обращении к западным интеллектуалам. Прежде всего, при изучении проблемы нонконформизма, выяснения причин, почему одни из представителей этой группы принимают правила игры, сложившиеся в отношениях правящей элиты и общества, а другие отвергают. Нам представляется, что решение этого вопроса особенно значимо при рассмотрении более широкой проблемы – места кризисных ситуаций в развитии западной цивилизации, на что обращал внимание известный отечественный культуролог Г. С. Померанц¹⁴.

Более активное использование методов культурологии интеллигенции, как нам представляется, поможет существенно продвинуться в понимании причин разъединения групп интеллигентов и интеллектуалов при совпадении или близости их политических и социальных ориентиров. Данный подход видится тем более

значимым при изучении отдельных представителей этой социальной страты. Взяв на вооружение методы культурологии интеллигенции, мы сможем, во-первых, разобраться, почему в одной группе интеллигентов и интеллектуалов сплошь и рядом «чужие» «не понимают» и «не слышат» ключевых аксиом, которые бесспорны для «своих», во-вторых, лучше понять побудительные мотивы поступков как отдельных представителей интеллигенции и интеллектуалов, таких объединений.

Именно в расширении культурологических изысканий в сочетании, прежде всего, с деятельностным подходом нам видится наиболее продуктивный путь не только получения новых знаний, но и создания в интеллигентоведении практически работающих, а не отстраненно умозрительных и поэтому часто беспомощных концепций.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Апрыщенко В. Ю., Воробьева О. В., Еремеева С. А., Зверева В. В., Иванова Т. Н., Ионов И. Н., Кулакова И. П., Мягков Г. П., Репина Л. П., Ростиславлева Н. В., Сабурова Т. А., Селунская Н. А., Серегина А. Ю., Стогова А. В., Филимонов В. А., Чикалова И. Р. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время. М.: Аквилон, 2014. 848 с. [Apyshchenko V. Yu., Vorobeveva O. V., Eremeeva S. A., Zvereva V. V., Ivanova T. N., Ionov I. N., Kulakova I. P., Myagkov G. P., Repina L. P., Rostislavleva N. V., Saburova T. A., Selunskaya N. A., Seregina A. Yu., Stogova A. V., Filimonov V. A., Chikalova I. R. *Ideas and people: The intellectual culture of Europe in modern times*. Moscow: Akvilon, 2014, 848. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sfhftf>
- Бадью А., Тарби Ф. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: ИОИ, 2013. 191 с. [Badiou A., Tarby F. *Philosophy and event. Conversations with a brief introduction to the philosophy of A. Badiou*. Moscow: IOI, 2013, 191. (In Russ.)]
- Валерий Сергеевич Меметов: ученый, педагог, организатор, ред. В. В. Комиссаров. Иваново: Информатика, 2020. 323 с. [Valery S. Memetov: scientist, teacher, and organizer, ed. Komissarov V. V. Ivanovo: Informatika, 2020, 323. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oizikr>
- Волков В. С. Деятельностный подход – важное средство расширения диапазона и углубления интеллигентоведческих исследований. *Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика*: XXV Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 25–27 сентября 2014 г.) Иваново: ИвГУ, 2014а. С. 15–18. [Volkov V. S. The activity approach as an important means of expanding the range and deepening intellectual studies. *Intellectual studies: Theory, methodology, and socio-cultural practice*: Proc. XXV Intern. Sci-Theor. Conf., Ivanovo, 25–27 Sep 2014. Ivanovo: IvSU, 2014a, 15–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ssvyad>

¹⁴ Померанц Г. Вечное противостояние интеллигенции. *Российская газета*. 07.08.1997. С. 3.

- Волков В. С. Приближение к универсальности: методологические искания профессора В. С. Меметова. *Интеллигенция и мир*. 2014b. № 3. С. 57–64. [Volkov V. S. Approach to universality: Professor V. S. Memetov's methodological search. *Intelligentsia i mir*, 2014b, (3): 57–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/smsfbp>
- Волков В. С. Романтик на поприще исторической науки (К 60-летию В. Р. Веселова). *Интеллигенция современной России: духовные процессы, исторические традиции и идеалы*: XIII Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 26–28 сентября 2002 г.) Иваново: ИвГУ, 2002. С. 7–9. [Volkov V. S. A romantic in the field of historical science (V. R. Veselov's 60th anniversary). *The Intelligentsia of Modern Russia: Spiritual Processes, Historical Traditions, and Ideals*: Proc. XIII Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 26–28 Sep 2002. Ivanovo: IvSU, 2002, 7–9. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uffdin>
- Волков В. С. У истоков Ленинградско-петербургской школы интеллигентоведения: Борис Иванович Сандин. *Universum. Вестник Герценовского университета*. 2013. № 1. С. 179–190. [Volkov V. S. The origins of the Leningrad-Petersburg school of intellectual studies: Boris I. Sandin. *Universum. Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, 2013, (1): 179–190. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qivsm>
- Волков В. С. Школа историка В. С. Меметова: Взгляд из Петербурга. *Интеллигенция и мир*. 2009. № 2. С. 52–57. [Volkov V. S. Historian V. S. Memetov and his school: A view from St. Petersburg. *Intelligentsia i mir*, 2009, (2): 52–57. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kuhtkx>
- Главацкий М. Е. Личность и власть: оппонент большевиков металлург В. Е. Грум-Гржимайло. *Личность и власть в истории России XIX–XX вв.*: науч. конф. (Санкт-Петербург, 1–31 декабря 1997 г.) СПб.: Нестор, 1997. С. 48–51. [Glavatsky M. E. Personality and power: metallurgist V. E. Groom-Grzhimailo as an opponent to the Bolsheviks. *Personality and power in the history of Russia in the XIX–XX centuries*: Proc. Sci. conf., St. Petersburg, 1–31 Dec 1997. St. Petersburg: Nestor, 1997, 48–51. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rytlxf>
- Главацкий М. Е., Красильников С. А. В. Л. Соскин – штрихи к творческому портрету. *Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии*: Межгос. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 20–21 сентября 1995 г.) Иваново: ИвГУ, 1995. Т. 1. С. 16–18. [Glavatsky M. E., Krasilnikov S. A. V. L. Soskin and his work. *Russian intelligentsia in domestic and foreign historiography*: Proc. Interstate Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 20–21 Sep 1995. Ivanovo: IvSU, 1995, vol. 1, 16–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tnxvtr>
- Грум-Гржимайло В. Секрет счастливой жизни: книга для семейного чтения. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2001. 294 с. [Groom-Grzhimailo V. *The secret of a happy life: A book for family reading*. Ekaterinburg: Ural University, 2001, 294. (In Russ.)]
- Грум-Гржимайло В. Хочу быть полезным Родине. Екатеринбург: Урал. рабочий, 1996. 324 с. [Groom-Grzhimailo V. *I want to be useful to the Motherland*. Ekaterinburg: Ural. rabochii, 1996, 324. (In Russ.)]
- Еремеева А. Н. Историк, издатель, защитник Отечества: к 60-летию С. Н. Полторака. *Новейшая история России*. 2015. № 1. С. 283–286. [Eremeeva A. N. Historian, publisher, defender of the Fatherland: The 60th anniversary of S. N. Poltorak. *Modern History of Russia*, 2015, (1): 283–286. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ttnbfr>
- Ермаков В. Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. М.: Мысль, 1968. 150 с. [Ermakov V. T. *Historical experience of the Cultural Revolution in the USSR*. Moscow: Mysl, 1968, 150. (In Russ.)]
- Ермаков В. Т. Советская культура как предмет исторического исследования. *Вопросы истории*. 1973. № 11. С. 20–33. [Ermakov V. T. Soviet culture as a subject of historical research. *Voprosy Istorii*, 1973, (11): 20–33. (In Russ.)]
- Жульков М. В. Ноосферная интеллигенция и глобальное сознание. *Интеллигенция и интеллектуалы на перекрестках пространства и времени в 1917–2017 гг.*: XXVIII Междунар. очно-заоч. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 21–22 сентября 2017 г.) Иваново: ИвГУ, 2017. С. 32–37. [Zhulkov M. V. Noospheric intelligentsia and global consciousness. *Intelligentsia and intellectuals at the crossroads of space and time in 1917–2017*: Proc. XXVIII Intern. Corresp. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 21–22 Sep 2017. Ivanovo: IvSU, 2017, 32–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbtcnf>
- Жульков В. М. Ноосферный энергетизм: глобальная организованность космопланетарного универсума. Иваново: ИвГУ, 2019. 612 с. [Zhulkov V. M. *Noospheric energism: global organization of the cosmoplanetary universe*. Ivanovo: IvSU, 2019, 612. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wgqxgu>
- Золотарев О. В. Материальное положение советской интеллигенции (конец 1920-х – начало 1950-х гг.). *Интеллигенция и мир*. 2022. № 2. С. 9–26. [Zolotarev O. V. The financial situation of the Soviet intelligentsia (late 1920s – early 1950s). *Intelligentsia i mir*, 2022, (2): 9–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46725/IW.2022.2.1>

- Золотарев О. В. Советский Союз в 1930-е годы: поворот в идеологии и историческое образование. *Интеллигенция и мир*. 2015. № 1. С. 28–38. [Zolotarev O. V. The Soviet Union in the 1930-s: A turn in ideologies and historical education. *Intelligentsiia i mir*, 2015, (1): 28–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tptvwn>
- Золотарев О. В. Сталинская модернизация и советская интеллигенция. *Интеллигенция и мир*. 2018. № 1. С. 18–29. [Zolotarev O. V. Stalinist modernization and Soviet intelligentsia. *Intelligentsiia i mir*, 2018, (1): 18–29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ytzuvvm>
- Зябликов А. В. Российская художественная интеллигенция и думская практика 1906–1907 годов. *Интеллигенция и мир*. 2019. № 2. С. 25–40. [Zyablikov A. V. Russian artistic intelligentsia and Duma practice in 1906–1907. *Intelligentsiia i mir*, 2019, (2): 25–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qhgpху>
- Зябликов А. В. Художественная интеллигенция как объект исторического дискурса. *Интеллигенция и мир*. 2004. № 3-4. С. 44–49. [Zyablikov A. V. Artistic intelligentsia as an object of historical discourse. *Intelligentsiia i mir*, 2004, (3-4): 44–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ozbnrt>
- Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества: Всерос. науч.-теоретич. конф. (Кемерово, 19–21 марта 1991 г.), отв. ред. В. Л. Соскин. Кемерово: Притомское, 1991. Вып. 2. 107 с. [The intelligentsia in the system of the social-class structure and relations of the Soviet society: Proc. All-Russian Sci.-Theor. Conf., Kemerovo, 19–21 Mar 1991, ed. Soskin V. L. Kemerovo: Pritomskoe, 1991, iss. 2, 107. (In Russ.)]
- Интеллигенция и власть на пороге XXI века: Регион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 28–29 марта 1996 г.), ред. М. Е. Главацкий. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1996. Ч. 1–2. 310 с. [Intelligentsia and power on the threshold of the XXI century: Proc. Regional Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 28–29 Mar 1996, ed. Glavatsky M. E. Ekaterinburg: Ural University, 1996, pt. 1–2, 310. (In Russ.)]
- Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 – конец 1930-х гг.), ред. С. А. Красильников, Осташко Т. Н. Новосибирск: Б. и., 1995. 114 с. [Intelligentsia, society, and power: collaboration experience in 1917 – late 1930s, ed. Krasilnikov S. A., Ostashko T. N. Novosibirsk, 1995, 113. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yygltv>
- Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: мат.-лы «круглого стола» Всерос. конф. «Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры», отв. ред. М. И. Кондрашева. Екатеринбург: Б. и., 1999. 123 с. [Russian intelligentsia in the XX century and the problem of choice: Proc. "round table" of All-Russian Conf. "Intelligentsia of Russia in the history of the XX century: unfinished disputes", ed. Kondrasheva M. I. Ekaterinburg, 1999, 123. (In Russ.)]
- Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике: мат.-лы «круглых столов» Всерос. науч. конф., под общ. ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. 80 с. [Russian intelligentsia in the late XX century: the system of spiritual values in historical dynamics: Proc. "round tables" of All-Russian Sci. Conf., ed. Glavatsky M. E. Ekaterinburg: IHA UB RAS, 1998, 80. (In Russ.)]
- Интеллигенция России и Запада в XX–XXI веках: поиск, выбор и реализация путей общественного развития: XV Всерос. конф. (Екатеринбург, 28–29 мая 2004 г.), под общ. ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. 330 с. [Russian intelligentsia and the West in the XX–XXI centuries: search, choice, and ways of social development: Proc. XV All-Russian Conf., Ekaterinburg, 28–29 May 2004, ed. Glavatsky M. E. Ekaterinburg: Ural University, 2004, 330. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzslpd>
- История через личность: историческая биография сегодня, ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2005. 715 с. [History through personality: modern historical biography, ed. Repina L. P. Moscow: Krug, 2005, 715. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qbswod>
- Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1284 с. [Collins R. The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002, 1284. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xrprtv>
- Кондаков И. В. Диалог культур и борьба глобалитетов в прошлом и будущем. In: Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-традиция, 2011. С. 488–497. [Kondakov I. V. Dialogue of cultures and struggle of globalities in the past and the future. In: Kondakov I. V., Sokolov K. B., Khrenov N. A. Civilizational identity in the Transitional era: cultural, sociological and art-historical aspects. Moscow: Progress-traditsiia, 2011, 488–497. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rayuxp>
- Кондаков И. В. Интеллигенция. Культурология, XX век, гл. ред., сост. С. Я. Левит. СПб.: Алетея, 1998. Т. 1. С. 254–263. [Kondakov I. V. Intelligentsia. Culturology in the XX century, ed. and comp. Levit S. Ya. St. Petersburg: Aleteiia, 1998, 254–263. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/scgfsz>

- Кондаков И. В. Культурогенез исторических поворотов. *Лики культуры в эпоху социальных перемен*: Всерос. с Междунар. уч. науч. конф. (Екатеринбург, 23–24 марта 2018 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 13–16. [Kondakov I. V. Culturogenesis of historical turnovers. *Faces of culture in the era of social change*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 23–24 Mar 2018. Ekaterinburg: USPU, 2018, 13–16. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyieah>
- Корзун В. П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы исторического исследования. *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков*, гл. ред. Н. Н. Алеврас. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290–302. [Korzun V. P. The communicative field of historical science: new perspectives of historical research. *History and historians in the space of national and world culture of the XVIII–XXI centuries*, ed. Alevras N. N. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2011, 290–302. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ucyuyxl>
- Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Омск, 3–5 октября 2006 г.), отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск: Сиб. филиал Рос. ин-та культурологии, 2006а. Ч. 1. 227 с. [Culture and intelligentsia in the changing Russian regions: XX century. *Intellectual dialogues: XXI century. Russia – Siberia – Kazakhstan*: Proc. VI All-Russian Sci. and Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Omsk, 3–5 Oct 2006, ed. Ryzhenko V. G. Omsk: Siberian branch of Russia Institute of Cultural Studies, 2006a, pt. 1, 227. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qnzqqrh>
- Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Омск, 3–5 октября 2006 г.), отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск: Сиб. филиал Рос. ин-та культурологии, 2006б. Ч. 2. 325 с. [Culture and intelligentsia in the changing Russian regions: XX century. *Intellectual dialogues: XXI century. Russia – Siberia – Kazakhstan*: Proc. VI All-Russian Sci. and Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Omsk, 3–5 Oct 2006, ed. Ryzhenko V. G. Omsk: Siberian branch of Russia Institute of Cultural Studies, 2006b, pt. 2, 325. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qnzqqrh>
- Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения: науч. конф. (Екатеринбург, 30–31 мая 2003 г.), под общ. ред. М. Е. Главатского, С. П. Постникова. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2003. 199 с. [Russian culture and intelligentsia in the XX century as a research problem: results and prospects: Proc. Sci. Conf., Ekaterinburg, 30–31 May 2003, eds. Glavatsky M. E., Postnikov S. P. Ekaterinburg: Ural University, 2003, 199. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qothtt>
- Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: VII Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Омск, 20–22 октября 2009 г.), отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск: ОмГУ, 2009. 451 с. [Russian culture and intelligentsia: innovative practices and city images. Anniversary events. Historical memory of citizens: Proc. VII All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Omsk, 20–22 Oct 2009, ed. Ryzhenko V. G. Omsk: OmSU, 2009, 451. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qoarj>
- Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство. Провинция и Центр, XX в. Т. 1. Исследования интеллектуального пространства в XX веке: теория и практика: 4-я Всерос. науч. конф. (Омск, 27–28 сентября 2000 г.), отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск: Курьер, 2000а. 196 с. [Russian culture and intelligentsia: intellectual space. Province and Center, XX century. Vol. 1: Research of the intellectual space in the XX century: theory and practice: Proc. 4th All-Russian Sci. Conf. Omsk, 27–28 Sep 2000, ed. Ryzhenko V. G. Omsk: Kurier, 2000a, 196. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uyxarz>
- Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство. Провинция и Центр, XX в. Т. 2. Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда: 4-я Всерос. науч. конф. (Омск, 27–28 сентября 2000 г.), отв. ред. В. П. Корзун. Омск: Курьер, 2000б. 210 с. [Russian culture and intelligentsia: intellectual space. Province and Center, XX century. Vol. 2: The World of a Scientist in the XX Century: Corporate Values and Intellectual Environment: Proc. 4th All-Russian Sci. Conf. Omsk, 27–28 Sep 2000, ed. Korzun V. P. Omsk: Kurier, 2000b, 210. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxfwur>
- Культура и интеллигенция России. Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпоху политических модернизаций: VIII Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Омск, 16–18 октября 2012 г.), отв. ред. О. В. Петренко, В. Г. Рыженко. Омск: ОмГУ, 2012. 487 с. [Culture and intelligentsia of Russia. Personalities. Creation. Intellectual dialogues in the era of political modernization: Proc. VIII All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Omsk, 16–18 Oct 2012, eds. Petrenko O. V., Ryzhenko V. G. Omsk: OmSU, 2012, 487. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ropnjb>
- Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.): 3-я Всерос. науч. конф. (Омск, 25–27 ноября 1998 г.), отв. ред. В. П. Корзун. Омск: Сиб. филиал Рос. ин-та культурологии, 1998а. 219 с.

- [Russian culture and intelligentsia: social dynamics, images, and the world of scientific communities in XVIII–XX centuries. Vol. 1. Scientific communities in the socio-cultural space of Russia in XVIII–XX centuries: Proc. 3rd All-Russian Sci. Conf., Omsk, 25–27 Nov 1998, ed. Korzun V. P. Omsk: Siberian branch of Russia Institute of Cultural Studies, 1998a, 219. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zcxukt>
- Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 2. Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд: 3-я Всерос. науч. конф. (Омск, 25–27 ноября 1998 г.), отв. ред. В. П. Корзун. Омск: Сиб. филиал Рос. ин-та культурологии, 1998b. 229 с. [Russian culture and intelligentsia: social dynamics, images, and the world of scientific communities in XVIII–XX centuries. Vol. 2. Russian Intelligentsia: dynamics, images, and potential of local cultural nodes: Proc. 3rd All-Russian Sci. Conf., Omsk, 25–27 Nov 1998, ed. Korzun V. P. Omsk: Siberian branch of Russia Institute of Cultural Studies, 1998b, 229. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uldrnz>
- Купцова И. В. Роль креатосферы университета в формировании компетенций студентов. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. № 2. С. 97–102. [Kuptsova I. V. The role of the university creatosphere in shaping students' skills. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, (2): 97–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2308-7196-2021-2-97-102>
- Купцова И. В. Теоретико-методологические основания изучения художественной интеллигенции. *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности*, отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: ИвГУ, 2014а. С. 87–103. [Kuptsova I. V. Theoretical and methodological foundations for the study of the artistic intelligentsia. *Intelligentsia and intellectuals in the changing socio-political reality*, eds. Memetov V. S., Chernoperov V. L. Ivanovo: IvSU, 2014a, 87–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wigfcb>
- Купцова И. В. Формирование креативного класса в современной России. *Клио*. 2018. № 2. С. 183–187. [Kuptsova I. V. Formation of the creative class in modern Russia. *Clio*, 2018, (2): 183–187. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vxizsh>
- Купцова И. В. Художественная жизнь Москвы в годы Первой мировой войны. *История в подробностях*. 2014b. № 6. С. 78–83. [Kuptsova I. V. Artistic life of Moscow during the First World War. *Istoriia v podrobnostiakh*, 2014b, (6): 78–83. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/smxjbl>
- Кураев А. Н. Место и роль интеллигенции в системе социальных и гуманитарных наук. *Власть*. 2018. Т. 26. № 4. С. 55–58. [Kuraev A. N. The place and the role of the intelligentsia studies in the system of social and humane sciences. *Vlast*, 2018, 26(4): 55–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5763>
- Кураев А. Н. О специфике и особенностях подходов к интеллигентоведению. *Интеллигенция и мир*. 2017. № 1. С. 9–24. [Kuraev A. N. About specifics and peculiarities of approaches to intelligentsia studies. *Intelligentsia i mir*, 2017, (1): 9–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhcvgt>
- Кустарев А. Конгломерат «интеллигенция» и его нарратив. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2006. № 3. С. 18–31. [Kustarev A. The intelligentsia conglomerate and its narrative. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kulture*, 2006, (3): 18–31. (In Russ.)]
- Ледяев В. Г. Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации. *Интеллигенция и мир*. 2001. № 1. С. 12–18. [Ledyayev V. G. The concept of intelligentsia: problems of conceptualization. *Intelligentsia i mir*, 2001, (1): 12–18. (In Russ.)]
- Мамонтова М. А., Ермола М. В. Валентина Георгиевна Рыженко (к 70-летию со дня рождения). *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2018. № 21. С. 267–270. [Mamontova M. A., Ermola M. V. Valentina Georgievna Ryzhenko (on the 70th anniversary from birthday). *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, 2018, (21): 267–270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dnejtv>
- Матвеев Г. А. В. Л. Соскин – историк советской культуры и интеллигентовед. *Отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории: XXI Междунар. науч.-теоретич. конф.* (Иваново, 23–25 сентября 2010 г.) Иваново: ИвГУ, 2010. С. 5–8. [Matveev G. A. V. L. Soskin as a historian of Soviet culture and intellectuals. *Domestic and world intelligentsia in the crisis periods of history: Proc. XXI Intern. Sci.-Theor. Conf.*, Ivanovo, 23–25 Sep 2010. Ivanovo: IvSU, 2010, 5–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rziodr>
- Матвеев Г. А. Памяти Владимира Тихоновича Ермакова (К 85-летию со дня рождения). *Интеллигенция и мир*. 2009. № 4. С. 95–108. [Matveev G. A. In memory of Vladimir T. Ermakov: 85th anniversary. *Intelligentsia i mir*, 2009, (4): 95–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kycdrd>

- Меметов В. С., Будник Г. А. «Не созданы Вы для легких путей...» (к юбилею Маргариты Ионовны Кондрашовой). *Интеллигенция современного мира в ее многообразии*: XXIV Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 26–28 сентября 2013 г.) Иваново: ИвГУ, 2013. С. 8–9. [Memetov V. S., Budnik G. A. "You were not created for easy ways...": anniversary of Margarita I. Kondrashova. *Intelligentsia of the modern world in its diversity*: Proc. XXIV Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 26–28 Sep 2013. Ivanovo: IvSU, 2013, 8–9. (In Russ.)]
- Меметов В. С., Комиссаров В. В. Андрей Владимирович Квакин: штрихи к портрету ученого. *Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества*: XIX Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 25–27 сентября 2008 г.) Иваново: ИвГУ, 2008. С. 7–9. [Memetov V. S., Komissarov V. V. Andrey V. Kvakin and his scientific personality. *Young intelligentsia and sustainable development of society*: Proc. XIX Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 25–27 Sep 2008. Ivanovo: IvSU, 2008, 7–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoivqj>
- Меметов В. С., Комиссаров В. В. Традиции высокой педагогики и добросовестность интеллигентоведческих исследований (к 75-летию В. С. Волкова). *Интеллигенция современного мира в ее многообразии*: XXIV Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 26–28 сентября 2013 г.) Иваново: ИвГУ, 2013. С. 9–10. [Memetov V. S., Komissarov V. V. Traditions of high pedagogy and conscientiousness of intellectual studies: V. S. Volkov's 75th anniversary. *Intelligentsia of the modern world in its diversity*: Proc. XXIV Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 26–28 Sep 2013. Ivanovo: IvSU, 2013, 9–10. (In Russ.)]
- Москвина Р. Т. «Научные конференции – это сама жизнь»: памяти М. И. Кондрашовой. *Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы*: 30 Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 26–27 сентября 2019 г.) Иваново: ИвГУ, 2019. С. 163–167. [Moskvina R. T. "Scientific conferences are life itself": in memory of M. I. Kondrashova. *Intelligentsia and intellectual studies at the beginning of the XXI century: results and prospects*: Proc. 30th Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 26–27 Sep, 2019. Ivanovo: IvSU, 2019, 163–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hnsfxw>
- Никитина А. О. Интеллигенция и власть на Урале в современной региональной историографии. *Изв. УрГУ. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2007. Т. 49. № 13. 162–170. [Nikitina A. O. Intelligentsia and power in the Urals in modern regional historiography. *Izv. UrGU. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2007, 49(13): 162–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iuernh>
- Олейник О. Ю. О значении научного наследия В. С. Меметова. *Интеллигенция и мир*. 2021. № 1. С. 9–29. [Oleynik O. Yu. On the significance of V. S. Memetov's scientific heritage. *Intelligentsia i mir*, 2021, (1): 9–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bprazb>
- Оришев А. Б. Рецензия на коллективную монографию «Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности» (отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Изд-во ИвГУ, 2014. 276 с.). *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 5-3. С. 506–509. [Orishev A. B. Review of the monograph "The intelligentsia and intellectuals in the changing socio-political reality" (resp. ed. V. S. Memetov, V. L. Chernoperov, publishing of the Ivanovo State University, 2014. 276 p.). *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2015, (5-3): 506–509. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsevlv>
- Осинский И. И. Рец.: Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография, отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСПИМ, 2018. 360 с. *Социологические исследования*. 2019. № 11. С. 168–171. [Osinsky I. I. Review: How are the intelligentsia? Sociological essays: collective monograph, ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow: TSSPIM, 2018. 360 p. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2019, (11): 168–171. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250007455-3>
- Полторац С. Н. Видный российский историк Анатолий Ильич Аврус. *Клио*. 2017. № 7. С. 191–193. [Poltorak S. N. Prominent Russian historian Anatoly I. Avrus. *Clio*, 2017, (7): 191–193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbbfcz>
- Порозов В. А. В. С. Меметов об интеллектуалах (по материалам ивановских интеллигентоведческих конференций). *Интеллигенция и интеллектуалы XXI столетия в контексте вызовов окружающего мира*: 32 Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 22–23 сентября 2022 г.) Иваново: ИвГУ, 2022. С. 5–13. [Porozov V. A. V. S. Memetov on intellectuals: Ivanovo proceedings. *Intelligentsia and intellectuals of the XXI century in the context of the challenges of the surrounding world*: Proc. 32nd Intern. Sci.-Theor. Conf. Ivanovo, 22–23 Sep 2022. Ivanovo: IvSU, 2022, 5–13. (In Russ.)]
- Раков В. П. Интеллигентский дискурс и его культурологические опоры. *Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения*: XVIII Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 27–29 сентября 2007 г.) Иваново: ИвГУ, 2007. С. 48–50. [Rakov V. P. Intellectual discourse and its culturological supports. *Intelligentsia in the processes of World transformation: historical Challenges, Social projects, and Achievements*: Proc. XVIII Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 27–29 Sep 2007. Ivanovo: IvSU, 2007, 48–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoheqr>

- Раков В. П. Интеллигенция и миф. *Интеллигенция современной России: духовные процессы, исторические традиции и идеалы*: XIII Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 26–28 сентября 2002 г.) Иваново: ИвГУ, 2002. С. 46–48. [Rakov V. P. *Intelligentsia and myth. The Intelligentsia of Modern Russia: Spiritual Processes, Historical Traditions and Ideals*: Proc. XIII Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 26–28 Sep 2002. Ivanovo: IvSU, 2002, 46–48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uffdin>
- Раков В. П. О терминологическом языке интеллигентоведения. *Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность*: XX Междунар. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 24–26 сентября 2009 г.) Иваново: ИвГУ, 2009. С. 24–26. [Rakov V. P. *The terminological language of intellectual studies. Intelligentsia: genesis, formation, development, and activity*: Proc. XX Intern. Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 24–26 Sep 2009. Ivanovo: IvSU, 2009, 24–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzslqh>
- Рыженко В. Г. Родиноведение – новация, традиция, гражданский идеал (Из наследия российской интеллигенции). *Интеллигенция России: традиции и новации*: межгос. науч.-теоретич. конф. (Иваново, 25–27 сентября 1997 г.) Иваново: ИвГУ, 1997. С. 102–104. [Ryzhenko V. G. *Motherland studies: innovation, tradition, and civic ideal in the works by Russian intelligentsia. Russian intelligentsia: traditions and innovations*: Interstate Sci.-Theor. Conf., Ivanovo, 25–27 Sep 1997. Ivanovo: IvSU, 1997, 102–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmrpfd>
- Рыженко В. Г. Родиноведческие идеалы и традиции как фактор укрепления культуры российской провинции (XX в.). *Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)*. Т. 2. *Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд*: 3-я Всерос. науч. конф. (Омск, 25–27 ноября 1998 г.) Омск: Сиб. филиал Рос. ин-та культурологии, 1998. С. 3–8. [Ryzhenko V. G. *Motherland ideals and traditions as a factor in strengthening the culture of the Russian provinces in the XX century. Russian culture and intelligentsia: social dynamics, images, and the world of scientific communities in XVIII–XX centuries. Vol. 2. Intelligentsia of Russia: dynamics, images, potential of local cultural nests*: Proc. 3rd All-Russian Sci. Conf., Omsk, 25–27 Nov 1998. Omsk: Siberian branch of Russia Institute of Cultural Studies, 1998, 3–8. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xecbbn>
- Сибиряков И. В. Роль интеллигенции в сохранении культурной памяти советского социума о революции 1917 года. *Интеллигенция и мир*. 2018. № 2. С. 9–20. [Sibiryakov I. V. *The role of intelligentsia in maintaining cultural memory of the Soviet society of the revolution of 1917. Intelligentsia i mir*, 2018, (2): 9–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lvlylb>
- Сибиряков И. В. Современная российская интеллигенция: феномен «фантомной боли» в условиях цивилизационного кризиса. *Интеллигенция и мир*. 2016. № 2. С. 66–75. [Sibiryakov I. V. *Contemporary Russian intelligentsia: a phenomenon of "phantom pain" in the context of civilizational crisis. Intelligentsia i mir*, 2016, (2): 66–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcbwmf>
- Сибиряков И. В. Современные теоретико-методологические проблемы изучения феномена интеллигенции. *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности*, отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: ИвГУ, 2014. С. 31–44. [Sibiryakov I. V. *Modern theoretical and methodological problems of studying the phenomenon of the intelligentsia. Intelligentsia and intellectuals in the changing socio-political reality*, eds. Memetov V. S., Chernoperov V. L. Ivanovo: IvSU, 2014, 31–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wigfcb>
- Смирнов Г. С. Интеллигенция и ноосфера: философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново: ИвГУ, 2007. 128 с. [Smirnov G. S. *Intelligentsia and the noosphere: philosophical and cultural problems of intellectual studies*. Ivanovo: IvSU, 2007, 128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qohnpt>
- Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции. *Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции*, ред. В. С. Меметов. Иваново: ИвГУ, 2008. С. 347–370. [Smirnov G. S. *The noospheric history of mankind as a process of coevolution of the world intelligentsia. Problems of theory and methodology of intelligentsia research*, ed. Memetov V. S. Ivanovo: IvSU, 2008, 347–370. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxhomw>
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: ИвГУ, 2016. 428 с. [Smirnov G. S. *Education of the noosphere: World intelligentsia and global consciousness*. Ivanovo: IvSU, 2016, 428. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypfvvn>
- Смирнов Г. С. Российская интеллигенция и ноосферное измерение. *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности*, отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: ИвГУ, 2014. С. 59–84. [Smirnov G. S. *Russian intelligentsia and the noospheric dimension. Intelligentsia and intellectuals in the changing socio-political reality*, eds. Memetov V. S., Chernoperov V. L. Ivanovo: IvSU, 2014, 59–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wigfcb>

- Смыслы жизни российской интеллигенции, отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2018. 396 с. [*Meanings of life of the Russian intelligentsia*, ed. Zh. T. Toshchenko. Moscow: RSUH, 2018, 396. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dnvaas>
- Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007. 344 с. [Sokolov A. V. *Intellectuals and intellectuals in Russian history*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2007, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qorluy>
- Соловьев А. А. Интеллигенция и Церковь в интеллектуальном поле России в конце XIX – начале XX века. Кострома: КГТУ, 2007. 161 с. [Soloviev A. A. *Intelligentsia and the Church in the intellectual field of Russia in the late XIX – early XX century*. Kostroma: KSTU, 2007, 161. (In Russ.)]
- Софронова Л. В., Хазина А. В. Интеллигенция и интеллектуалы такие разные... и похожие. *Диалог со временем*. 2018. № 64. С. 346–353. [Sofronova L. V., Khazina A. V. *Intelligentsia and intellectuals – so different... and so similar. Dialog so Vremenen*, 2018, (64): 346–353. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xybphn>
- Страда В. Интеллигенция как зеркало европейской революции. *Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология*: Междунар. конф. (Неаполь, май 1997). М.-Венеция, 1999. С. 28–31. [Strada V. *Intelligentsia as a mirror of the European Revolution. Russian intelligentsia and Western intellectualism: history and typology*: Intern. Conf., Naples, May 1997. Moscow-Venice, 1999, 28–31. (In Russ.)]
- Стрелец М. В. Архивы и архивные данные в творчестве Леопольда фон Ранке: исследование ивановских ученых. Рец. на кн.: Черноперов В. Л., Усманов С. М. Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие: монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 364 с. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022а. № 4. С. 190–195. (In Russ.) [Strelets M. V. Archives and archival data in the creative work of Leopold von Ranke: research of Ivanovo scientists. Book review: Chernoperov V. L., Usmanov S. M. *Leopold von Ranke – life and creative heritage: monograph*. Ivanovo: Ivanovo State University, 2021, 364 p. *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022а, (4): 190–195. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46726/H.2022.4.19>
- Стрелец М. В. Фундаментальный труд по истории исторической науки. *Вестник Северо-Восточного государственного университета. История*. 2022b. Т. 3. № 3. С. 102–111. [Strelets M. V. Fundamental work on the history of historical science. *Bulletin of North-Eastern State University. History*, 2022b, 3(3): 102–111. (In Russ.)] https://doi.org/10.53549/27132374_2022_3_3_8
- Ткачев В. В. Интерес М. Д. Бутина к развитию социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. *Интеллигенция и мир*. 2022. № 3. С. 73–92. [Tkachev V. V. M. D. Butin's interest in the development of socio-cultural ties among the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Intelligentsia i mir*, 2022, (3): 73–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46725/IW.2022.3.4>
- Ткачев В. В. Роль художественной интеллигенции в социокультурной жизни Байкальской Сибири начала XX в. (по материалам периодической печати). *Интеллигенция и мир*. 2021. № 2. С. 88–100. [Tkachev V. V. Artistic intelligentsia in socio-cultural life of Baikal Siberia in the early XX century (based on periodicals). *Intelligentsia i mir*, 2021, (2): 88–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46725/IW.2021.2.6>
- Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015. 668 с. [Toshchenko Zh. T. *Phantoms of the Russian society*. Moscow: CSFM, 2015, 668. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/truijb>
- Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации. *Политическая наука: новые направления*, ред. Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. М.: Вече, 1999. С. 345–361. [Whitehead L. *Comparative political science: Studies in democratization. Political science: new directions*, eds. Gudin R., Klingemann H.-D. Moscow: Veche, 1999, 345–361. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tiflgr>
- Усманов С. М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссионные проблемы и варианты научной интерпретации. *Вестник Костромского государственного университета*. 2016. Т. 22. № 6. С. 40–44. [Usmanov S. M. The intelligentsia members and the intellectuals in the modern world: The discussion issues and variations of scientific interpretation. *Vestnik of Kostroma State University*, 2016, 22(6): 40–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykugyf>
- Усманов С. М., Калинин А. К. Методологические проблемы изучения интеллигенции: между «антитеоретическим консенсусом» и «приближением к универсальности». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2021. № 6. С. 58–64. [Usmanov S. M., Kalinin A. K. Methodological problems of the study of the intelligentsia: Between the "antitheoretical consensus" and "approaching universality". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2021, (6): 58–64. (In Russ.)] https://doi.org/10.52452/19931778_2021_6_58

- Хавкин Б. Л. Леопольд фон Ранке: ключевая задача историка состоит в том, чтобы «показать, как это было на самом деле» (В. Л. Черноперов, С. М. Усманов. Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие: монография. Иваново, 2021). *Новая и новейшая история*. 2022. № 5. С. 236–239. [Khavkin B. L. Leopold von Ranke: The historian's key task is to show "how things actually were" (V. L. Chernoperov, S. M. Usmanov. Leopold von Ranke – life and creative heritage: monograph. Ivanovo, 2021). *Novaya i Novejshaja Istoriya*. 2022, (5): 236–239. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013038640022423-3>
- Халиулина А. А., Красильников С. А. Памяти сибирского ученого и педагога. *Интеллигенция России: традиции и новации: межгос. науч.-теоретич. конф.* (Иваново, 25–27 сентября 1997 г.) Иваново: ИвГУ, 1997. С. 9–12. [Khaliulina A. A., Krasilnikov S. A. In memory of a Siberian scientist and teacher. *Russian intelligentsia: traditions and innovations: Interstate Sci.-Theor. Conf.*, Ivanovo, 25–27 Sep 1997. Ivanovo: IvSU, 1997, 9–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmrpfd>
- Черноперов В. Л. Противоборство «дипломатов ленинской школы» во время советско-германского конфликта 1924 г. *Личность. Культура. Общество*. 2005. Т. 7. № 2. С. 254–274. [Chernoperov V. L. The struggle between "diplomats of the Leninist school" during the Soviet-German conflict of 1924. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2005, 7(2): 254–274. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/htlcap>
- Черноперов В. Л., Усманов С. М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: самоопределение, социальный профиль, судьба. In: Меметов В. С., Черноперов В. Л., Зобнин А. В., Комиссаров В. В., Смирнов Д. А., Усманов С. М. *Интеллигенция и интеллектуалы – такие разные... и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX – начале XXI века*. Иваново: ИвГУ, 2016. С. 8–53. [Chernoperov V. L., Usmanov S. M. Intelligentsia and intellectuals in the modern world: self-determination, social profile, and fate. In: Memetov V. S., Chernoperov V. L., Zobnin A. V., Komissarov V. V., Smirnov D. A., Usmanov S. M. *Intelligentsia and intellectuals are so different and so similar: problems of self-determination and activity in the XX – early XXI century*. Ivanovo: IvSU, 2016, 8–53. (In Russ.)]
- Черноперов В. Л., Усманов С. М. Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие. Иваново: ИвГУ, 2021. 364 с. [Chernoperov V. L., Usmanov S. M. *Leopold von Ranke: life and heritage*. Ivanovo: IvSU, 2021, 364. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhyqos>
- Черноперов В. Л., Усманов С. М. Российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения. *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности*, отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: ИвГУ, 2014. С. 8–28. [Chernoperov V. L., Usmanov S. M. Russian intelligentsia and Western intellectuals in the modern world: Models of socio-political behavior. *Intelligentsia and intellectuals in the changing socio-political reality*, eds. Memetov V. S., Chernoperov V. L. Ivanovo: IvSU, 2014, 8–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wigfcb>
- Черноперов В. Л., Усманов С. М., Буданова И. А. Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью. *Интеллигенция и мир*. 2015. № 4. С. 9–31. [Chernoperov V. L., Usmanov S. M., Budanova I. A. Russian intelligentsia members and European intellectuals of the 20th century: features of interaction with society and the authority. *Intelligentsia i mir*, 2015, (4): 9–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkxypl>
- Черноперов В. Л., Усманов С. М., Комиссаров В. В. Варлен Львович Соскин (1925–2021). *Интеллигенция и мир*. 2022. № 1. С. 182–186. [Chernoperov V. L., Usmanov S. M., Komissarov V. V. Varlen Lvovich Soskin (1925–2021). *Intelligentsia i mir*, 2022, (1): 182–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgisvk>
- Якуб А. В., Бычков С. П. Валентина Павловна Корзун – основательница Омской историографической школы. К юбилею. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2018. № 4. С. 7–8. [Yakub A. V., Bychkov S. P. Valentina P. Korzun as the founder of the Omsk Historiographical School: anniversary. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2018, (4): 7–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvmzjb>
- Černoperov V. L. Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 2012, 60(4): 529–554. <https://doi.org/10.1524/vfzg.2012.0026>
- Chernoperov V., Usmanov S. Russian Intelligentsia in the socio-political transformations of the xx century: Between ideals, virtuality and creation reality. *International Review of Management and Marketing*, 2016a, 6(3S): 65–70.
- Chernoperov V., Usmanov S. The intellectuals in contemporary Europe: Between conformism and non-conformism. *Applied Economics and Finance*, 2016b, 3(4): 1–6.
- Gella A. An introduction to the sociology of the intelligentsia. *The Intelligentsia and the intellectuals: theory, method, and case study*, ed. Gella A. Beverly Hills: Sage Publications, 1976, 9–36.
- Touraine A. Modernity and cultural specificities. *International Social Science Journal*, 1988, XL(4): 443–457.

оригинальная статья

Коммерческая реклама на страницах справочных торгово-промышленных изданий Томской губернии (1894–1903 гг.)

Аброськин Сергей Васильевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0003-0618-7059>

abroskin1997@bk.ru

Поступила в редакцию 02.06.2023. Принята после рецензирования 19.10.2023. Принята в печать 23.10.2023.

Аннотация: Рассмотрена проблема становления и развития рекламы в справочниках Томской губернии в контексте модернизационных процессов в регионе. Актуальность обращения к рекламным объявлениям в справочных торгово-промышленных изданиях связана с тем, что их изучение позволяет расширить представления о развитии промышленности и торговли в регионе, охарактеризовать практические интересы населения, раскрыть мир коммерции и отношение к нему общественного мнения, выявить системные изменения, происходившие в сибирском обществе конца XIX – начала XX в. Научная новизна заключается в том, что впервые анализируются рекламные объявления и проводится их распределение по классам товаров и группе услуг. Цель статьи – систематизировать информационное содержание коммерческих объявлений как средства продвижения товаров и услуг на местном рынке, опубликованных в справочных торгово-промышленных изданиях Томской губернии (1894–1903 гг.). С помощью методов классификации, историко-системного и контент-анализа удалось классифицировать рекламируемые товары и услуги, сгруппировать рекламодателей по территориальной принадлежности, выявить способы построения и оформления рекламных объявлений. Рекламные публикации на страницах справочных торгово-промышленных изданий свидетельствуют о том, что местные, столичные, иногородние и зарубежные предприниматели предлагали населению Томской губернии разнообразный ассортимент товаров и услуг. На региональном рынке были широко представлены непродовольственные, продовольственные, медицинские и сельскохозяйственные товары, а также группа услуг. Реклама была непосредственно связана с реализацией продукции и информировала читателей об ассортименте товаров, текущих ценах, новых поступлениях, распродажах и скидках. Сделан вывод о важности рекламных объявлений как исторического источника по истории регионального предпринимательства и торговли. Рост деловой активности в Томской губернии конца XIX – начала XX в. способствовал ускорению процесса формирования единого торгового пространства как на местном, так и на общероссийском рынке.

Ключевые слова: торговля, справочные издания, коммерческая реклама, предприниматели, Томская губерния

Цитирование: Аброськин С. В. Коммерческая реклама на страницах справочных торгово-промышленных изданий Томской губернии (1894–1903 гг.). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 794–805. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-794-805>

full article

Advertising in Commercial and Industrial Journals Issued in the Tomsk Province in 1894–1903

Sergey V. Abroskin

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0003-0618-7059>

abroskin1997@bk.ru

Received 2 Jun 2023. Accepted after peer review 19 Oct 2023. Accepted for publication 23 Oct 2023.

Abstract: Advertisements are an important source on the history of regional entrepreneurship and trade. The article considers the development of advertising in the Tomsk Province in the context of local modernization processes. Trade and industrial journals highlighted the socio-economic development of the region. They also revealed public interests

and attitude to commerce, as well as pointed at the systemic changes that took place in Siberia in the late XIX – early XX centuries. The author used the methods of historical-systematic and content analyses to classify advertisements published in 1894–1903 by goods and services, territorial affiliation, and design. Local, metropolitan, nonresident, and foreign entrepreneurs offered the Tomsk population a diverse range of non-food, food, medical, and agricultural goods and services. The ads provided information on sale details, products, current prices, new offers, sales, and discounts. The growth of business activity in the Tomsk province in the late XIX – early XX centuries boosted the development of a single trading space, both on the provincial and domestic market.

Keywords: trade, reference publications, commercial advertising, entrepreneurs, Tomsk Province

Citation: Abroskin S. V. Advertising in Commercial and Industrial Journals Issued in the Tomsk Province in 1894–1903. *SibScript*, 2023, 25(6): 794–805. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-794-805>

Введение

Актуальность обращения к истории рекламы заключается в том, что она является важным источником по социально-экономическим процессам, протекавшим в российском обществе конца XIX – начала XX в. Анализ рекламных объявлений в справочных торгово-промышленных изданиях Томской губернии позволяет расширить представления о развитии промышленности и торговли в регионе, охарактеризовать практические интересы населения, раскрыть мир коммерции и отношение к нему общественного мнения, выявить системные изменения, происходившие в сибирском обществе конца XIX – начала XX в. [Аброськин 2022: 82]. Реклама являлась важной частью информационного пространства и становилась каналом прямого общения предпринимателя с потенциальным потребителем.

Целью данной работы является систематизация информационного содержания коммерческих объявлений как средства продвижения товаров и услуг на местном рынке, опубликованных в справочных торгово-промышленных изданиях Томской губернии (1894–1903 гг.). В ходе исследования решаются следующие задачи: выявляются основные классы рекламируемых товаров и группы услуг; определяется региональная принадлежность рекламодателей; раскрываются общие и отличительные черты рекламных публикаций на страницах различных справочников; устанавливается взаимосвязь социально-экономических явлений и рекламы.

В конце XIX в. в отечественной литературе были предприняты первые попытки рассмотреть роль рекламирования различных товаров и услуг в жизни общества с учетом региональной специфики и психологии населения [Веригин 1898; Плиссский 1894]. В начале XX в. начали появляться профессиональные методические издания, в которых даны практические рекомендации по рекламе различных товаров. Авторы указывали на необходимость продвижения рекламных технологий в провинциальные города, т. к. реклама является гарантией успеха в торгово-промышленном

деле [Айзенштейн 1912; Верховой 1902; Ратнер 1909; Хойновский 1913].

В советское время интерес к изучению истории рекламы начался в 1970–1980-е гг., когда были опубликованы работы Н. М. Богачевой [Богачева 1969], Л. В. Корнилова и Н. Б. Фильчиковой [Корнилов, Фильчиков 1978]. В данных работах реклама характеризовалась как историческое явление, которое по мере развития экономики расширяло сферы своего влияния.

В постсоветское время исследование российской и региональной коммерческой рекламы, в частности в справочных торгово-промышленных изданиях, было продолжено в работах [Бриленкова 2006; Корнилова 2010; Миронова 2018; Ситникова 2018]. А. А. Миронова в обобщающем труде по истории рекламы в справочных изданиях отмечает, что анализ специальных изданий позволяет проследить процесс становления рекламы в провинции [Миронова 2018].

История рекламы рассматривалась в работах томских исследователей. Так, периодическая печать Томской губернии конца XIX – начала XX в. изучалась В. В. Шевцовым, Н. В. Жиликовой, О. А. Сутягиной и др. [Жиликова 2011; 2022; Жиликова и др. 2021; Сутягина 2020; Шевцов 2012]. Н. В. Жиликова в обобщающем труде по истории томской журналистики проанализировала рекламу на страницах газет в контексте общественно-политической и историко-культурной жизни в Томске, специально не акцентируя вопрос о ее влиянии на становление рыночных отношений в регионе [Жиликова 2011].

История российской и сибирской рекламы являлась предметом изучения ряда исследователей [Галанин 2014; Дамешек, Малых 2012; Миронов 2017; Старцев 2016: 143–156; Шелкоплясова 2016; Якутина 2017], однако в историографии специально не рассматривались роль рекламы в справочных торгово-промышленных изданиях Томской губернии, информационное содержание объявлений и степень влияния рекламных публикаций на производственную деятельность и торговлю в регионе.

Методы и материалы

Исследование базируется на принципах историзма, объективности, системности и предполагает использование общенаучных (анализ, синтез и др.) и специальных исторических методов. С помощью методов классификации, историко-системного и контент-анализа удалось классифицировать рекламируемые товары и услуги, сгруппировать рекламодателей по территориальной принадлежности, выявить способы построения и оформления рекламных объявлений в справочных торгово-промышленных изданиях.

Работа опирается на теорию модернизации, понимаемой как процесс перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, который носит комплексный характер и охватывает все сферы жизнедеятельности. Складываются основы рыночной экономической системы, утверждается городской образ жизни, сопровождающийся активным развитием рекламы, что обеспечивает необходимые условия для ее превращения в конце XIX – начале XX в. в неотъемлемый институт российского общества не только в центральных городах страны, но и в провинции.

Источниковую основу статьи составляют справочные издания Томской губернии: Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь; Томск в кармане: справочная книжка и адрес-календарь г. Томска; Путеводитель по Алтаю. Реклама в справочниках располагалась в основном на первых и последних страницах, хотя отдельные рекламные публикации помещались и на центральных листах. Коммерческие объявления обычно распределялись по одному или два на странице, реже – по четыре. Календари были рассчитаны прежде всего на региональных потребителей. При этом «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь» распространялся по различным каналам в разных городах Российской империи, в том числе и в Варшаве, что способствовало его большей востребованности для размещения рекламы. В свою очередь «Томск в кармане: справочная книжка и адрес-календарь г. Томска» и «Путеводитель по Алтаю» в значительной степени ориентировались на местных предпринимателей и покупателей. Справочники существенно отличались по количеству коммерческих объявлений, по числу рекламируемых товаров и услуг.

Нижние хронологические рамки статьи определяются тем, что в 1894 г. в регионе выходит первый справочный календарь, открывающий серию подобных изданий. Верхние хронологические рамки ограничиваются 1903 г., когда завершается начальный этап публикации справочников, в последующие годы их издание приобретает

более масштабный характер, что требует отдельного анализа. Исследование проводится по двум реперным точкам: 1894–1895 гг. и 1902–1903 гг., что позволяет сделать репрезентативную выборку и сравнить динамику рекламных публикаций по годам как в рамках одного издания, так и с другими справочниками.

Результаты

В последней четверти XIX – начале XX в. в Томской губернии происходил рост товарно-денежных отношений, развитие дорожно-транспортной инфраструктуры и банковской системы, что способствовало организации бесперебойной круглогодичной торговли в губернских и уездных городах, узловых транспортных пунктах, крупных торгово-промышленных селах региона. В данных условиях активными темпами шел процесс формирования единого торгового пространства как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Неотъемлемой частью рыночных отношений становилась реклама в справочных изданиях, которые наряду с газетами выполняли функцию информирования потенциальных покупателей об ассортименте товара, о новых поступлениях, ценах, распродажах и т. п. В конце XIX – начале XX в. в российском обществе происходила модернизация систем коммуникации, которая сопровождалась переходом от традиционного общения (устного) к дистанционному в виде новых носителей информации (газет, справочников, рекламных листовок, торгово-промышленных календарей и др.) [Хавторина 2011: 65]. Процесс перехода к рыночным отношениям в России протекал в тесной взаимосвязи с развитием средств массовой информации. Новые коммуникационные носители стимулировались и материально обеспечивались за счет развития экономики, а они в свою очередь способствовали росту основных социально-экономических показателей. Таким образом, в регионе, как и во всей стране, сложились серьезные социально-экономические предпосылки и условия для становления и развития рекламы в периодических и справочных изданиях.

В данной статье целесообразным представляется использование общей товароведной классификации, которая основана на выделении классов товаров¹ и группы услуг. За весь рассматриваемый период 1894–1903 гг. на страницах справочных изданий Томской губернии печатались рекламные публикации таких классов товаров, как продовольственные и непродовольственные, сельскохозяйственные и медицинские. Отдельную группу коммерческих объявлений составляли услуги.

¹ Перечень потребительских товаров. URL: https://www.fr.gov.by/upload/21-1/perechen_potr_tov-15.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

В период 1893–1915 гг. в Томске ежегодно издавался «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь». В издании преобладала реклама крупных компаний Москвы, Санкт-Петербурга и всего центрального района страны, реже помещались рекламные публикации предпринимателей Сибири.

На наш взгляд, продуктивным является исследование рекламы в издании по реперным точкам, которые позволяют сделать репрезентативную выборку и сравнить динамику рекламных публикаций по годам как в рамках одного издания, так и с другими справочниками. За период 1894–1903 гг. нами было проанализировано четыре выпуска «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря».

1894–1895 гг.

Рассмотрим рекламу на первой реперной точке на страницах изданий за 1894 г. и 1895 г.² Выявлено 571 коммерческое объявление. Отметим, что проценты указываются от общего количества рекламных публикаций, относящихся к анализируемому классу. Подробнее остановимся на рекламных публикациях, которые, согласно заявленной классификации, принадлежали к классу непродовольственных товаров. На них приходилось 68 % от всех выявленных коммерческих объявлений.

Лидирующие позиции в рекламе непродовольственных товаров занимала культурно-бытовая продукция (20,82 %), представленная музыкальными инструментами, игрушками, материалами для украшений и фототоварами (8,8 %); канцелярскими принадлежностями (бумагой, тетрадями, акварелями) (5,5 %); товарами для физической культуры, спорта и охоты (5,22 %), а также печатными изданиями (книгами, учебными пособиями, брошюрами, атласами, открытками) (1,3 %).

Значительную часть коммерческих объявлений составляли хозяйственные товары (посуда, ведра, кадки, бутылки, замки, мебельная фурнитура, обои, зеркала, свечи, бытовая химия, керосиновые лампы, лакокрасочные изделия, клей, нефтепродукты, смазки) (15,31 %).

Важное место среди рекламных публикаций принадлежало продаже галантерейных товаров (гардинно-тюлевых штор, дорожек, бюстгальтеров, галстуков, перчаток, сумок, принадлежностей для бритья) (12,24 %), затем следовала одежда (швейная и трикотажная), головные уборы, обувь, чулочно-носочные и кожаные изделия (10,44 %). Большую группу коммерческих объявлений в классе непродовольственных товаров составляли парфюмерно-косметические изделия (8,4 %).

Существенная доля рекламных публикаций приходилась на продажу станков, оборудования для промышленного назначения и сельскохозяйственной техники (7,83 %). Весомое место в классе непродовольственных товаров было у рекламы строительных материалов (леса, цемента, кирпича, стали), слесарных инструментов (6,62 %). Незначительная доля рекламных объявлений касалась продажи меховых, шерстяных товаров (4,21 %). Реклама ювелирных изделий и часов составляла 3,7 %. Небольшую долю в классе непродовольственных товаров занимали коммерческие объявления о продаже ободно-шорных изделий (телег, саней, колес, дышел, колесной мази) (3,2 %). Реклама мебели на страницах календаря составляла 2,7 %. Коммерческие объявления о продаже текстильных товаров (ткани, белья, одеял) занимали 2,3 %, затем следовали ковры и ковровые изделия, скатерти (1,92 %).

Проанализируем рекламные публикации на страницах «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря», которые в рамках заявленной классификации принадлежали к классу продовольственных товаров. Они составляли 19,7 % от всех выявленных коммерческих объявлений. Основную часть рекламных публикаций составляла продажа минеральных вод, безалкогольных и алкогольных напитков, табачных изделий (26,59 %). Большая доля коммерческих объявлений в классе продовольственных товаров приходилась на бакалейные вкусовые товары (сахар, соль, чай, какао, кофе, специи, уксусную эссенцию) (21,74 %). Важное место среди рекламных публикаций отводилось продаже мясных (11,35 %) и молочных продуктов (10,4 %). Весомое место занимала реклама муки (крупчатки) и хлебобулочных изделий (9,69 %). Существенная доля рекламных публикаций приходилась на продажу рыбной продукции (8,75 %), затем следовали кондитерские изделия (8,16 %). Небольшую часть в классе продовольственных продуктов составляли коммерческие объявления плодовоовощной продукции (овощей, ягод, фруктов, орехов, семечек, грибов) (1,66 %), а также меда и продуктов пчеловодства (1,54 %). Последнее место занимали рекламные публикации о продаже крупных, бобовых и макаронных изделий (0,36 %).

Рекламные объявления класса медицинских товаров составляли 4,3 %. Лидирующие позиции в рекламе занимала продажа приборов и средств медицинского назначения (54,9 %). Значительное место в классе медицинских товаров было отведено рекламным публикациям лекарственных средств (45,1 %).

² Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 год: изд. Ф. П. Романова. Томск: Типо-лит. П. И. Макушина, 1893. 304 с.; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 год (год второй): изд. Ф. П. Романова. Томск: Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1895. 480 с.

Реклама класса сельскохозяйственных товаров в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» составляла 1,22 %. Большую долю занимала реклама продуктов растениеводства (зерна, семян) (45,54 %). Важная часть приходилась на скотоводство (торговля лошадьми, поросятами) (33,93 %). Реклама о продаже хмеля составляла 20,54 %.

Рекламные публикации группы услуг в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» составляли 7,3 %. Основная часть коммерческих объявлений приходилась на пассажиро- и грузоперевозки (23,8 %). Важное место среди рекламных публикаций отводилось услугам по подписке на газеты и журналы (19,8 %). Значительную часть коммерческих объявлений составляло страхование (13,2 %). Существенная доля рекламных публикаций приходилась на типографические и литографические работы, изготовление вывесок, плакатов, штемпелей (11,9 %). Весомое место в группе услуг занимала реклама наемной работы (9,16 %), которая в основном была представлена строительством мукомольных мельниц (Антон Эрлангер и К^о); сельскохозяйственных, винокурных, водочных и сахарных заводов (Мюллер Фугельзанг и К^о); изготовлением и установкой декораций для театров (П. Е. Злыгостев) и др. Реклама развлекательных заведений, гостиниц, ресторанов составляла 7,32 %. Небольшую долю в группе услуг занимали коммерческие объявления банков (4,8 %) и торгово-комиссионных услуг (купля-продажа предпринимателем товара по поручению покупателя за вознаграждение) и представительства (представление интересов отдельного человека или торгового заведения) (4,8 %). Незначительную часть рекламных публикаций составляли медицинские и юридические услуги (по 1,3 % соответственно), а образовательные услуги и фотосъемка не выходили за пределы 1,1 %.

Итак, в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» за 1894–1895 гг. среди коммерческих объявлений товаров преобладали непродовольственные (68 %), затем следовали продовольственные (19,7 %). Медицинские товары (4,3 %) включали в себя рекламирование приборов и средств медицинского назначения и лекарств. Реклама сельскохозяйственных товаров (1,22 %) была представлена продуктами растениеводства, скотоводства и хмелем. Коммерческие объявления различных услуг занимали 7,3 % (табл.).

В «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» за 1894–1895 гг. основная часть коммерческих объявлений приходилась на иногородних предпринимателей (35,96 %). Были представлены товары и услуги рекламодателей из Бердянска, Перми, Красноярска, Екатеринбургa, Тюмени, Омска, Одессы, Саратова, Тобольска, Иркутска, Благовещенска, Читы, Тулы, Рязани, Самары, Ачинска, Варшавы, Риги и др.

Доля предпринимателей Томской губернии в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» составляла 33,16 %. Из них основную долю занимали представители губернского города (30,89 %). Ведущими томскими рекламодателями являлись Н. С. Заславский (владелец оптово-розничного магазина, универсальная торговля), Н. Б. Перетц (владелец белошвейной мастерской и магазина), Э. Г. Фельзенмайер (владелец бакалейных и галантерейных магазинов), О. Л. Фуксман (владелец водочного завода и аптекарского магазина), А. Д. Родюков (владелец мукомольных мельниц, торговля крупчаткой), А. Р. Щепкин и Д. М. Сковородов (владельцы аптекарского магазина), И. В. Смирнов (владелец торгового дома, универсальная торговля), В. В. Михайлов и П. И. Макушин (владельцы книжного магазина, типографии), Н. И. Тельных (владелец аптекарского магазина, универсальная торговля) и др. Рекламные объявления алтайских предпринимателей составляли всего 2,27 %. В издании рекламировали свою продукцию алтайские купцы: А. Я. Куратов (производство и продажа шуб и пимов), С. Сбитнев (универсальная торговля), П. Г. Соловьев (производство и продажа шуб и пимов). В календаре печаталось объявление первого содового завода в Российской империи А. И. Пранга. Торговый дом «Братья Ворсины и Олюнина» предлагал широкий выбор алкогольной продукции.

На столичных предпринимателей приходилось около 29,54 % от общего числа рекламных объявлений. Они были ориентированы в основном на перекупщиков и на тех покупателей, у которых имелась возможность заказать товары либо непосредственно посетить магазины Санкт-Петербурга и Москвы. При этом столичная реклама в торгово-промышленном издании была представлена большим разнообразием торговых фирм и ассортимента товаров.

Иностранные рекламодатели крайне редко размещали объявления на страницах «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря», их доля составляла около 1,42 %. Зарубежные предприниматели были из Чикаго, Вены, Парижа, Великобритании, Кельна, Женевы.

Таким образом, коммерческие объявления на страницах «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря» за 1894 г. и 1895 г. свидетельствуют о том, что местные, столичные, иногородние и зарубежные предприниматели населению Томской губернии предлагали разнообразный ассортимент товаров и услуг. Рекламные объявления были непосредственно связаны с реализацией продукции и информировали читателей (потенциальных потребителей) об ассортименте товаров, текущих ценах, новых поступлениях, распродажах и скидках.

Табл. Коммерческие объявления по классам товаров и группе услуг, рекламируемых в справочных торгово-промышленных изданиях Томской губернии, 1894–1903 гг., %

Tab. Commercial ads by goods and services in commercial and industrial journals of the Tomsk Province in 1894–1903, %

Реперные точки	Непродовольственные товары	Продовольственные товары	Сельскохозяйственные товары	Медицинские товары	Группа услуг
Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь					
1894–1895 гг.	68	19,7	1,22	4,3	7,3
1902–1903 гг.	70,27	20,47	1,06	2,18	6,2
Томск в кармане: справочная книжка и адрес-календарь г. Томска					
1902–1903 гг.	47,97	12,87	0,59	1,17	37,44
Путеводитель по Алтаю					
1902	62,72	21,56	–	4,9	10,78
Итого					
1894–1903 гг.	62,24	18,56	0,72	3,14	15,43

1902–1903 гг.

С течением времени в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» происходили количественные изменения в ряду коммерческих объявлений по классам товаров и группе услуг. Рассмотрим рекламу на второй реперной точке на страницах справочного календаря за 1902 г. и 1903 г.³ Выявлено 955 коммерческих объявлений, что превышает аналогичные показатели периода 1894–1895 гг. на 384 рекламные публикации. Остановимся на коммерческой рекламе в издании за 1902–1903 гг., которая, согласно заявленной классификации, относилась к классу непродовольственных товаров. Они составляли 70,27 % от всех выявленных объявлений.

Лидирующие позиции в этом классе занимала культурно-бытовая продукция (17,34 %), представленная музыкальными инструментами, игрушками, материалами для украшений и фототоварами (6,63 %), канцелярскими принадлежностями (4,82 %), товарами для физической культуры, спорта и охоты (4,33 %), а также печатными изданиями (1,55 %). Значительную часть объявлений составляли хозяйственные товары (16,5 %). Важное место среди рекламных публикаций принадлежало продаже одежды (швейной и трикотажной), головных уборов, обуви, чулочно-носочных и кожаных изделий (13,76 %), затем следовали галантерейные товары (11,15 %). Большую группу коммерческих объявлений составляла продажа станков, оборудования для промышленного назначения и сельскохозяйственной техники (10,52 %). Существенная доля рекламных

публикаций приходилась на парфюмерно-косметические изделия (5,93 %). Весомое место в классе непродовольственных товаров было у рекламы текстильных товаров (5,61 %). Реклама строительных материалов, слесарных инструментов – 4,92 %. Незначительная доля объявлений касалась продажи ювелирных изделий и часов (4,73 %). Реклама меховых, шерстяных товаров – 4,05 %. Небольшую долю занимали коммерческие объявления о продаже мебели (2,88 %). Реклама ободно-шорных изделий составляла 2,03 %. Коммерческие объявления о продаже ковров и ковровых изделий, скатертей – 1,43 %.

Проанализируем рекламные публикации на страницах «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря» за 1902–1903 гг., которые в рамках заявленной классификации принадлежали к классу продовольственных товаров. Они составляли 20,47 % от всех выявленных коммерческих объявлений. Основная часть рекламных публикаций приходилась на продажу минеральных вод, безалкогольных, алкогольных и табачных изделий (39,64 %). Большую долю коммерческих объявлений в классе продовольственных товаров составляли бакалейные вкусовые товары (20,44 %). Важное место среди рекламных публикаций отводилось продаже кондитерских изделий (10,35 %). Весомое место занимала реклама рыбной продукции (8,04 %). Существенная доля рекламных публикаций приходилась на продажу молочных продуктов (6,05 %), затем следовала мука (крупчатка) и хлебобулочные изделия (4,62 %). Реклама мясных товаров – 4,03 %. Небольшую часть

³ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1902 год. Год девятый. Томск: изд. Ф. П. Романова, 1902. 870 с.; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год. Год десятый. Томск: изд. Ф. П. Романова, 1903. 816 с.

составляли коммерческие объявления плодовоовощной продукции (3,45 %), а также крупяных, бобовых и макаронных изделий (2,58 %). Последнее место занимали рекламные публикации о продаже меда и продуктов пчеловодства (0,58 %).

Рекламные объявления класса медицинских товаров в справочнике за 1902–1903 гг. составляли 2,18 %. Лидирующие позиции в рекламе занимала продажа приборов и средств медицинского назначения (53,94 %), значительное место – рекламные публикации лекарственных средств (46,06 %).

Реклама класса сельскохозяйственных товаров в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» составляла 1,06 %. Большая доля приходилась на рекламирование продуктов растениеводства (77,5 %), важная часть – на скотоводство (11,25 %) и продажу хлеба (11,25 %).

Рекламные публикации группы услуг в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» за 1902–1903 гг. составляли 6,2 %. Основная часть коммерческих объявлений приходилась на наемную работу (22,16 %). Реклама пассажиро- и грузоперевозок составляла 17,78 %. Важное место среди рекламных публикаций занимали торгово-комиссионные услуги и представительство (15,65 %). Реклама типографических и литографических работ, изготовления вывесок, плакатов, штампов – 11,66 %. Значительную часть коммерческих объявлений составляли услуги по подписке на газеты и журналы (10,78 %). Существенная доля рекламных публикаций приходилась на банковские услуги (10,29 %). Весомое место в группе услуг отводилось страхованию (5,58 %). Реклама развлекательных заведений, гостиниц, ресторанов составляла 4 %. Незначительная часть рекламных публикаций приходилась на образовательные услуги (1,92 %). Другие подгруппы услуг на страницах календаря за 1902–1903 гг. не были представлены.

Таким образом, в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» за 1902–1903 гг. среди коммерческих объявлений товаров преобладали непродовольственные (70,27 %), что превышает аналогичные показатели реперной точки за 1894–1895 гг. на 2,27 %. Затем следовали продовольственные товары (20,47 %), что превышает аналогичные показатели периода 1894–1895 гг. на 0,77 %; реклама медицинских товаров (2,18 %), что меньше аналогичных показателей периода 1894–1895 гг. на 2,12 %. Динамика развития рекламы сельскохозяйственных товаров наиболее показательна в торговле продуктами растениеводства, которая увеличилась на 31,96 %. Коммерческие объявления различных услуг занимали 6,2 %, что меньше аналогичных показателей периода 1894–1895 гг. на 1,1 % (табл.).

В «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» за 1902–1903 гг. основная часть коммерческих объявлений приходилась на столичных предпринимателей (47,25 %), что больше аналогичных показателей предыдущего периода 1894–1895 гг. на 17,71 %. Реклама иногородних предпринимателей составляла 38,64 %, что больше аналогичных показателей предыдущего периода на 2,68 %. На страницах издания в добавление к указанным в предыдущем периоде рекламодателям появились новые – из Нижнего Новгорода, Ярославля, Шадринска, Казани, Алушты, Владивостока, Ростова-на-Дону, которые предлагали населению Томской губернии разнообразный ассортимент товаров и услуг.

Доля рекламодателей Томской губернии в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре» за 1902–1903 гг. не выходила за пределы 11,03 %, что меньше, чем в предыдущем периоде, на 22,13 %. Из них основную долю занимали представители губернского города (9,35 %), что меньше, чем в предыдущем периоде, на 21,54 %. Ведущими томскими предпринимателями среди коммерческих объявлений являлись П. В. Михайлов (владелец кирпичного завода, универсальная торговля), И. Г. Гадалов (владелец магазина, торговля бакалейными, галантерейными, мануфактурными товарами), И. П. Сыромятников (торговля меховыми товарами), А. Р. Щепкин и Д. М. Сковородов (владельцы аптекарского магазина, универсальная торговля), Н. С. Заславский (владелец оптово-розничного магазина, универсальная торговля), В. А. Горохов (пассажиро- и грузоперевозки, торговля крупчаткой), А. Г. Харитоновна (владелица модного магазина, торговля галантерейными товарами), Г. С. Баукин (владелец магазина, торговля бакалейными товарами, керосином, железными изделиями, посудой), П. Н. Рукавишников (владелец магазина, торговля мебелью, музыкальными инструментами) и др.

Рекламные объявления алтайских предпринимателей составляли всего 1,47 %, что меньше, чем в предыдущем периоде, на 0,8 %. В издании рекламировали свою продукцию алтайские купцы: П. Д. Сухов (универсальная торговля), Г. В. Грязнов (продажа крупчатки и хлебных продуктов), И. Ф. Смирнов (универсальная торговля), Н. А. Олюнин (владелец канатно-пряжильного завода, торговля канатами, рыбными снастями и пр.), В. Н. Суслов (владелец мастерской черных овчинных шуб и валяной обуви, универсальная торговля) и др. Реклама ново-николаевских предпринимателей составляла 0,21 %. В издании было представлено коммерческое объявление братьев Ерофеевых, которые покупали на экспорт сливочное масло и продавали сахар, виноградные вина и пр.

Иностранные рекламодатели крайне редко размещали объявления на страницах календаря за 1902–1903 гг., их доля составляла около 3,36 %. Зарубежные предприниматели были из Голландии, Франции, Германии, Швеции.

Рассмотрим рекламу на страницах справочной книжки и адрес-календаря «Томск в кармане» (1902–1905 гг.) за 1902 г. и 1903 г.⁴ Выявлено 106 коммерческих объявлений. Остановимся на коммерческой рекламе, которая, согласно заявленной классификации, принадлежала к классу непродовольственных товаров. Они составляли 47,97 % от всех выявленных объявлений. Лидирующие позиции в этом классе занимала культурно-бытовая продукция (17,08 %), представленная музыкальными инструментами, игрушками, материалами для украшений и фототоварами (7,32 %), печатными изданиями (6,1 %), а также товарами для физической культуры, спорта и охоты (3,66 %). Значительную часть коммерческих объявлений составляли хозяйственные товары (14,64 %). Важное место среди рекламных публикаций отводилось продаже галантерейных товаров (10,98 %) и станков, оборудования для промышленного назначения и сельскохозяйственной техники (10,98 %). Большую группу коммерческих объявлений составляла продажа одежды (швейной и трикотажной), головных уборов, обуви, чулочно-носочных и кожаных изделий (9,76 %), ювелирных изделий и часов (9,76 %), строительных материалов, слесарных инструментов (9,76 %). Существенная доля рекламных публикаций приходилась на текстильные товары (8,54 %). Реклама парфюмерно-косметических изделий – 3,66 %. Незначительная доля рекламных объявлений касалась продажи меховых, шерстяных товаров (2,44 %). Небольшую долю занимали коммерческие объявления о продаже ободно-шорных изделий (2,44 %). В издании «Томск в кармане» за 1902–1903 гг. коммерческие объявления о продаже ковров и ковровых изделий, скатертей, мебели, канцелярских принадлежностей не были представлены.

Проанализируем рекламные публикации на страницах «Томск в кармане», которые относились к классу продовольственных товаров. Они составляли 12,87 % от всех выявленных коммерческих объявлений. Основная часть рекламных публикаций приходилась на продажу минеральных вод, безалкогольных, алкогольных и табачных изделий (24,55 %). Большую долю коммерческих объявлений составляли кондитерские изделия (18,64 %). Важное место среди рекламных публикаций занимала продажа мясной продукции (14,55 %).

Существенная доля приходилась на продажу бакалейных вкусовых товаров (14,09 %). Реклама муки (крупчатки) и хлебобулочных изделий – 14,09 %. Небольшую часть составляли коммерческие объявления о продаже молочных товаров (9,55 %). Последнее место занимали рекламные публикации о продаже меда и продуктов пчеловодства (4,55 %). В издании «Томск в кармане» за 1902–1903 гг. коммерческие объявления о продаже рыбной плодовоовощной продукции, а также крупяных, бобовых и макаронных изделий не были представлены.

Реклама класса медицинских товаров в справочнике за 1902–1903 гг. составляла 1,17 %. Все рекламные публикации приходились на торговлю приборами и средствами медицинского назначения.

Рекламные объявления класса сельскохозяйственных товаров в «Томске в кармане» за 1902–1903 гг. занимали 0,59 %. Все рекламные публикации приходились на скотоводство.

Рекламные публикации группы услуг в «Томске в кармане» за 1902–1903 гг. составляли 37,44 %. Основная часть коммерческих объявлений приходилась на наемную работу (21,5 %). Реклама типографических и литографических работ, изготовление вывесок, плакатов, штемпелей – 15,19 %. Важное место среди рекламных публикаций отводилось развлекательным заведениям, гостиницам, ресторанам (14,05 %). Весомое место занимало страхование (12,33 %). Существенная доля рекламных публикаций приходилась на медицинские услуги (11,49 %). Значительную часть коммерческих объявлений составляли услуги по подписке на газеты и журналы (9,17 %). На рекламу образовательных услуг приходилось 8,04 %. Незначительную часть рекламных публикаций составляли пассажирские и грузоперевозки (5,18 %). Небольшая доля коммерческих объявлений приходилась на банковские услуги (1,73 %). Последнее место занимали рекламные публикации торгово-комиссионных услуг и представительств (1,43 %). Другие подгруппы услуг на страницах справочника за 1902–1903 гг. не были представлены.

Таким образом, в «Томске в кармане» за 1902–1903 гг. среди коммерческих объявлений товаров преобладали непродовольственные (47,97 %). Затем следовали продовольственные товары (12,87 %). Медицинские товары (1,17 %) включали в себя рекламирование приборов и средств медицинского назначения. Реклама сельскохозяйственных товаров (0,59 %) была представлена торговлей только продуктами скотоводства. Коммерческие объявления различных услуг занимали 37,44 % (табл.).

⁴ Гурьев Н. А. Томск в кармане: справочная книжка и адрес-календарь г. Томска. Год 1. Томск, 1902. 118 с.; Гурьев Н. А. Томск в кармане: справочная книжка и адрес-календарь г. Томска. Год 2. Томск, 1903. 151 с.

В издании «Томск в кармане» за 1902–1903 гг. основная часть коммерческих объявлений приходилась на рекламодателей Томской губернии (90,49 %). Из них основную долю занимали представители губернского города (89,44 %). Ведущими томскими предпринимателями среди коммерческих объявлений являлись И. Л. Фуксман (владелец конного завода, торговля крупчаткой), Г. И. Фуксман (владелец легкопассажирского парохода), И. М. Некрасов (владелец магазина, торговля железными и скобяными изделиями), И. Г. Тихонов (владелец конфетно-кондитерской и пряничной фабрики и вино-водочного магазина) и др. Рекламные объявления ново-николаевских предпринимателей составляли всего 1,05 %.

Доля столичных рекламодателей не выходила за пределы 6,8 %. Реклама иногородних предпринимателей составляла 2,6 %. Рекламные публикации иностранных рекламодателей на страницах «Томска в кармане» за 1902–1903 гг. не были представлены.

Рассмотрим рекламу на страницах справочной книжки «Путеводитель по Алтаю» за 1902 г.⁵, в которой выявлено 33 коммерческих объявления. Остановимся на коммерческой рекламе, которая, согласно заявленной классификации, принадлежала к классу непродовольственных товаров. Они составляли 62,72 % от всех выявленных объявлений. Лидирующие позиции в этом классе занимала культурно-бытовая продукция (26,6 %), представленная музыкальными инструментами, игрушками, материалами для украшений и фототоварами (9,4 %), канцелярскими принадлежностями (7,8 %), печатными изданиями (4,7 %), а также товарами для физической культуры, спорта и охоты (4,7 %). Важное место среди рекламных публикаций отводилось галантерейным товарам (15,6 %) и одежде (швейной и трикотажной), головным уборам, обуви, чулочно-носочным и кожаным изделиям (15,6 %). Значительную часть коммерческих объявлений занимали хозяйственные товары (14,04 %). Большую группу коммерческих объявлений составляла продажа мебели (7,8 %). Существенная доля рекламных публикаций приходилась на строительные материалы, слесарные инструменты (6,24 %). Затем следовала реклама станков, оборудования для промышленного назначения и сельскохозяйственной техники (3,12 %), ювелирных изделий и часов (3,12 %), текстильных товаров (3,12 %) и меховых, шерстяных товаров (3,12 %). Незначительная доля рекламных объявлений касалась продажи ковров и ковровых изделий (1,6 %). В «Путеводителе по Алтаю» за 1902 г. коммерческие объявления о продаже парфюмерно-косметических и обочно-шорных изделий не были представлены.

Проанализируем рекламные публикации на страницах «Путеводителя по Алтаю» за 1902 г., которые в рамках заявленной классификации принадлежали к классу продовольственных товаров. Они составляли 21,56 % от всех выявленных коммерческих объявлений. Основная часть рекламных публикаций приходилась на продажу бакалейных вкусовых товаров (27,3 %). Весомое место занимала реклама муки (крупчатки) и хлебобулочных изделий (18,2 %). Большую долю коммерческих объявлений составляли минеральные воды, безалкогольные, алкогольные и табачные изделия (13,65 %). Важное место среди рекламных публикаций было отведено рыбной продукции (13,65 %). Реклама кондитерских изделий – 9,1 %, мясной продукции – 9,1 %. Небольшую часть составляли коммерческие объявления о продаже молочных товаров (4,55 %) и плодовоовощной продукции (4,55 %). Коммерческие объявления о продаже меда и продуктов пчеловодства, крупяных, бобовых и макаронных изделий не были представлены.

Реклама класса медицинских товаров в путеводителе за 1902 г. составляла 4,9 %. Лидирующие позиции по количеству рекламных публикаций занимали приборы и средства медицинского назначения (80 %). 20 % приходилось на рекламу лекарственных средств.

Рекламные объявления класса сельскохозяйственных товаров в «Путеводителе по Алтаю» за 1902 г. не были представлены.

Рекламные публикации группы услуг в «Путеводителе по Алтаю» за 1902 г. составляли 10,78 %. Основная часть коммерческих объявлений приходилась на типографические и литографические работы, изготовление вывесок, плакатов, штампов (36,36 %). Важное место среди рекламных публикаций занимали пассажиро- и грузоперевозки (27,27 %) и услуги по подписке на газеты и журналы (27,27 %). Рекламе развлекательных заведений, гостиниц, ресторанов отводилось 9,09 %. Рекламные публикации других подгрупп услуг на страницах путеводителя за 1902 г. не были представлены.

Таким образом, в «Путеводителе по Алтаю» за 1902 г. среди коммерческих объявлений товаров преобладали непродовольственные (62,72 %). Затем следовали продовольственные товары (21,56 %). Медицинские товары (4,9 %) включали в себя рекламирование приборов и средств медицинского назначения и лекарств. Реклама сельскохозяйственных товаров не была представлена. Коммерческие объявления различных услуг занимали 10,78 % (табл.).

В «Путеводителе по Алтаю» за 1902 г. основная часть коммерческих объявлений приходилась на рекламодателей Томской губернии (93,93 %). Из них основную долю

⁵ Яблонский Н. В. Путеводитель по Алтаю. Томск: Тов-во скоропечатни А. А. Левенсон. Томское отд-ие, 1902. 148 с.

занимали представители губернского города (48,48 %). Ведущими томскими предпринимателями среди коммерческих объявлений являлись Н. С. Заславский (владелец оптово-розничного магазина, универсальная торговля), наследники В. Г. Ельдештейна (владельцы пароходов), Е. И. Мельникова (владелица пароходов), В. А. Горохов (пассажиро- и грузоперевозки, торговля крупчаткой), Е. А. Осипов (владелец магазина, торговля посудой и обоями), П. Н. Рукавишников (торговля мебелью) и др. Рекламные объявления алтайских предпринимателей составляли 36,36 %. В издании рекламировали свою продукцию алтайские купцы: П. Д. Сухов (универсальная торговля), М. С. Сычев (универсальная торговля), И. К. Платонов (торговля крупчаткой), Н. А. Румянцев (владелец типографии) и др. Реклама ново-николаевских предпринимателей составляла 9,09 %. В издании было представлено коммерческое объявление И. Е. Волкова (владелец магазина, универсальная торговля).

На долю иногородних предпринимателей приходилось 6,06 %. Рекламные публикации столичных и иностранных рекламодателей на страницах «Путеводителя по Алтаю» за 1902 г. не были представлены.

Заключение

Расширение предпринимательской активности в Томской губернии конца XIX – начала XX в. способствовало ускорению процесса формирования единого торгового пространства как на местном, так и на общероссийском рынке. Неотъемлемой частью рыночных отношений становилась реклама в справочных изданиях, которые наряду с газетами выполняли функцию информирования потенциальных покупателей об ассортименте товара, о новых поступлениях, ценах, распродажах и т. п. Рекламные публикации на страницах справочников становились эффективным каналом прямого общения предпринимателя с потенциальным покупателем.

Коммерческие объявления в справочных изданиях свидетельствуют о том, что сибирские и столичные предприниматели предлагали населению Томской губернии разнообразный ассортимент товаров и услуг. Лидирующие позиции в рекламе за период 1894–1903 гг. в процентном соотношении занимал класс непродовольственных товаров (62,24 %), в ряду которых основное место отводилось продаже культурно-бытовой продукции, хозяйственных и галантерейных товаров, одежды (швейной и трикотажной), головных уборов, обуви, чулочно-носочных и кожаных изделий, станков, оборудования для промышленного назначения и сельскохозяйственной техники. Затем следовали продовольственные товары (18,56 %), в числе которых самыми рекламируемыми являлись минеральные воды, безалкогольные и алкогольные напитки, табачные товары,

бакалейные вкусовые, мука (крупчатка), кондитерские и хлебобулочные изделия, рыбные и мясные продукты. Класс медицинских товаров (3,14 %) включал в себя рекламирование приборов и средств медицинского назначения и лекарств. Реклама сельскохозяйственных товаров (0,72 %) была представлена торговлей лошадьми, поросятами, зерном, семенами и хмелем. Коммерческие объявления различных услуг занимали 15,43 %. К числу самых рекламируемых относились пассажиро- и грузоперевозки, подписка на газеты и журналы, типографические и литографические работы, наемная работа.

В справочных изданиях основная часть коммерческих объявлений приходилась на рекламодателей Томской губернии (57,08 %). Из них основную долю занимали жители губернского города (44,54 %). Рекламные объявления алтайских предпринимателей составляли 10 %. На рекламу представителей Ново-Николаевска приходилось 2,54 %. Существенное место в справочниках занимали столичные (20,9 %) и другие иногородние рекламодатели (20,82 %), в то время как на иностранных предпринимателей приходилось всего 1,2 % от всех коммерческих объявлений.

В конце XIX – начале XX в. в Томской губернии наблюдался процесс перехода к стационарной торговле и формированию единого торгового пространства. Коммерческие объявления в справочниках отражали состояние производства и торговли в губернии, способствуя росту основных социально-экономических показателей. Реклама формировала спрос и стимулировала сбыт, что приводило к увеличению оборотов товаров и услуг, а следовательно, и расширению производства.

В рекламных объявлениях отразились торговые связи региона, местная специализация промышленности и торговли (ассортимент продукции), сведения о появлении на рынке и последующем вхождении в быт населения новых товаров и услуг. В частности, анализ рекламы позволяет говорить об изменениях в структуре спроса, прежде всего среди городских жителей. Так, востребованными оказались материалы полиграфической и табачной продукции, мануфактурные и галантерейные товары, парфюмерно-косметические и ювелирные изделия, мебель, посуда, елочные игрушки и фурнитура для рукоделия, бакалейные и кондитерские продукты, безалкогольные и алкогольные напитки, лекарственные средства. Потребности сельского хозяйства и промышленности региона приводили к появлению на рынке предложений о продаже отечественными и зарубежными фирмами техники и оборудования.

Необходимо отметить, что большинство торговых заведений имело универсальный характер, что открывало возможность для приобретения различных товаров в одном магазине. Продукцию, отсутствующую в губернии,

можно было выписать по преysкуранту под заказ, о чем сообщали соответствующие объявления. В справочных изданиях рекламные объявления печатались с использованием различных рамок, шрифтов, иллюстраций реализуемой продукции, что привлекало внимание читателей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аброскин С. В. Коммерческая реклама на страницах первых частных периодических изданий Томска. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2022. Т. 29. № 2. С. 82–88. [Abroskin S. V. Commercial advertising in the pages of the first private periodicals of Tomsk. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2022, 29(2): 82–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/H5520220211>
- Айзенштейн К. А. Как рекламировать с успехом. СПб.: Фортуна для всех, 1912. 110 с. [Aisenstein K. A. *Efficient advertising*. St. Petersburg: Fortuna dlia vseh, 1912, 110. (In Russ.)]
- Богачева Н. М. Реклама, ее возникновение и некоторые сведения из истории развития. М.: Б. и., 1969. 22 с. [Bogacheva N. M. *Advertising: origin and history*. Moscow, 1969, 22. (In Russ.)]
- Бриленкова А. В. Реклама в периодических печатных изданиях на рубеже XIX–XX вв. *Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки*. 2006. № 1. С. 191–200. [Brilenkova A. V. Advertisements in the periodicals in late 19th – early 20th centuries. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2006, (1): 191–200. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ibiejj>
- Веригин А. Русская реклама. СПб.: Ред. газ. «Рус. труд», 1898. 23 с. [Verigin A. *Russian advertising*. St. Petersburg: Red. gaz. "Rus. trud", 1898, 23. (In Russ.)]
- Верховой Н. В. Реклама в XX веке как необходимость и единственная верная гарантия успеха в каждом торгово-промышленном деле. Ярославль: Тип. Губерн. правления, 1902. 12 с. [Verkhovoy N. V. *Advertising in the XX century as a necessity and the only reliable guarantee of success in any commercial and industrial business*. Yaroslavl: Tip. Gubern. pravleniia, 1902, 12. (In Russ.)]
- Галанин С. Ф. Реклама как социокультурный институт в жизни российского общества во второй половине XIX века. *Концепт*. 2014. № Т20. С. 1981–1985. [Galanin S. F. Advertising as a socio-cultural institution in the life of Russian society during the second half of the 19th century. *Koncept*, 2014, (T20): 1981–1985. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sjeuzn>
- Дамешек Л. М., Малых С. В. Реклама как источник изучения потребностей горожан Восточной Сибири в последней четверти XIX – начале XX вв. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2012. № 1. С. 86–91. [Dameshek L. M., Malykh S. V. Advertisements as a source of studying of Eastern Siberia citizens' needs in the last quarter of the XIXth – at the beginning of the XXth centuries. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2012, (1): 86–91. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oyxdtb>
- Жилякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: ТГУ, 2011. 444 с. [Zhilyakova N. V. *Journalism of the city of Tomsk in XIX – early XX centuries: formation and development*. Tomsk: TSU, 2011, 444. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rutywh>
- Жилякова Н. В. Периодизация развития журналистики Томской губернии / Томской области. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика*. 2022. № 5. С. 63–82. [Zhilyakova N. V. Periodization of journalism development in Tomsk province / Tomsk region. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2022, (5): 63–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2022.6381>
- Жилякова Н. В., Есипова В. А., Шевцов В. В., Могилатова М. В. Цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии). *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2021. № 2. С. 87–103. [Zhilyakova N. V., Esipova V. A., Shevtsov V. V., Mogilatova M. V. Censorial history of provincial journalism (on the materials of the periodical press of the ante-revolutionary Tomsk province). *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, (2): 87–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-104-02-87-103>
- Корнилов Л. В., Фильчикова Н. Б. От глашатая до неона. М.: Знание, 1978. 126 с. [Kornilov L. V., Filchikova N. B. *From herald to neon*. Moscow: Znanie, 1978, 126. (In Russ.)]

- Корнилова К. С. Рекламно-справочные издания в истории российской журналистики. М.: Вест-Консалтинг, 2010. 180 с. [Kornilova K. S. *Advertising and reference publications in the history of Russian journalism*. Moscow: Vest-Konsalting, 2010, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qybfxz>
- Миронов Б. Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации. *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4. С. 16–24. [Mironov B. N. Argumentative issues of imperial, Soviet and post-Soviet modernizations. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2017, (4): 16–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zsvyxx>
- Миронова А. А. Реклама в справочных изданиях XIX – начала XX века: историко-лингвистический аспект. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2018. 233 с. [Mironova A. A. *Advertising in reference publications of the XIX – early XX centuries: historical and linguistic aspect*. Moscow: FLINTA, 2018, 233. (In Russ.)]
- Плиссский Н. Путь к богатству. Реклама. Ее значение, происхождение и история. Примеры рекламирования. СПб.: Изд-во Ф. В. Щепенского, 1894. 38 с. [Plisskiy N. *Way to Wealth. Advertising. Meaning, origin, and history. Advertising examples*. St. Petersburg: Izd-vo F. V. Shchepenskogo, 1894, 38. (In Russ.)]
- Ратнер А. Техника рекламы объявлениями. СПб.: Типолит. К. Биркенфельда, 1909. 16 с. [Ratner A. *Advertising by ads*. St. Petersburg: Tipolit. K. Birkenfelda, 1909, 16. (In Russ.)]
- Ситникова Т. В. Адрес-календари и справочники-календари Царицына рубежа XIX–XX веков. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2018. Т. 18. № 1. С. 108–112. [Sitnikova T. V. Address calendars and reference calendars of Tsaritsyn at the turn of XIX–XX centuries. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2018, 18(1): 108–112. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xngntn>
- Старцев А. В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 446 с. [Startsev A. V. *Siberia and adjacent territories: history, historiography, and methodology*. Barnaul: Buys Russian Interior Ministry, 2016, 143–156 (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xsnfzf>
- Сутягина О. А. Коммерческая реклама сибирских купцов в 1880-е гг. (по материалам «Сибирской газеты»). *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 4. С. 71–85. [Sutyagina O. A. Trade advertising of Siberian merchants during the 1880's (based on the materials of "Siberian newspaper"). *Genesis: Historical research*, 2020, (4): 71–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.4.29890>
- Хавторина Ю. В. Реклама как средство массовой коммуникации в России в конце XIX – начале XX в. *Власть*. 2011. № 7. С. 64–66. [Khavtorina Yu. V. Advertising as a means of mass communication in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Vlast*, 2011, (7): 64–66. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nyjakd>
- Хойновский В. Успешная реклама и как ею пользоваться: Советы для объявителей. Киев: Изд. конторы объявлений «Реклама» В. В. Хойновского, 1913. 40 с. [Khoynovsky V. *Successful advertising and how to use it: Tips for advertisers*. Kiev: Izd. kontory obyavlenii "Reklama" V. V. Khoynovskogo, 1913, 40. (In Russ.)]
- Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: ТГУ, 2012. 413 с. [Shevtsov V. V. *Tomskiye Gubernskiye Vedomosti (1857 – 1917 years) in socio-cultural and information space of Siberia*. Tomsk: TSU, 2012, 413. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rwjdkd>
- Шелкоплясова Н. И. Источниковая база исследования истории провинциальной рекламы XIX – начала XX вв. (на примере Тульской губернии). *Современные исследования социальных проблем*. 2016. № 2-3. С. 79–87. [Shelkoplyasova N. I. Source base study of provincial history advertisement in the XIXth – in the beginning of the XXth centuries (the province of Tula). *Modern Studies of Social Issues*, 2016, (2-3): 79–87. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/waamfz>
- Якутина Е. Н. Реклама как исторический источник. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2017. № 4. С. 29–36. [Yakutina E. N. Advertisement as a historical source. *Economic and Social Research*, 2017, (4): 29–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yoecey>

оригинальная статья

Государственная монополизация пушнозаготовок в ДВР в 1920–1922 гг. как предмет объективного восприятия и критики руководителем промыслового ведомства Н. А. Михайловским

Беспалько Денис Николаевич

Забайкальский государственный университет, Россия, Чита

<https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>bepalkodenis84@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2023. Принята после рецензирования 25.04.2023. Принята в печать 28.04.2023.

Аннотация: Рассматривается не свойственный для чиновничье-бюрократической номенклатуры Дальневосточной республики (1920–1922) научный подход к пониманию и концепции реализации закона о государственной пушной монополии руководителя Подотдела по делам рыболовства и охоты Министерства земледелия Н. А. Михайловского. Целью данной статьи является комплексный анализ взглядов Н. А. Михайловского на природу пушной монополии, опыт ее внедрения в ДВР, последствия от общей непродуманности методов реализации и пути выхода из кризиса в промыслово-сырьевой отрасли экономики. Исследование основано на принципах объективности и историзма, использованы историко-генетический и формально-юридический методы. Понимая всю порочность наспех принятых положений закона, приведшего к многократному снижению объема легально заготавливаемой Центросоюзом кооперативов пушнины и соответственно увеличению контрабандного вывоза за границу, он не отвергал возможности направить законотворческий процесс монополизации пушнозаготовок в положительное русло. Сложнейшая внешнеполитическая обстановка буферного трансграничья и внутренний экономический кризис как объективное отражение реального положения дел заставляли действовать на пределе ведомственных возможностей, преодолевать сопротивление контролирующей работу организации и Минпродторга, аккуратно говорить на межведомственных совещаниях о криминальных структурах, ответственных за налаживание канала по бесперебойному вывозу пушной «контрвалюты». На протяжении 1921 – начала 1922 г. им был предложен целый ряд мер, направленных на организацию более рациональной системы промысловых заготовок при сохранении ограниченной формы монополии. Как следствие, были выработаны и частично приняты к реализации верные законодательные установки взаимоотношения правительства республики с охотничье-промысловым населением, живущим продуктами охоты и являющимся сезонным заготовителем пушнины.

Ключевые слова: Н. А. Михайловский, закон о государственной пушной монополии, пушно-меховое сырье, критика закона, Дальневосточная республика (ДВР)

Цитирование: Беспалько Д. Н. Государственная монополизация пушнозаготовок в ДВР в 1920–1922 гг. как предмет объективного восприятия и критики руководителем промыслового ведомства Н. А. Михайловским. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 806–817. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-806-817>

full article

State Monopolization of Fur Hunting in the Far Eastern Republic in 1920–1922: Perspective of N. A. Mikhailovsky, Head of Fishing Department

Denis N. Bepalko

Transbaikal State University, Russia, Chita

<https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>bepalkodenis84@mail.ru

Received 3 Mar 2023. Accepted after peer review 25 Apr 2023. Accepted for publication 28 Apr 2023.

Abstract: The article discusses the state fur monopoly in the Far Eastern Republic (1920–1922). N. A. Mikhailovsky was the head of the Sub-Department for Fisheries and Hunting at the Ministry of Agriculture. His scientific approach to fur monopoly was rather unusual for the bureaucratic nomenclature of those days. The author performed a comprehensive

analysis of N. A. Mikhailovsky's views on the nature of the fur monopoly, the experience of its implementation in the Far Eastern Republic, the consequences of the poor implementation methods, and the ways the commercial and raw material economy used to get out of the crisis. The research relied on the principles of objectivity and historicism, with historical-genetic and formal-legal methods. N. A. Mikhailovsky could foresee the disastrous outcome of the hastily adopted legal provisions as the sudden drop in fur legally harvested by the Central Union of Cooperatives led to smuggling. However, he did his best to improve the legislative procedure of state monopolization. N. A. Mikhailovsky faced the difficult foreign policy situation in the frontier and the domestic economic crisis. He had to act at the limit of his departmental capabilities, trying to overcome the resistance of the controlling organs, e.g., the Ministry of Industry and Trade. He made a number of very careful attempts to bring to the authorities the situation with gangs that smuggled the fur "counter currency" abroad. During 1921 – early 1922, he proposed a number of measures to rationalize the system of commercial fur harvesting while maintaining a limited state monopoly. As a result, the government took the correct legislative strategy to establish productive relationships with the local hunting communities.

Keywords: N. A. Mikhailovsky, state fur monopoly, fur raw materials, criticism of the law, Far Eastern Republic

Citation: Беспалько Д. Н. State Monopolization of Fur Hunting in the Far Eastern Republic in 1920–1922: Perspective of N. A. Mikhailovsky, Head of Fishing Department. *SibScript*, 2023, 25(6): 806–817. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-806-817>

Введение

Заготовка пушнины в Дальневосточной республике (ДВР) до декабря 1920 г. осуществлялась согласно установившимся еще в дореволюционной России правилам, когда охотник являлся преимущественно добытчиком и не поставлял добытую в тайге продукцию на рынок. За него этим занимались многочисленные посредники. В сокращенном варианте схема заготовок выглядела следующим образом: пушнина скупалась разъездными агентами частных и государственных заготовительных фирм, а также мелкими скупщиками и нанимателями охотничье-промысловых бригад, что перепродавали ее более крупным торговцам. При этом распространенным вариантом начала рабочей схемы было заключение заготовительных договоров напрямую с охотниками или скупщиками сырья, доставляющими пушнину в условленную точку сбора, на фабрику, где ее принимал агент. Порой наблюдалась ситуация, когда пушная партия, заготовленная в отдаленных районах, например на севере, прежде чем попасть к лицензированному заготовителю, имеющему право вывоза за рубеж, проходила через 5–7 перекупщиков. Если пушнина сразу после сбора не отправлялась к внутреннему или зарубежному заказчику, то она поступала на ярмарки, где концентрировалась в руках крупных торговых компаний, а затем поступала на международные аукционы.

Таким образом, охотничье-промысловое население республики в качестве заработка имело сезонный, но незначительный доход. Основную же прибыль из торговых операций с пушно-меховым сырьем извлекали разнообразные перекупщики и спекулянты.

Государство регулировало данную сферу товарооборота посредством налоговой политики и отчасти незначительной доли участия в заготовках, не препятствуя развитию предпринимательской деятельности на всех уровнях.

К концу 1920 г. ввиду состояния общехозяйственной разрухи и срочного формирования контрвалютной единицы, выраженной в пушном эквиваленте, правительство ДВР вынуждено было принять рискованное решение о введении государственной монополии на заготовку и торговлю сырьем животного происхождения. В первую очередь новые правила распространялись на пушнину. Скорее всего, республиканские власти ориентировались на советскую программу преодоления хозяйственно-экономического кризиса в годы проведения политики военного коммунизма, одним из направлений которой стало установление в январе 1919 г. государственной монополии на скупку пушнины у населения по твердым заготовительным ценам.

Закон о государственной пушной монополии, принятый Правительством ДВР в декабре 1920 г.¹ и реализованный рядом крайне поспешных, непродуманных действий в рамках его положений, с первых же дней подвергся ожесточенной критике большинством населения республики, так или иначе задействованного в сезонно-промысловых заготовках товарных продуктов охоты. Гневная критика опубликованных в печатных средствах массовой информации правительственных постановлений касалась не только практической, но и теоретической основы как залога

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 69. Л. 6–6 об.; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–46.

законного распоряжения государством своими регалиями². Само понятие государственной монополизации пушнозаготовок, этой важнейшей сферы охотничье-промысловой отрасли сырьевой экономики, воспринималось обществом не иначе как посягательство на свои естественные экономические права, негласно реализуемые на Дальнем Востоке с момента его освоения русскими землепроходцами в XVII в. [Бабай 1983: 15; Васильченко 2010; Саблин 2020].

Согласно данному закону, частная торговля пушниной и иным промысловым товаром на территории ДВР запрещалась, имеющееся в наличии и не предназначенное для бытовых нужд в принудительном порядке отчуждалось в пользу государства путем сдачи уполномоченным Минпродторга или Нарревкома. Единственным лицензированным заготовителем, т. е. контрагентом Минпродторга по организации и производству скупки продуктов охоты, назначался Центросоюз кооперативов [Федотов 2008]. Многочисленные мелкие и средние частные посредники, играющие важную роль в концентрации этих продуктов на пунктах таможенного сбора, ликвидировались. Устанавливались фиксированные цены на каждый вид и сорт пушнины, что должно было способствовать стабилизации внутреннего пушного рынка, раздираемого нездоровой конкурентной борьбой недобросовестных заготовителей³. Иными словами, государство сосредотачивало в своих руках не только право внешней торговли, но и право свободного распоряжения добытчиком и заготовителем всеми категориями продуктов охоты на внутреннем рынке ДВР⁴.

Объяснить населению в доступной форме истинные причины законодательного нововведения [Позняк 2020; Сонин 2011], т. е. создание из продуктов охоты контрвалюты, временно заменяющей истощившиеся запасы золотовалютного резерва при расчетах на внешнем рынке, никто не озаботился.

Реализация намеченной программы концентрации в руках правительства пушнины и прочего сырья животного происхождения по ряду причин провалилась и привела к серьезным экономическим убыткам, вызванным частичной дестабилизацией прежней системы заготовок и массовой контрабандой за рубеж. По мнению исследователей дальневосточной проблемы незаконного вывоза биологических ресурсов

и продуктов животного сырья [Беляева и др. 2010; Залеская 2001; Ляпустин 2008], общие показатели контрабанды в сравнении с заготовками за 1921–1922 гг. по ДВР могли достигать 60–80 %. Усилилось браконьерство, в особенности пострадали Приморская область и Камчатка [Сухомиров 2020: 222–225]. Японские и американские браконьеры практически полностью истребили на островах популяции каланов, сильно сократилась численность соболя и чернобурой лисицы⁵. Приблизительная оценка падения доходов казны от продажи пушнины на международных аукционах составила только за 1921 г. более 200 %⁶.

Из основной массы критиков промыслового законодательства глубиной и шириной взглядов на природу пушной монополии и практику ее внедрения на территории ДВР выделяется глава республиканского ведомства по делам рыболовства и охоты, подчиненного Министерству земледелия, Н. А. Михайловский (1860–1930). Современникам он запомнился, прежде всего, как автор научных трудов по лесному делу и охотоведению⁷. Частично сохранившийся послужной список отражает богатый практический опыт работы в сфере редакторской деятельности (журналы «Природа и охота», «Наша охота»), лесоохранных мероприятий, сельскохозяйственного и лесного межевания земель в Переселенческом управлении.

В Забайкалье был переведен из Семипалатинской области ориентировочно в 1915–1916 гг. производителем работ старшего оклада Амурской землеотводной партии для топографических и геоботанических работ на востоке региона. После образования в ноябре 1918 г. Омского правительства во главе с А. В. Колчаком был зачислен в Департамент земледелия на должность заведующего Иркутско-Забайкальским охотничьим районом (1919–1920), затем занимался делами Управления рыбо-охотничьей отрасли экономики Забайкалья и отчасти морскими звериными промыслами ДВР и Дальнего Востока до 1924 гг. Трудился в Дальконцескоме, преподавал в Читинском лесотехническом колледже [Климов 2022: 268–269]. Детально изучил историю развития охотничье-промыслового хозяйства дореволюционной России, Европы и Северной Америки, что позволило сформировать ясное представление об его организации и структуре, методах и средствах

² Воротников В. Результат несогласованности. *Дальневосточный путь*. 1922. № 85. С. 1.

³ Петров П. Свобода торговли. *Дальневосточная республика*. № 188. 1920. С. 1.

⁴ Владыкин В. Принципы внешней торговли. *Дальневосточная республика*. 1920. № 161. С. 1.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12, 36.

⁶ ГАЗК. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.

⁷ Рукописи его находятся в ГАЗК. Ф. Р-1565. 75 ед. хр.

рациональной эксплуатации угодий, звероводстве и дичеразведению, выходе из сложившихся кризисных обстоятельств⁸.

Его идеологические предпочтения, редкий раз проступающие на страницах пояснительных записок к тем или иным проектам, можно охарактеризовать как нейтральные. Он не имел идиллических представлений о монархии и прохладно относился к революционному движению. После 1917 г. остался беспартийным, так и не вступив в ряды ВКП(б). Нелестно отзывался обо всех этапах строительства рыбо-охотничьего хозяйства вплоть до 1920-х гг. По его мнению, государство в лице фискальных органов власти интересовало только доходный вопрос, а интеллигенция жила одним днем, не сумев встать впереди промысловой охотничьей массы и направить ее на разумный путь пользования биологическими богатствами прошлого. Более того, «она соревновалась с темной массой в хищничестве, не заботясь о проведении в эту массу здравых понятий о нуждах промысла»⁹. Принимая активное участие в общественной жизни республики, он критиковал все разделы рассматриваемого закона, полагая, что если подойти к природе пушно-сырьевой монополизации с другой, научно-практической стороны, то и результаты пушнозаготовительных кампаний окажутся не только иными с финансовой точки зрения, но и достойными понимания широкой общественностью.

Актуальность разработки темы исследования определяется чрезвычайно скудной историографией проблематики пушной монополизации охотничье-промыслового сектора сырьевой экономики ДВР. Основной массив заметок и небольших по объему статей критического характера приходится на краткий период существования Дальневосточной республики¹⁰ и 1923–1929 гг., когда прорабатывались вопросы внедрения государственной монополизации пушнозаготовок в районах традиционного проживания и кочевья туземных народов¹¹. В более позднее время к обозначенной проблеме практически не обращались, редкий раз указывая в работах общего содержания факт неудачной реализации соответствующего закона [Залеская 2001: 78;

Константинов, Константинова 2009: 107]. В 2019 г. вышло исследование автора, обозначившее отдельные контуры проблемы причинно-следственных связей перехода к политике пушной монополии и ее социально-экономические последствия [Беспалько 2019a]. Научное наследие Н. А. Михайловского также отличается слабой степенью изученности. Основными причинами отсутствия своевременной публикации его фундаментальных трудов послужили недостаток ведомственного финансирования и принципиальное несогласие ученого с концессионной программой хищнической эксплуатации природных ресурсов Дальнего Востока в период проведения нэпа.

Целью данной статьи является комплексный анализ взглядов Н. А. Михайловского на природу пушной монополии, опыт ее внедрения в ДВР, последствия от общей непродуманности методов реализации и пути выхода из кризиса в промыслово-сырьевой отрасли экономики.

Методы и материалы

Изучение темы проводилось в соответствии с основными принципами исторического исследования, принципами объективности и историзма. Исходя из них, в статье определен и использован ряд методов научного познания: историко-генетический – с его помощью последовательно раскрыты основные проблемы развития политики государственной монополизации пушнозаготовок и отношение к процессу Н. А. Михайловского; формально-юридический метод находится в основе систематизации малоизученной практики законодательства пушно-сырьевой монополизации времен ДВР.

Изучена специализированная научная и справочная литература. Статья написана на архивных материалах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот:

- документы фонда Р-1565 (личные рукописи и неопубликованные труды Н. А. Михайловского);
- ведомственные материалы Иркутско-Забайкальского охотничьего района;
- материалы Министерства земледелия и Народного хозяйства ДВР 1920–1922 гг.

⁸ Михайловский Н. А. Охотничий вопрос и роль концессионной формы эксплуатации пушных богатств в организации правильного охотничьего хозяйства. ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 5–7.

⁹ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 5. Л. 257.

¹⁰ Б. К вопросу о монополии внешней торговли на Д.В. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 5–7. С. 107–116; Анисимов В. Состояние производительных сил и перспективы экономического развития ДВР. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 1. С. 15–39.

¹¹ Литвинцев В. К концентрации пушного рынка. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1924. № 2. С. 122–124; С-н. К. Хозяйственное развитие региона. *Экономическая жизнь Амура*. 1924. № 1. С. 23–27; Кабрицкий И. Основные вопросы политики заготовительных цен. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1928. № 1. С. 82–91; Добровольский И. Д. К вопросу об охотничьем хозяйстве в ДВК. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1927. № 9. С. 33–60.

Результаты

Осенью 1920 г., накануне принятия закона о пушной монополии, в печатных СМИ вышел ряд дискуссионных статей, авторы которых по-разному оценивали перспективы государственной монополизации сырьевой отрасли экономики¹². Присоединяясь к столь важному обсуждению насущной проблемы, Н. А. Михайловский рассматривал природу доходных прерогатив казны с точки зрения философского понимания ценности данного явления и ставил перед противниками любой формы монополии вопрос первостепенной значимости, а именно – заключается ли в «монопольном праве источник зла, как его сущность?». И далее, обращаясь к терминологическому объяснению И. Канта, об относительности добра и зла, отвечал отрицательно, ибо форма осуществления монополии как права может одинаково стать и тем, и другим¹³. Пушная монополия, нанеся огромный ущерб казне, рассуждал он, «явилась такой не потому, что этого рода монополия изначально неверна, нет, а исключительно по непродуманности форм проведения ее в жизнь, скоропалительности и общей уродливости тезисов ее структуры»¹⁴.

Исторически пушная монополия, по мнению Н. А. Михайловского, имеет множество запутанных законодательных основ, и в конкретных исторических реалиях, о которых речь пойдет ниже, может быть осуществлена двояко: с одной стороны – в полном объеме, с запретом частной торговли пушниной и принудительной ее сдачи в казну по зафиксированному на год ценам. С другой – в объеме неполном, при концентрации пушнины в руках казны как валютного товара для экспорта, который в этом случае только и составляет монополию казны. Частная же торговля внутри страны остается свободной. Рассматривая обе формы как удобные для государства, но для времени ДВР неравноценные, он предельно точно определяет природу пушного товара как главного источника преткновения:

- 1) товар этот ценен, малого объема и веса, весьма портативен и легко скрывается, поэтому принудительное его отчуждение, невыгодное владельцу, трудноосуществимо;
- 2) внутренним рынком пушнина потребляется в ничтожном размере, и представляет собой почти исключительно объект экспорта, почему и концентрируется естественным путем, проходя через руки различных спекулянтов, в пунктах заграничной отправки;
- 3) каким путем этот товар достигает конечного пункта своего назначения для оптового приемщика – казне

безразлично. Казне важно только одно – не допустить этот товар перейти границу без уплаты экспортной пошлины, т. е. пресечь контрабандный вывоз¹⁵.

Этими тремя положениями и определяется прогрессивная с финансовой точки зрения форма пушной монополии для конкретного исторического времени и соответственный ей закон. Как отмечал известный охотовед и знаток промыслового законодательства С. А. Бутурлин, каждый закон является таковым, а не мертвой буквой, при условии выполнимости, в противном случае – он есть публичная наглядная проповедь беспорядка и анархии [Бутурлин 1930: 92–133].

Важным условием, несомненно, является своевременность принятия закона с учетом ряда факторов, из которых особняком стоит верная оценка существующего положения дел. Историческая обстановка, в которой происходило обнародование закона и введение таким образом пушной монополии, никоим образом не способствовала ее реализации в полном объеме. Скорее, наоборот, в условиях наступившего финансового краха требовался очень осторожный и деликатный подход, при котором естественным образом были бы соблюдены интересы всех заинтересованных сторон. Казне требовался постоянный доход, извлекать его предлагалось из наиболее высокодоходных отраслей, в том числе промыслово-сырьевой. Состояние же дел в данной сфере экономики обострялось удручающим образом, являясь все признаки организационно-технического кризиса. На что указывают:

- 1) отсутствие на территории дальневосточного региона полноценной практики внедрения охотничье-промыслового законодательства, организации охотничье-рыболовного управления, промыслового хозяйства и надзора;
- 2) пограничная и таможенная служба, способная контролировать все направления внешней торговли на территории ДВР, вовремя так и не была организована;
- 3) приемщиком пушнины как контрагентом казны по договору назначался Центросоюз кооперативов, недостаточно обеспеченный для товарообмена предметами первой необходимости, не имевший золотой валюты и специально подготовленного аппарата по осуществлению идеи монополии;
- 4) условия приема пушнины не согласовывались с хозяйственными задачами наспех сформированного промыслового подотдела Министерства земледелия

¹² Петров П. Свобода торговли...; Владыкин В. Принципы внешней торговли...

¹³ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 886–887.

¹⁴ Там же. Л. 887.

¹⁵ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 307.

и определялись узко коммерческим заданием купли-продажи, весьма недостаточным в этой специальной сфере хозяйства, отличной от других сфер экономики;

5) обнародование, а следовательно, и фактическое введение пушной монополии, несмотря на всю важность этой государственной меры, производилось в срочном порядке, без выяснения степени заинтересованности в этом деле других ведомств и согласования общих интересов¹⁶ [Беспалько 2019а].

Подобное издание и осуществление закона говорит само за себя и ни в какой критике не нуждается. Пушнина потекла контрабандным путем мимо Центросоюза, чего и следовало ожидать [Ляпустин 2008: 34–53]. Сложившееся положение дел Н. А. Михайловский сравнивает с библейским грешником, когда в его роли оказалось при содействии торгового органа государство, самонадеянно предполагавшее на 100 % располагать утекшим контрвалютным товаром.

Изучив в феврале 1921 г. поступившие в ведомство по делам рыболовства и охоты полные гнева региональные доклады Народных обществ правильной охоты ДВР¹⁷, Н. А. Михайловский в официальном отчете перед руководством Министерства земледелия разделил мнение населения: «монополия должна быть построена на справедливых отношениях к добытчику-охотнику, иначе она превращается в тягостную для него реквизицию, добываемых им суровым трудом продуктов охоты. Всякое спекулятивное посредничество (в лице Центросоюза) должно быть устранено»¹⁸. Признавая оправданными основания введения казенной монополии на пушнину и необходимость сосредоточения таковой в руках казны, он считал нужным сказать, что в условиях финансовой разрухи у Правительства нет средств и сил для целесообразного и планомерного осуществления такого крупного мероприятия, требующего серьезных подготовительных работ. Осложняло ситуацию изначально непредвиденное обстоятельство – пушная монополия способствовала закрытию народных скорняжных предприятий, т. к. излишки сырья, не предназначенные для личных бытовых нужд, следовало сдать государству. Поэтому в обозначенных выше исторических реалиях не могло быть и речи о монопольном предприятии казны с пушниной в строгом значении этого слова.

В сентябре 1921 г., перед IV кварталом промыслового сезона, напряжение в охотничьей среде существенно усилилось, внутренний пушной рынок захлестнула волна спекуляции, заготовленная в январе-марте пушнина массово оседала у самих добытчиков или уходила контрабандой за рубеж. В сложившихся условиях руководитель промыслового ведомства предложил немедленно отказаться от дальнейшего проведения политики монополии казны по торговле пушно-меховым сырьем. Основные усилия, по его мнению, стоило сосредоточить на концентрации сырья в руках казны, в каковых целях за казною и должно было оставаться исключительное право отпуска валютного товара за границу и только. Торговля же пушниной на территории ДВР должна была вернуться к прежнему состоянию, осуществляться наравне с прочими товарами свободно и не ограничиваться какими-либо особыми на то правилами¹⁹.

В основе плана реализации более корректного варианта пушной монополии лежала ее частичная форма – концентрация пушнины в руках казны как валютного товара для внешней торговли. Прием пушнины должен был осуществляться по твердым закупочным ценам (сформированным в зависимости от ценовой политики на международных пушных аукционах) главным образом на пограничных линиях при посредстве правильно организованных «Правительственных аукционов»²⁰. В краткосрочной перспективе, по мнению Н. А. Михайловского, правительство ДВР таким образом могло решить ряд серьезных проблем:

1) освободить частную торговлю ценным товаром, трудно поддающимся учету и наблюдению, от совершенно не нужных в данном случае стеснений и тем самым упразднить вполне понятные обывательские нарекания по поводу своих действий;

2) упразднить громоздкую организацию выполнения договора с Центросоюзом, его монопольное право по заготовке продуктов охоты, закупке и распределению охотничье-боевых припасов, встреченную населением ДВР повсеместно враждебно;

3) сократить число административно-уголовных дел, связанных с нарушением закона о пушной монополии;

4) приостановить искусственно созданную спешку контрабандного вывоза пушнины за границу²¹.

¹⁶ Маслова П. Основные принципы таможенной политики в ДВР. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 1. С. 39–43; Анисимов В. Финансовые вопросы и финансовые задачи ДВР. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 3–4. С. 27–49.

¹⁷ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 308–308 об., 359 об.–384; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 48. Л. 14, 147–153 и др.

¹⁸ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 308 об.

¹⁹ Там же. Л. 309.

²⁰ Добровольский И. Д. К вопросу о торговле пушниной и организации пушных аукционов на Дальнем Востоке. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1924. № 4. С. 58–62.

²¹ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 5. Л. 420–436.

К лету 1921 г. пушнина на заграничном рынке существенно упала в цене, на мировых аукционах торгового оживления в этой сфере дел не наблюдалось. Соответственно, данной ситуацией временного затишья пушного ажиотажа следовало грамотно воспользоваться [Стасюкевич 2019; Ципкин, Орнацкая 2008: 117]. В итоге с отменой принудительной сдачи пушнины в основных местах ее сбора, рассуждал он, таковая должна была бы оставаться на руках первичных скупщиков и не вывозиться контрабандно за бесценок, в подходящий момент, а именно повышения закупочной цены, перепродаваться более крупным перекупщикам и в конце концов попасть на торги «Правительственного аукциона». Этим путем наличный сбор пушнины, исчисляемый по официальным данным в 20 %²², мог быть поднят до 50–75 % в зависимости от сезона и своевременности пересмотра неудачных положений закона о запрете частной торговли пушниной.

На следующем этапе, при условии принятия первых положений намеченного Н. А. Михайловским плана по реализации частичной пушной монополии, в задачи Правительства ДВР входило срочное выполнение целого перечня важных мероприятий, поддержанных большинством отделов и подотделов Министерства земледелия и Минпродторга, но не центральным руководством ведомств, на межведомственном совещании 10 февраля 1921 г.:

1) организация пограничной службы по типу военных подразделений лесоохраны, утвержденных циркуляром № 88 от 1888 г. Лесного Устава;

2) определение стратегически важных мест расположения пограничных пунктов с размещением необходимого оборудования для проведения «Правительственных аукционов»;

3) отправка правительственных агентов в центры мировой пушной торговли с целью своевременного получения актуальной информации о ценах на пушнину и прочих необходимых сведений по сезонным колебаниям курса мирового пушного рынка. В круге этого рынка важное место отводилось Китаю, потребляющему особый подбор свойственных ему товаров: панты, кабарожья струя, медвежья желчь, тигровая кость, усы и др.;

4) выработка строгих мер наказания за совершение социально-экономических правонарушений при заготовке пушно-мехового сырья: незаконный вывоз пушнины за границу частными лицами, удваивание

размера взыскания для иностранных подданных; наличие, продажа и покупка пушнины неспелой, запрещенных сортов или видов; обмен пушнины на спирт, наивысшая мера наказания без замены денежным штрафом (таким образом предполагалось защищать интересы коренных и малочисленных народов Дальнего Востока – эвенков, чукчей и др.); спекулятивный торг с охотниками-промышленниками в случае обнаружения такового (имеется в виду кратная накрутка цены за товар или недооценка пушнины в пользу товара)²³.

Данными мероприятиями ограничивался срочно-необходимый цикл работ по концентрации пушнины в руках казны, который в конечном счете должен был дать именно то, что требовалось правительству и составляло основу пушной монополии – наличие валютного товара, приобретенного единственно возможным путем, т. е. добровольным соглашением интересов граждан (сдатчиков) и казны (приемщика). В этом случае проигрыш казны от возможного повышения размера твердых закупочных цен с лихвой окупался излишком поступления пушнины и сохранением контрабандной утечки.

Следующие действия должны были строиться в соответствии с выработанными положениями межведомственных совещаний, проведенных с марта по декабрь того же года²⁴, где принимало участие значительное число сотрудников лесного хозяйства, отдела рыболовства и охоты, таможенной и пограничной службы, были представители Центросоюза и Минпродторга. Камнем преткновения при обсуждении возникших проблем государственной пушной монополии послужили неразрешенные вопросы хозяйственного развития республики и фактически ее экономической несостоятельности. Финансовый сектор представлял хаос одновременного хождения множества ничем не обеспеченных денежных знаков на местах, товарно-рыночные отношения неуклонно откатывались к уровню натурального обмена, когда в условиях острого дефицита ряда товаров промыслового назначения контрагенту казны по части пушнозаготовок порой было нечего предложить охотнику за его нелегкий труд. Устаревшие и сильно обветшавшие кремневые ружья сильно уступали в производительности пехотным винтовкам конца XIX в.

Но Центросоюз не имел возможности договориться с военным ведомством о частичном отпуске с артиллерийских складов Бердан № 2 образца 1870 г. и дробовиков 28–32 калибра, переделанных из трехлинейек образца 1891 г., по причине правительственного постановления о принудительной сдаче населением огнестрельного

²² ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 894.

²³ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 302–305; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 894–895.

²⁴ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 28. Л. 39–47.

оружия для нужд армии²⁵. Неудовлетворительное снабжение охотников стандартным набором продуктов питания и бытовыми принадлежностями, в частности, палаточным материалом и тонколистными печками-буржуйками, ставило под сомнение возможность 100 %-ного использования времени промыслового сезона. Без данных предметов существенная часть охотников заканчивала сезон не в марте, как полагалось, а в начале декабря с наступлением суровых холодов.

Проблема контрабандного вывоза сырья обсуждалась по понятным причинам с осторожностью. Н. А. Михайловский в этом отношении не считал частичную форму монополии на внешнюю торговлю некоей панацеей. Наоборот, усложнить ситуацию могло любое спорное решение, как, например, установление и в дальнейшем сохранение правительственного распоряжения о вывозных пошлинах на пушнину в размере 10 % от ее стоимости²⁶. Высокое таможенное обложение, как позднее писала П. Маслова после интервью с Н. А. Михайловским, более приближалось к запретительной мере, нежели облегчало легальный вывоз сырья за границу²⁷. На бумаге учреждался, но на практике практически не применялся промысловый надзор. Наборы в лесные воинские команды страдали, по всей вероятности, от приема в свои ряды откровенных браконьеров. Организация погранично-промысловой стражи в целях пресечения контрабандного вывоза пушнины за границу, наподобие дореволюционной таможенной пограничной стражи, по факту также не осуществлялась [Беляева 2012; Волочаева 2020; Шабельникова 2016].

Конфликтная ситуация возникла даже при порицании положений, с которым изначально и так предполагалась борьба, а именно упорядочивания пушного рынка за счет установления твердых закупочных цен на каждый вид и сорт пушнины, вследствие чего предложение от заготовителя по части завышения стоимости приобретаемого сырья у охотника становилось делом незаконным. Однако «фарисейство» в столь специфическом деле, как борьба за сдатчика продуктов охоты путем неофициального повышения закупочной цены на тот или иной вид сырья, считалось делом незасорным, из-за чего повсеместно процветала отвратительная практика «перекупа» охотников. Как бороться с данным явлением, помимо введения практики твердых цен, никто не знал,

поэтому брать на себя ответственность за смелые предложения отважилась лишь межведомственная группа сторонников Н. А. Михайловского. С трудом преодолев естественное сопротивление большинства чиновников-исполнителей, ни за что не несущих ответственности, его группа сумела отстоять принятие 29 сентября 1921 г. поправок, фактически отменяющих действие закона о пушной монополии²⁸.

В октябре 1921 г. был предложен и реализован ряд мер, пресекающих возврат к данной политике²⁹. Привилегированность монопольных приемщиков пушнины отменялась, т.к. интересы казны заключались не в том, кем и где собрана пушнина, а в количестве и качестве собранного. Малоподвижные и дорогие в обслуживании фактории и склады Центросоюза ограничивались в количестве. Взамен закрытых районных отделений организовывались передвижные ярмарки по местам нахождения инородцев и их стойбищ, целью которых стало продвижение предметов первой необходимости и боевых охотничьих припасов вглубь тайги, т.е. приближение их к потребителю, а не на вывоз его из тайги в факторию.

Минпродторгу вменялось в обязанность изыскать доступные способы своевременного снабжения своих контрагентов – приемщиков пушнины, в том числе путем открытия продовольственных складов³⁰, без чего осуществление заготовок было решительно невозможно. В целях расширения сети приемочных пунктов пушнины и приближения их к местам добычи предлагалось предоставить право охотничьим организациям открывать специальные охотничье-промысловые кооперативы. Подотделу охоты и рыболовства поручалось выработать нормальный устав организации охотничьих обществ и промысловых артелей, на что от Н. А. Михайловского неудачно последовало предложение об издании авторского законопроекта «Проект Всероссийского закона об охоте»³¹.

Принятые меры отражают в своей основе не только понимание полного провала законопроекта от декабря 1920 г., но и перенятие удачного опыта реализации советского нэпа, когда частная инициатива с государственной поддержкой, несмотря на все известные издержки (государство сохранило за собой право продажи сырья за рубеж), все же способствовала

²⁵ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–15.

²⁶ ГАЗК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

²⁷ Маслова П. Основные принципы таможенной политики в ДВР...

²⁸ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

²⁹ ГАЗК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 72. Л. 19–19 об.

³⁰ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–6 об.

³¹ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 68–69.

скорейшему восстановлению нарушенных схем заготовительных цепочек и, соответственно, повышению материального благосостояния охотничье-промыслового населения.

В это же самое время осуществлялась ревизия заготовленного пушно-мехового сырья на центральных складах Центросоюза. Лично осмотрев часть складских помещений и спустя неделю ознакомившись с общими результатами комиссии, Н. А. Михайловский отмечал: «Ревизия показала, что особенно плохо обстоит дело с отчетностью, плохая постановка которой не только лишает возможности судить о деятельности ведомства и правильной постановке его дела, но и привело к крайне нерациональному расходованию средств и невозможности использования их более целесообразно»³². Причинами подобного положения дел послужило отсутствие хозяйственного плана и расчетов, небрежный уровень руководства, граничащий с халатностью, и, наконец, нецелесообразное распределение денежных средств³³.

Удивляет также хаотичность решения охотхозяйственных проблем. Ревизия обнаружила документы переписки руководства Центросоюза с Министерством земледелия [Актимова 2020], где вынесение на обсуждение вопросов заготовок перемешано с посторонними проблемами. Это, прежде всего, пункты 17, 27 и 32, причем последний пункт – это разработка дополнений и изменений к изданным законам о пушнине и рыбной ловле, вопрос, выделенный как «спешный», но находящийся на предпоследнем месте своего рассмотрения³⁴.

Особым положением, требующим, по мнению Н. А. Михайловского, пристального рассмотрения со всех сторон, являлась забота о малочисленных коренных народах республики, главных добытчиках пушнины, живущих прежде всего продуктами оленеводства и охоты³⁵ [Беспалько 2019b; Кириллова 2018]. В этом отношении он был глубоко убежден, что государственная монополизация пушнозаготовок на севере Забайкалья, Камчатке, Сахалине и т. д. должна существовать как нечто незыблемое и подвергающееся справедливому сомнению не иначе как после преодоления местными племенами и народностями

стадии развития, которую позднее Л. Н. Гумилев назвал этническим гомеостазом. Только при монопольном праве охотник-туземец может получить полную стоимость своей пушнины³⁶ [Старцев 2020].

Летом 1922 г. руководству Министерства земледелия было направлено обращение, в котором глава промыслового ведомства предлагал дополнительные меры, направленные на исправление негативных последствий действия декабрьского закона 1920 г. Предлагалось несколько расширить границы принятых ранее положений:

1) кооперацию на уровне министерского предписания обязать выполнять первичные правила – своевременное и полное удовлетворение нужд населения, исключая преследование только коммерческих выгод;

2) в сфере операций охотничье-рыбного промысла наладить полный контакт местных кооперативных учреждений с правлением охотничьих обществ, кружков, артелей и ячеек. При волостных правлениях, церковных приходах и в иных удобных для общения пунктах учредить «Согласительные Коллегии», обязанностью которых будет: а) выработка правил снабжения промысловиков, исключающих отпуск товаров по цене сдаваемой пушнины и не позволяющих таким образом кооперации спекулировать, б) субсидирование их по определенному плану;

3) вменить в обязанность Центросоюзу кооперативов товарищеское руководство профессиональными охотничьими объединениями ради устранения возможного антагонизма на почве конкуренции³⁷.

Далее в нашем исследовании необходимо отразить те выводы, которые Н. А. Михайловским неоднократно выносились на обсуждение с коллегами по министерству и нашли прямое отражение в ряде работ, написанных после 1924 г., когда он был уже штатным сотрудником Читинского лесотехнического техникума³⁸. Он писал, что неприспособленность правительственного аппарата для проведения пушной монополии, а также недостаточность отпускаемых для этой цели оборотных средств имели своим последствием громадный материальный ущерб для охотника вследствие отсутствия сбыта и колоссального падения цен на внутреннем

³² ГАЗК. Ф. Р-616. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

³³ Там же. Л. 22–22 об.

³⁴ Там же. Л. 28–30.

³⁵ Пушные районы Дальнего Востока и кооперирование туземцев. Вып. II. Материалы по туземному вопросу на Д.В., ред. М. Плотников. Чита: Издание туземного подотдела управления Д.Р.К., 1924. 17 с.

³⁶ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 44. Л. 27–29.

³⁷ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 900–901.

³⁸ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 2. Краткий очерк охотничьих промыслов в Забайкальской губернии; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 12. Лесное хозяйство Забайкалья; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 33. Водные богатства русского Дальнего Востока и др.

рынке на пушнину. Вместо неудавшейся идеи полной монополии была установлена со значительными послаблениями в сторону частной торговли государственная монополия заграничного экспорта. Экспортную монополию государству оказалось легче осуществить.

Кроме того, как показали дальнейшие события, развивавшиеся в промыслово-сырьевой отрасли экономики в период проведения нэпа, последствия несовершенной экспортной работы госорганов не столь тягостны для промысла, как неудачное проведение полной монополии. С заменой полной монополии монополией экспорта на внутреннем рынке цены на пушнину значительно поднялись, вследствие чего улучшилось положение охотника и его отношение к усиленному налогообложению³⁹. Таким образом, Н. А. Михайловский, не отвергая в принципе идеи пушной монополии, но признавая ее за своевременную необходимость в ограниченной форме реализации, отмечал лишь неудовлетворительность форм ее практического осуществления.

Заключение

Реализация политики государственной монополизации пушнозаготовок в ДВР оказалась по своим последствиям, как для казны, так и населения в целом, глубоко убыточной. Были нарушены проверенные временем схемы заготовок и цепочки поставок пушно-мехового сырья производителям готовых изделий. Контрабандный вывоз за границу по заниженной стоимости значительно усилился, в чем были заинтересованы исключительно организованные преступные группировки. Создать из пушнины аналог золотой валюты не удалось, поскольку ее общее количество в руках правительства республики оказалось недостаточным. Тем временем экономического кризис имел устойчивую тенденцию к усилению.

В сложившихся условиях руководитель промыслового подотдела Н. А. Михайловский смог взять на себя рискованную ответственность за критику правительственных действий и предпринять попытку сглаживания разрушительных последствий принятия закона о пушной монополии. Осознавая закостенелость и неповоротливость большинства сотрудников исполнительной власти, он все же смог изменить ход ситуации к лучшему. Рядом настойчивых обращений к руководству различных министерств ему удалось

реализовать меры, которые к осени 1921 г. привели к отмене злополучного закона и возможности преодоления его негативных последствий в краткосрочной перспективе. Насколько тяжело было работать в обстановке министерского равнодушия к объектам живой природы и простому человеку, свидетельствует одна из его фраз: «Говорить ровным слогом могут люди, для которых описываемое ими не затрагивает мира их души, для людей моего склада, до некоторой степени умопомешанных фанатиков, это невозможно – пишем пером, смоченным соком нервов, посему да будет прощена невольная резкость, если правда, не прикрытая флером, может быть зачтена за резкость»⁴⁰.

Пушная монополия после кратковременного существования сменилась свободной торговлей. Однако, это в свою очередь вело также и к отрицательным последствиям. Занимаясь научным исследованием проблем разработок биологических ресурсов на концессионных началах, Н. А. Михайловский предупреждал, что пушной промысел на Дальнем Востоке может захватить частный капитал, в особенности иностранный. Отчасти так и случилось после ликвидации ДВР и проведения нэпа [Бонч-Осмоловский 1923: 400–420; Орнацкая, Ципкин 2007].

В результате жесткой конкурентной борьбы за сферы экономического влияния промысловая кооперация вследствие более слабой финансовой обеспеченности неизбежно теряла свои позиции. На рынке оставались лишь сильные фирмы-заготовители, такие как Дальгосторг, Дальторг, РАСО (Русско-английское сырьевое общество), ЦАТО, Дальцентросоюз и др.⁴¹, которые могли рано или поздно захватить весь пушной рынок и начать диктовать свои условия и цены на пушнину⁴². Заинтересованность в извлечении из отрасли сверхприбыли путем экстенсивной эксплуатации промысловых угодий при этом сводила возможность ее рационального развития к минимуму, что мы отчетливо видим в целевых программах названных организаций⁴³.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

³⁹ Янсон Я. Боевая задача тыла – собрать налог. *Дальневосточный путь*. 1922. № 68. С. 1.

⁴⁰ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 1147–1149.

⁴¹ ГАЗК. Ф. Р-488. Оп. 1. Д. 15. Л. 24–25.

⁴² ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 930–931.

⁴³ ГАЗК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–26; ГАЗК. Ф. Р-488. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–3 и др.

Литература / References

- Актямова Н. Н. Деятельность министерства земледелия ДВР в 1920–1922 гг. *ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке*: Всеросс. науч.-практ. конф. (Чита, 6–8 апреля 2020 г.) Чита: ЗабГУ, 2020. С. 7–11. [Aktyamova N. N. Activity of the Ministry of Agriculture of the Far Eastern Republic in 1920–1922. *The Far Eastern Republic and the final stage of the Civil War in Siberia and the Far East*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Chita, 6–8 Apr 2020. Chita: TbsU, 2020, 7–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvxlxqi>
- Бабай А. Н. Государственно-правовое развитие ДВР: исторический опыт, современность, перспективы. Владивосток: ДВГУ, 1983. 196 с. [Babay A. N. *State-legal development of the Far Eastern Republic: historical experience, modernity, and prospects*. Vladivostok: FESU, 1983. 196. (In Russ.)]
- Беляева Н. А. Таможенное дело на Дальнем Востоке России в условиях перехода к монополии внешней торговли (1922–1925 гг.). *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 2012. № 4. С. 62–70. [Belyaeva N. A. Customs service in the Russian Far East in the conditions of passage to the foreign trade monopoly (1922–1925). *Vestnik of the FEB RAS*, 2012, (4): 62–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qawagp>
- Беляева Н. А., Лаврик Л. А., Ляпустин С. Н., Попенко А. В., Шабельникова Н. А., Щербина Е. М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление (борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века). Владивосток: Владивостокский филиал Российской таможенной академии, 2010. 296 с. [Beliaeva N. A., Lavrik L. A., Lyapustin S. N., Popenko A. V., Shabelnikova N. A., Shcherbina E. M. *Smuggling in the Far East as a historical phenomenon: fighting smugglers in the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries*. Vladivostok: Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, 2010, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uglqwj>
- Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики (1920–1922). *Историко-экономические исследования*. 2019а. Т. 20. № 4. С. 640–664. [Bespalko D. N. Features of development of the raw material sector of the economy in the Zabaikalsk territory during the period of existence of the Far Eastern Republic (1920–1922). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2019а, 20(4): 640–664. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2019.20\(4\).640-664](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2019.20(4).640-664)
- Беспалько Д. Н. Проблемы регулирования традиционных основ охотничьего промысла малых народов Забайкалья в 1920–1922 гг. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 16 мая 2019 г.) Чита: ЗабГУ, 2019b. С. 116–118. [Bespalko D. N. Problems of regulation of traditional hunting of small ethnoses of Transbaikalia region in 1920–1922. *Strengthening the unity of the Russian nation and the ethnocultural development of the peoples of Transbaikalia*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chita, 16 May 2019. Chita: TbsU, 2019b, 116–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opzwer>
- Бонч-Осмоловский А. Ф. Пути и рынки сбыта русской пушнины. *Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока*. Владивосток: Научпромбюро Дальрыбохоты, 1923. 400–420 с. [Bonch-Osmolovsky A. F. Ways and markets of Russian fur. *Fish and fur riches of the Far East*. Vladivostok: Nauchprombiuro Dalrybokhoty, 1923, 400–420. (In Russ.)]
- Бутурлин С. А. Настольная книга охотника. Вологда: Всекохотсоюз, 1930. 352 с. [Buturlin S. A. Handbook of the hunter. Vologda: Vsekokhotsoiuz, 1930, 352. (In Russ.)]
- Васильченко О. А. Хозяйственная деятельность переселенцев на Российском Дальнем Востоке: вторая половина XIX – начало XX века. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2010. № 123. С. 11–18. [Vasilchenko O. A. Economic activities of immigrants in the Russian Far East: second half XIX – the beginning of XX century. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2010, (123): 11–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/musnvf>
- Волочаева А. В. Преступность в ДВР и борьба с ней в современной историографии. *ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке*: Всеросс. науч.-практ. конф. (Чита, 6–8 апреля 2020 г.) Чита: ЗабГУ, 2020. С. 56–61. [Volocheva A. V. Crime in the FER and the fight against it in modern historiography. *The Far Eastern Republic and the final stage of the Civil War in Siberia and the Far East*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Chita, 6–8 Apr 2020. Chita: TbsU, 2020, 56–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iiblqi>
- Залеская О. В. Контрабанда на границе: взаимодействие населения приграничных территорий российского Приамурья и северной Маньчжурии (1917–1924 гг.). *Россия и АТР*. 2001. № 4. С. 74–83. [Zalenskaya O. V. Smuggling on frontier: Russian Amur frontier and Northern Manchuria (1917–1924). *Russiya i ATR*, 2001, (4): 74–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vadrvx>

- Кириллова А. И. Трансформация охотничьего промысла у коренных народов Камчатки в 1920-х годах. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. № 6. С. 43–51. [Kirillova A. I. Transformations of traditional hunting among Kamchatka's indigenous peoples in 1920-s. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (6): 43–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.57.6.004>
- Климов Г. Ф. История управления лесами Забайкалья. Чита: Читинская городская типография, 2022. 448 с. [Klimov G. F. *History of forest management in Transbaikalia*. Chita: Chitinskaya gorodskaya tipografiya, 2022, 448. (In Russ.)]
- Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: ступени истории (1917–1922 годы). Чита: Экспресс-изд-во, 2009. 192 с. [Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. *Transbaikalia: stages of history (1917–1922)*. Chita: Ekspress-izd-vo, 2009. 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpqolh>
- Ляпустин С. Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI в.). Владивосток: Владивостокский филиал Российской таможенной академии, 2008. 256 с. [Lyapustin S. N. *Fighting smugglers of animal and plant resources in the Russian Far East in the late XIX – early XXI centuries*. Vladivostok: Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, 2008, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbbomj>
- Орнацкая Т. А., Ципкин Ю. Н. Концессионная политика Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). *Россия и АТР*. 2007. № 1. С. 5–20. [Ornatskaya T. A., Tsipkin Yu. N. Concession policy of the Far Eastern Republic in 1920–1922. *Russiya i ATR*, 2007, (1): 5–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/isjwjx>
- Позняк Т. З. «Больные вопросы» и внутриполитическое положение Дальневосточной республики в 1920–1922 гг. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2020. № 4. С. 51–62. [Poznyak T. Z. The "painful issues" and the internal political situation of the Far Eastern Republic, 1920–1922. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2020, (4): 51–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2020-4/51-62>
- Саблин И. В. Дальневосточная Республика: от идеи до ликвидации. М.: НЛО, 2020. 480 с. [Sablin I. V. *The Far Eastern Republic: From idea to liquidation*. Moscow: NLO, 2020, 480. (In Russ.)]
- Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 296 с. [Sonin V. V. *The state and the law of the Far Eastern Republic (1920–1922)*. Vladivostok: Dalnauka, 2011, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsbeov>
- Старцев А. Ф. Мероприятия советской власти по организации охотничьего промысла среди аборигенов Приамурья и Приморья. *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2020. Т. 28. С. 9–16. [Startsev A. F. Events of the Soviet government on the organization of hunting among the native of the Priamurye and Primorye. *Trudy IIAE DVO RAN*, 2020, 28: 9–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10031>
- Стасюкевич С. М. Сельскохозяйственный экспорт Российского Дальнего Востока в 1920-х гг. *Клио*. 2019. № 1. С. 65–71. [Stasyukevich S. M. Russian Far Eastern agricultural exports in the 1920s. *Clio*, 2019, (1): 65–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zagclr>
- Сухомиров Г. И. Охотничье хозяйство Камчатского края. *Вестник охотоведения*. 2020. Т. 17. № 3. С. 221–232. [Sukhomirov G. I. Hunting economy of the Kamchatka territory. *Vestnik okhotovedeniya*, 2020, 17(3): 221–232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcyvil>
- Федотов В. И. Торгово-промышленные палаты Дальневосточной Республики (1921–1923 годы). *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2008. № 5. С. 150–153. [Fedotov V. I. Chambers of commerce of the Far Eastern Republic (1921–1923 years). *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2008, (5): 150–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvblgt>
- Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: Б. и., 2008. 243 с. [Tsipkin Yu. N., Ornatskaya T. A. *Foreign policy of the Far Eastern Republic in 1920–1922*. Khabarovsk, 2008, 243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykeimk>
- Шабельникова Н. А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. М.: Проспект, 2016. 144 с. [Shabelnikova N. A. *Law enforcement agencies against crime in the Russian Far East in the 1920s*. Moscow: Prospekt, 2016, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snafhu>

оригинальная статья

Модернизация первичного звена здравоохранения: к вопросу об эффективности социальной политики постсоветского государства

Короткова Мария Николаевна

Пермский государственный медицинский университет имени академика Е. А. Вагнера, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0002-4997-7109>korotkova_mariya@mail.ru

Поступила в редакцию 19.03.2023. Принята после рецензирования 14.04.2023. Принята в печать 28.04.2023.

Аннотация: Здоровье населения является важнейшим фактором национальной безопасности страны. Вопросами здоровья занимается система здравоохранения. Наибольшее внимание постсоветское государство уделяет развитию ее первичного звена. Реформы, проведенные в последние 30 лет, цели, механизмы, результаты их внедрения чаще всего рассматриваются с точки зрения юридической правомочности, экономической целесообразности или организационной эффективности. Цель статьи – применить к реформам историко-политологический подход, оценить их с точки зрения успешности социальной политики государства – сохранения и преумножения здоровья человека. К общепризнанным критериям здоровья относят уровень заболеваемости, рождаемости и смертности населения. Источниками стали нормативно-правовые акты, официальные выступления первых лиц государства, данные статистики, результаты социологических опросов. Выявлено, что официальными причинами реформ названы демографические проблемы и дефицит финансовых ресурсов. Для их решения был разработан ряд механизмов, прежде всего, смещение финансовой нагрузки с дорогостоящих специализации и стационара (вторичного звена) на относительно дешевые поликлинику и превентивную медицину (первичное звено). Но этого оказалось недостаточно, о чем свидетельствует рост уровня заболеваемости и смертности в стране. Сделан вывод, что действующая ныне превентивно-диагностическая модель, сориентированная на первичное звено, справилась с задачей сокращения издержек государства, но пока не достигла целей по решению демографических проблем.

Ключевые слова: социальная политика, здравоохранение, амбулаторно-поликлиническое звено, страховая медицина, превентивная медицина, стационарзамещающие технологии, социологический опрос, демографические показатели

Цитирование: Короткова М. Н. Модернизация первичного звена здравоохранения: к вопросу об эффективности социальной политики постсоветского государства. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 818–828. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-818-828>

full article

Modernization of Primary Healthcare: Efficiency of Social Policy in the Post-Soviet State

Mariya N. Korotkova

Perm State Medical University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0002-4997-7109>korotkova_mariya@mail.ru

Received 19 Mar 2023. Accepted after peer review 14 Apr 2023. Accepted for publication 28 Apr 2023.

Abstract: The national security depends on the health of the population, which, in its turn, depends on the healthcare system. After the collapse of the Soviet Union, Russia focused on the primary healthcare. The goals, tools, and results of the reforms that have taken place in the last three decades are usually considered from the point of view of law, economic feasibility, or organizational effectiveness. The author applied the historical and political approach to these reforms, thus evaluating their ability to preserve and increase human health. Fertility, morbidity, and mortality

usually serve as national health criteria. The research relied on regulatory legal acts, speeches of senior government officials, official statistics, and sociological surveys. Demographic problems and budget deficits proved to be the main reasons behind the post-Soviet reforms, which transferred some material obligations from the federal to the local level and expended the scope of commercial medicine. Part of the financial burden moved from expensive specialized hospitals (secondary healthcare) to cheaper polyclinic and preventive medicine (primary healthcare). Federal budget expenditures decreased as patient capacity and the number of medical organizations went down and the productivity of primary healthcare went up. However, the national mortality and morbidity kept growing. The current diagnostic preventive healthcare model concentrates on primary healthcare: it reduces financial expenditures but fails to solve the demographic problems.

Keywords: social policy, health care, outpatient clinics, medical insurance, preventive medicine, hospital substituting technologies, sociological survey, demographic indicators

Citation: Korotkova M. N. Modernization of Primary Healthcare: Efficiency of Social Policy in the Post-Soviet State. *SibScript*, 2023, 25(6): 818–828. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-818-828>

Введение

Здоровье считается важным фактором экономического развития страны, основой безопасности государства¹. Вопросами здоровья занимается национальная система здравоохранения. Она состоит из трех звеньев. Приоритетным направлением политики постсоветского государства (1990 гг. – наши дни) является первичное звено. К первичному звену, как правило, относят поликлинику, женские консультации, амбулатории, фельдшерско-акушерские пункты (ФАПы) и дневные стационары². В рамках этого звена осуществляется не только первичная медико-санитарная помощь, но и деятельность, направленная на диспансеризацию, профилактику и пропаганду здорового образа жизни.

Первичному звену посвящено огромное количество информации. Ее можно найти на официальных сайтах таких организаций, как Росстат и Минздрав России, в научных исследованиях, аккумулируемых на порталах, подобных e-library, в результатах социологических опросов (ФОМ и ВЦИОМ), а также получить от экспертов, выражающих свое мнение на страницах СМИ.

Модернизацию первичного звена чаще всего изучают с финансовой, юридической или управленческо-организационной точек зрения. Экономисты, организаторы здравоохранения и эксперты сосредоточены на дефиците / оптимизации ресурсов [Крутиков и др. 2021; Романов и др. 2014], на таких механизмах, как подушевой норматив [Соболева 2019], коммерциализация услуг [Баженова 2019], одноканальное финансирование [Буранбаева, Якшимбетова 2017]; юристы сосредоточены на правовых нюансах проведения / реализации реформ [Нехайчук и др. 2019; Рютли и др. 2020; Шахаева,

Вердиева 2021]. Таким образом, в рассмотрении вопроса отсутствует исторический подход, хотя социальная политика государства (в том числе в отношении системы здравоохранения) является областью интересов специалистов по отечественной истории, согласно паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история.

Цель статьи – применить к реформам историко-политологический подход, оценить их с точки зрения успешности социальной политики постсоветского государства – сохранения и преумножения здоровья человека. К общепризнанным критериям здоровья относят уровень заболеваемости, рождаемости и смертности населения. Отдельно необходимо отметить: 1) хронологические рамки статистических данных зависят от наличия материалов в Росстат, ЕМИСС и др. официальных источниках; 2) пандемия ковида (чрезвычайная ситуация) мешает объективной оценке обычного функционированию модернизированной системы здравоохранения, поэтому хронологические рамки статистических данных, как правило, включают в себя, начало процесса распада Советского Союза – до / и самое начало пандемии.

Методы и материалы

Источниками для написания статьи стали нормативно-правовые акты, Послания Президента РФ Федеральному Собранию, Прямая Линия с президентом, выступления первых лиц государства, данные статистики, результаты социологических опросов. В исследовании были использованы общенаучные методы, социологический опрос, контент-анализ (для выступлений первых лиц государства), историко-политологический подход.

¹ О реализации государственной политики в сфере здравоохранения. *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ*. 2013. № 23. О проблемах обеспечения качества и доступности медицинской помощи в субъектах РФ (материалы к «правительственному часу» 338 заседания Совета Федерации Федерального Собрания РФ). С. 5.

² Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.2011 (ред. от 28.12.2022). Ст. 33. СПС КонсультантПлюс.

Результаты

Причины модернизации первичного звена здравоохранения

В XX в. в развитых странах мира в процессе развития социального государства формируются национальные системы здравоохранения. В частности, в Советском Союзе появляется социалистическая [Борисов 2010: 16] модель Семашко. Ее отличительными чертами стали высокий уровень централизации (огромное влияние государства) [Мельник 2016: 97], доступность [Arsentyev, Reshetnikov 2017] и обязательная бесплатность медицинской помощи для населения [Trefilova 2014].

В годы перестройки и вскоре после распада советского государства молодое правительство заявило о возвращении России на «магистральный путь мирового развития», переходу к демократии и рыночной экономике³, отказу от всеобъемлющей роли государства и поощрению частной инициативы⁴. Старая система была объявлена неэффективной и подлежащей неизбежной модернизации⁵. Насущные проблемы в стране в целом и в системе здравоохранения в частности, а именно хронический дефицит финансовых ресурсов⁶ и вопросы демографического плана⁷, было предложено решать в соответствии с новыми условиями жизни: 1. Принцип централизации управления был заменен принципом децентрализации⁸, т. е. переносом части

материальных обязательств на местный уровень власти⁹ (увеличением хозяйственной самостоятельности субъектов)¹⁰. 2. Был провозглашен курс на расширение сферы платных услуг¹¹ [Васюткина, Протопопов 2020] для частичной самокупаемости государственных затрат на работу системы здравоохранения [Короткова 2021]. 3. Произошло смещение финансовой нагрузки с дорогостоящих стационара и специализации на относительно дешевую поликлинику¹² и превентивную медицину¹³ [Русанова 2018].

Расширение сферы платных услуг и внедрение страховой медицины

Расширение сферы платных услуг, внедрение страховой медицины объясняется двумя причинами. Во-первых, рыночная экономика и ее базовые элементы сами по себе являются ценностями нового постсоветского государства¹⁴. Во-вторых, с точки зрения государства, они более эффективно, чем элементы плановой экономики, справляются с хроническим недофинансированием социальной сферы [Борисов 2010: 19–22; Кашин 2005: 20; Тихомиров 2010: 11; Tragakes, Lessof 2003: 24–25].

В постсоветский период произошел значительный рост количества частных медицинских учреждений и частных коек¹⁵. Доля платных медицинских услуг

³ Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики РФ). Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение (стенограмма). РБК. 03.12.2009. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/12/2009/5703d80a9a7947733180cf19> (дата обращения: 14.05.2020); Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Россия на рубеже эпох...

⁶ Прямая линия с Владимиром Путиным. 20.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60795>; Интервью Министра Вероники Скворцовой каналу РБК-ТВ. 17.01.2014. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/17/1693-intervyu-ministra-veroniki-skvortsovoy-kanalu-rbk-tv> (дата обращения: 24.02.2022).

⁷ Россия на рубеже эпох...; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). СПС КонсультантПлюс.

⁹ Москва. Кремль. Путин. Эфир от 03.11.2019. URL: <https://smotrim.ru/video/1960101> (дата обращения: 08.03.2023); Старостина Ю. В правительстве отвергли идею возврата к советской модели медицины. РБК. 22.10.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/10/2020/5f915a949a7947b23a05db22> (дата обращения: 24.02.2022).

¹⁰ Концепция социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ № 1662-р от 17.11.2008. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013. СПС КонсультантПлюс.

¹² Вероника Скворцова: в результате оптимизации здравоохранения никто не останется без помощи (беседовала И. Финочка). ИТАР-ТАСС. 17.01.2017. URL: <https://tass.ru/interviews/3944526> (дата обращения: 14.05.2020).

¹³ Краснополянская И. Скворцова: Врач должен принимать пациента столько времени, сколько нужно. Российская газета. 05.09.2019. URL: <https://rg.ru/2019/09/05/skvorcova-vrach-dolzhen-prinimat-pacienta-stolko-vremeni-skolko-nuzhno.html> (дата обращения: 14.05.2020); Развитие здравоохранения. Государственная программа. Утв. постановлением Правительства РФ № 294 от 15.04.2014 (с изм. и доп. от 31 марта, 7 мая, 12 августа 2017 г.) (утратило силу). СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики). Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24.02.1994. СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Основные показатели платных медицинских услуг. Платное обслуживание населения в России 2009. Стат. сб. М.: Росстат, 2009. 367 с. Основные показатели платных медицинских услуг. Платное обслуживание населения в России 2011. Стат. сб. М.: Росстат, 2011. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/obsl-plat.zip>; Основные показатели платных медицинских услуг. Платное обслуживание населения в России 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_78/Main.htm (дата обращения: 11.03.2023).

в общем объеме российского рынка в 2018 г. составила 7 %¹⁶, на рынке медицинских услуг – 32,5 %¹⁷ [Пузин и др. 2016: 77].

Одним из результатов активной коммерциализации стало снижение доступности медицинской помощи¹⁸.

В последние годы отмечается замедление темпов роста платных услуг [Бурдюгова, Куземабаева 2018; Козырева, Смирнов 2018: 27], основная причина кроется в ограниченной платежеспособности населения страны [Зюкин и др. 2019: 65; Наджафова 2017: 24]. Возможно, поэтому население чаще выступает за бесплатную, государственную медицину¹⁹.

Переход к страховой модели существенно сократил расходы федерального бюджета²⁰. Так, в 2012 г. доля федерального бюджета в общем объеме расходов на здравоохранение составила 27 %, в 2019 г. – почти в 3 раза меньше, 10 %²¹. К основной проблеме ОМС, с точки зрения государства и специалистов, можно отнести отсутствие выбора пациентом страховой организации, т. е. реально работающей конкурентной среды²².

Оптимизация ресурсной базы первичного звена

Согласно данным ВОЗ, Россия имеет очень высокий уровень обеспеченности населения ресурсами здравоохранения. Речь, прежде всего, идет о таких показателях, как численность врачей и число больничных коек²³.

С точки зрения государства, а также экономистов – приверженников рыночной системы, мощная ресурсная

база, доставшаяся от СССР, является наследием экстенсивного, а не интенсивного пути развития [Борисов 2010: 23; Глушанко и др. 2019: 101; Tragakes, Lessof 2003: 24–25], а поэтому сдерживающим фактором модернизации здравоохранения [Стародубов и др. 2011: 7]. В связи с этим существует необходимость в ее оптимизации.

Так, в 1990–2018 гг. произошло сокращение числа коек на 42,5 % (с 2037 до 1172 тысяч, с 137,4 до 79,9 на 10000 человек населения). В 2020 г. в связи с пандемией их количество незначительно увеличилось до 1188 тысяч, а в 2021 г. вновь сократилось до 1162 тысяч. В 1990–2020 гг. сократилось количество медицинских организаций на 60,2 % (с 12,8 до 5,1 тысяч)²⁴.

Параллельно с процессом оптимизации расходов и ресурсов государство осуществляло политику увеличения производительности (мощности) первичного звена и стационарзамещающих технологий [Кадыров и др. 2017: 66].

Развитие стационарзамещающих технологий.

Стационарзамещающие технологии базируются в основном на деятельности дневных стационаров [Мельников, Смышляев 2016: 22]. Они оказывают первичную медико-санитарную помощь, не требующую круглосуточного медицинского наблюдения²⁵.

О приоритетности развития стационарзамещающих технологий (переносе части объема работ в амбулаторное звено, расширении его полномочий) начали говорить в 1990-е гг.²⁶ Причины – все те же: необходимость

¹⁶ Торговля и платные услуги. *Народное хозяйство СССР в 1990 г.* Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 116–158; Структура платных услуг населению в 1993–2001 гг. (в процентах к итогу). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d040/i040450r.htm; Распределение платных услуг населению по видам. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_13/IssWWW.exe/Stg/d03/20-32.docx (дата обращения: 11.03.2023).

¹⁷ Рынок частной медицины в России. РБК. 03.03.2020. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11332> (дата обращения: 11.03.2023).

¹⁸ Какую Россию мы строим. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000. СПС КонсультантПлюс

¹⁹ Эффективность частных и государственных предприятий. ФОМ. 03.08.2016. URL: <https://fom.ru/ekonomika/12784>; Россияне о системе здравоохранения. ВЦИОМ. 13.04.2005. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-sisteme-zdravookhraneniya>; Медицина и здравоохранение. ФОМ. 18.04.2019. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d151907> (дата обращения: 18.12.2020).

²⁰ Расходы бюджетной системы РФ на здравоохранение и физическую культуру в 1995–2000 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B01_34/IssWWW.exe/Stg/d020/i020250r.htm; Расходы бюджетной системы РФ на здравоохранение в 2015–2018 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_34/IssWWW.exe/Stg/07-03.doc (дата обращения: 11.03.2023).

²¹ Исследование перспектив развития рынка частных медицинских услуг в РФ в 2017–2019 гг. URL: <https://roscongress.org/materials/issledovanie-perspektiv-razvitiya-rynka-chastnykh-meditsinskikh-uslug-v-rf-v-2017-2019-gg/> (дата обращения: 11.03.2023).

²² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008. СПС КонсультантПлюс.

²³ World health statistics 2005. Р. 46–52. URL: <https://apps.who.int/iris/rest/bitstreams/51305/retrieve> (accessed 11 Mar 2023).

²⁴ Число больничных организаций на конец года (2004–2021). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chislo_bolnich_organiz.xls; Число больничных коек по специализации (2005–2018). *Здравоохранение в России*. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 91; Число больничных коек по специализации (1970–2021). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdr1-2.xls.xlsx> (дата обращения: 11.03.2023); Число больничных коек по специализации (2005–2020). *Здравоохранение в России*. Стат. сб. М.: Росстат, 2021. С. 91.

²⁵ Правила организации деятельности дневного стационара. Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению. Приказ Минздрава России № 543н от 15.05.2012 (ред. от 21.02.2020). СПС КонсультантПлюс.

²⁶ Совершенствование организации медицинской помощи. Концепция развития здравоохранения и медицинской науки в РФ. Утв. постановлением Правительства РФ № 1387 от 05.11.1997; Об организации деятельности дневных стационаров в лечебно-профилактических учреждениях. Приказ Минздрава РФ № 438 от 09.12.1999. СПС КонсультантПлюс.

экономии средств и требование создания нового «хозяйственного механизма» [Гильманов и др. 2017], направленного на стимулирование ресурсосберегающих технологий [Мельников, Смышляев 2016: 22–23].

Согласно официальной статистике и данным экспертов, в 2000–2017 гг. увеличилось число коек в дневных стационарах более чем в 13 раз и число самих стационаров. В 2020 г. были задействованы 17409 дневных стационаров и 5912 круглосуточных. Был оптимизирован оборот больничной койки (количество дней, затраченных на лечение пациента). Соответственно, увеличились обеспеченность койками и число пролеченных пациентов²⁷ [Мельников, Смышляев 2016: 25–27; Шляфер 2019: 9].

Оптимизация трудовых ресурсов. Как уже было отмечено, в постсоветский период было заявлено об избыточности ресурсной базы здравоохранения и необходимости ее оптимизации. Этой процедуре должны были быть подвергнуты не только койко-места, но и специалисты определенных профилей [Шейман и др. 2019].

В 1990–2020 гг. было проведено значительное сокращение количества врачей санитарно-противоэпидемической группы, фтизиатров, хирургов, при этом увеличена численность терапевтов / врачей общей практики (с 169,7 до 181,5 тысяч человек; с 11,4 до 12,4 на 10000 человек населения)²⁸. На терапевтов были возложены не только базовые лечебные функции, но и регулировка (координация) [Sheiman et al. 2018] записи к специалистам.

Проект *бережливая поликлиника* реализует новое видение деятельности терапевтов. Смысл бережливого производства заключается в эффективном использовании ресурсов системы здравоохранения²⁹

[Бобрович и др. 2022; Гончарова, Кищенко 2022]. Один из его механизмов – принцип рационального распределения потоков / маршрутизации пациентов в зависимости от цели посещения. Главную роль в этом процессе играет терапевт [Забелин и др. 2018].

Результаты проекта внушают оптимизм: по отчетам государственных чиновников, в результате совершенствования логистики пациентов время ожидания приема сократилось более чем в 3 раза, а удовлетворенность медицинскими услугами увеличилось в 1,7 раз³⁰.

Оптимизация амбулаторно-поликлинического звена. К амбулаторно-поликлиническому звену в основном относят амбулатории, поликлиники, женские консультации, ФАПы. В целом число амбулаторно-поликлинических организаций в 1990–2020 гг. увеличилось примерно на 6,3 % (с 21527 до 22891 единицы). Мощность организаций выросла принципиально – более чем на 30,7 % (с 217 до 283,7 посещений на 10000 человек населения)³¹.

Изменение числа женских консультаций и детских поликлиник протекало неравномерно. Существенный прирост начался в 2016 г. В 2015–2020 гг. увеличение составило 46,1 % (с 14,3 до 20,9 тысяч); в 1990–2020 гг. в целом – примерно 52,6 % (с 13,7 до 20,9 тысяч)³². Государство объяснило позитивную оценку результатов своей деятельности в этом направлении быстрыми темпами снижения младенческой и материнской смертности в России (определенную роль здесь сыграли и новые технологии, и родовые сертификаты)³³.

В 1990–2020 гг. происходило постепенное сокращение числа ФАПов и составило примерно 23,3 % (с 47,7 до 36,6 тысяч)³⁴. Государство в свою очередь официально заявляло о необходимости разворачивания,

²⁷ Анализ рынка стационарных медицинских услуг в России в 2016–2020 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2021–2025 гг. URL: https://businessstat.ru/images/demo/hospital_medicine_russia_demo_businessstat.pdf; Амбулаторно-поликлинические учреждения (1990–2000). URL: https://gks.ru/bgd/regl/B01_34/IssWWW.exe/Stg/d010/i011810r.htm; Дневные стационары (2000–2010). URL: https://gks.ru/bgd/regl/B11_34/IssWWW.exe/Stg/d01/02-07.htm (дата обращения: 11.03.2023).

²⁸ Численность медицинских кадров, численность врачей по отдельным специальностям (1970–2021). URL: <https://www.gks.ru/folder/13721> (дата обращения: 11.03.2023).

²⁹ Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь. Методические рекомендации. Утв. Минздравом России 30.07.2019. СПС КонсультантПлюс.

³⁰ Выступление Министра Вероники Скворцовой на заседании итоговой коллегии Минздрава России. 24.04.2019. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2019/04/24/11389-vystuplenie-ministra-veroniki-skvortsovoy-na-zasedanii-itogovoy-kollegii-minzdrava-rossii> (дата обращения: 20.01.2022).

³¹ Амбулаторно-поликлинические организации (2005–2020). *Здравоохранение в России*. Стат. сб. М.: Росстат, 2021. С. 96; Амбулаторно-поликлинические учреждения (1990–2000). URL: https://gks.ru/bgd/regl/B01_34/IssWWW.exe/Stg/d010/i011810r.htm; Число амбулаторно-поликлинических организаций на конец отчетного года (2004–2021). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Apo.xls> (дата обращения: 11.03.2023).

³² Там же.

³³ Баженова А. В России за последние 30 лет достигнуто трехкратное снижение младенческой смертности. *ИТАР-ТАСС*. 11.10.2011. URL: <https://tass.ru/obschestvo/529783>; Кузьмин В. Медведев: С 2005 года материнская смертность в РФ снизилась в 2,2 раза. В России построят еще 34 перинатальных центра. *Российская газета*. 10.06.2013. URL: <https://rg.ru/2013/06/11/soveshanie.html>; Интервью с В. Скворцовой (беседовал В. Соловьев). 15.11.2019. URL: <https://smotrim.ru/video/1964362> (дата обращения: 11.03.2023).

³⁴ Амбулаторно-поликлинические организации (2005–2020)...; Амбулаторно-поликлинические учреждения (1990–2000)...; Число амбулаторно-поликлинических организаций на конец отчетного года (2004–2021)...

а не сокращения ФАПов³⁵. Причины несоответствия, с точки зрения государства, кроются в деятельности местных органов власти. На их работу влияет человеческий фактор: иногда локальная администрация чрезмерно «увлекается» преобразованиями. Каждый «сбой в управлении» государство предлагает разбирать индивидуально, в «ручном режиме»³⁶. С точки зрения некоторых экспертов, причина кроется не в сбоях, а в самом принципе децентрализации власти³⁷. Государство считает иначе: оно позитивно оценивает федеративную основу и принцип децентрализации³⁸ [Общество и пандемия... 2020: 416, 672]. Для государства, таким образом, решение вопроса лежит, скорее, в области качественной подготовки эффективных менеджеров, чем в фундаментальной ошибке функционирования системы.

Проблемы, связанные с оптимизацией первичного звена. Напомним, что в постсоветский период была поставлена задача оптимизации ресурсной базы системы здравоохранения. Процесс сокращений во вторичном звене происходил параллельно с процессом увеличения мощности амбулаторно-поликлинического звена. Главной задачей являлось плавное перераспределение нагрузки между этими звеньями. Цифры свидетельствуют о том, что изменения в амбулаторно-поликлиническом звене не успевают за темпами сокращений во вторичном звене. Это создает определенные трудности, прежде всего, с доступностью медицинской помощи для населения (особенно в сельской местности)³⁹.

В качестве механизма выхода из ситуации (при одновременном сохранении курса на оптимизацию расходов и ресурсов) государство предлагает усиление акцента на профилактическую медицину: пропаганду здорового образа жизни, диспансеризацию, иммунопрофилактику

и персонализированную медицину (основанную на раннем выявлении наследственных заболеваний) [Артеменко, Соколов 2017: 2501; Сквирская, Волнухин 2020: 350; Arsentyev, Reshetnikov 2018]. С позиции государства, профилактическое направление должно сегодня составлять примерно 60 % объема работы поликлиник⁴⁰.

Одним из направлений этой работы являются профосмотры. Изменение их числа в постсоветский период носит волнообразный характер и варьируется от 80 % до 97 %. В последние годы (до пандемии) наблюдался подъем числа осмотров в абсолютных значениях⁴¹. Профилактические осмотры играют большую роль в раннем выявлении заболеваний. Например, в 2018 г. благодаря им была снижена одногодичная летальность и повышена пятилетняя выживаемость онкологических больных (на 22 % и 55 % соответственно)⁴².

Работа над мотивацией людей к заботе о своем здоровье включает в себя создание сети центров общественного здоровья, таргетированные коммуникации, антиалкогольные и антитабачные кампании и т. д. Эти меры привели к «сокращению числа не только алкогольных отравлений, но и других алкоголь-ассоциированных расстройств, что сказалось, прежде всего, на снижении смертности мужчин трудоспособного возраста – с 2012 года на 18 %»⁴³. Значительные успехи зафиксированы в борьбе с краснухой и туберкулезом. Эти успехи связаны именно с интенсивной профилактической работой, поскольку за указанный период (1990–2020 гг.) произошло серьезное сокращение как числа коек туберкулезного профиля (с 98,3 до 68,7 тысяч единиц; с 6,6 до 4,7 на 10000 человек населения), так и численности врачей-фтизиатров (с 11,2 до 7,7 тысяч человек; с 0,8 до 0,5 на 10000 человек населения)⁴⁴.

³⁵ Прямая линия с Владимиром Путиным. 20.06.2019.

³⁶ Прямая линия с Владимиром Путиным. 25.04.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976> (дата обращения: 24.02.2022); Прямая линия с Владимиром Путиным 17.04.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796> (дата обращения: 24.02.2022); Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. СПС КонсультантПлюс.

³⁷ Журавлева М., Резник И. Как COVID-19 изменит систему здравоохранения. 15.07.2020. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f0d0b7c7a8aa9187eb1b492>; Бескаравайная Т. Михаил Кузьменко: Мы должны вернуть централизованное управление отраслью. *Медвестник*. 14.01.2016. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Mihail-Kuzmenko-my-doljny-vernut-centralizovannoe-upravlenie-otraslu.html>; Соколов А. Деньги не лечат: к чему ведет реформа здравоохранения. *Ведомости*. 15.10.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/10/14/843300-dengi-lechat> (дата обращения: 24.02.2022).

³⁸ Большая пресс-конференция Владимира Путина от 23.12.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67438> (дата обращения: 24.02.2022).

³⁹ Прямая линия с В. Путиным. 15.06.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54790> (дата обращения: 24.02.2022).

⁴⁰ Министр Вероника Скворцова рассказала о проекте «Бережливая поликлиника». 22.01.2018. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2018/01/22/6886-ministr-veronika-skvortsova-rasskazala-o-proekte-berezhlivaya-poliklinika> (дата обращения: 24.02.2022).

⁴¹ Профилактические осмотры населения, подлежащего периодическим осмотрам (2015–2020). *Здравоохранение в России*. Стат. сб. М.: Росстат, 2021. С. 99; Профилактические осмотры населения, подлежащего периодическим осмотрам (1990–2000). URL: https://gks.ru/bgd/regl/B01_34/IssWWW.exe/Stg/d010/i011980r.htm (дата обращения: 24.02.2022).

⁴² Выступление Министра Вероники Скворцовой на заседании итоговой коллегии Минздрава России. 24.04.2019.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Число больничных коек по специализации (1970–2021); Численность врачей по отдельным специальностям (1970–2021). URL: <https://www.gks.ru/folder/13721> (дата обращения: 24.02.2022).

Социологические опросы

В 2019 г. кафедра Истории Отечества, истории медицины, политологии и социологии Пермского государственного медицинского университета имени академика Е. А. Вагнера Минздрава России выступила организатором социологического опроса в 51 медицинском учреждении Пермского края. В нем приняли участие все желающие (264 человека). Опрос был посвящен политике государства в системе здравоохранения. Часть опроса касалась модернизации первичного звена. По результатам опроса самыми эффективными мерами правительства оказались увеличение количества ФАПов (68 %) и врачей общей практики (46 %), самыми неэффективными: превентивные меры (79 %); развитие стационарзамещающих технологий (71 %). Недоверие медицинского персонала к превентивной медицине объясняется убежденностью в пренебрежительном отношении человека к своему здоровью [Короткова 2018: 163].

Динамика демографических показателей

Как уже было отмечено, к основным причинам модернизации первичного звена государство относит не только дефицит ресурсов, но и демографические проблемы, а именно сокращение численности населения России: падение рождаемости, рост смертности, высокий уровень заболеваемости и т. д.⁴⁵

Заболеваемость населения. В 1990–2019 гг. значительно выросло число зарегистрированных заболеваний у пациентов: всего, по основным классам болезней, на 100000 человек – на 54,1 % (с 107021,4 до 164889). Серьезный прирост продемонстрировали болезни: эндокринной системы – на 341,4 % (с 1981,2 до 8744,1); крови – на 297,2 % (с 317,2 до 1259,9); мочеполовой системы – на 176,9 % (с 4294,1 до 11892,3); системы кровообращения – на 161,6 % (9888,4 до 25870,8); костно-мышечной системы и соединительной ткани – на 134,2 % (с 5825,2 до 13643,3); новообразования – на 133,8 % (с 2194,5 до 5129,9).

Снижение показали болезни нервной системы – на 43,2 % (с 10307,5 до 5857), некоторые инфекционные и паразитарные заболевания – на 16 % (с 5145,2 до 4321,1)⁴⁶.

Данные цифры не свидетельствуют об ухудшении ситуации, скорее, говорят об интенсификации диагностических мер, которые в комплексе с хорошо подобранной терапией являются основой успешного выздоровления пациентов⁴⁷. Исходя из этой логики, интенсификация диагностики должна приводить к уменьшению смертности населения в целом или хотя бы по отдельным классам болезней.

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения. В 1990–2019 гг. выросло число умерших (с 1655993 до 1798307 человек – на 8,6 %; с 11,2 до 12,3 на 1000 человек населения)⁴⁸. Рост как причины смертности продемонстрировали болезни органов пищеварения (с 42504 до 98271 человека), инфекционные и паразитарные заболевания (с 17942 до 32918 человек), а также новообразования (с 287682 до 298699 человек). Изменения по новообразованиям носили волнообразный характер, варьировались в 2010–2019 гг. в районе $\pm 0,15$ –3,4 % (стабильной тенденции нет)⁴⁹.

Следует отметить, что на отдельных, локальных фронтах были достигнуты определенные успехи, например, в борьбе с материнской и младенческой смертностью. В 1990–2019 гг. снизилось число как умерших младенцев (с 35088 до 7328 человек – 79,1 %; с 17,4 до 4,9 на 100000 родившихся живыми), так и матерей (с 943 до 134 человек – на 86 %; с 47,7 до 9,0 на 100000 родившихся живыми)⁵⁰. Более того, темпы снижения смертности оказались существенно выше темпов снижения аналогичных показателей в регионе Европы⁵¹. Очевидно, что в этом процессе позитивную (и не последнюю) роль сыграло серьезное увеличение, а не сокращение числа женских консультаций и детских поликлиник.

В 1990–2003 гг. произошло падение средней продолжительности жизни (с 69,19 до 64,84 лет), в 2004–2019 гг. –

⁴⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.05.2003. СПС КонсультантПлюс.

⁴⁶ Заболеваемость населения по основным классам болезней, группам и отдельным болезням (2010–2020). URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_34/Main.htm; Заболеваемость населения по основным классам болезней, группам и отдельным болезням. Здравоохранение в России. Стат. сб. М.: Росстат, 2001. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdrav.rar> (дата обращения: 24.02.2022).

⁴⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. СПС КонсультантПлюс.

⁴⁸ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения (2002–2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.02.2022).

⁴⁹ Число умерших по основным классам причин смерти (1965–2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.03.2023).

⁵⁰ Материнская смертность (2017–2022); Младенческая смертность (2018–2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.02.2022).

⁵¹ The World Health Report 1996. Fighting disease. Fostering development. Geneva: World Health Organization, 1996, 137; World health statistics 2005... P. 10–13; World health statistics 2019: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. World Health Organization. 21 May 2019. P. 82–89. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241565707> (accessed 11 Mar 2023).

повышение (с 65,31 до 73,34 лет)⁵². Подвижку государство объяснило успешными социально-экономическими реформами, пропагандой здорового образа жизни и модернизацией системы здравоохранения⁵³.

Заключение

На основе полученных в статье материалов можно сделать два вывода. Во-первых, теоретической основой для преобразований является экономический, а не социальный подход. Напомним, что отличительной чертой модели Семашко, по единодушному мнению специалистов, независимо от предложенной классификации систем здравоохранения, был ее ярко выраженный социальный характер [Мельник 2016: 93–94]. В то время как в постсоветской модели доминирует экономический подход: здоровье превращается в один из ресурсов экономики и выступает в качестве вторичной, а не первичной ценности для государства [Борисов 2010: 19; Кашин 2005: 20–22; Тихомиров 2010: 11]. Во-вторых, создаваемая в последние десятилетия превентивно-диагностическая модель пока

не справляется с решением всех демографических задач. Прежде всего потому, что темпы оптимизации расходов и ресурсов не соответствуют темпам увеличения производительности (мощности) первичного звена. Данный вывод не отрицает значительных достижений в отдельных, локальных направлениях. Он лишь демонстрирует наличие общей проблемы, которая требует дальнейшего изучения.

Основные выводы статьи могут быть использованы в научных исследованиях, посвященных истории социальной политики государства; при разработке учебных курсов по истории медицины, политологии, общественному здоровью и здравоохранению для студентов высших медицинских учебных заведений.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Артеменко Д. А., Соколов А. А. Трансформация общественного здравоохранения России: анализ сбалансированности. *Финансы и кредит*. 2017. Т. 23. № 42. С. 2498–2510. [Artemenko D. A., Sokolov A. A. The transformation of public health in Russia: An analysis of sustainability. *Finance and Credit*, 2017, 23(42): 2498–2510. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/fc.23.42.2498>
- Баженова С. А. Основные экономические показатели развития российского медицинского рынка в 2015–2018 годах. *Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*. 2019. № 1. С. 33–40. [Bazhenova S. A. Main economic indicators of Russian medical market in 2015–2018. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*, 2019, (1): 33–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2019.01.004>
- Бобрович В. В., Евстафьева Ю. В., Романова Е. Н., Андреева Е. В. Технологии бережливого производства в системе здравоохранения. *Забайкальский медицинский вестник*. 2022. № 1. С. 27–34. [Bobrovich V. V., Evstafieva Yu. V., Romanova E. N., Andreeva E. V. Lean management in the healthcare system. *The transbaikal Medical Bulletin*, 2022, (1): 27–34. (In Russ.)] https://doi.org/10.52485/19986173_2022_1_27
- Борисов Д. А. Системы и системообразование здравоохранения. *Главный врач: Хозяйство и право*. 2010. № 2. С. 16–26. [Borisov D. A. Systems and system development in healthcare. *Glavnyi vrach: Khoziaistvo i pravo*, 2010, (2): 16–26. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mgwfpof>
- Буранбаева Л. З., Якшимбетова Г. И. Социально-экономические приоритеты подушевого финансирования здравоохранения. *Вестник БИСТ (Башкирского Института Социальных Технологий)*. 2017. № 4. С. 70–75. [Buranbaeva L. Z., Yakshimbetova G. I. Socio-economic priorities of per capita financing of health. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*, 2017, (4): 70–75. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xhwxyzv>
- Бурдюгова О. В., Кузембаева Ж. Т. Развитие платных медицинских услуг в России. *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. 2018. № 1. [Burdyugova O. V., Kuzembaeva Zh. T. Development of commercial medical services in Russia. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, 2018, (1). (In Russ.)] URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/01/15712> (accessed 5 Mar 2023). <https://www.elibrary.ru/yqmfrn>

⁵² Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 24.02.2022).

⁵³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. СПС КонсультантПлюс.

- Васюткина Л. В., Протопопов Д. В. Модель управления платными услугами поликлиник. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 1. № 2. С. 175–178. [Vasyutkina L. V., Protopopov D. V. Outpatient paid services management model. *Ekonomika i upravlenie: problemy resheniya*, 2020, 1(2): 175–178. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yucioq>
- Гильманов А. А., Марапов Д. И., Файзуллина Р. Н. Показатели деятельности и проблемы работы дневных стационаров. *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 4. [Gilmanov A. A., Marapov D. I., Fayzullina R. N. Indicators of activity and problems of work of day stationary. *Modern problems of science and education*, 2017, (4). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/article/view?id=26704> (accessed 5 Mar 2023). <https://www.elibrary.ru/ythnkv>
- Глушанко В. С., Кугач В. В., Тарасова Е. Н., Дорофеева Т. А., Игнатьева Е. В. Мировые системы здравоохранения и лекарственное обеспечение населения. *Вестн. фармации*. 2019. № 4. С. 96–109. [Glushanko V. S., Kugach V. V., Tarasova E. N., Dorofeeva T. A., Ihnatsyeva A. V. World health care systems and drug provision of the population. *Vestn farmatsii*, 2019, (4): 96–109. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mdaevc>
- Гончарова Ю. М., Кищенко В. М. Внедрение принципов и инструментов бережливого производства в отечественном здравоохранении и фармации. *Заметки ученого*. 2022. № 3-1. С. 374–380. [Goncharova Yu. M., Kishchenko V. M. Introduction of lean manufacturing principles and tools in domestic healthcare and pharmacy. *Zametki uchenogo*, 2020, (3-1): 374–380. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tohcsq>
- Забелин М. В., Касымова О. А., Миронова В. В., Кононова И. В. Бережливая поликлиника: опыт внедрения инструментов lean в учреждениях федерального медико-биологического агентства России. *Здравоохранение, образование и безопасность*. 2018. № 4. С. 146–157. [Zabelin M. V., Kasymova O. A., Mironova V. V., Kononova I. V. Lean polyclinic: experience of lean instruments implementation in the institutions of the federal biomedical agency of Russia. *Zdravookhraneniye, obrazovaniye i bezopasnost*, 2018, (4): 146–157. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrxckl>
- Зюкин Д. А., Беляев С. А., Власова О. В., Наджафова М. Н., Репринцева Е. В., Сергеева Н. М. О тенденциях расширения рынка платной медицины в федеральных округах РФ. *Вестник НГИЭИ*. 2019. № 3. С. 62–73. [Zyukin D. A., Belyaev S. A., Vlasova O. V., Nadzhafova M. N., Reprintseva E. V., Sergeyeva N. M. Trends the expansion of the market of paid medical services in the federal districts of the Russian Federation. *Bulletin NGIEI*, 2019, (3): 62–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbeulj>
- Кадыров Ф. Н., Обухова О. В., Брутова А. С. Финансирование здравоохранения в 2017 году – очередной парадокс: средств стало меньше, чем планировалось на 2016 год, но финансовое обеспечение отрасли улучшилось. *Менеджер здравоохранения*. 2017. № 1. С. 61–74. [Kadyrov F. N., Obukhova O. V., Brutova A. S. Health care funding in 2017 – another paradox: The means was less than planned for 2016, but the financial support for the industry has improved. *Manager Zdravookhranenia*, 2017, (1): 61–74. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xxdybf>
- Кашин В. Реформа: от модернизации к интеграции. *Ремедиум*. 2005. № 10. С. 20–23. [Kashin V. Reform: from modernisation to integration. *Remedium*, 2005, (10): 20–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ijwmud>
- Козырева П. М., Смирнов А. И. Масштабы распространения и размеры оплаты медицинских услуг. *Социологическая наука и социальная практика*. 2018. Т. 6. № 3. С. 26–42. [Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Scale of distribution and amount of remuneration for medical services. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2018, 6(3): 26–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6001>
- Короткова М. Н. Самолечение вчера и сегодня. *Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения: Междунар. симпозиум*. (Москва, 15–16 ноября 2018 г.) М.: ННИИ ОЗ им. Н. А. Семашко, 2018. С. 162–164. [Korotkova M. N. Self-medication in past and present. *Topical issues of the history of medicine and healthcare: Intern. Symposium*, Moscow, 15–16 Nov 2018. Moscow: N. A. Semashko NRI of PH, 2018, 162–164. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yosrcp>
- Короткова М. Н. Социальная политика государства: коммерциализация системы здравоохранения в постсоветский период. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021. Т. 10. № 2. С. 29–32. [Korotkova M. N. Social policy: Commercialization of the health care system in the post-soviet period. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2021, 10(2): 29–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1002-0091>
- Крутиков В. К., Якунина М. В., Шаров С. В. Формирование системы общественного здравоохранения на базе технологий цифровой экономики. *Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: экономика и управление*. 2021. № 18. С. 36–38. [Krutikov V. K., Yakunina M. V., Sharov S. V. Formation of a public health system based on digital economy technologies. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskii universitet. Seriya: ekonomika i upravlenie*, 2021, (18): 36–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aznjep>

- Мельник И. А. Классификация моделей здравоохранения. Мировой опыт становления систем здравоохранения. *Аспирант*. 2016. № 2. С. 93–100. [Melnik I. A. Classification models of health. World experience of formation of health systems. *Aspirant*, 2016, (2): 93–100. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqoikd>
- Мельников Ю. Ю., Смышляев А. В. Анализ основных показателей деятельности дневных стационаров в период с 2010 по 2014 годы. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2016. № 2. С. 21–29. [Melnikov Yu. Yu., Smishlyaev A. V. Analysis of the main indicators of activities of day hospitals in the period from 2010 to 2014. *Current problems of health care and medical statistics*, 2016, (2): 21–29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xhwqnn>
- Наджафова М. Н. О перспективах платной медицины как фактора повышения качества медицинских услуг. *Региональный вестник*. 2017. № 3. С. 24–25. [Nadzhafova M. N. Prospects of commercial medicine as a factor in improving the quality of medical services. *Regionalnyi vestnik*, 2017, (3): 24–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbiosn>
- Нехайчук Д. В., Котелевская Ю. В., Шевчук Л. Е. К вопросу качественного финансового обеспечения социально-экономического развития региона: город Севастополь. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 8-1. С. 85–93. [Nekhaychuk D. V., Kotelevskaya Yu. V., Shevchuk L. Ye. About of high-quality financial support for the socio-economic development of the region: the city of Sevastopol. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2019, (8-1): 85–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hpyqfs>
- Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России, гл. ред. В. А. Мау. М.: РАНХиГС, 2020. 744 с. [Society and pandemic: experience and lessons in the fight against COVID-19 in Russia, ed. Mau V. A. Moscow: RANEP, 2020, 744. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zumgoz>
- Пузин С. Н., Дудин М. Н., Сертакова О. В. Социально-экономический подход к анализу удовлетворенности населения качеством платных медицинских услуг. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2016. Т. 7. № 4. С. 76–83. [Puzin S. N., Dudin V. N., Sertakova O. V. The socio-economic approach to the analysis of public satisfaction with the quality of paid medical services. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*, 2016, 7(4): 76–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.4.76.83>
- Романов К. А., Переведенцев Д. А., Благодатский Г. А., Горохов М. М., Пономарев С. Б. Оптимизация информатизации управления в системе здравоохранения. *Вестник ИжГТУ имени М. Т. Калашникова*. 2014. № 2. С. 140–143. [Romanov K. A., Perevedentsev D. A., Blagodatsky G. A., Gorokhov M. M., Ponomarev S. B. Optimization of management informatization in the health system. *Vestnik IzhGTU imeni M. T. Kalashnikova*, 2014, (2): 140–143. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sldoxf>
- Русанова Н. Е. Демографический эффект оптимизации российского здравоохранения. *Аист на крыше. Демографический журнал*. 2018. № 7. С. 8–11. [Rusanova N. E. Demographic effect of optimization of Russian healthcare. *Aist na kryshe. Demograficheskii zhurnal*, 2018, (7): 8–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vqpqwe>
- Рютли А. А., Ларионов М. Ю., Варламов Б. А. Законодательные основы закупок в государственных учреждениях. *ЦИТИСЭ*. 2020. № 2. С. 371–384. [Riutli A. A., Larionov M. Yu., Varlamov B. A. Legislative bases of purchasing in public institutions. *CITISE*, 2020, (2): 371–384. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.2.34>
- Сквирская Г. П., Волнухин А. В. Основные направления совершенствования деятельности в области общественного здоровья и управления здравоохранением в современных условиях в Российской Федерации. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2020. № 2. С. 348–366. [Skvirskaya G. P., Volnuhin A. V. Basic directions of improving scientific, educational and practical activities in the field of public health and health management in modern conditions in the Russian Federation. *Current problems of health care and medical statistics*, 2020, (2), 348–366. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2312-2935-2020-00051>
- Соболева Е. А. Эволюция модели финансирования здравоохранения в РФ. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 12-3. С. 67–75. [Soboleva E. A. Evolution of the model of public health financing in Russia. *Journal of Economy and Business*, 2019, (12-3): 67–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11519>
- Стародубов В. И., Флек В. О., Сон И. М., Леонов С. А., Титова И. А., Матвеев Э. Н., Мирсков Ю. А. Дифференцированные нормативы объемов медицинской помощи в разрезе субъектов РФ. *Менеджер здравоохранения*. 2011. № 4. С. 6–31. [Starodubov V. I., Flek V. O., Son I. M., Leonov S. A., Titova I. A., Matveev E. N., Mirskov U. A. Differentiated standards of health care volumes of Russian Federation subjects. *Manager Zdravoochranenia*, 2011, (4): 6–31. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nylvcd>
- Тихомиров А. В. Ведомственная (административная) организация здравоохранения. *Главный врач: Хозяйство и право*. 2010. № 6. С. 8–18. [Tikhomirov A. V. Departmental (administrative) health organization. *Glavnyi vrach: Khoziaistvo i pravo*, 2010, (6): 8–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nddeth>

- Шахаева А. М., Вердиева Д. А. Пробелы договора возмездного оказания медицинских услуг. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2021. Т. 37. № 1. С. 80–83. [Shakhaeva A. M., Verdieva D. A. Gaps in the contract for paid medical services. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 37(1): 80–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-37-1-80-83>
- Шейман И. М., Шевский В. И., Сажина С. В. Приоритет первичной медико-санитарной помощи – декларация или реальность? *Социальные аспекты здоровья населения*. 2019. Т. 65. № 1. [Sheiman I. M., Shevsky V. I., Sazhina S. V. Primary health care priority – declaration or reality? *Social'nye aspekty zdorov'a naselenia*, 2019, 65(1). (In Russ.)] <https://dx.doi.org/10.21045/2071-5021-2019-65-1-3>
- Шляфер С. И. Оценка работы дневных стационаров и стационаров на дому в Российской Федерации. Анализ ведения статистической отчетности. *Медицина*. 2019. Т. 7. № 2. С. 9–23. [Shlyufer S. I. Evaluation of the work of day hospitals and hospitals at home in the Russian Federation. Analysis of statistical reporting. *Medicine*, 2019, 7(2): 9–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29234/2308-9113-2019-7-2-9-23>
- Arsentyev E. V., Reshetnikov V. A. To the biography of N. A. Semashko. *History of Medicine*, 2017, 4(4): 383–394. <https://doi.org/10.17720/2409-5834.v4.4.2017.09i>
- Arsentyev E. V., Reshetnikov V. A. To the biography of N. A. Semashko: On the work of the first People's Commissar of Health in 1920–1925. *History of Medicine*, 2018, 5(3): 183–192. <https://doi.org/10.3897/hmj.5.3.32480>
- Sheiman I., Shihkin S., Shevsky V. The evolving Semashko model of primary health care: The case of the Russian Federation. *Risk Management and Healthcare Policy*, 2018, 11: 209–220. <https://doi.org/10.2147/RMHP.S168399>
- Tragakes E., Lessof S. *Health care systems in transition: Russian Federation*. Copenhagen: European Observatory on Health Systems and Policies, 2003, 212.
- Trefilova O. A. Nikolai Semashko – social activist and health care organizer. *History of Medicine*, 2014, (3): 53–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17720/2409-5834.v1.3.2014.37>

оригинальная статья

1916 год. Десятый ускоренный выпуск военного времени Павловского военного училища. Пятая рота в лицах и судьбах юнкеров

Свеколкин Николай Иванович

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0000-0002-8387-1308>

Ins_61@mail.ru

Поступила в редакцию 26.02.2023. Принята после рецензирования 26.05.2023. Принята в печать 29.05.2023.

Аннотация: Вследствие перенесенных Россией военно-политических потрясений в начале XX в. и последовавших за ними процессов у населения страны в том или ином виде оказались сильно искажены или даже утрачены представления о своих предках, их социальном происхождении, роде деятельности, уровне образования и т. д. Старшие поколения, способные что-то рассказать, ушли или уходят, унося с собой ответы на имеющиеся и возникающие генеалогические вопросы, оставляя в качестве подсказок неподписанные и недатированные фотографии. Настоящая публикация посвящена промежуточным результатам персональной идентификации юнкеров пятой роты десятого ускоренного выпуска военного времени Павловского военного училища, запечатленных на выпускной фотографии 1916 г. Павловское военное училище было одним из престижнейших военно-учебных заведений Российской империи в последние полвека ее существования. В материале приводятся выявленные биографические сведения и собранные портретные изображения на идентифицированных персон, выбравших, во многом из-за тогдашних реалий, военную стезю, став офицерами в годы Первой мировой войны. Одновременно с этим они были свидетелями и непосредственными участниками всех знаковых событий первой половины XX в. в истории нашей страны, таких как революции, войны, эмиграция, репрессии и Великая Отечественная война. Освещен жизненный путь идентифицированных персон. Исследование проводилось на основе работы с фондами федеральных и региональных архивов. Для большей убедительности верности осуществленной идентификации приводятся дополнительные портретные изображения, подтверждающие точность определения личности каждого из запечатленных. Данная статья свидетельствует, ответы на какие вопросы могут быть найдены в личных делах студентов Российской империи. Кроме того, работа призвана помочь отыскать потомков упомянутых в публикации людей, а также привлечь внимание историков, краеведов и просто неравнодушных лиц, способных сообщить дополнительную информацию о названных персонах.

Ключевые слова: идентификация, портрет, биография, фотография, Русская императорская армия, университет, студент, Первая мировая война

Цитирование: Свеколкин Н. И. 1916 год. Десятый ускоренный выпуск военного времени Павловского военного училища. Пятая рота в лицах и судьбах юнкеров. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 829–851. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-829-851>

full article

Fifth Squad Cadets of the Tenth Accelerated Wartime Graduation, Pavlovsk Military School, 1916

Nikolay I. Svekolkin

Mozhaisky Military Space Academy, Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0000-0002-8387-1308>

Ins_61@mail.ru

Received 26 Feb 2023. Accepted after peer review 26 May 2023. Accepted for publication 29 May 2023.

Abstract: The turbulent first decades of the XX century resulted in the fact that modern Russians know very little about their ancestors, their social status, occupation, education, etc. Sometimes the only source for numerous genealogical questions can be obtained from unidentified and undated faded photographs. The author made an attempt to identify

the Pavlovsk Military School cadets of the Fifth Squad, graduates of the Tenth Accelerated Wartime Course, by their graduation photo made in 1916. The Pavlovsk Military School was one of the most prestigious military education institutions in the Russian Empire. The article contains biographical information and images of cadets whose personality the author managed to identify. Most of them chose the military path guided by the realities of the Great War. These people became witnesses and participants of revolutions, wars, emigration, repressions, and World War II. The research relied on federal and regional archives. The identity of the cadets was confirmed by archival photographs. This research proved that students' files can be an important historical source. The publication may help to find the descendants of the cadets, as well as to attract the attention of scholars and local historians, and encourage active citizens to provide additional information about their personalities.

Keywords: identification, portrait, biography, photography, Russian Imperial Army, university, student, The Great War

Citation: Svekolkin N. I. Fifth Squad Cadets of the Tenth Accelerated Wartime Graduation, Pavlovsk Military School, 1916. *SibScript*, 2023, 25(6): 829–851. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-829-851>

Введение

Посвященная Первой мировой войне часть отечественной истории в советские годы была под запретом или рассматривалась с негативной стороны, замалчивались факты проявления массового патриотизма, благодарности за полученный опыт, внедренный впоследствии в годы Великой Отечественной войны. Многие люди длительное время замалчивали факты участия в Первой мировой войне в своей биографии, скрывая честно заслуженные в боях награды, выдумывая первопричины хронических заболеваний и имеющихся шрамов.

В конце 2020 г. общественность была проинформирована об идентификации дошедших до нашего времени двух групповых снимков юнкерских рот одного из ускоренных выпусков военного времени Павловского военного училища (ПВУ) [Глазков, Свеколкин 2020]. Данное обстоятельство стало катализатором для продолжения исследований по идентификации изображенных.

Схожими по данной тематике являются публикации С. В. Белоусова [Белоусов 2022], носящие ознакомительный характер, а вот работа А. В. Ганина [Ганин 2018] гораздо основательнее, но оба автора ведут речь об офицерах полков Русской императорской армии до начала Первой мировой войны, что позволяет говорить уже о возможности точной идентификации изображенных офицеров¹. В других работах осуществлены попытки идентификации и установления биографий уже состоявшихся военных деятелей, имеющих за плечами различный военный «след» и исторический «багаж» [Ганин 2020; 2022а; 2022b; Глазков, Кренев 2017]. К примеру, в трудах С. В. Волкова речь идет об участниках белого движения

[Волков 2001; 2002а; 2002b; Офицеры российской гвардии... 2002], в работах А. Г. Кавтарадзе [Кавтарадзе 1988; 2002а; 2002b] и В. В. Каминского² [Каминский 2011; 2012] – о людях, оказавшихся на стороне Красной армии³.

Отличием данной публикации от вышеуказанных работ является то, что в качестве объекта исследования взят снимок учебного заведения, когда Первая мировая война уже шла. На черно-белом фотоснимке изображена группа офицеров и юнкеров ПВУ из 61 человека (8 офицеров и 53 юнкера). Выполнена персональная идентификация части изображенных с указанием местоположения на снимке. Лицевая сторона фотографии, находящейся в частной коллекции, представлена на рисунке 1. Тыльная сторона не предъясняется и не рассматривается по причине отсутствия на ней каких-либо информативных признаков (подписей, меток и т. п.). Размеры самой фотографии – 400,0 × 300,0 мм, с паспорту – 550,0 × 420,0 мм. Необходимо отметить четкость изображения (вплоть до мельчайших деталей) и отсутствие различных видов выцветаний, которые свидетельствуют о бережном хранении. При этом у паспорта отсутствует около 15 % площади, заметны следы затирания подписей.

Обезличенность внешности и судеб огромного числа выпускников военного времени большинства военных училищ Российской империи является серьезной нравственной проблемой для жителей бывшего СССР и современной России. Ведь с кем-то из ныне живущих людей «преданные забвению» связаны определенной степенью родства.

¹ Общий Список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Сост. по 1 января 1909 г. СПб.: Воен. тип., 1909. 1080 с.

² Каминский В. В. Офицеры Русской Императорской Армии в корпусе «красного» Генерального Штаба: персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.): биографический справочник. Т. 1: А–Ж. М.: Гуманитарная акад., 2017. 800 с.

³ Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии: Сост. по данным к 1-му марта 1923 года. Л.: Б. и., 1923. 4 с., 262 л.; Сборник лиц, награжденных Орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. М.: Гос. воен. изд-во, 1926. 302 с.

Цель исследования – попытка идентификации максимального числа изображенных на фотографии людей и установления их жизненного пути.

Методы и материалы

Использовались сравнительно-исторический, хронологический и системный методы научного познания. В работе применялись общенаучные методы исторической науки: сбор, анализ и синтез материала, – прежде всего, при работе с источниками.

Начавшаяся в конце октября 2019 г. работа по поиску юнкеров десятого ускоренного выпуска военного времени выпуска ПВУ на тематическом электронном ресурсе⁴ первоначально позволила собрать и обобщить данные на 15 % выпускников из общего числа в 499 человек⁵.

Среди обнаруженных оказалось около 10 студентов различных университетов Российской империи: Казанского, Московского, Санкт-Петербургского (ставшего в 1914 г. Петроградским), Харьковского и др.

Указанное обстоятельство вкупе с собранными библиографическими данными послужило рождению гипотезы о возможности присутствия гораздо большего

числа «вчерашних студентов» среди июньских выпускников ПВУ 1916 г. Данная версия строилась из возможности различной продолжительности обучения в высших учебных заведениях будущих юнкеров и, как следствие, указания на степень окончания.

В качестве источников были привлечены архивные документы, а также тексты Высочайших приказов и материалы периодической печати, содержащие сведения о награждениях, производстве в воинских званиях и переводах в частях Русской императорской армии, ранениях и смерти. Сама идентификация юнкеров осуществлялась непосредственно на основе работы с фондами Санкт-Петербургских государственных казенных учреждений «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга» и «Центральный государственный архив Санкт-Петербурга», федерального казенного учреждения «Российский государственный военно-исторический архив», казенного архивного учреждения Вологодской области «Государственный архив Вологодской области», Эстонского национального архива, Эстонского военного музея генерала Лайдонера.

Встречающиеся затруднения в идентификации связаны в первую очередь с частичным отсутствием

Рис. 1. Фотография командования и юнкеров 5-й роты Павловского военного училища, май 1916 г.

Fig. 1. Officers and cadets of the 5th Squad, Pavlovsk Military School, May 1916

⁴ Памяти героев Великой войны 1914–1918. URL: <https://gwar.mil.ru/> (дата обращения: 15.10.2021).

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 50. Д. 93. С. 117–122.

достоверных (эталонных) изображений для сравнения. Использовались портреты из личных студенческих дел архивных учреждений Российской Федерации и портреты, размещенные на сайтах Эстонского национального архива, Эстонского военного музея генерала Лайдонера и известных тематических площадок.

Результаты

Большинство старших офицеров было идентифицировано [Глазков, Свеколкин 2020]. Но в ходе работы были обнаружены сведения, уточняющие занимаемые должности в Русской императорской армии на момент съемки. На рисунке 2 представлен фрагмент фотографии с офицерами. Сидящий первым слева офицер с черной бородой – это полковник Евгений Григорьевич Булюбаш (01.09.1873–02.10.1967). Трость в руках – следствие ранения, полученного на фронте Первой мировой войны. После излечения, 10 января 1915 г. он был назначен батальонным командиром ПВУ и в этой должности состоял до 1 февраля 1916 г. [Глазков, Свеколкин 2020], заняв после этой даты должность помощника начальника училища по строевой и хозяйственной части. На левой стороне его кителя отчетливо виден пожалованный 19 апреля 1915 г. орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, рядом с ним, на клапане кармана – знак ПВУ. Ниже – полковой знак Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка (с началом Первой мировой войны переименованного в Петроградский); третий знак нами пока не идентифицирован. На правой стороне груди – знак Николаевской академии Генерального штаба.

Следующим сидит начальник ПВУ, 56-летний генерал-лейтенант Иван Иванович Вальберг (04.10.1859–9(21).09.1918), выпускник ПВУ 1878 г. На правой (от изображенного) стороне груди – знаки для лично приносивших поздравления императорской фамилии по случаю 300-летия Дома Романовых и Николаевской академии Генерального штаба. Нижний знак на левой стороне груди – Лейб-гвардии Павловского полка,

где И. И. Вальберг командовал батальоном и откуда пошел на повышение. Средний знак – в память 25-летия постановки в строй Лейб-гвардии Павловского полка Великого Князя Николая Александровича (впоследствии Императора Николая II). Верхний, в виде соединенных вензелей Павла I и Николая II, обвитых круглым венком, – это знак ПВУ, утвержденный 7 декабря 1898 г. На шее генерала – знак ордена Св. Владимира, вероятно, 3-й степени; на груди, на колодке – знак 4-й степени того же ордена, не снимавшийся и при получении более высоких степеней [Глазков, Свеколкин 2020].

По левую руку от начальника ПВУ (с нашей точки зрения – справа) запечатлен капитан Владимир Александрович Пржецлавский, выпускник ПВУ 1900 г. Несмотря на польское происхождение фамилии, в источниках он указан как «православный, из дворян Московской губернии». Окончив ПВУ по первому разряду, был зачислен в Лейб-гвардии Литовский полк, чей знак расположен на кармане кителя, ниже знака ПВУ. В этом полку он числился как минимум до 1909 г., а в 1913 г. уже командовал ротой юнкеров в ПВУ; капитанский чин присвоен в 1912 г. Высочайшим приказом (ВП) от 6 декабря 1915 г. ему был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени [Глазков, Свеколкин 2020]. С 1 февраля 1916 г. капитан В. А. Пржецлавский был назначен командиром 2-го батальона ПВУ, а 28 мая произведен в подполковники по гвардейской пехоте. Находясь в той же должности, 3 июня 1917 г. был произведен в полковники. Сведений о его дальнейшей судьбе не обнаружено.

Правее В. А. Пржецлавского сидит выпускник ПВУ 1904 г., штабс-капитан Борис Владимирович Юнгер. Он окончил Полоцкий кадетский корпус, по выпуску из ПВУ вышел в Лейб-гвардии Московский полк, чей знак расположен ниже знака ПВУ. В чине поручика по гвардейской пехоте 10 марта 1911 г. был переведен младшим офицером в ПВУ, но с 1 февраля 1916 г. уже занимал должность командира временной

Рис. 2. Офицеры ПВУ, слева направо: Е. Г. Булюбаш, И. И. Вальберг, В. А. Пржецлавский, Б. В. Юнгер
Fig. 2. Officers of Pavlovsk Military School: E. G. Bulubash, I. I. Valberg, V. A. Przhetslavsky, B. V. Junger (left to right)

5-й роты. Несмотря на молодой возраст (на фото ему 33 года) и невысокий чин, он уже успел заслужить орден Св. Владимира 4-й степени (2-е дополнение к ВП от 30 июля 1915 г.). Несколько позже, 27 августа 1916 г. он был произведен в капитаны, а 21 ноября 1916 г. переведен с чином подполковника в 148-й пехотный Каспийский полк, куда и отправился 17 декабря 1916 г. [Глазков, Свеколкин 2020]. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Сидящими в первом ряду прапорщиками ПВУ было усилено уже во время Первой мировой войны. На многих фотографиях в большинстве своем они остаются неизвестными, но только ни на этой.

Пятым слева (справа от Е. Г. Булюбаша) сидит Петр Яковлевич Буланов (рис. 3), родившийся 2 января 1892 г. в г. Астрахань. Как указано в выписке из Метрической книги Донской церкви ст. Казачебугровской Астраханского уезда, незаконнорожденный сын дочери унтер-офицера Крючковой Хионии Ильиничны крещен 26 января 1892 г. (выяснить причину различия фамилии у матери и сына пока не удалось).

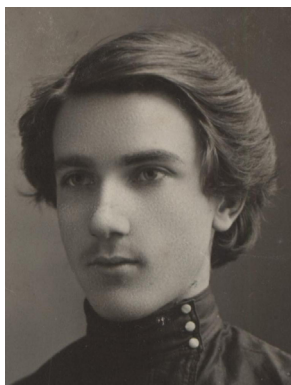
Отучившись во Владикавказской мужской гимназии в 1901–1910 г., П. Я. Буланов поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, закончил его с правом на диплом 2-й степени⁶. В службу вступил 29 мая 1915 г. По окончании ПВУ по 1-му разряду произведен в прапорщики с зачислением по армейской пехоте (дополнение к ВП от 1 октября 1915 г.). Прикомандирован к ПВУ согласно предписанию Главного Управления военно-учебных заведений от 8 августа 1915 г. Произведен на основании ВП

от 18 июня 1916 г. в подпоручики со старшинством с 1 июня 1915 г. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени ВП от 6 декабря 1916 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

Сидящий третьим справа, выделяющийся более светлой рубашкой из легкой ткани и отсутствием училищного знака, идентифицирован как Александр Константинович Серпухов, уроженец с. Грузино Новгородской губернии, 7 октября 1897 г. р. (рис. 4).

Сын православного священника, закончил 2-й кадетский Императора Петра Великого корпус, в службу вступил 2 мая 1915 г.⁸ Окончив ПВУ по 1-му разряду, произведен в прапорщики с зачислением по армейской пехоте (дополнение к ВП от 1 сентября 1915 г.). Был прикомандирован к ПВУ в помощь младшим офицерам (1 сентября 1915 г.). Произведен на основании приказа по военному ведомству № 689 1914 г. в подпоручики со старшинством с 1 мая 1915 г. (ВП от 31 мая 1916 г.).

Откомандирован от училища в распоряжение командира Лейб-гвардии Петроградского полка (1 ноября 1916 г.). Произведен в штабс-капитаны (дополнение к Приказу по армии и флоту от 4 марта 1917 г., утв. 20 февраля 1917 г.). Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени вместе с П. Я. Булановым тем же ВП от 6 декабря 1916 г.

1910⁷ 1916Рис. 3. Портреты П. Я. Буланова
Fig. 3. Pyotr Ya. Bulanov

1916

Рис. 4. Портреты А. К. Серпухова
Fig. 4. Alexander K. Serpukhov1940-е гг.⁹

⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 56817.

⁷ Там же.

⁸ Серпухов Александр Константинович. *Русская Эстония*. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Серпухов_Александр_Константинович (дата обращения: 05.10.2021).

⁹ Там же.

Непродолжительное время служил в РККА. Затем оказался в Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича в 6-м стрелковом Красногорском полку. Зачислен в списки Армии (приказ по Северо-Западной армии № 154 от 19 июля 1919 г.). На декабрь 1919 г. – адъютант 10-го пехотного Красногорского полка. Награды: орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (16 ноября 1919 г.); Св. Анны 2-й степени с мечами (10 января 1920 г.).

После ликвидации Северо-Западной армии жил в Эстонии. С 1930 г. – начальник Кивийылской дружины русских скаутов. Арестован в 11 ноября 1940 г. в Кивийыли. Осужден трибуналом 15 марта 1941 г. по ст. 58-13, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 14 мая 1941 г.¹⁰

Неизвестность даты съемки очень затрудняла процесс идентификации. Но благодаря старшим офицерам, их широкой популярности у любителей тематики Русской императорской армии, наличию подробных биографий удалось очертить период съемки. Речь идет о трости и ордене Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом у Е. Г. Булюбаша, званий В. А. Пржецлавского и Б. В. Юнгера и их сроков награждений орденами Св. Владимира 4-й степени.

Изучение гидрометеорологических наблюдений г. Петроград предоставило повод еще точнее определить период съемки¹¹ и повлияло на точность определения даты окончания училища, что позволило окончательно установить, что на снимке изображены юнкера 5-й роты десятого ускоренного выпуска военного времени ПВУ, произведенные в чин прапорщика ВП от 1 июня 1916 г.

Список самой 5-й роты составлен на основе ее итоговой успеваемости (табл. 1¹²), он информирует нас, что на момент съемки рота состояла из 54 человек, 2 из которых не прошли испытания итоговой аттестации. По успеваемости среди других ротных подразделений училища рота занимала не слишком высокое место, персональная успеваемость каждого юнкера представлена в таблице 1 в алфавитном порядке.

По старинной традиции поблизости от офицеров (в первом и частично во втором ряду) помещаются ротный фельдфебель, а также младшие и старшие

портупей-юнкера. Одна из особенностей ускоренного курса военного времени состояла в том, что никаких преимуществ при выпуске им не полагалось – на них лишь возлагалось «исполнение обязанностей должностных нижних чинов в ротах». Тем не менее на унтер-офицерские должности, как и в мирное время, должны были назначаться лучшие «по строю» юнкера, так что их почетное место на снимке вполне обосновано.

Ротного фельдфебеля легко опознать по холодному оружию – ему, единственному из всех юнкеров роты, полагалась солдатская драгунская шашка на портупее белой юфти. Ношение на шашках офицерских темляков (или во всяком случае надевание их для фотографирования), если судить по фотографиям, было распространено у юнкеров еще в 1890-е гг.

В идентификации персонажа помогла внешность – характерный прищур глаз, тонкие губы и ямочка на подбородке. Должность фельдфебеля в этой роте занимал Константин Борисович Езовитов (рис. 5) – довольно известная личность в отечественной истории XX в.¹³

Уроженец Двинска, родившийся 5 мая 1893 г., окончил учительский институт в Витебске. Нижний чин Русской императорской армии с 1 февраля 1916 г. После прохождения ускоренного курса ПВУ был оставлен при нем в качестве прикомандированного офицера. В подпоручики он был произведен ВП от 8 февраля 1917 г. По некоторым данным, позже получил назначение в 151-й пехотный Пятигорский полк, где служил, в частности, на должности полкового адъютанта. Службу в старой армии К. Б. Езовитов окончил, предположительно, поручиком. Как гласит официальная биография, «проводил активную просветительскую и организационную работу среди солдат-белорусов Северного фронта. Был выбран заместителем председателя Центрального Белорусского армейского совета», т. е. внес посильный вклад в развал некогда единой армии. Правда, по воспоминаниям современников, попытки «белорусизации» воинских частей успеха не имели. «Несознательные» солдаты из крестьян северо-западных губерний бывшей Империи выступали если не за нахождение в составе России, то хотя бы за совместную с нею войну против германцев [Глазков, Свеколкин 2020].

¹⁰ Там же.

¹¹ Архив погоды по городам СНГ (19 и 20 века). Санкт-Петербург, май, 1916. URL: http://thermo.karelia.ru/weather/w_history.php?town=spb&month=5&year=1916 (дата обращения: 05.08.2018).

¹² РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 93. С. 117–122.

¹³ Константин Езовитов. *Люди: биографии, истории, факты, фотографии*. URL: https://www.peoples.ru/military/general/konstantin_ezovitov/; Деятели белорусского национального возрождения и государственного строительства в 1918–1920-х годах. *Архивы Беларуси*. URL: <https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/istoricheskie-sobytiya/arhivnye-dokumenty-i-materialy-4/arhivnye-dokumenty-i-materialy/deyateli-belorusskogo-naczionalnogo-vozhrozhdeniya-i-gosudarstvennogo-stroitelstva-v-1918-1920-h-godah/ezovitov-konstantin>; Belarus Halk Cumhuriyeti. *Типустицеский Кобрун*. URL: <https://ikobrin.ru/tr/bnr.php> (дата обращения: 25.04.2021).

Табл. 1. Итоговая успеваемость 5-й роты
Tab. 1. Exam results of the 5th squad cadets

Фамилия и имя, воинское звание	Порядковый номер по успеваемости на курсе	Сведения о полученном образовании	Учебные предметы							Средний балл по учебным предметам (а)	В служебной подготовке				Средний балл по учебным предметам и отделам служебной подготовки (в)	Разряд по поведению
			Тактика с практическими занятиями	Топография с практическими занятиями	Артиллерия	Пулеметное дело	Фортификация	Военная администрация	Военная гигиена		Теоретический отдел	Практический отдел	Стрелковое дело	Средний балл по учебным предметам (б)		
Александров Николай юнкер	306	Учит. сем.	7	10	8	10	9	6	6	8,00	11	10	10	10	8,70	1
Баклунов Константин юнкер	340	Св. Р. уч.	8	10	8	8	9	8	7	8,29	9	10	8	9	8,50	1
Бардиер Венеамин старший портупей-юнкер	181	Св. Р. уч.	8	9	9	10	8	7	10	8,71	10	12	10	11	9,30	1
Болдырев Анатолий юнкер	434	Св. Р. уч.	7	8	6	8	7	7	10	7,57	9	9	9	9	8,00	1
Ваккер Гуго-Юлиус юнкер	494	Ат. зрел.	6	6	6	9	8	6	8	7,00	7	7	7	7	7,00	1
Варнек Константин юнкер	382	Ат. Р. уч.	8	8	7	9	9	8	6	7,86	10	10	8	9	8,30	1
Давыдов Борис юнкер	435	Петр. ун.	7	9	6	8	6	8	8	7,43	10	10	8	9	8,00	1
Дерюгин Николай юнкер	493	Ат. зрел.	6	7	6	7	7	9	7	7,00	7	8	7	7	7,00	1
Евграфов Николай портупей-юнкер	52	Учит. ин.	9	9	9	12	8	11	11	9,86	10	10	12	11	10,10	1
Евдокимов Николай юнкер	485	Ат. Р. уч.	8	7	7	7	6	8	6	7,00	8	10	7	8	7,40	1
Езовитов Константин фельдфебель	18	Учит. ин.	11	11	8	10	12	10	10	10,29	9	12	12	11	10,50	1
Елисеев Владимир юнкер	258	Петр. ун.	8	8	8	7	10	10	11	8,86	9	9	9	9	8,90	1
Есин Николай портупей-юнкер	66	Земл. уч.	9	10	11	11	10	10	8	9,86	9	11	11	10	10,00	1
Иванов Николай юнкер	130	Св. Р. уч.	9	9	10	10	12	8	10	9,71	8	8	11	9	9,50	1

Фамилия и имя, воинское звание	Порядковый номер по успеваемости на курсе	Сведения о полученном образовании	Учебные предметы							Средний балл по учебным предметам (а)	В служебной подготовке				Средний балл по учебным предметам и отделам служебной подготовки (в)	Разряд по поведению
			Тактика с практическими занятиями	Топография с практическими занятиями	Артиллерия	Пулеметное дело	Фортификация	Военная администрация	Военная гигиена		Теоретический отдел	Практический отдел	Стрелковое дело	Средний балл по учебным предметам (б)		
Ильс Рихард-Фома-Александр юнкер	437	Ком. уч.	8	7	7	7	10	7	10	8,00	8	8	7	8	7,90	1
Карум Николай портупей-юнкер	140	Ат. Р. уч.	10	8	9	10	10	8	10	9,29	9	11	10	10	9,50	1
Кейль Андреас портупей-юнкер	103	Поли-техн. ин.	9	9	10	10	11	8	10	9,57	10	9	11	10	9,70	1
Колтыпин Николай юнкер	315	Св. Р. уч.	8	9	9	8	10	6	10	8,57	9	9	8	9	8,60	1
Конради Мориц-Александр старший портупей-юнкер	111	Св. Р. уч.	9	8	8	10	11	10	8	9,14	12	12	9	11	9,70	1
Кривошея Николай юнкер	355	Ат. зрел.	8	9	8	9	9	6	8	8,14	10	8	9	9	8,40	1
Лагутенко Александр портупей-юнкер	59	Ат. зрел.	10	10	11	12	10	6	11	10,00	10	10	10	10	10,00	1
Лебедев Герман портупей-юнкер	217	Ат. зрел.	8	8	8	11	9	8	9	8,71	10	10	10	10	9,10	1
Легкий Александр портупей-юнкер	51	Св. Р. уч.	9	10	11	11	11	8	9	9,86	10	11	11	11	10,10	1
Лепилкин Иван юнкер	447	Учит. сем.	7	7	7	8	9	6	7	7,29	10	9	9	9	7,90	1
Мальцев Иван юнкер	480	Дух. сем.	7	6	7	7	7	7	8	7,00	9	8	9	9	7,50	1
Машезерский Павел юнкер	458	Юр. лиц.	7	7	6	8	6	8	7	7,00	10	10	9	10	7,80	1
Мильк Борис юнкер	86	Ат. Ком. уч.	9	8	11	12	10	7	12	9,86	10	9	10	10	9,80	1
Михельсон Леонид юнкер	114	Поли-техн. ин	9	10	10	9	9	11	12	10,00	9	8	9	9	9,60	1

Фамилия и имя, воинское звание	Порядковый номер по успеваемости на курсе	Сведения о полученном образовании	Учебные предметы							Средний балл по учебным предметам (а)	В служебной подготовке				Средний балл по учебным предметам и отделам служебной подготовки (в)	Разряд по поведению
			Тактика с практическими занятиями	Топография с практическими занятиями	Артиллерия	Пулеметное дело	Фортификация	Военная администрация	Военная гигиена		Теоретический отдел	Практический отдел	Стрелковое дело	Средний балл по учебным предметам (б)		
Мольтрехт Госвин юнкер	150	Р. уч.	8	9	10	10	9	9	11	9,43	10	9	9	9	9,40	1
Нерия Адо юнкер	426	Ат. Р. уч.	7	9	7	10	7	7	8	7,86	9	8	8	8	8,00	1
Новиков Николай юнкер	397	7 кл. Гим.	9	7	6	10	10	6	7	7,86	10	10	7	9	8,20	1
Острат Йох(г)анн юнкер	264	Св. зрел.	8	8	9	10	11	6	7	8,43	10	9	11	10	8,90	1
Педак Ганс юнкер	219	7 кл. Гим.	9	8	9	11	8	8	6	8,43	11	10	11	11	9,10	1
Петров Алексей юнкер	203	Св. Р. уч.	7	10	8	9	10	10	12	9,43	10	8	7	8	9,10	1
Рубинов Николай юнкер	412	Св. Р. уч.	8	7	8	7	9	7	10	8,00	8	9	8	8	8,10	1
Салун Иван портупей-юнкер	24	Техн. ин.	10	11	10	10	11	11	10	10,43	10	10	11	10	10,40	1
Смирнов Владимир юнкер	319	Ат. зрел.	8	9	8	9	7	10	8	8,43	9	9	9	9	8,60	1
Соболев Борис юнкер	479	Ат. зрел.	8	8	6	7	6	7	7	7,00	8	9	9	9	7,50	1
Соколов Николай юнкер	491	Св. Р. уч.	6	8	6	7	8	6	8	7,00	7	9	7	8	7,20	1
Стариков Василий юнкер	290	Ат. зрел.	9	9	9	8	9	7	10	8,71	9	9	8	9	8,70	1
Стефанов Дмитрий юнкер	430	Петр. ун.	7	8	7	6	9	8	9	7,71	8	10	8	9	8,00	1
Стрелов Иван портупей-юнкер	70	Ат. зрел.	9	10	10	12	10	11	10	10,29	8	9	10	9	9,90	1
Судраб Антон юнкер	204	Земл. уч.	10	10	8	7	10	10	10	9,29	8	9	9	9	9,10	1
Суханов Александр портупей-юнкер	95	Св. Р. уч.	8	9	11	12	10	8	11	9,86	8	10	10	9	9,70	1

Фамилия и имя, воинское звание	Порядковый номер по успеваемости на курсе	Сведения о полученном образовании	Учебные предметы							Средний балл по учебным предметам (а)	В служебной подготовке				Средний балл по учебным предметам и отделам служебной подготовки (в)	Разряд по поведению
			Тактика с практическими занятиями	Топография с практическими занятиями	Артиллерия	Пулеметное дело	Фортификация	Военная администрация	Военная гигиена		Теоретический отдел	Практический отдел	Стрелковое дело	Средний балл по учебным предметам (б)		
Талквист Петр портупей-юнкер	25	Петр. ун.	10	11	10	10	11	10	11	10,43	9	11	11	10	10,40	1
Тигерстедт Густав-Борис-Николай юнкер	490	7 кл. Гим.	8	7	7	7	7	6	7	7,00	7	7	8	9	7,20	1
Хрол-Фролович Михаил юнкер	345	Св. Р. уч.	8	9	8	11	8	8	9	8,71	8	7	8	8	8,40	1
Шапаренко Дмитрий старший портупей-юнкер	60	Техн. ун.	10	10	9	11	10	11	9	10,00	11	8	11	10	10,00	1
Шевелев Павел старший портупей-юнкер	125	Ат. зрел.	10	9	6	10	11	10	8	9,14	11	11	10	11	9,60	1
Шеф Кондрат юнкер	56	Ат. Р. уч.	10	11	11	11	9	9	11	10,29	9	8	11	9	10,00	1
II-й разряд																
Маннов Николай юнкер	496	Ат. Р. уч.	6	7	6	6	6	6	6	6,14	11	9	9	10	7,20	1
Мюльбергер Август юнкер	495	Ат. Р. уч.	6	7	6	7	6	5	6	6,14	11	9	9	10	7,20	1
Не аттестованы																
Геррак Карл юнкер	503	6 кл. Гим.	6	–	–	7	6	5	8	–	–	–	–	–	–	1
Краснопевков Николай юнкер	504	2 кл. Дух. сем.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1

Прим.: Ат. – аттестат; Ат. зрел. – аттестат зрелости; Гим. – гимназия; Дух. сем. – духовная семинария; Земл. уч. – сельскохозяйственное училище; Ком. уч. – коммерческое училище; Петр. ун. – Петроградский университет; Политехн. ин. – Политехнический институт; Р. уч. – реальное училище; Св. – свидетельство; Техн. ин. – Технический институт; Техн. ун. – Технический университет; Учит. ин. – учительский институт; Учит. сем. – учительская семинария; Юр. лиц. – юридический лицей.

1916

1917¹⁴25 декабря 1919 г.¹⁵Рис. 5. Портреты К. Б. Езовитова
Fig. 5. Konstantin B. Yezovtov

С 25 марта 1918 г. К. Б. Езовитов непосредственно участвовал в провозглашении независимости Белорусской народной республики (БНР) и даже входил в состав ее Рады, занимая должность народного секретаря по армейским делам. Данное государственное образование на оккупированной германцами территории, однако, существовало сугубо номинально. В декабре 1918 г. при приближении к Минску частей Красной Армии правительство БНР переехало в Вильну (совр. г. Вильнюс, Литва). Под контролем министра Краевой обороны Литвы в Гродно формировался «белорусский» полк, которым командовал К. Б. Езовитов, численностью около 30 офицеров и 200 солдат [Ковкель, Ярмусик 2000]. С 1921 г. К. Б. Езовитов жил в Латвии, где успел несколько раз побывать под арестом и даже под судом по обвинению в якобы заговоре с целью присоединения Латгалии к Белоруссии. Вероятно, опыт работы с германской военной администрацией пригодился в годы Второй мировой войны, когда он стал членом Белорусской центральной рады. Последняя была провозглашена в Минске в декабре 1943 г. и выполняла при оккупантах полицейско-пропагандистские функции. В 1944 г. Езовитов переехал в Германию, в апреле 1945 г. был арестован контрразведкой СМЕРШ; по общепринятой версии умер в минской тюрьме 23 мая 1946 г.¹⁶

Личность сидящего крайним слева в первом ряду старшего портупей-юнкера хорошо знакома специалистам – Морис Морисович Конради (рис. 6). Сведения о ранних годах жизни потомка выходцев из Швейцарии (в 1916 г. ему исполнилось двадцать два года), кочующие из издания в издание, представляются нам неполными и противоречивыми. Нижний чин Русской императорской армии с 1 февраля 1916 г., можно с уверенностью утверждать, что 1 июня 1916 г. он окончил ПВУ (в ВП о производстве

в прапорщики с зачислением по армейской пехоте его имя указано как Мориц-Александр).

Так же как и К. Б. Езовитов, в день выпуска был прикомандирован к училищу «в помощь младшим офицерам на время войны». В подпоручики произведен тем же приказом, что и К. Б. Езовитов. Впоследствии служил на Румынском фронте, весной 1918 г. в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев участвовал в легендарном переходе из Ясс на Дон, позже – в Дроздовской дивизии. Стал одним из двух офицеров, чьи фамилии увековечены в песне дроздовцев «О Боже Правый, изнывает...». Воевал с большевиками вплоть до эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. После пребывания в Галлиполи поселился в Швейцарии, гражданство которой, по некоторым данным, имел еще до Первой мировой войны.

В ресторане отеля «Сесиль» (г. Лозанна, Швейцария) 10 мая 1923 г. М. М. Конради застрелил советского полпреда в Италии В. В. Воровского, прибывшего на Лозаннскую конференцию, и ранил двух его помощников, после чего отдал оружие метрдотелю со словами «Я сделал доброе дело...» и спокойно дождался приезда полиции. Надо отметить, что у Морица-Александра имелись сугубо личные мотивы ненавидеть советскую власть: его отец, дядя, тетя и брат стали жертвами, погибнув во время «красного террора».

Судебный процесс, проходивший в ноябре 1923 г., защищавшим интересы М. М. Конради адвокатам удалось превратить в масштабное антибольшевистское действо, где было опрошено несколько десятков свидетелей. В результате убийца и его сообщник А. П. Полунин были оправданы присяжными, девятью голосами против пяти. Одним из результатов процесса стал разрыв дипломатических отношений между СССР

¹⁴ Константин Езовитов...¹⁵ Деятели белорусского национального возрождения...¹⁶ Belarus Halk Cumhuriyeti...

и Швейцарией, восстановленных лишь в 1946 г. Сведения о последующей биографии М. М. Конради не менее таинственны, чем о ранних годах жизни. Опасаясь мести СССР, он старался не афишировать свое местоположение. Умер М. М. Конради 7 февраля 1947 г. в г. Кур (Швейцария).

Удалось идентифицировать личность сидящего крайним справа в первом ряду старшего портупей-юнкера со знаком Лейб-гвардии Измайловского полка. Это Павел Павлович Шевелев (25 мая 1889 г. р.)¹⁷. Внешность на рисунке 7 совпадает полностью, вплоть до взгляда и поворота головы.

Уроженец г. Москва, из потомственных почетных граждан, сын купца 2-й гильдии Павла Андреевича

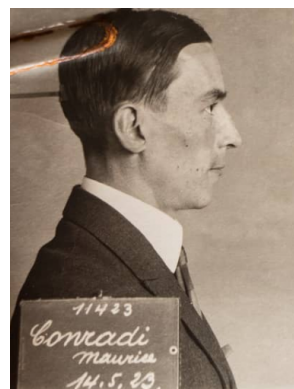
и его жены Надежды Ивановны. Крещен 27 марта 1889 г., крестными выступили: сын купца Московской 1-й гильдии Иван Сергеевич Мусорин и жена потомственного почетного гражданина Александра Алексеевича Рузанова Любовь Ивановна¹⁸.

С 16 августа 1899 г. по 1 июня 1908 г. обучался в Санкт-Петербургской 1-й гимназии, с июня 1908 г. по осень 1910 г. – студент юридического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета, уволен в марте 1911 г. В январе 1909 г. вступил в права наследования. 25 ноября 1910 г. женился на Надежде Васильевне (ур. Михайлова). 30 января 1914 г. поступает на службу в канцелярию Санкт-Петербургского губернатора.

1916

Рис. 6. Портреты М. М. Конради
Fig. 6. Moris M. Konradi

1921¹⁹май 1923 г.²⁰1906–1908 гг.²¹

1916

1930-е гг.²²

Рис. 7. Портреты П. П. Шевелева
Fig. 7. Pavel P. Shevelev

¹⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 3950.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Конради Морис-Александр Морисович. *Дроздовцы*. URL: https://drozd.beloedelo.com/card_index/person?1823 (дата обращения: 15.05.2021).

²⁰ Там же.

²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 3950.

²² Там же.

Данных о его службе в русской армии по окончании ПВУ пока не обнаружено, но известно, что в подпоручики он произведен ВП 8 февраля 1917 г. В октябре 1918 г. вернулся из германского плена, 27 ноября 1918 г. подал заявление на восстановление на юридический факультет Петроградского университета. По состоянию на 9 мая 1919 г. проживал по адресу: г. Петроград, 4-я Рождественская д.25, кв. 20. Дальнейшая судьба неизвестна.

Во втором ряду справа вторым стоит Петр Николаевич Талквист (30 сентября 1898 г. р.) (рис. 8). Уроженец Новгородской губернии, дворянин, сын Николая Петровича и Елизаветы Лаврентьевны (ур. Ефимьева) (ум. 19 ноября 1898 г.)²³. Из-за ранней смерти родителей находился под опекой сестры²⁴.

С 7 января 1899 г. по 24 мая 1909 г. обучался в столице Российской империи в Ларинской гимназии. Затем 14 июня 1909 г. зачислен на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского императорского университета. В период с 14 июня 1909 г. по 15 мая 1915 г. проживал на Васильевском острове по адресу: В. О., 14-я линия, д. 33 (часто меняя квартиры). В Новгородской губернии проживал по адресу: пристань Самино, усадьба Поречье, Тарантаевская волость Тихвинского уезда²⁵.

Указанное имение принадлежало семье матери не один десяток лет. Еще в 1804 г. поручик Лаврентий

Николаевич Ефимьев (будущий дед Петра Николаевича) выкупил родовое имение Ефимьевых с усадьбой Поречье у прапорщицы Пушиной Домны Афанасьевны за 2000 рублей. Кроме господского хоромного строения в состав имения вошли пустоши Бараново, Брашно, Рычково, в Речках, в Младне и Рофино (последнее известно по писцовой книге 1564 г.). Усадьба, согласно описи, имела господский деревянный дом с мезонином в восемь комнат с кухней, флигель с мезонином в четыре комнаты и кухней, две конюшни, два сарая, два амбара, гумно с ригую, погреб и пелевню (сарай для соломы)²⁷.

Участник Первой мировой войны, ВП от 8 февраля 1917 г. присвоен чин подпоручика. Уже проходя службу в Лейб-гвардии 1-м стрелковом полку Приказом по армии и флоту от 23 сентября 1917 г. произведен в поручики. В Гражданскую войну участвовал на стороне большевиков.

В годы национализации крупной собственности у частных лиц в Советской России о П. Н. Талквисте как владельце имения Поречье сказано следующее: «При ходатайстве о возвращении имения гр[ажданин] Талквист представил копии следующих документов:

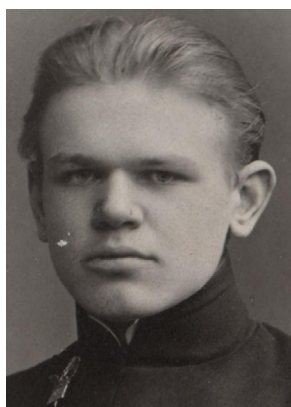
1) приказ по штабу войск Каррайона № 62/а от 3 марта 1922 года, в котором отмечена выдающаяся его работа как помощника нач[альника] оперативного отдела в деле ликвидации Карельского фронта (Имеются в виду боевые действия в Карелии в 1921–1922 годах)²⁸,

2) приказ командующего армией Карельского района от 9 марта 1922 года за № 369 о награждении Талквиста за самоотверженную работу, мужество, доблесть, героизм в борьбе с бандитизмом в Карелии и отличия, оказанные в делах против неприятеля, часами металлическими № 1250910 от имени Петроградского совета раб[очих], кр[естьянских] и кр[асноармейских] депутатов];

3) выписку из учетно-воинского билета № 748/3 о прохождении им службы в русско-германскую войну и в Красной Армии и

4) выписку из послужного списка, из которой видны его революционные заслуги. В настоящее время Талквист состоит на учете комсостава»²⁹.

Но на Устюженскую уездную комиссию по выселению помещиков революционные заслуги П. Н. Талквиста

1908–1909 гг.²⁶

1916

Рис. 8. Портреты П. Н. Талквиста
Fig. 8. Pyotr N. Talquist

²³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53788.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 281.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53788.

²⁶ Там же.

²⁷ Тарантаевская волость. URL: <https://rabslovo.ru/?module=articles&action=view&id=1281> (дата обращения: 25.05.2021).

²⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энцикл., гл. ред. С. С. Хромов. М.: Сов. Энцикл., 1987. С. 257.

²⁹ Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2211. Оп. 1. Д. 290. Л. 12, 30.

не произвели ровно никакого впечатления, и заключение ее в 1924 г. было таково: «Принимая во внимание, что быв[ший] владелец Талквист – дворянин, земли до революции имел 1136,3 дес[ятины], которую эксплуатировал наемным трудом и путем сдачи в аренду, что особых заслуг, как активный борец, перед Революцией не имеет, что из представленных документов усматривается служба Талквиста преимущественно в тыловых частях войск [...] – выселить». Данных о его дальнейшей судьбе нами не обнаружено.

Третьим слева по счету в третьем ряду, на авторский взгляд, запечатлен Владимир Сергеевич Елисеев (рис. 9). Родился 4 мая 1891 г. в семье присяжного поверенного Сергея Петровича и его супруги Александры Ивановны (ур. Игнатова). В период с 22 августа 1901 г. по 4 июня 1909 г. обучался в 1-й Санкт-Петербургской гимназии, 23 июля 1909 г. поступает на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета³⁰. В подпоручики он произведен ВП от 8 февраля 1917 г. вместе с К. Б. Езовитовым, М. М. Конради и П. Н. Талквистом. Сведений о его дальнейшей судьбе нами не обнаружено.

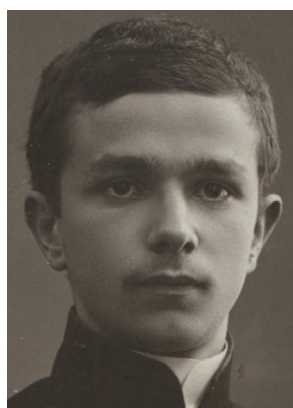
Седьмым слева в третьем ряду стоит Ганс Педак (Ants (Hans) Pedak (Peddak)) (рис. 10). О нем известно следующее. Родился 12 (24) сентября 1893 г. в муниципалитете Вана-Суислепа в Вильяндимаа, родом

из крестьян Лифляндской губернии, лютеранин. Окончил гимназию Треффнера в г. Юрьев (совр. г. Тарту, Эстония). Службу начал 22 сентября 1915 г. в запасном батальоне Лейб-гвардии Кексгольмского полка³².

Проходя службу в 291-м пехотном Трубчевском полку, Приказом по армии и флоту от 24 апреля 1917 г. произведен в подпоручики. Кроме участия в Первой мировой войне, отличился в войне за независимость Эстонии, в мае 1919 г. занимал должность начальника Чудского батальона береговой охраны. 30 мая 1919 г. женился на крестьянке Черновской волости 25-летней Вере Николаевне (ур. Красильниковой)³³.

Сразу справа от Г. Педака, предположительно, стоит Нерия Адо.

Пятым справа в этом же ряду стоит Николай Леонидович Колтыпин (рис. 11), родившийся 23 апреля 1893 г. в г. Тверь в семье Леонида Николаевича и Анны Федоровны. Его крестной была жена Митавского градоначальника (неразборчиво). Окончив Новоторское реальное училище в 1910 г., он в 1911 г. поступил в Лесной институт³⁴, откуда 16 мая 1912 г. отчислен за неуспеваемость. Но уже через два месяца, 23 июля 1912 г., подает прошение на восстановление, чтобы снова быть уволенным за неуспеваемость 31 мая 1913 г.³⁵ Дальнейшая его судьба по окончании ПВУ неизвестна.

1907–1909 гг.³¹Рис. 9. Портреты В. С. Елисеева
Fig. 9. Vladimir S. Eliseev

1916

1916

Рис. 10. Портреты Ганса Педака
Fig. 10. Hans Pedak1930-е гг.³⁶

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 54391.

³¹ Там же.

³² Эстонский национальный архив. URL: https://www.ra.ee/dgs/browser.php?tid=31&iid=200704499315&lst=2&idx=55&img=eaa1956_001_0000032_00055_m.jpg&hash=2dd5a233bd45c9e41b38ae0217c19507 (дата обращения: 25.04.2021).

³³ Там же.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 5. Д. 1111.

³⁵ Там же.

³⁶ Эстонский национальный архив...

1909 г.³⁷

1916

1911–1913 гг.³⁸Рис. 11. Портреты
Н. Л. Колтыпина

Fig. 11. Nikolai L. Koltypin

Тоже справа, но вторым стоит, по нашему мнению, Андреас Андреасович Кейль (рис. 12), родившийся в семье лютеранских колонистов 15 марта 1888 г. в г. Саратов. Проживал в с. Яблоновка Степновской волости Новоузенского уезда Самарской губернии. Окончил Саратовскую 1-ю гимназию с золотой медалью 1 июня 1907 г.³⁹

С 7 августа 1907 г. поступил на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Но с 22 сентября 1907 г. обучался в Политехническом институте на механическом отделении. На 1907 г. проживал по адресу: Санкт-Петербург, В. О., 15-я линия, д. 20, кв. 9. 22 мая 1915 г. он получил диплом об окончании Политехнического института и был

утвержден в звании инженера-механика. Перед поступлением проходил службу вольноопределяющимся в 177-м пехотном запасном батальоне⁴¹. Информация о его дальнейшей судьбе после выпуска неизвестна.

Вторым слева в четвертом ряду стоит Дмитрий Евгеньевич Стефанов 16 февраля 1890 г. р. (рис. 13), сын православного священника из г. Воронеж, обучался на юридическом факультете Императорского Петроградского университета⁴².

Нижний чин с 2 января 1916 г., по окончании ПВУ продолжил службу в 137-м пехотном запасном полку, откуда 17 июля 1916 г. отправлен в распоряжение инспектора артиллерии Казанского военного округа. По данным, подпоручик 3-го Отдельного Артиллерийского дивизиона (с литерой «К»), с полностью совпадающими ФИО, умер от ран в госпитале Киевского дворянства 22 сентября 1917 г.

Отдельного упоминания заслуживает юнкер в очках, стоящий пятым слева в четвертом ряду. Это эстонец Иоганн Густавович Острат (Johan Ostrat), лютеранин, уроженец Юрьевского уезда. Нижний чин Русской императорской армии с 1 февраля 1916 г., окончил ПВУ за две недели до своего 22-летия (рис. 14). Служил в 131-м пехотном Тираспольском полку, куда переведен Приказом по армии и флоту от 21 апреля 1917 г., где спустя время командовал 6-й ротой. Оставил большой архив фотографий о своей службе в этом полку, Первую мировую войну закончил поручиком⁴³. Затем служил в эстонской армии, участвовал в войне за независимость.

1910–1915 гг.⁴⁰

1916

Рис. 12. Портреты А. А. Кейля
Fig. 12. Andreas A. Keil

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 5. Д. 1111.

³⁸ Там же.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 938; ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 25. Д. 542.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 938.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 25. Д. 542.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55966.

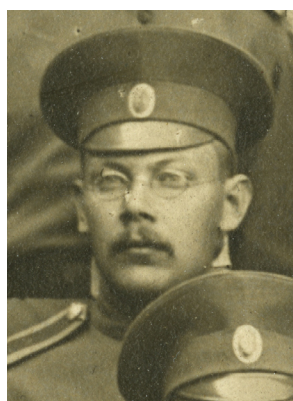
⁴³ Album Academicum Universitatis Tartuens 1918–1944. URL: <https://www.ra.ee/apps/andmed/index.php/matrikkel/view?id=755> (accessed 25 Aug 2021).

1910⁴⁴1913⁴⁵

1916

Рис. 13. Портреты
Д. Е. Стефанова

Fig. 13. Dmitriy E. Stefanov

1916

1917⁴⁶1922⁴⁷1974⁴⁸Рис. 14. Портреты И. Г. Острата
Fig. 14. Johan G. Ostrat

Изучал математику и архитектуру в Тартуском университете и Рижском политехническом институте. Служил архитектором в строительном департаменте эстонского военного министерства, затем инспектором в министерстве автомобильных дорог. Последний чин – подполковник (1938 г.). Продолжал работать архитектором и после 1940 г., автор многих жилых и промышленных зданий в Эстонии.

Интересен факт, что несмотря на офицерский чин Русской императорской армии, участие в Первой мировой войне и Советско-эстонской войне 1918–1920 гг., заграничные командировки и проживание на оккупиро-

ванной в годы Великой Отечественной войны территории, не подвергался репрессиям. Жил в Таллине, где и скончался 11 января 1979 г. на 85-м году жизни. Похоронен на Лесном кладбище⁴⁹.

Справа от Острата стоит Александр Палладиевич Лагутенко (рис. 15). Уроженец г. Кисловодск Терской области Российской империи, родившийся 10 марта 1896 г. в семье купца, происходившей из крестьян Курской губернии Судженского уезда с. Демидовка, Палладия Илларионовича и Анны Георгиевны, крещен 17 марта 1896 г. в Николаевской церкви г. Кисловодск. Крестными стали Ушаков Михаил Иоаннович, купец

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55966.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Album Academicum Universitatis Tartuenssis...

⁴⁷ Eesti Sõjamuuseum – Kindral Laidoneri Muuseum. Eesti Ohvitserid 1918–1940. URL: <http://prosopos.esm.ee/index.aspx?type=1> (accessed 25 Apr 2021).

⁴⁸ Album Academicum Universitatis Tartuenssis 1918–1944...

⁴⁹ Ibid.

1912–1914 гг.⁵⁰1915⁵¹

1916

Рис. 15. Портреты

А. П. Лагутенко

Fig. 15. Alexander P. Lagutenko

1-й гильдии г. Пятигорск, и Барановская Габриэль Георгиевна, жена надворного советника⁵².

В период с 22 августа 1905 г. по 7 июля 1914 г. обучался в Пятигорской гимназии, по окончании которой поступает в Варшавский Политехнический институт. Но в связи с начавшимся «Великим отступлением» Русской императорской армии в 1915 г. он 10 июля 1915 г. подал прошение о зачислении в Петроградский Императорский Политехнический институт на инженерно-строительное отделение, где обучался до поступления в ПВУ⁵³.

Нижний чин Русской императорской армии с 2 января 1916 г., по окончании ПВУ произведен в прапорщики. Службу продолжил в 113-м пехотном запасном полку, затем переведен во 2-й Кавказский железнодорожный батальон [Орехов 1978], других сведений об участии в Первой мировой войне нет.

В Гражданскую войну принимал активное участие на стороне белых в составе 1-го железнодорожного батальона Добровольческой армии, затем в Марковской железнодорожной роте. Воевал с большевиками вплоть до эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. После пребывания в Галлиполи эмигрировал в Бельгию, где более 50 лет служил в технической фирме бельгийского инженера Э. Н. Фричеро (широко известного в русских эмигрантских кругах). Умер 14 августа 1978 г. в Бельгии [Орехов 1978].

В этом же ряду, но шестым стоит участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн Борис Аполлосович Соболев (рис. 16). Родился 28 августа 1897 г., православный. Уроженец Ярославской губернии Российской империи Мышкинского уезда с. Рождественское. Нижний чин Русской императорской армии с 1 февраля 1916 г., по окончании ПВУ назначен в 13-ю роту 101-го пехотного запасного полка. На 27 июля 1916 г. в указанной роте находился под следствием (за опоздание явкой на службу)⁵⁴. Вместе с ним в ПВУ учился и его родной старший брат Георгий, но только в 1-й роте этого же выпуска⁵⁵. Интересно, что их предполагаемый брат Викторин (полное совпадение фамилии и отчества, места жительства) (на момент публикации факт родства не подтвержден) обучался в 1916 г. в Чугуевском военном училище.

Судьба развела родственников по разные стороны, Викторин оказался в белых войсках Северного фронта, а Борис поступил на службу в РККА 7 октября 1918 г. По окончании Гражданской войны Борис Аполлосович продолжил военную службу. В запас ушел в воинском звании полковника в 16 марта 1948 г. За годы службы награжден орденами: Ленина (21 февраля 1945 г.), дважды Боевого Красного Знамени (3 ноября 1944 г., 24 июня 1948 г.), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (9 мая 1945 г.)⁵⁶.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 3635.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Памяти героев Великой войны 1914–1918...

⁵⁵ Памяти героев Великой войны 1914–1918...; Доска мемориальная с именами выпускников Павловского военного училища 10-го ускоренного курса 1916 г. около 1916 г. Государственный исторический музей. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/5999328?query=павловское%20военное&index=10> (дата обращения: 10.02.2021).

⁵⁶ Память народа 1941–1945 гг. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 25.04.2021).

1916

1940-е гг.⁵⁷1950-е гг.⁵⁸Рис. 16. Портреты
Б. А. Соболева

Fig. 16. Boris A. Sobolev

По правую руку рядом с ним стоит Дерюгин Николай Александрович (13 апреля 1895 г. р.), уроженец г. Челябинск (рис. 17), сын мещанина г. Клин Александра Семеновича, торговавшего в Челябинске (умер в 1920 г.) и его супруги Елизаветы Федоровны. Крестными были Иван Ипполитович Баранов и клинская мещанка Агрипина Григорьевна Дерюгина⁵⁹.

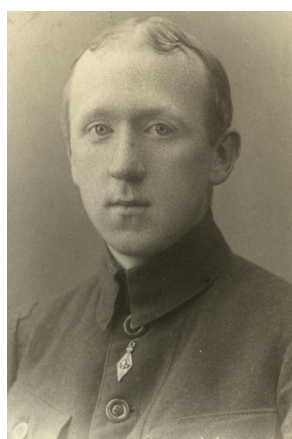
Крещен в Соборе Лейб-гвардии Измайловского полка. Нижний чин Русской императорской армии с 1 февраля 1916 г., после окончания ПВУ 3 июля 1916 г. отправился служить в 124-й пехотный запасной полк

на должность младшего офицера 2-й роты⁶¹. Но уже 3 сентября 1916 г. отправлен в Действующую армию в распоряжение генерала Суворова, где 18 сентября 1916 г. назначен младшим офицером 8-й роты 264-го пехотного запасного полка. Затем, 8 декабря 1916 г. отправлен в распоряжение дежурного генерала штаба Особой армии. С 14 декабря 1916 г. проходил службу в 9-й роте 11-го гренадерского Фанагорийского полка (официально в полк переведен Приказом по армии и флоту от 4 июня 1917 г.), откуда 17 февраля 1917 г. командирован в корпусную школу прапорщиков для прохождения «повторительного курса». По их окончании, 15 марта 1917 г. переведен в 22-й гренадерский Суворовский полк на должность младшего офицера 3-й роты, а 11 мая 1917 г. стал ее командиром. Чин подпоручика присвоен Приказом по армии и флоту от 5 июня 1917 г.⁶²

Приказом по войскам 11 армии от 26 сентября 1917 г. № 655 награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В связи с расформированием 22-го гренадерского Суворовского полка 18 октября 1917 г. вновь переведен в 11-й гренадерский Фанагорийский полк⁶³. 8 января 1918 г. убыл в г. Петроград по болезни с последующим увольнением. Женат на Марии Викторовне. В мае 1918 г. подавал заявление о восстановлении на юридический факультет Петроградского университета. Но вынужден был уволиться из университета 4 июля 1918 г. из-за мобилизации в ряды РККА. С командира роты дослужился до помощника начальника штаба бригады.

1916

1918⁶⁰Рис. 17. Портреты Н. А. Дерюгина
Fig. 17. Nikolai A. Deryugin⁵⁷ Там же.⁵⁸ Там же.⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-969. Оп. 3. Д. 123; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 1108.⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 1108.⁶¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ф. 146757.⁶² ЦГА СПб. Ф. Р-969. Оп. 3. Д. 123; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 1108.⁶³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ф. 146757.

Уволен из РККА по болезни, восстановился в университете 21 апреля 1921 г., на 8 марта 1934 г. женат уже на Татьяне Матвеевне (1898 г. р.). С 1934 г. состоял в профсоюзе Союзстеклофарфор, работал коммерческим корреспондентом Союза лабореактив. Проживал: Петроград, Красных Зорь д. 26/28, кв. 65⁶⁴. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Четвертым справа в предпоследнем ряду стоит Николай Михайлович Маннов (рис. 18), происходил из крестьян Алатырского уезда Симбирской губернии, родился 5 мая 1891 г. в с. Зимницы⁶⁵. С сентября 1910 по июнь 1911 г. обучался в Алатырском реальном училище, затем окончил Санкт-Петербургские сельскохозяйственные курсы. В 1915 г. работал в землеустроительной комиссии г. Вышний Волочек. Нижний чин Русской императорской армии с 1 февраля 1916 г.⁶⁶ Выпущенный из ПВУ по II-му разряду, т. е. унтер-офицером, проходя службу в 172-м пехотном запасном полку, был произведен в прапорщики ВП от 18 января 1917 г. со старшинством от 22 ноября 1916 г. Сведения о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

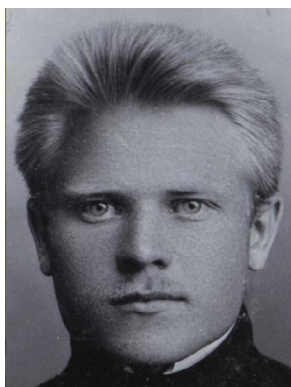
По характерной внешности и выражению лица удалось опознать стоящего первым слева в верхнем ряду Гуго-Юлиуса Яковлевича Ваккера (Hugo-Julius Wacker), родился 29 октября 1888 г. (рис. 19). Уроженец м. Кадасти, г. Нарва Везенбергского уезда Эстляндской губернии

Российской империи. Сын купца Якова и Эмили-Иоганны (ур. Лаге). Окончил детский приют принца П. Г. Ольденбургского⁶⁸.

Был женат на Елене-Марии Яковлевне (1 февраля 1896 г. р.), в девичестве Реммельгас. По окончании Советско-эстонской войны 1918–1920 гг. и заключения Тартуского (Юрьевского) мирного договора между РСФСР и Эстонией 4 мая 1920 г. он получил паспорт для выезда в Эстонию, где жили родные братья и сестры. На май 1920 г. проживал по адресу: Фонтанка, д. 17, кв. 6, прежнее – Мойка, д. 61, кв. 324 (Казанский район). 19 сентября 1920 г. эмигрировал в Эстонию, среди вывозимого имущества были фехтовальные принадлежности⁶⁹. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Помимо уже перечисленных выше юнкеров в таблице 2 приводятся сведения и о других представителях 5-й роты десятого ускоренного выпуска военного времени ПВУ, составленные на основе обнаруженных данных на специализированном электронном ресурсе⁷⁰.

Хотелось бы отметить типичную и весьма распространенную ситуацию, сложившуюся с Иванами Мальцевыми. Дело в том, что отсутствие дополнительной информации и полное совпадение фамилии и имени не позволяют однозначно идентифицировать, кто из них обучался в 5-й роте. Ситуация может быть разрешена только после нахождения их портретов.

1912–1915 гг.⁶⁷

1916

1916

1930-е гг.⁷¹

Рис. 18. Портреты Н. М. Маннова
Fig. 18. Nikolai M. Mannov

Рис. 19. Портреты Г.-Ю. Я. Ваккера
Fig. 19. Hugo-Julius Ya. Wacker

⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 1108.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 449. Оп. 1. Д. 1924.

⁶⁶ Памяти героев Великой войны 1914–1918...

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 449. Оп. 1. Д. 1924.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3993.

⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 47. Д. 282.

⁷⁰ Памяти героев Великой войны 1914–1918...

⁷¹ Эстонский национальный архив. URL: https://www.ra.ee/dgs/browser.php?tid=68&iid=110700722805&img=era0028_002_0020360_00115_t.jpg&tbn=1&pgn=6&prc=28&ctr=0&dgr=0&lst=2&hlx=466&hly=882&hlw=348&hlh=446&hash=0bf1e9c87c63f36f14214e1e644471d4 (дата обращения: 25.10.2021).

Табл. 2. Библиографические сведения на юнкеров 5-й роты

Tab. 2. Bibliographic information on 5th Squad Cadets

Ф.И.О.	Дата рождения, вероисповедание	Происхождение, место рождения	Род деятельности до обучения в ПВУ	Служба по выпуску
Баклунов Константин Иванович	18.02.1895 православный	Из крестьян Екатеринославской губ.	Курс 1-го Екатерино- славского реального училища	Нижний чин с 1 февраля 1916 г. 92-й пехотный ЗП
Евдокимов Николай Александрович	01.01.1897 православный	Сын титулярного советника Петроградской губ.	Курс Петроградского городского 3-го реального училища	Нижний чин с 1 февраля 1916 г. 186-й пехотный ЗП
Есин Николай Иванович	08.05.1886 православный	Из мещан, ур. Енисейской губ.	Курс Красноярского землемерного училища	Нижний чин с 10 ноября 1915 г. 30-й Сибирский стрелковый ЗП
Иванов Николай Николаевич	24.12.1894 православный	Из мещан Костромской губ.	Курс Александровского Тюменского реального училища	Нижний чин с 1 февраля 1916 г. 135-й пехотный ЗП, с 21 сентября 1916 г. – в управлении запасных ГЧ
Кривошея Николай Георгиевич	27.01.1896 православный	Сын коллежского советника, ур. Енисейской губ.	Курс Красноярской губернской гимназии	Нижний чин с 1 февраля 1916 г. 127-й пехотный ЗП
Мальцев Иван Викторович	30.01.1893 православный	Сын священника, ур. Новгородской губ.	Курс Новгородской духовной семинарии	Нижний чин с 1 февраля 1916 г. 133-й пехотный ЗП
Мальцев Иван Петрович	08.06.1896 православный	Из крестьян Екатеринославской губ.	Курс Екатерининско- Александровской Луганской мужской гимназии	Нижний чин с 1 февраля 1916 г., 24 сентября 1916 г. прибыл из 58-го пехотного ЗП в 41-й пехотный ЗП
Машезерский Павел Иванович	02.06.1888 православный	Из потомственных почетных граждан ур. Олонецкой губ.	Курс Демидовский юридический лицей	Нижний чин с 1 февраля 1916 г. 133-й пехотный ЗП, с 24 декабря 1916 г. переве- ден в 2-й пулеметный ЗП
Тигерстедт* Николай Николаевич	05.12.1897 нет данных	Сын коллежского ассессора	Курс Санкт-Петербургской гимназии Г. Г. Ягдфельда	нет данных
Шапаренко Дмитрий Данилович	20.10.1894 православный	Из крестьян, ур. Виленской губ.	Курс Виленского химико- технического училища	Нижний чин с 11 июля 1915 г. 62-й пехотный ЗП

Прим.: * Возможно, речь о сыне Северина Тигерстедта (1882–1954), известного специалиста в области челюстно-лицевой хирургии [Столяренко 2017]; ур. – уроженец; губ. – губерния; ЗП – запасной полк; ГЧ – гвардейских частей.

Заключение

Уникальность и типичность данной фотографии заключается в том, что на ней вместе изображены сегодняшние единомышленники, а через год – уже идейные противники, если не хуже – враги. Приверженцы монархических взглядов, участники национально-освободительных движений и последователи идей В. И. Ленина массово запечатлены все вместе. Снимок наглядно отображает предстоящий раскол общества Российской империи, подтверждая тезис, что большинство жителей страны не планировали своего участия ни в каких мероприятиях по смене государственного строя.

Особо стоит подчеркнуть, что несмотря на законное право ношения знаков об окончании гражданских высших учебных заведений, никто из юнкеров на данной фотографии им не воспользовался, и ни у кого они не одеты. К сожалению, на текущий момент говорить о выполнении точной идентификации оставшихся юнкеров не приходится, потому как портретное сходство далеко не всегда позволяет сделать однозначные выводы.

Цель исследования достигнута частично. Для дальнейшего поиска нужно проанализировать еще больший объем архивных данных, проведя тщательную выборку по материалам. Речь в первую очередь идет о фондах Российского государственного военно-исторического архива. Еще одним из возможных направлений продолжения исследований видится работа по изучению архивных фондов эмигрантских организаций, хранящихся в том числе за границей⁷² [Ле Гофф 2015; Марковчин 2016; Сабенникова, Гентшке 2017; Сабенникова и др. 2015].

В результате проведенных изысканий были получены следующие результаты:

- 1) идентифицированы 17 персон, изображенных на объекте исследования;
- 2) подтверждена гипотеза присутствия большого числа студентов среди юнкеров Павловского военного училища в годы Первой мировой войны;
- 3) актуализирована значимость забытого источника информации, такого как «Студенческое дело»;
- 4) собраны биографические данные на большое число представителей десятого ускоренного выпуска военного времени Павловского военного училища.

Для большей наглядности и обоснованности выводов о точности определения юнкеров 5-й роты Павловского военного училища в статье приведены разновременные индивидуальные портреты юнкеров десятого ускоренного выпуска военного времени Павловского военного училища. Собранный материал показывает, что до начала Первой мировой войны большая часть юнкеров военного времени не готовила себя к военной службе и осваивала сугубо мирные профессии.

Огромную роль в достижении положительного результата сыграло наличие в биографиях исследуемых лиц факта пребывания в стенах высших учебных заведений Российской империи. Сведения об этом удалось найти в фондах отечественных архивов, хранящих студенческие дела, в которых, помимо данных о рождении и церковных таинствах, приводятся сведения о месте предыдущего обучения, успеваемости, адресах проживания, фотокарточки с портретами. В некоторых приложены послужные списки отцов, где указывалась и информация о составе семьи.

Надеемся, что ознакомившись с данной статьей, читатели увидят знакомые фамилии и смогут помочь определить личности неизвестных, предоставив дополнительные сведения. Хотелось бы верить, что после публикации данного материала удастся разыскать потомков изображенных юнкеров, в результате чего появится надежда на предоставление эталонных портретов для продолжения работ по идентификации, что позволит установить судьбу их предков. А может быть, общественность увидит ранее неизвестные групповые фотографии юнкеров Павловского военного училища, сохранившиеся до нашего времени.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Посвящается памяти Сергея Львовича Рагозы.

Acknowledgments: The author dedicated the article to the memory of Sergei Lvovich Ragoza.

⁷² Путеводитель по русскому отделу Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе, сост. З. С. Бочарова, Е. И. Белова, Е. Е. Седов. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция»; Северная звезда, 2012. 119 с.

Литература / References

- Белоусов С. В. Уникальная фотография 6-го пехотного Либавского полка в собрании Пензенского государственного краеведческого музея: вопросы атрибуции. *Центр и периферия*. 2022. № 1. С. 54–59. [Belousov S. V. A unique photo of the 6th Libau Infantry Regiment in the collection of the Penza State Museum of Local Lore: Attribution issues. *Center and Periphery*, 2022, (1): 54–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnrtz>
- Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-пресс, 2002а. 671 с. [Volkov S. V. *White Movement. Encyclopedia of the Civil War*. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-press, 2002a, 671. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvlpwc>
- Волков С. В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002б. 562 с. [Volkov S. V. *Officers of the Russian Guard. The experience of a martyrologist*. Moscow: Russkii put, 2002b, 562. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yutssn>
- Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрополиграф, 2001. 509 с. [Volkov S. V. *Tragedy of Russian officers*. Moscow: Tsentropoligraf, 2001, 509. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkerjd>
- Ганин А. В. Все ещё живы... На удивительном снимке лейб-гвардии Кексгольмского полка «Родина» идентифицировала девятых офицеров. *Родина*. 2018. № 11. С. 4–8. [Ganin A. V. Back when everyone was alive... The Rodina Journal identified nine officers in an amazing picture of the Life Guards of the Kexholm regiment. *Rodina*, 2018, (11): 4–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hpeivc>
- Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим, 2020. 800 с. [Ganin A. V. *Treason of the commanders. Supreme commanders of the Red Army who defected to the enemy during the Russian Civil War of 1917–1922*. Moscow: Piatyi Rim, 2020, 800. (In Russ.)]
- Ганин А. В. Победители. *Родина*. 2022а. № 10. С. 20–23. [Ganin A. V. Winners. *Rodina*, 2022a, (10): 20–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/blxkdg>
- Ганин А. В. Победители. Все еще живы. *Родина*. 2022б. № 12. С. 12–13. [Ganin A. V. Winners. Still alive. *Rodina*, 2022b, (12): 12–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjodsi>
- Глазков В., Кренев Ф. Офицеры из «зазеркалья». *Старый цейхгауз*. 2017. № 2-3. С. 110–121. [Glazkov V., Krenov F. Officers from behind the looking glass. *Staryi tseikhgauz*, 2017, (2-3): 110–121. (In Russ.)]
- Глазков В., Свеколкин Н. «Общее наше высокое звание воина...»: два фото выпускников Павловского военного училища 1916 г. *Старый цейхгауз*. 2020. № 3. С. 86–93. [Glazkov V., Svekolkin N. "We share the high rank of warrior...": Two photos of graduates of the Pavlovsk Military School in 1916. *Staryi tseikhgauz*, 2020, (3): 86–93. (In Russ.)]
- Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. 276 с. [Kavtaradze A. G. *Military specialists in the service of the Republic of Soviets, 1917–1920*. Moscow: Nauka, 1988, 276. (In Russ.)]
- Кавтарадзе А. Г. Николаевская Военная Академия при Временном Правительстве. *Военно-исторический журнал*. 2002а. № 9. С. 40–43. [Kavtaradze A. G. Nikolaev Military Academy under the Provisional Government. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2002a, (9): 40–43. (In Russ.)]
- Кавтарадзе А. Г. «Советское Рабоче-Крестьянское Правительство... признало необходимым и учреждение высшего военно-учебного заведения». *Военно-исторический журнал*. 2002б. № 10. С. 32–40. [Kavtaradze A. G. "Soviet Government of Workers and Peasants recognized the higher military education institution as necessary...". *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2002b, (10): 32–40. (In Russ.)]
- Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 734 с. [Kaminskii V. V. *Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff in the service of the Red Army*. St. Petersburg: Aleteia, 2011, 734. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suqlft>
- Каминский В. В. Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской Академии Генерального Штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. (часть I). *Новейшая история России*. 2012. № 1. С. 116–131. [Kaminskii V. V. Some particulars of the "voyage" of the Nicolas Academy of the General Staff from Ekaterinburg to Kazan' (July 23–24, 1918) (part I). *Modern History of Russia*, 2012, (1): 116–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyafnd>
- Ковкель И. И., Ярмусик Э. С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. Мн.: Аверсэв, 2000, 592 с. [Kovkel I. I., Yarmusik E. S. *The history of Belarus from ancient times to our time*. Minsk: Avershev, 2000, 592. (In Russ.)]

- Ле Гофф А. Документы по истории России в Национальном архиве Франции. *Труды Историко-архивного института*, отв. ред. А. Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2015. Т. 41. С. 175–180. [Le Goff A. Documents on the history of Russia in the National Archive of France. *Proceedings of the Historical and Archival Institute*, ed. Bezborodov A. B. Moscow: RSUH, 2015, vol. 41, 175–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/veaibz>
- Марковчин В. В. "Rusos blancos" в гражданской войне в Испании: судьбы русских эмигрантов в документах испанских архивов. *Новый исторический вестник*. 2016. № 4. С. 135–144. [Markovchin V. V. Rusos blancos in the Spanish Civil War: The fate of Russian emigrants in the documents of the Spanish archives. *Novyj Istoriceskij Vestnik*, 2016, (4): 135–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymfkxz>
- Орехов В. В. Незабытые могилы. *Часовой*, 1978. № 614. С. 19. [Orekhov V. V. The forgotten graves. *Chasovoi*, 1978, (614): 19. (In Russ.)]
- Офицеры российской гвардии в Белой борьбе, сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М.: Центрополиграф, 2002. 814 с. [Officers of the Russian Guard in the White Struggle, comp., ed., preface and comment. Volkov S. V. Moscow: Tsentrpoligraf, 2002, 814. (In Russ.)]
- Сабенникова И. В., Гентшке В. Л. Революция 1917 г. и Гражданская война в мемуарах государственных деятелей: обзор архивных фондов постреволюционной эмиграции (США). *Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность*. 2017. № 3. С. 115–131. [Sabennikova I. V., Gentshke V. L. The Revolution of 1917 and the Civil War in memoirs of statesmen. Review of archival collections of the post-revolutionary emigration (USA). *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost*, 2017, (3): 115–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztlrsor>
- Сабенникова И. В., Гентшке В. Л., Ловцов А. С. Архивные материки Российского зарубежья. Тенденции и направления изучения. Аннотированный указатель. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 427 с. [Sabennikova I. V., Gentshke V. L., Lovtsov A. S. Archival continents of the Russian abroad: prospects and directions. *Annotated index*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2015, 427. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udiqhf>
- Столяренко П. Ю. Вклад Северина Тигерштедта в развитие челюстно-лицевой травматологии (к 100-летию создания универсальной военно-полевой системы шинирования). Самара: Офорт, 2017. 175 с. [Stolyarenko P. Yu. Severin Tigerstedt's contribution to the development of maxillofacial traumatology: the 100th anniversary of the universal military field splinting system. Samara: Ofort, 2017, 175. (In Russ.)]

оригинальная статья

Деятельность Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера (1949–1965 гг.)

Карелин Антон Сергеевич

Кемеровский государственный институт культуры, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-9322-967X>normhogth@gmail.com

Поступила в редакцию 24.10.2022. Принята после рецензирования 27.12.2022. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: С образованием Кемеровской области в 1943 г. последовало оформление региональных органов управления физической культурой и спортом. Наряду с этим требовалось совершенствование медицинского сопровождения соревнований и организации врачебного контроля на территории области. Цель статьи – показать историю создания и деятельности Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера как важного структурного компонента системы врачебного контроля и медицинского обеспечения физической культуры и спорта Кемеровской области в послевоенный период. Используемые материалы делопроизводственных документов областного отдела здравоохранения и областного врачебно-физкультурного диспансера позволили определить не только функционал и компетенции исследуемой организации, но и имевшие место недостатки. С опорой на принципы историзма и объективности, проблемно-хронологический и историко-системный методы установлено, что создание Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера в 1949 г. стало основой для новой системы медицинского обеспечения физической культуры и спорта в регионе. В Кемеровской области сеть учреждений врачебно-физкультурной службы начала расширяться с середины 1950-х гг., в то время как областной врачебно-физкультурный диспансер являлся руководящим центром и связующим звеном в их работе. К началу 1960-х гг. происходило последовательное увеличение числа кабинетов врачебного контроля и лечебной физкультуры. Вместе с тем обозначилось расширение функционала данной организации, однако недостаточное обеспечение материальной базы и кадровые проблемы, сохранявшиеся к середине 1960-х гг., сдерживали потенциал развития областного врачебно-физкультурного диспансера. Сделан вывод, что в послевоенный период со стороны государства осознавалась необходимость дальнейшего укрепления сети врачебно-физкультурной службы, чему способствовал положительный опыт, накопленный в годы войны. В период 1949–1965 гг. сформировалась основа принципиально новой системы медицинского обеспечения физической культуры и спорта в Кемеровской области.

Ключевые слова: врачебно-физкультурный диспансер, врачебный контроль, физическая культура и спорт, врачебно-физкультурная служба, Кемеровская область

Цитирование: Карелин А. С. Деятельность Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера (1949–1965 гг.). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 852–860. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-852-860>

full article

Kemerovo Regional Medical Exercises Dispensary in 1949–1965

Anton S. Karelin

Kemerovo State Institute of Culture, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-9322-967X>normhogth@gmail.com

Received 24 Oct 2022. Accepted after peer review 27 Dec 2022. Accepted for publication 1 Jan 2023.

Abstract: The establishment of the Kemerovo Region in 1943 marked the institutionalization of regional physical culture and sports management bodies. Regional sports competitions needed medical support and control. The Kemerovo Regional Medical Exercises Dispensary appeared in 1949 as an important structural component of the system of medical control and medical support of physical culture and sports in the Kemerovo Region. The archives of the Regional Health

Department and the Kemerovo Regional Medical Exercises Dispensary made it possible to determine the advantages and shortcomings of the new institution. The author relied on the principles of historicism and objectivity, as well as on the methods of problem chronology and historical system, to describe the role of the Dispensary in the new system of medical support of physical culture and sports in the postwar years. In the mid-1950s, the Kemerovo Region developed an elaborated network of institutions of medical and physical therapy service, and the Dispensary became a core institution that organized its work. The early 1960s saw a steady increase in the number of medical control and physical therapy services. The Dispensary acquired new functions but suffered from poor facilities and staffing until the mid-1960s, which restrained its developmental potential. The state used the positive experience gained during World War II to improve the network of medical and physical therapy institutions. In 1949–1965, the Kemerovo Region introduced a fundamentally new system of medical support for physical culture and sports.

Keywords: Medical Exercises Dispensary, medical control, physical culture and sports, medical and physical therapy service, Kemerovo Region

Citation: Karelin A. S. Kemerovo Regional Medical Exercises Dispensary in 1949–1965. *SibScript*, 2023, 25(6): 852–860. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-852-860>

Введение

Медицинское сопровождение спортивных соревнований являлось необходимым условием в решении широких оздоровительных задач в процессе развития советской физической культуры и спорта (ФКиС). Несмотря на официальные заявления об отсутствии в стране профессионального спорта, продолжалась работа по медицинскому обеспечению спортсменов высшей квалификации и олимпийских сборных команд. С образованием Кемеровской области 26 января 1943 г. формировались и органы управления ФКиС, а позднее – в целях улучшения качества физического воспитания в регионе и успешной подготовки кузбассовцев для спорта высших достижений в составе команды области и страны.

Несмотря на сохраняющуюся актуальность исследований по истории развития ФКиС, деятельность врачебно-физкультурных диспансеров в Кемеровской области в советский период практически не освещена. Между тем вопросы организации врачебного контроля в Западной Сибири рассматривались в работах томской исследовательницы Т. В. Сарычевой [Сарычева 2015а; 2015b; 2016; 2019; Сарычева, Ревякин 2003]. Опыт внедрения лечебной физкультуры (ЛФК) в период Великой Отечественной войны в эвакогоспиталях Западной Сибири затрагивался в работах [Дудкина 2020; Семенов 2010; 2021; Труфакин, Якобсон 2005]. Использование на практике методов ЛФК в Кузбассе описано в статьях [Новосельцев, Карелин 2020; Орлова 2007; 2020], а также затронуто в отдельных статьях работниками сферы среднего профессионального образования области [Благирева 2020; Малащенко 2020; Моргунова 2020].

Советская врачебно-физкультурная служба становилась также предметом обсуждения на научно-практических конференциях [Ильина 2019]. Кроме того, вопросы медицинского сопровождения спортсменов

затрагивались в рамках истории развития медицины в советский период [Королева 2019; Матов 2008; Уколова и др. 2019; Хабриев и др. 2018; Юрчик 2011; Radchich, Kofman 2013]. Наконец, проблемы теоретического обобщения науки в сфере физической культуры и спорта, включая их оздоровительную функцию, становились предметом исследования. В частности, теория спорта рассматривалась в качестве обобщающей отрасли научного знания, связанной с формами оптимального построения подготовки спортсменов [Ворожко, Любина 2010: 128]. Отмечалось, что начиная с 1960-х гг. благодаря глубоким исследованиям специалистов разного профиля начали разрабатываться меры по профилактике и предупреждению патологий у спортсменов в результате высоких нагрузок [Ворожко, Любина 2011: 119]; установлено, что с 1957 г. министерством образования СССР были выделены специальности, непосредственно связанные с проблемами теории и методики физической культуры и спортивной тренировки [Ворожко и др. 2010: 171].

Цель данной статьи – показать историю создания и деятельности Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера как важного структурного компонента системы врачебного контроля и медицинского обеспечения физической культуры и спорта Кемеровской области в послевоенный период. Соответственно поставленные задачи предполагают выявление роли и значения Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера в развитии системы медицинского обеспечения физической культуры и спорта в регионе, его функциональной значимости и компетенции, а также достижений и недостатков в деятельности данной организации в 1949–1965 гг. Начальная дата (1949 г.) связана с годом образования Кемеровского областного врачебно-

физкультурного диспансера, а конечная (1965 г.) завершает этап организационного оформления врачебно-физкультурной службы в области в послевоенный период. В 1966 г. начался качественно новый этап развития ФКиС.

Методы и материалы

При решении поставленных задач, связанных с научным анализом исторического материала, отражающего становление и развитие при формировании системы врачебного контроля физкультурно-спортивной работы в Кемеровской области в 1949–1965 гг., автор опирался на принципы историзма и объективности. Основой методологии послужили проблемно-хронологический и историко-системный методы.

Автором были использованы данные фондов Государственного архива Кузбасса (ГАК): Фонд 864. Отдел здравоохранения Кемеровского облисполкома (опись 1, дела 34, 35, 56) и Фонд 942. Кемеровский областной врачебно-физкультурный диспансер Кемеровского областного отдела здравоохранения (опись 1, дела 4, 6, 8, 15, 19). Содержащиеся в них отчеты о деятельности учреждения за отдельные годы позволили сформировать представление об основных направлениях его работы на территории области, количестве специалистов и кадровых возможностях, об организационных проблемах и имевших место недостатках в постановке медицинского контроля и оздоровительной работы.

Результаты

Врачебный контроль в СССР являлся важным звеном в научном обосновании теории и практики советской системы физического воспитания. Начиная с 1920-х гг. были сделаны первые шаги по созданию государственной системы врачебного контроля здоровья лиц, занимавшихся ФКиС. В 1923 г. в Государственном институте физической культуры (Москва) была открыта первая кафедра врачебного контроля [Уколова и др. 2019: 180]. На состоявшейся в ноябре 1925 г. Всесоюзной конференции научных работников в Москве подчеркивалось, что физическая культура неразрывно связана с врачебным контролем и следует продолжать изучение влияния физических упражнений на организм [Королева 2019: 29]. Позднее, в 1933 г., в Центральном научно-исследовательском институте физической культуры открылась лаборатория врачебного контроля [Сарычева 2019: 49]. Благодаря их выпускникам к началу 1940-х гг. по всей стране сформировалась сеть кабинетов врачебного контроля (кабинетов ВК),

которые вели практическую работу при добровольных спортивных обществах (ДСО), при спортивных сооружениях и в различных вузах.

Кроме того, постановлениями СНК РСФСР 1928 г. и ЦИК СССР 1930 г. на органы здравоохранения был возложен контроль над физкультурной работой, врачебный контроль над занимающимися физкультурой в разных ведомствах и учреждениях. Было определено значение специального изучения физической культуры как социально-гигиенического и лечебного фактора в системе учреждений здравоохранения¹.

Становление и развитие врачебного контроля в 1920-е гг. происходило и в Западной Сибири, были определены его основные направления и главные задачи. О необходимости введения врачебного контроля впервые было озвучено на втором Сибирском совещании по физической культуре в 1924 г., однако на протяжении 1920-х гг. врачебный контроль сибирских физкультурников был организован в основном в городах [Сарычева 2015а: 69]. С 1929 по 1936 г. научно-практические исследования в области физической культуры Западной Сибири осуществлялись созданным в Новосибирске Научно-исследовательским кабинетом по физической культуре при Сибирском совете физкультуры (позже – Западносибирский краевой совет физкультуры при Запсибкрайисполкоме) [Сарычева 2015b: 119–120]. Однако несмотря на подготовку соответствующих специалистов, в регионах организация врачебного контроля над физкультурниками в должном объеме в Западной Сибири к началу 1940-х гг. была крайне затруднительна [Сарычева 2019: 253].

В период Великой Отечественной войны спортивная медицина получила новое направление развития, связанное с практикой массового возвращения в строй раненых солдат, в том числе благодаря применению методов ЛФК. Эти методы наряду с широким спектром других терапевтических методов успешно внедрялись в эвакогоспиталях на территории Кузбасса. Как установили В. А. Труфакин и Г. С. Якобсон, в начале войны было открыто 124 военных госпиталя, к концу войны их количество увеличилось до 153, а численность работавших в них врачей возросла до 1115 [Труфакин, Якобсон 2005: 14], некоторые из которых стремились усовершенствовать методику восстановления раненых бойцов. Так, по инициативе работавшей в г. Кемерово доктора А. Н. Транквилилати начался выпуск аппаратуры для ЛФК, которая вскоре стала востребованной в военно-медицинских учреждениях других городов [Орлова 2007: 111]. Этот опыт впоследствии

¹ Врачебный контроль в физическом воспитании. *Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту*, под общ. ред. Г. И. Кукушкина. М.: Физкультура и спорт, 1961. Т. I. С. 165.

был положен в основу спортивной медицины и включал в себя систему отбора контингента, подлежащего реабилитации средствами физической культуры, централизации медицинской службы и общего руководства данной деятельностью [Матов 2008: 86].

Для Кемеровской области послевоенный период имел важное значение в отношении дальнейшего развития в регионе системы ФКиС. В это же время происходило и становление врачебно-физкультурной службы области, чему также способствовал накопленный опыт применения ЛФК в годы Великой Отечественной войны, т. к. в Кемеровской области располагалось значительное количество эвакогоспиталей. При этом следует отметить, что спецификой ЛФК является то, что по сравнению с другими методами лечения она использовала в качестве основного лечебного средства физические упражнения как существенные стимуляторы жизненных функций человеческого организма, что способствовало лечению повреждений и восстановлению трудоспособности [Давыдова, Щербенко 2018: 100].

Первым учреждением врачебно-физкультурной службы стал открытый в 1948 г. врачебно-физкультурный центр под руководством М. В. Колчановой, который размещался в поликлинике № 1 и занимал всего один кабинет. Однако в следующем году в связи с Постановлением СМ СССР № 5034 от 31 октября 1949 г. был организован врачебно-физкультурный диспансер (ВФД). Он размещался в чердачном помещении из двух комнат в химико-механическом техникуме и имел в штате 3 врачебные должности, 3 медицинские сестры, санитарки, 0,5 ставки бухгалтера и завхоза².

Согласно данным Кемеровского областного отдела здравоохранения, в городах области в 1949 г. насчитывалось всего 6 отделений и кабинетов, осуществлявших врачебно-физкультурную деятельность, а из положенных по штату 6 врачебных должностей было занято лишь 3 единицы³. В начале 1950-х гг. сохранялась кадровая потребность во врачах физической культуры. Так, в 1950 г. из положенных по штату 15 врачебных должностей было занято только 4 единицы⁴. В свою очередь количество врачей лечебной физкультуры с января 1950 г. по январь 1953 г. увеличилось с 3 до 10 человек, что очевидно было недостаточно и нашло соответствующее отражение в официальных отчетах⁵.

Ключевым моментом для дальнейшего развития врачебно-физкультурной службы стала организация с 1951 г. на основании приказа Минздрава РСФСР № 696 от 19 августа 1950 г. во всех крупных городах и районных центрах специализированных учреждений здравоохранения – врачебно-физкультурных диспансеров. Работники ВФД устанавливали тесные контакты со спортивными организациями и проводили большую разъяснительную работу как среди специалистов в сфере физкультуры и спорта (преподавателей и тренеров), так и среди медицинских работников о целесообразности применения ЛФК и значении постоянного врачебного контроля. Одновременно была начата подготовка медработников среднего звена для работы инструкторами ЛФК и массажистами [Сарычева 2019: 50].

В середине 1950-х гг. в Кемеровской области заметно расширилась сеть врачебно-физкультурной службы. Так, в 1952 г. областной ВФД получил 3-ю категорию с 5 врачебными должностями (главный врачом являлся Г. Е. Лукашевский, а заведующим кабинетом ВК – М. В. Колчанова). В свою очередь кабинеты ВК имелись в Сталинске (ныне – Новокузнецк), Анжеро-Судженске, Киселевске и Ленинске-Кузнецком. Уже в следующем году в Сталинске был организован городской ВФД (главный врач – Г. А. Ефремова). К началу 1956 г. в Кемеровской области уже работало 14 кабинетов ВК, но при этом сеть кабинетов ЛФК росла медленнее, их по области насчитывалось всего 5. В большинстве городов ЛФК проводилась медсестрами в палатах травматологических отделений⁶. Тем не менее благодаря деятельности областного ВФД количество случаев спортивного травматизма за 1954–1955 гг. снизилось на 11,1 %⁷.

В 1956 г. областному врачебно-физкультурному диспансеру было предоставлено помещение из 10 комнат в здании общежития Горного института, где был выделен кабинет ЛФК, организована лаборатория и расширен физиотерапевтический кабинет, созданы условия для организации приемов узких специалистов. Помимо этого, диспансер выполнял роль медсанчасти Горного института. В том же году главным врачом областного ВФД была назначена Р. А. Романенко, а заведующим кабинетом врачебного контроля оставалась М. В. Колчанова⁸.

² Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Р-942. Оп. 1. Историческая справка к описи. 1966. Л. 1.

³ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 34. Годовой план облздравотдела за 1951 г. Л. 13.

⁴ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 35. Годовой план облздравотдела за 1951 г. Л. 18.

⁵ ГАК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 56. Годовой отчет облздравотдела по кадрам за 1952 г. Л. 26.

⁶ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 4. Отчеты за 1955 г. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Историческая справка к описи. 1966. Л. 2.

Вместе с тем в отчетах областного ВФД подчеркивалось, что организация врачебного контроля в сельских районах заметно отставала. За исключением нескольких районов для организации врачебного контроля выделялись врачи, работавшие на 0,5 ставки и отвечавшие за медицинское обслуживание физкультурников в порядке дополнительной нагрузки и в соответствии с указаниями Минздрава РСФСР. В целом по области отмечался явный недостаток специалистов с основным профилем работы по врачебной физкультуре и методистов ЛФК с высшим физкультурным образованием⁹.

Следует подчеркнуть, что имевшиеся в середине 1950-х гг. недостатки во врачебно-физкультурной работе, например, связанные с медицинским контролем за физическим воспитанием учащихся, во многом объяснялись тем, что областной ВФД нес чисто методические функции, а медицинский контроль являлся частью общего медицинского обслуживания учащихся. Имели место слабая методическая работа на профильных семинарах по врачебной физкультуре и несерьезное отношение к медицинским осмотрам физкультурников со стороны главных врачей лечебных учреждений области.

Во второй половине 1950-х гг. происходило дальнейшее расширение сети кабинетов ЛФК и ВК (табл.¹⁰). Так, в 1958 г. в городах и районах области количество кабинетов ВК возросло до 23, а кабинетов ЛФК – до 15¹¹. В 1959 г. областной ВФД стал внекатегорийным с 12 врачебными должностями, а его площадь увеличилась до 15 кабинетов, а также был открыт новый ВФД в Анжеро-Судженске¹². Наряду с этим работники областного ВФД активизировали работу по обследованию учебных заведений городов и районов области с целью проверки развития учащихся на медицинские группы по их физическому развитию и проверки санитарного состояния мест занятий по ФК¹³.

В начале 1960-х гг. Кемеровский областной ВФД продолжал расширять масштабы своей деятельности. В 1961 г. он обслуживал 830 организаций и 718 объектов на территории региона, а также было обслужено 2368 соревнований, 423 учебно-тренировочных занятия и 42 учебно-спортивных сбора. Помимо этого, в секциях спортивных школ молодежи и ДСО, в спортивных секциях общеобразовательных школ диспансером было

Табл. Количество кабинетов врачебного контроля и лечебной физкультуры в Кемеровской области, 1954–1965 гг.

Tab. Facilities of medical control and physical therapy in the Kemerovo Region, 1954–1965

Год	Кабинеты ВК	Число посещений спортсменами	Число кабинетов ЛФК	Число больных, охваченных лечением в кабинетах ЛФК
1954	6	–	5	886
1955	11	–	6	1264
1956	21	16102	9	6942
1957	22	19987	12	8794
1958	23	44073	15	8979
1959	33	72833	18	11107
1960	33	88449	19	16500
1961	33	93385	20	14850
1962	33	102065	30	16962
1963	31	120723	33	17391
1964	31	124457	52	22866
1965	33	118428	62	27859

проведено 136 врачебно-педагогических обследований с охватом 1609 человек¹⁴.

К середине 1960-х гг. число ВФД достигло 7 (Кемерово, Новокузнецк, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Юрга, Ленинск-Кузнецкий, Белово). Число кабинетов ВК выросло до 33, число кабинетов ЛФК по области составляло 62. В то же время областной ВФД испытывал заметные трудности с материальной базой, т. к. располагался в старом и тесном помещении общежития политехнического института, но при этом удалось увеличить штат до 13 врачебных должностей¹⁵. Хорошую работу в первой половине 1960-х гг. показали специалисты юргинского ВФД, где имелась своя лаборатория, физиотерапевтический кабинет, оборудование для электрокардиографии. Врачи диспансера

⁹ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 4. Отчеты за 1955 г. Л. 3.

¹⁰ ГАК. Ф. Р-942. Историческая справка. 1966. Л. 3.

¹¹ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 8. Отчеты Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера за 1958 г. Л. 1.

¹² ГАК. Ф. Р-942. Историческая справка. 1966. Л. 2.

¹³ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 6. Отчеты Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера за 1956 г. Л. 7.

¹⁴ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 15. Отчеты Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера за 1961 г. Л. 2, 15.

¹⁵ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 19. Конъюнктурный обзор к годовому отчету по врачебно-физкультурной службе Кемеровской области за 1965 г. Л. 1–2.

овладели смежными профессиями, совмещая профессии хирурга и окулиста¹⁶. Тем самым компенсировался кадровый недостаток.

Опираясь на данные ежегодных отчетов Кемеровского областного ВФД, можно сформировать представление о направлениях работы данной организации. Так, основная деятельность областного ВФД состояла в диспансеризации спортсменов, обслуживании соревнований, учебно-тренировочных занятий и учебно-спортивных сборов. Помимо этого, областной ВФД занимался обслуживанием многих организаций: школ, техникумов, вузов, спортивных школ, ДСО, спортивных объектов, отвечал за проведение санитарно-просветительской работы, чтение радиолекций на соревнованиях и проведение бесед со спортсменами.

К компетенции работников областного ВФД относились выезды в города и районы Кемеровской области, которые совершались как для оказания практической помощи по вопросам врачебного контроля и ЛФК, так и для обследования в течение года средних школ, техникумов и вузов с целью проверки организации работы групп здоровья. В спортивных секциях проводились врачебно-педагогические обследования для выявления плотности урока, физиологической кривой и влияния тренировок на организм. Наряду с этим работниками диспансера осуществлялась проверка спортивных баз и работа спортивных секций при ДСО.

Кроме того, областной ВФД в начале 1960-х гг. поднимал вопросы в областном совете Союза спортивных обществ и организаций о создании возможностей занятий с лицами пожилого возраста. Но реализовать данную инициативу на тот момент представлялось затруднительным по причине отсутствия необходимых помещений и сложностей с оплатой работы методиста по физической культуре, который должен был вести такие занятия¹⁷. Привлечение к занятиям физической культурой трудящихся старших возрастных категорий осложнялось риском развития у них различных заболеваний [Сарычева 2016: 124]. В то же время в нескольких городах области удалось организовать работу групп здоровья, но их число оставалось небольшим, т. к. не хватало мест для занятий и имелось недостаточно спортивных сооружений. При этом во всех городах

области и некоторых районах (Кемеровский, Беловский и Новокузнецкий) применялась ЛФК¹⁸. Наиболее хорошо оздоровительная работа была организована в Кемерово, Новокузнецке и Прокопьевске. В целом в области имелось 275 спортивно-оздоровительных лагерей¹⁹.

Важное место в деятельности областного ВФД занимала подготовка врачей и средних медицинских работников в качестве кадров для работы в кабинетах ВК и ЛФК. В 1965 г. было подготовлено 90 человек, включая 17 врачей, 68 средних медицинских работников и 5 инструкторов физической культуры²⁰. Более того, ежегодно врачи диспансера и методисты по ЛФК писали 5–6 методических писем по врачебному контролю, ЛФК и производственной гимнастике²¹. В середине 1960-х гг. улучшилась связь врачей диспансера с тренерами и преподавателями физического воспитания, что позволило комплектовать составы сборных команд, помимо высоких спортивных показателей по результатам врачебно-педагогического контроля и функциональных проб.

Наконец, организация научной работы относилась к компетенции сотрудников областного ВФД. В середине 1950-х гг. М. В. Колчанова занималась обобщением материала гипотонического состояния у спортсменов, высокий процент которого был выявлен в тот период. С 1961 г. Кемеровский областной ВФД 1 раз в 3 года проводил научно-практические конференции по вопросам врачебного контроля и ЛФК с приглашением врачей из соседних областей. Помимо этого, врачи областного ВФД выступали с докладами по ЛФК и врачебному контролю на мероприятиях (съезды и совещания), проводимых областным отделом здравоохранения. Также они принимали активное участие во всех конференциях, семинарах и совещаниях, проводившихся областным и городскими советами Союза спортивных обществ и организаций и ДСО. Сам областной ВФД 2 раза в год проводил «день специалиста», куда приглашались врачи и фельдшеры по врачебному контролю, ЛФК, методисты и инструктора физической культуры. Такие мероприятия включали в себя отчет главного врача областного ВФД Р. А. Романенко о состоянии врачебно-физкультурной работы в области за прошедший год, информировали слушателей о новом, что имелось в литературе по врачебному контролю и ЛФК²².

¹⁶ ГАК. Ф. Р-942. Историческая справка. 1966. Л. 3.

¹⁷ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 15. Отчеты Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера за 1961 г. Л. 10.

¹⁸ ГАК. Ф. Р-942. Оп. 1. Д. 19. Конъюнктурный обзор к годовому отчету по врачебно-физкультурной службе Кемеровской области за 1965 г. Л. 7, 28.

¹⁹ Там же. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 24.

²¹ ГАК. Ф. Р-942. Историческая справка. 1966. Л. 4.

²² Там же. Л. 1, 4–5.

Заключение

В послевоенный период со стороны государства осозналась необходимость дальнейшего укрепления сети врачебно-физкультурной службы. Государственная система медицинского обеспечения ФКиС была заинтересована в дальнейшем развитии практических исследований и теоретических разработок в области спортивной медицины, включая в том числе положительный опыт применения ЛФК в годы Великой Отечественной войны. Это было необходимо не только для медицинского сопровождения возрастающего числа спортивных соревнований в области, но и организации физического воспитания и оздоровления населения.

С одной стороны, с момента образования областного врачебно-физкультурного диспансера в 1949 г. до начала 1950-х гг. сеть врачебно-физкультурной службы характеризовалась медленным ростом, слабым кадровым и материальным оснащением. Некоторая положительная динамика наблюдалась с 1956 г., что выражалось в количественном росте числа кабинетов ВК и ЛФК. Однако областной ВФД даже в середине 1960-х гг. все еще не располагал удобным помещением и до начала 1960-х гг. имел существенные кадровые проблемы. В первую очередь это касалось врачей, что выражалось в недостатке специалистов с основным профилем работы по врачебной физкультуре, не хватало методистов ЛФК с высшим физкультурным

образованием. Указанные обстоятельства не способствовали качественной постановке работы. С другой стороны, в течение рассматриваемого периода было заметно очевидное расширение функционала данной организации, который не ограничивался организацией и методическим сопровождением работы городских и районных кабинетов ВК и ЛФК, что в целом положительно отражалось как на организации физического воспитания, так и развитии спорта высших достижений в Кемеровской области, включая снижение спортивного травматизма.

Создание Кемеровского областного ВФД привело к формированию базы принципиально новой системы медицинского обеспечения ФКиС в регионе. Деятельность областного ВФД с момента его создания до середины 1960-х гг. институционально закрепила за ним роль руководящего центра и связующего звена в работе сети учреждений врачебно-физкультурной службы Кемеровской области.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Благирева Т. В. Кузбасское медицинское профессиональное образование фронту и тылу. *Образование. Карьера. Общество*. 2020. № 3. С. 80–82. [Blagireva T. V. Kuzbass medical professional education during World War II. *Obrazovanie. Kariera. Obshchestvo*, 2020, (3): 80–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nevqdd>
- Ворожко Ю. В., Любина Е. С. Историография истории российской науки в сфере физической культуры и спорта: тенденции и проблемы развития. *Омский научный вестник*. 2010. № 4. С. 125–128. [Vorozhko Yu. V., Lubina E. S. Historiography of the Russian science in physical training and sports sphere: tendencies and development problems. *Omsk Scientific Bulletin*, 2010, (4): 125–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdqwub>
- Ворожко Ю. В., Любина Е. С. Развитие российской науки в сфере физической культуры и спорта в 1960–1970-е годы. *Омский научный вестник*. 2011. № 1. С. 119–122. [Vorozhko Yu. V., Lubina E. S. The development of Russian science in the area of physical culture and sport in 1960–1970s. *Omsk Scientific Bulletin*, 2011, (1): 119–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oftpbb>
- Ворожко Ю. В., Любина Е. С., Абрамова Н. Н. Эволюция научных специальностей в сфере физической культуры и спорта. *Омский научный вестник*. 2010. № 6. С. 170–172. [Vorozhko Yu. V., Lubina E. S., Abramova N. N. The evolution of scientific specialties in physical training and sports sphere. *Omsk Scientific Bulletin*, 2010, (6): 170–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntpqr>
- Давыдова А. А., Щербенко К. С. Спортивная медицина и лечебная физическая культура. *Наука-2020*. 2018. № 7. С. 99–110. [Davydova A. A., Shcherbenko Ch. S. Sports medicine and physical therapy. *Nauka-2020*, 2018, (7): 99–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yryatr>
- Дудкина М. П. Тыловые эвакуогоспитали в Западной Сибири. *Военно-исторический журнал*. 2020. № 10. С. 29–34. [Dudkina M. P. Base evacuation hospitals in Western Siberia. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, 2020, (10): 29–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynhhrr>

- Ильина И. В. Роль врачебно-физкультурной службы СССР в формировании качества здоровья. *Роль и значение советских пятилеток в развитии страны (к 90-летию первого пятилетнего плана)*: Всерос. науч.-практ. конф. (Орел, 14 апреля 2019 г.) Курск: Университетская книга, 2019. С. 48–53. [Ilyina I. V. Role of the USSR medical and sports service in quality of health shaping. *The role and importance of the soviet Five-year plan in the development of the country: 90th anniversary of the First Five-year plan*: Proc. All-Russian Sci-Prac. Conf., Orel, 14 Apr 2019. Kursk: Universitetskaia kniga, 2019, 48–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jusoct>
- Королева Л. А. Физическое воспитание в СССР. 1920-е гг.: становление врачебного контроля над занимающимися физкультурой и спортом. *Педагогический журнал*. 2019. Т. 9. № 4-1. С. 26–31. [Koroleva L. A. Physical education in the USSR. 1920s: establishment of medical control over physical education and sports. *Pedagogicheskii zhurnal*, 2019, 9(4-1): 26–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2019.45.4.003>
- Малашенко А. В. Врачи Новокузнецка в годы Великой Отечественной войны. *Образование. Карьера. Общество*. 2020. № 3. С. 82–84. [Malashchenko A. B. Doctors of Novokuznetsk during the Great Patriotic war. *Obrazovanie. Kariera. Obshchestvo*, 2020, (3): 82–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/evzedq>
- Матов В. В. Без спортивной медицины спорт прогрессировать не может. *Вестник спортивной науки*. 2008. № 4. С. 86–89. [Matov V. V. There's no progress in sports without sports medicine. *Vestnik sportivnoy nauki*, 2008, (4): 86–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/llfzlb>
- Моргунова Г. Е. Мариинский педколледж в годы Великой Отечественной войны. *Образование. Карьера. Общество*. 2020. № 3. С. 84–87. [Morgunova G. E. Mariinsk Pedagogical College during the Great Patriotic war. *Obrazovanie. Kariera. Obshchestvo*, 2020, (3): 84–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/woddtk>
- Новосельцев Н. Р., Карелин А. С. Физическая культура, спорт и военно-физкультурная подготовка в Кемеровской области в 1943–1945 годах. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2020. № 3. С. 103–110. [Novoseltsev N. R., Karelin A. S. Physical culture, sports and military physical training in the Kemerovo region in 1943–1945. *Issues of social-economic development of Siberia*, 2020, (3): 103–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-103-109>
- Орлова Е. А. Применение новых методов лечения в эвакогоспиталях Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 4-2. С. 110–113. [Orlova E. A. Application of new methods of treatment in evacohospitals of Kuzbass during the Great Domestic war. *Izvestiya of Altai State University*, 2007, (4-2): 110–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxnwix>
- Орлова Е. А. Формирование сети эвакуационных госпиталей в Кузбассе во время Великой Отечественной войны. *Исторический курьер*. 2020. № 3. С. 69–76. [Orlova E. A. The formation of evacuation hospitals network in the Kuzbass during the Great Patriotic war. *Historical Courier*, 2020, (3): 69–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-3-6>
- Сарычева Т. В. Организация врачебного контроля над занимающимися физической культурой и спортом в Западной Сибири (1920-е гг.), участие В. С. Пирусского в его становлении. *Бюллетень сибирской медицины*. 2015a. Т. 14. № 3. С. 68–73. [Sarycheva T. V. Organization of medical control and health care of persons, engaged in physical culture and sport in Western Siberia in 1920th, participation of V. S. Pirusskiy in its formation. *Bulletin of Siberian Medicine*, 2015a, (3): 68–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubdtpv>
- Сарычева Т. В. Организация краевого научно-исследовательского кабинета врачебного контроля в Западной Сибири и его деятельность в 1930-е гг. *Бюллетень сибирской медицины*. 2015b. Т. 14. № 4. С. 119–124. [Sarycheva T. V. Organisation of the regional research cabinet of medical control in Western Siberia and its activity in the 1930th. *Bulletin of Siberian Medicine*, 2015b, (4): 119–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umsksl>
- Сарычева Т. В. Организация массовой физкультурно-оздоровительной работы на производственных предприятиях Западной Сибири в 1960–1980-е гг., создание в г. Томске научно-оздоровительного объединения «Центр здоровья». *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 405. С. 124–128. [Sarycheva T. V. Organisation of mass sport and recreation activities at industrial enterprises in Western Siberia in the 1960s–1980s and the establishment of a scientific and recreational association "Health center" in Tomsk. *Tomsk State University Journal*, 2016, (405): 124–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/405/16>
- Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.) Томск: Печатная мануфактура, 2019. 696 с. [Sarycheva T. V. *The Soviet system of physical culture as a socio-cultural phenomenon of the XX century (the case of Western Siberia, 1920–1991)*. Tomsk: Pechatnaia manufaktura, 2019, 696. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/atooob>

- Сарычева Т. В., Ревякин Ю. Т. Развитие учебно-спортивной работы в вузах г. Томска в послевоенный период (1945–1955 гг.). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2003. № 3. С. 19–23. [Sarycheva T. V., Revyakin Yu. T. The development of teaching and sporting work in the universities Tomsk during post-war period (1945–1955). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2003, (3): 19–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opoqkz>
- Семенов М. А. Динамика сети эвакуогоспиталей на территории Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. *Исторический журнал: научные исследования*. 2021. № 6. С. 36–46. [Semenov M. A. Dynamics of the network of evacuation hospitals in Novosibirsk region during the Great Patriotic war. *History magazine – researches*, 2021, (6): 36–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2021.6.37147>
- Семенов М. А. Лечебная деятельность персонала эвакуогоспиталей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2010. № 9. С. 53–57. [Semenov M. A. The medical activity of the clearing hospitals staff in West Siberia during the Great Patriotic war (1941–1945). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, (9): 53–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nawhnt>
- Труфакин В. А., Якобсон Г. С. Сибирские медики в Великой Отечественной войне. *Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук*. 2005. Т. 25. № 2. С. 8–18. [Trufakin V. A., Yakobson G. S. Siberian physicians in the Great Patriotic War 1941–1945. *Biulleten Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk*, 2005, 25(2): 8–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hrmmqp>
- Уколова Е. С., Лихограй Л. И., Дробинина А. В. История становления отечественной спортивной медицины. *Научный альманах*. 2019. № 7-1. С. 179–182. [Ukolova E. S., Lihogray L. I., Drobinina A. V. The history of the development of domestic sports medicine. *Nauchnyi almanakh*, 2019, (7-1): 179–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cofgza>
- Хабриев Р. У., Егорышева И. В., Шерстнева Е. В. Николай Александрович Семашко – первый народный комиссар здравоохранения России. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2018. Т. 26. № 3. С. 164–168. [Khabriev R. U., Egorysheva I. V., Sherstneva E. V. N. A. Semashko, the first people's commissar of health care. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*, 2018, 26(3): 164–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18821/0869-866X-2018-26-3-164-168>
- Юрчик А. Л. Опыт лечебно-оздоровительной работы с допризывной и призывной молодежью в Западной Сибири в 50–60 гг. XX века. *Сибирский педагогический журнал*. 2011. № 5. С. 210–216. [Yurchik A. L. The experience of medical and health-improving work with pre-conscription and conscription youth in Western Siberia in 1950s–1960s of the 20th century. *Siberian Pedagogical Journal*, 2011, (5): 210–216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peuqhr>
- Radchich I. Yu., Kofman L. B. We are devoted to service of Russian sports science. *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury*, 2013, (11). URL: <http://www.teoriya.ru/ru/node/1683> (accessed 10 Sep 2022). <https://elibrary.ru/uabfun>

© 2023. Орлов Д. С.

Развитие сельского хозяйства Кузбасса

оригинальная статья

Развитие сельского хозяйства Кузбасса в первой половине 1980-х гг.

Орлов Дмитрий Сергеевич

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Россия, Бийск
orlovd2010@mail.ru

Поступила в редакцию 06.01.2023. Принята после рецензирования 18.04.2023. Принята в печать 28.04.2023.

Аннотация: Изучается развитие аграрного сектора экономики Кузбасса в первой половине 1980-х гг. Цель – определить основные этапы развития сельского хозяйства в обозначенный исторический период на примере одного из регионов Западной Сибири – Кузбасса. На основе архивных документов и материалов региональной статистики обосновывается тот факт, что действие новых механизмов экономического развития сельхозпроизводства и благоприятный инвестиционный климат стали причинами выхода из аграрного кризиса начала десятилетия и дальнейшего повышения благосостояния колхозов и совхозов, привели к стабильному приросту производства сельхозпродукции. Внедрялись хозрасчет и подряд, вводились элементы хозяйственной аренды, расширялась хозяйственная самостоятельность сельхозпредприятий. Темпы развития агросектора региона в 1980-е гг. были значительно выше, чем во второй половине 1970-х гг. Вместе с тем в сельском хозяйстве области оставались высокими непроизводственные затраты, потери при уборке урожая, падеж скота. Ряд хозяйств нерационально использовали предоставленные ресурсы. Динамика развития агросектора Кузбасса в рассматриваемый исторический период в целом совпадала с аналогичными показателями по Западно-Сибирскому экономическому району. Исследование выполнено на основе теории модернизации, позволяющей понять, как экономико-политические изменения в государстве влияли на трансформацию агросектора.

Ключевые слова: экономическая политика, Продовольственная программа, аграрный сектор, совхозы, колхозы, растениеводство, животноводство, Кузбасс

Цитирование: Орлов Д. С. Развитие сельского хозяйства Кузбасса в первой половине 1980-х гг. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 861–869. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-861-869>

full article

Agricultural Development in Kuzbass in 1981–1985

Dmitriy S. Orlov

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Russia, Biysk
orlovd2010@mail.ru

Received 6 Jan 2023. Accepted after peer review 18 Apr 2023. Accepted for publication 28 Apr 2023.

Abstract: The article describes the agricultural sector of the Kemerovo Region (Kuzbass). The author used it as an example to identify the main stages of agricultural development of Western Siberia in 1981–1985. The study relied on the theory of modernization, which links economic and political changes with agricultural reforms. According to archival documents and regional statistics, the new tools of economic development and the favorable investment climate allowed the industry to overcome the agrarian crisis in the early 1980s, improve the state of affairs on collective and state farms, and increase the agricultural production. The new measures included producing for profit, labor contracts, and elements of land lease as the economic independence of agricultural enterprises continued to grow. The regional agricultural sector developed much faster in the 1980s than in the late 1970s. However, non-production costs, crop waste, and cattle mortality remained high while irrational utilization of state resources was quite common. In general, Kuzbass showed average agricultural indicators for the West Siberian economic region.

Keywords: economic policy, Food program, agricultural sector, state farms, collective farms, crop production, animal husbandry, Kuzbass

Citation: Orlov D. S. Agricultural Development in Kuzbass in 1981–1985. *SibScript*, 2023, 25(6): 861–869. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-861-869>

Введение

Изучение эволюции экономического развития сельскохозяйственного сектора Советского Союза и его регионов в первой половине 1980-х гг. представляется актуальным, поскольку содействует оценке недостатков и достоинств аграрного строя на завершающем этапе существования СССР. Фрагментарное отражение данного вопроса в научной исторической и экономической литературе стимулирует его разноплановое рассмотрение.

Данная научная проблема получала частичное освещение как в советский, так и постсоветский период. Проблемы функционирования аграрной сферы экономики страны в одиннадцатом пятилетии (1981–1985 гг.) детально анализировались во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. В этот период выходили историко-теоретические работы, в которых раскрывались преимущества социалистического аграрного строя [Волков, Выцлан 1979], проблемы социально-экономического развития села [Тюрина 1982]. В публикациях данной тематики обосновывался вывод, что колхозы и совхозы обладают неограниченным производственным потенциалом, поскольку являются крупными высококомеханизированными сельхозпредприятиями, функционирующими в условиях научно обоснованного планового регулирования и централизованного управления. Основное внимание уделялось описанию позитивных явлений, деятельности лучших сельхозпредприятий и передовиков производства.

Проблемы развития аграрного сектора советской экономики широко исследовались и на материалах Сибири. Различные социально-экономические аспекты жизни сибирской деревни, развитие в ней подрядных отношений, специализации и межхозяйственной кооперации анализировались в основном в публикациях экономистов и историков, например [Заславская и др. 1985]. Неотъемлемой частью советской историографии являлись публикации, посвященные деятельности партийных организаций по руководству сельским хозяйством, в том числе работе организаций КПСС Кемеровской области¹. Их авторы дали самую общую характеристику развития сельхозпроизводства региона без выявления причин и имевших место негативных явлений. Принципиальное значение имели выводы Н. Я. Гущина, представленные на страницах введения к 5-му тому истории сибирского крестьянства [Крестьянство... 1991]. Автор пересмотрел общую оценку созданного в СССР колхозного строя и колхозно-кооперативной собственности, в критическом плане рассмотрел совхозизацию, укрупнение колхозов, кампанию по ограничению личных подсобных хозяйств.

В постсоветский период экономические проблемы развития сельхозпредприятий СССР в более широких хронологических и территориальных рамках, эволюция сельского хозяйства и аграрная политика государства изучены в работах [Ильиных и др. 2017; Наухацкий 2003; 2017; Томилин 2019; 2020; Серогодский 2011; 2016; Шевельков 2009; 2013]. Ряд исследователей рассматривали причины и течение аграрных кризисов начала 1980-х и начала 1990-х гг. [Ильиных и др. 2012], изучались проекты преобразований аграрного строя в советский период [Ильиных и др. 2015], особенности реализации государственной региональной политики [Сухова и др. 2022], а также динамику, организационно-производственную и отраслевую структуру сельхозпроизводства в ряде регионов Западной Сибири [Андреенков и др. 2018; Сухова и др. 2022]. Анализ основных этапов аграрной модернизации в России, их итогов и особенностей провел Г. Е. Корнилов [Корнилов 2018; Kornilov 2022]. В исследовании В. Я. Романченко рассмотрены основные этапы совхозного строительства в РСФСР [Романченко 2000]. Л. Н. Мазур и Л. И. Бродская изучали эволюцию сельских поселений, развитие коммунально-бытовой, социальной и производственной инфраструктуры совхозов и колхозов [Мазур, Бродская 2006]. С. Н. Андреенков анализировал влияние рыночных реформ на развитие агросектора в РФ в 1990-е гг. в рамках Западной Сибири [Андреенков 2021; 2022]. В работе Т. К. Щегловой обозначенная научная проблематика изучена в рамках устной истории [Щеглова 2008]. Исследование Д. С. Орлова посвящено развитию сельского хозяйства Кемеровской области на широком временном отрезке [Орлов 2013]. А. Ю. Просеков представил правовые аспекты аграрных преобразований в России в различные исторические эпохи, в том числе в рассматриваемый исторический период [Просеков 2018].

В работах кемеровских историков, посвященных проблемам развития Кузбасса, как правило, содержится общая информация об экономическом развитии сельхозпроизводства в регионе [Горелов 2006; История Кузбасса... 2006; Палин и др. 2014; Хромова 2016]. Относительно взвешенную характеристику развития регионального агросектора в заявленный исторический период дают авторы труда «История сельского хозяйства и аграрных отношений в России (VI–XX века)». Отмечая положительную роль экономических реформ 1965–1966 гг., они критично оценивали усиление вмешательства партийных и хозяйственных органов в развитие колхозов и совхозов в 1970-е гг., в результате чего снижались производственные показатели,

¹ Кузбасс: от съезда к съезду: к отчету Кемеровского обкома КПСС: сб., ред. П. М. Дорофеев и др. Кемерово: Кн. изд-во, 1980. 86 с.

росла финансовая задолженность колхозов и совхозов перед государством, нарастали кризисные явления в аграрном секторе в начале 1980-х гг. [Трефилкина и др. 2004]. Специфическим направлением в историографии рассматриваемой проблемы является изучение деятельности руководителей Кемеровской области, их позиции по развитию агросектора и влияния на принимаемые решения по сельскому хозяйству [Коновалов 2006].

В данной статье делается попытка определить основные этапы развития сельского хозяйства в обозначенный исторический период на примере одного из регионов Западной Сибири – Кузбасса. Задачи: анализ причин и последствий аграрного кризиса в начале 1980-х гг., реализации Продовольственной программы, внедрения новых хозяйственных механизмов и развития сельского хозяйства Кузбасса в середине десятилетия.

Исторически сложившийся индустриальный характер экономического развития области и определяемая им структура населения, а также сложные природно-климатические условия обусловили особенности развития аграрного сектора. В рассматриваемый исторический период на каждого жителя Кузбасса приходилось 0,5 га пашни, в сельской местности проживало только 13 % населения области и около 5 % от общего количества трудящихся.

Хронологические рамки работы охватывают период с начала 1980-х гг., когда для преодоления аграрного кризиса начала десятилетия была принята Продовольственная программа СССР и ряд региональных подпрограмм, предусматривавших ряд мер для улучшения ситуации в сельском хозяйстве, до середины 1980-х гг., когда в стране произошла смена политического руководства и началась трансформация хозяйственного и экономического механизмов в сельхозпроизводстве страны, получившая название *перестройка*.

Методы и материалы

Статья подготовлена на широком и разноплановом круге источников, включающем в себя как опубликованные материалы, так и архивные документы. Использовались справки, отчеты, инструкции и аналитические записки, выявленные в фондах сельскохозяйственного отдела Кемеровского областного комитета КПСС, и документы исполнительного комитета Кемеровского областного Совета народных депутатов. Базовым источником выступили статистические данные, а также законодательные, нормативные и директивно-распорядительные акты центральных и региональных органов госвласти Кузбасса.

В качестве основной социофилософской концепции исследования используется теория модернизации, позволяющая понять, в какой степени экономико-политические изменения общегосударственного масштаба влияли на трансформацию агросектора. Основными структурными компонентами предмета исследования являются государственное регулирование сельского хозяйства и организационно-экономический механизм функционирования аграрного сектора экономики. При подготовке исследования автор опирался на принципы научной объективности и историзма, использовал описательный, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, системный методы исследования.

Результаты

Аграрный кризис начала 1980-х гг. и реализация Продовольственной программы в Кузбассе

На рубеже 1970–1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве области стала принимать кризисные формы. Показателями кризисных явлений стали: падение эффективности производства, его фондоотдачи, окупаемости применяемых средств, производительности труда, существенный рост себестоимости продукции. Неблагоприятными оказались и погодные условия, т. к. в начале 1980-х гг. в регионе несколько лет подряд была засуха. Замедление развития сельского хозяйства началось еще во второй половине 1970-х гг. За годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.) предприятия аграрного сектора Кузбасса недопоставили государству 824 тыс. т зерна, 87 тыс. т овощей, 44 тыс. т мяса, 105 тыс. т молока. В 1981 г. затраты на производство животноводческой продукции в Кузбассе выросли по молоку на 62 %, по мясу крупного рогатого скота – на 85 % по сравнению с 1971 г. При росте за десятилетие основных фондов в 2,7 раза прирост производства продукции составил всего 6 %, фондоотдача снизилась с 980 до 400 руб. Убыточными оказались 44 % колхозов и 75 % совхозов области. В совхозе «Новый» вырученных средств хватило только на зарплату рабочим².

Недостаточное производство продукции становилось причиной обострения продовольственной проблемы. Потребление мясных и молочных продуктов в Кузбассе не превышало 75 % к научно обоснованным нормам. Причем собственное производство обеспечивало потребности населения в мясе лишь на 58 %, в молочных продуктах – на 72 %, в овощах – на 70 %. Только картофелем и яйцами регион обеспечивал себя полностью за счет собственного производства. Большое количество продуктов завозилось. В 1981 г. Кузбасс получил из союзно-республиканских фондов 80 тыс. т мяса,

² Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-75. Оп. 45. Д. 35. Л. 64–65.

262 тыс. т молочных продуктов, 77 тыс. т овощей и бахчевых. Особо остро стоял вопрос продовольственного снабжения рабочих угледобывающей промышленности³.

Еще одной из причин кризисных явлений становилась аграрная политика государства, не всегда соответствующая требованиям времени. Сложившаяся система взаимоотношений колхозов и совхозов с государством нуждалась в реформировании. Так, на VI пленуме Кемеровского обкома КПСС 8 июня 1982 г. председатель колхоза «Вперёд» Новокузнецкого района Кемеровской области М. Сметанников резко высказался по поводу сложившейся системы планирования: «Мы много говорим о самостоятельности колхозов и совхозов в вопросах планирования. Однако мы не можем никак отказаться от мелочной опеки вышестоящих организаций. Нам диктуют не только те показатели, которые установлены планом, но и такие как: сколько заготовить сена, сенажа, силоса. Пора на деле выполнять решения Пленумов ЦК КПСС и дать хозяйствам самостоятельно решать: что и как производить»⁴.

Итогом развития кризисных процессов становилось снижение объемов производства сельхозпродукции и уменьшение государственных закупок. За три года одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) колхозы и совхозы Кузбасса недопоставили государству 626 тыс. т зерна и 15 тыс. т овощей. Только за 1983 г. не выполнили государственные планы закупок зерна 153 колхоза и совхоза, молока – 60, мяса – 64, овощей – 19 хозяйств. В связи с хронически убыточной работой во многих совхозах и колхозах выручка от реализации продукции и услуг не покрывала затраты на их содержание. Они вынуждены были брать у государства кредиты и к 1983 г. долгосрочные ссуды по совхозам региона составляли 350 млн руб., по колхозам – 290 млн руб. Косвенным проявлением кризиса стало снижение трудовой дисциплины работников агросектора. В совхозах Кузбасса за 1983 г. совершили прогулы 21 тыс. человек, за счет чего оказалось потеряно почти по 8 дней на одного работающего. Потери рабочего времени составили 158 тыс. человеко-дней и возросли по сравнению с 1982 г. на 6 %. Ухудшилась трудовая дисциплина в хозяйствах Промышленновского, Чебулинского,

Тяжинского районов и на предприятиях пищевой промышленности. Убытки от потерь и хищений на предприятиях сельского хозяйства в 1983 г. возросли в три раза и составили 1,340 млн руб. Только выявленные убытки от порчи сельскохозяйственной продукции составили 1,2 млн руб. Около 1 млн руб. было потеряно по причине пожаров⁵. Из-за низкой организации племенной работы и искусственного осеменения яловость коров возросла и составила 21 %. Непроизводительные расходы по содержанию яловых коров составили 17,2 млн руб. Падеж крупного рогатого скота в 1983 г. к обороту стада составил 4,6 %; свиней – 6,7 %; птицы – 6,7 %. Потери от падежа и гибели животных составили 9,2 млн руб.

Кризисные явления в аграрном секторе во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. имели место как в целом в СССР, так и в ряде регионов. В Алтайском крае среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции в 1976–1980 гг. сократилось на 3,3 %, в Новосибирской области был зафиксирован минимальный прирост (+0,6 %). Иначе выглядела ситуация в аграрном секторе Омской (+11,2%), Томской (+10,1%) и Тюменской областей (+9,8 % прироста валовой продукции)⁶. В десятом пятилетии рентабельность сельскохозяйственного производства РСФСР составляла –9 %, убыточным был 71 % предприятий аграрного сектора [Назаренко 2008: 29].

На решение антикризисных задач была направлена разработанная и принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г.⁷ В рамках ее реализации был принят ряд региональных подпрограмм. Одной из мер помощи аграрному сектору Кузбасса, предусмотренных этой программой, стало повышение закупочных цен на ряд продуктов и списание долгов с совхозов и колхозов. С хозяйств региона была списана задолженность в сумме 35 млн руб., пролонгированы долгосрочные и краткосрочные ссуды на 64 млн руб.⁸ Благодаря принятым мерам и повышению закупочных цен прибыль сельхозпредприятий Кузбасса значительно выросла и составила в 1983 г. 131,5 млн руб., в 1984 г. – 109,5 млн руб., в 1985 г. – 106 млн руб.⁹ Выросли объемы валового сельхозпроизводства (табл.¹⁰). В рамках реализации

³ ГАК. Ф. П-75. Оп. 42. Д. 12. Л. 3–35.

⁴ ГАК. Ф. П-75. Оп. 45. Д. 29. Л. 49.

⁵ ГАК. Ф. П-75. Оп. 51. Д. 75. Л. 3–31.

⁶ Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 6.

⁷ Продовольственная программа СССР: колхозно-правовые акты, сост. В. Н. Демьяненко и др., ред. В. Н. Демьяненко. Саратов: Сарат. ун-т, 1985. С. 21–61.

⁸ ГАК. Ф. П-75. Оп. 48. Д. 76. Л. 2–25.

⁹ Кемеровская область в цифрах (1975–1985 гг.). Стат. сб. Кемерово: Книжное изд-во, 1987. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 36–37.

Продовольственной программы также был запланирован и реализован ряд мер по совершенствованию материального благосостояния сельских тружеников, росту объемов производственного строительства, модернизации медицинского и бытового обслуживания сельского населения.

В 1984–1985 гг. ситуация в сельском хозяйстве стабилизировалась. Производство валовой продукции в хозяйствах всех категорий выросло на 9,2 % по итогам пятилетия. Динамично развивалось животноводство. Увеличение выработки мясной продукции достигло 24,5 %, молочной – 6,4 %, яиц – 19,1 %, шерсти – 7,2 %. В земледелии, испытывавшем последствия сильной засухи, наблюдались кризисные явления. Падение производства зерновых культур, по нашим расчетам, составило от 25 до 35 %. Валовые сборы картофеля снизились на 5,1 %. Позитивную динамику демонстрировало лишь овощеводство (+10 %) за счет роста производства овощных культур в закрытом грунте (в среднегодовом исчислении)¹¹.

Особенности аграрного развития Кузбасса в 1984–1985 гг.

Одной из особенностей развития сельского хозяйства в середине 1980-х гг. стало использование прогрессивных экономических механизмов – подряда и внутрихозяйственной аренды. Необходимо отметить, что новые коллективные формы организации труда, ускоренными темпами внедрявшиеся в 1980-е гг., ставили работников колхозов и совхозов в такие условия, при которых они несли ответственность перед коллегами за результаты своей работы, за отношение к делу, за соблюдение технологической дисциплины. Подряд обеспечивал ту оптимальную степень сочетания личного и общественного интереса, которая повышала ответственность работников на всех этапах сельскохозяйственного труда, ликвидировала обезличивание. Подряд стимулировал к творчеству, инициативе,

формировал добросовестность, честность, трудолюбие и другие личностные свойства. Внутрихозяйственный расчет подряда делал неразрывной связью между оплатой и конечными результатами. Работники звена вели его сами, что неизбежно формировало у них чувство хозяина своего дела [Кулёв 2010].

Внедрение подрядных отношений происходило в сельском хозяйстве Кузбасса достаточно интенсивно. В 1984 г. в регионе работало 333 хозрасчетных коллектива, за которыми было закреплено почти 25 % пашни, в том числе 62 % площадей картофеля, 35 % кормовых культур.

В подразделениях, работавших на коллективном подряде, урожайность сельскохозяйственных культур была выше на 10–30 %, производительность труда – на 15–35 %, а себестоимость продукции была ниже на 8–12 %. В совхозе «Тяжинский» за бригадой Виктора Генриховича Юзefовича в составе 10 человек было закреплено 1,7 тыс. га пашни. На одного работающего произведено продукции по 16 тыс. руб., производительность труда в бригаде была в два с лишним раза выше, чем по совхозу. При этом была получена урожайность зерновых культур по 23 ц/га, а сена многолетних трав – по 33 ц/га. Экономия составила более 10 тыс. руб., а заработная плата на 1 рабочего заметно повысилась.

В совхозе «Искитимский» (директор – Рейнтгольд Иоганесович Ахцигер) на ферме «Логовое» были реконструированы старые помещения для откорма 2 тыс. голов крупного рогатого скота. Поголовье обслуживала бригада из 36 человек, работающая по методу коллективного подряда. В эту бригаду были включены шесть руководителей и специалистов среднего звена. Основные фонды у трудового коллектива увеличились всего на 19 %. Но в результате строгого соблюдения технологической и трудовой дисциплины, высокой материальной заинтересованности людей валовое производство продукции увеличилось в 6,6 раза, затраты труда снизились в 2,5 раза, а себестоимость одного центнера

Табл. Валовая продукция сельского хозяйства Кемеровской области, в хозяйствах всех категорий в сопоставимых ценах 1973 г., млн руб.
Tab. Gross agricultural output in the Kemerovo Region: farms of all categories in comparable prices in 1973, million rubles

Вид предприятия	Валовая продукция сельского хозяйства, в среднем за год					
	Всего		Растениеводство		Животноводство	
	1976–1980	1981–1985	1976–1980	1981–1985	1976–1980	1981–1985
Совхозы и госхозы	403	456	151	159	302	354
Колхозы	95	101	37	38	58	63
Личные подсобные хозяйства	250	263	98	96	152	167

¹¹ Там же. С. 44–45, 50–51.

прироста живой массы уменьшилась с 353 до 150 руб. Производительность труда при этом выросла в 3,8 раза и составила 19 тыс. руб. на одного работающего, фондотдача увеличилась в 5,5 раз. За 1983 г. на ферме было произведено 550 т говядины. Это было значительно больше, чем производили некоторые откормочные совхозы в области¹².

Вместе с тем внедрение подрядных отношений не всегда давало одинаково позитивные результаты. Так, подряд был внедрен в совхозах «Вагановский» и «Мусохрановский». В «Вагановском» (директор – Михаил Федорович Алексашин) за этот период было получено 1,8 млн руб. прибыли, а в «Мусохрановском» – около 1,4 млн руб. убытков. Объяснялся этот факт тем, что в первом хозяйстве был налажен эффективный хозяйственный расчет, своевременно до всех подразделений доводились хозрасчетные задания, был налажен четкий учет затрат, регулярно на балансовых комиссиях подводились итоги выполнения планов, анализировалось расходование денежных и материальных средств, состояние трудовой дисциплины, а во втором хозяйстве эта работа проводилась в недостаточных размерах.

В первой половине 1980-х гг. в Кузбассе и Западной Сибири имел место количественный рост подсобных предприятий. Каждое более или менее крупное промышленное предприятие или шахта должны были создавать подсобное хозяйство, выращивать в нем картофель, овощи и животноводческую продукцию. Если в 1981 г. в Кемеровской области было 216 подсобных хозяйств, то к 1985 г. их насчитывалось уже 499, в том числе 71 – в районах. В Томской области число подсобных хозяйств увеличилось с двух десятков до 47. В Кузбассе функционировали 155 подсобных хозяйств, подчиняющихся Министерству угольной промышленности, Министерству внутренних дел СССР – 24, Министерству черной металлургии – 15, Министерству путей сообщения – 18 и ряда других ведомств. В Томской и Тюменской областях преобладали подсобные хозяйства предприятий лесной и нефтегазовой промышленности. Аналогичной была ситуация и в других регионах Западной Сибири.

В целом вклад подсобных хозяйств в различных регионах Западной Сибири в решение вопроса обеспечения населения продовольствием разительно отличался, что, в первую очередь, объяснялось их производственной специализацией и почвенно-климатическими условиями. Например, в 1983 г. в Алтайском крае, имевшем ярко выраженную сельскохозяйственную специфику, подсобные предприятия давали 2,8 % мяса, 0,3 % молока,

1,2 % овощей и 8,3 % картофеля по сравнению с колхозно-совхозным сектором. Схожей была ситуация в Новосибирской и Омской областях. Так, в подсобных хозяйствах Новосибирской области производилось в 1984 г. 5,5 тыс. т мяса (2,8 %), 12,6 тыс. т молока (1,2 %) и 9,9 млн яиц (1,5 %). В то же время в индустриальном Кузбассе удельный вес сельхозпродукции, произведенной подсобными предприятиями, был существенно выше и составлял соответственно 8 % мяса, 6 % молока, 28 % картофеля и 20 % овощей. Минимальным было производство в подсобных хозяйствах промышленных предприятий Томской области – в 1983 г. было произведено всего 1,6 тыс. т мяса и 2,1 тыс. т молока [Орлов 2013: 96–97].

В 1980-е гг. получило свое дальнейшее развитие шефство городских заводов и фабрик над совхозами и колхозами региона. Эта форма сотрудничества города и села начинает приобретать более стабильный и организованный характер. Шефство постоянно находилось под партийным контролем, регулярно обсуждалось на партсобраниях, бюро, активах и пленумах. По оказанию помощи селу разрабатывался комплекс мер на год и на пятилетку. Начали устанавливаться долгосрочные связи между шефами и подопечными. Шефствующие предприятия обычно принимали участие в уборке урожая, ремонтировали тракторы и комбайны, строили и реконструировали теплицы, гаражи, производственные помещения и т. д.

Прирост производства валовой продукции растениеводства и животноводства в первой половине 1980-х гг. в Кузбассе составил +9,2 % и был схож с темпами прироста в Омской области (+9,1 %). При этом он превышал аналогичные показатели по Новосибирской области (+1,3 %) и Алтайскому краю (+8,1 %), но был меньше, чем в Тюменской (+10,6 %) и Томской областях (+15,8 %)¹³.

Заключение

В развитии агропромышленного комплекса Кузбасса в первой половине 1980-х гг. можно отчетливо проследить три основных этапа. В начале одиннадцатой пятилетки фиксируется аграрный кризис, выразившийся в существенном спаде производства сельхозпродукции и падении доходности колхозов и совхозов области. Триггером кризиса стали неблагоприятные погодные условия (засуха). Принятие в 1982 г. Продовольственной программы СССР изменило ситуацию. Реализация Продовольственной программы позволила преодолеть негативные тенденции в агросекторе. Большая часть

¹² Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965–1985 гг.): сб. документов, сост. и науч. ред. Д. С. Орлов. Бийск: АГАО им. В. М. Шукшина, 2011. С. 212–213. <https://elibrary.ru/quxkxh>

¹³ Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 29.

предложенных в ней новаций существенно не меняла хозяйственно-экономический механизм и во многом была органично связана с решениями мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. Улучшение экономического положения агропредприятий в середине десятилетия было вызвано повышением закупочных цен, списанием долгов колхозам и совхозам, ростом инвестиций в сельскохозяйственное производство, увеличением поставок техники и оборудования. Дальнейшее развитие получили хозрасчетные и арендные отношения. В 1983–1985 гг. фиксируется улучшение экономического положения предприятий агросектора, растет количество произведенной сельхозпродукции.

Экономическое положение колхозов и совхозов, если рассматривать его в более широких хронологических рамках, напрямую коррелировалось со среднегодовыми объемами валового производства сельхозпродуктов. В годы восьмой пятилетки, когда были созданы наиболее благоприятные условия для развития сельского хозяйства, валовое производство продуктов животноводства и растениеводства по сравнению с 1961–1965 гг. в области увеличилось на 21,4 % (по Западной Сибири – на 19,9 %). В 1966–1970 гг. в Кузбассе сельское хозяйство произвело продукции на 1,582 млрд руб. против 1,173 млрд руб. в предшествующем периоде. В дальнейшем прирост валовой продукции сокращался и составил в девятой пятилетке 11,3 % (по макрорегиону – 11,4 %), в десятой пятилетке прирост по Кемеровской области стал отрицательным (–0,6 %), а по Западно-Сибирскому экономическому району составил 2,7 %. Прирост производства растениеводческой и животно-

водческой продукции в годы одиннадцатой пятилетки, приобретя положительную динамику, носил восстановительный характер и достиг 9,2 % по области и 4,4 % по Западной Сибири [Ильиных и др. 2012: 169]. Таким образом, представленные данные позволяют сделать вывод, что динамика развития агросектора Кузбасса в рассматриваемый исторический период в целом совпадала с аналогичными показателями по Западно-Сибирскому экономическому району.

В ряде сельхозпредприятий Кузбасса оставались высокими непроизводственные затраты, хозяйства несли существенные потери при уборке урожая и от падежа скота. Основные плановые показатели до непосредственных производителей доводились несвоевременно, производственно-финансовые планы и хозрасчетные задания составлялись с опозданием. В отдельных колхозах и совхозах внутрихозяйственный расчет существовал лишь на бумаге, не уделялось должного внимания организации хозрасчетных подрядных бригад и звеньев. Часть колхозов и совхозов нерационально использовали предоставленные капиталовложения, технику и оборудование. Обслуживающие организации допускали обчеты агропредприятий, отсутствовал должный контроль и экономический учет в хозяйствах.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Андреев С. Н. Адаптация крупных предприятий АПК Новосибирской области к рынку и ее экономические результаты в 1990-е гг. ЭКО. 2021. № 5. С. 175–192. [Andreenkov S. N. Adaptation of large enterprises of Novosibirsk region's agro-industrial complex to the market economy and its economic results in the 1990s. ECO, 2021, (5): 175–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tdbijj>
- Андреев С. Н. Влияние рыночных реформ на экономику Сибири (1990-е годы). Исторический курьер. 2022. № 4. С. 58–71. [Andreenkov S. N. The impact of market reforms on the Siberian economy (1990s). Historical Courier, 2022, (4): 58–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-4-5>
- Андреев С. Н., Ильиных В. А., Орлов Д. С. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с. [Andreenkov S. N., Ilinykh V. A., Orlov D. S. Agriculture in Western Siberia in the second half of the 1960s – 1980s: dynamics, organizational, production, and sectoral structure. Novosibirsk: Sibprint, 2018, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gbviiq>
- Волков И. М., Выцлан М. А. Советская деревня на современном этапе. История СССР. 1979. № 2. С. 3–19. [Volkov I. M., Vytslan M. A. Soviet village at the present stage. Istoriia USSR, 1979, (2): 3–19. (In Russ.)]
- Горелов Ю. П. История Кузбасса. Кемерово: КемГУ, 2006. 99 с. [Gorelov Yu. P. History of Kuzbass. Kemerovo: KemSU, 2006, 99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpeqrl>
- Заславская Т. И., Троцкий А. Я., Федосеев В. И. К вопросу о социально-территориальной структуре Западно-Сибирского региона. Изв. СО АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. 1985. Т. 7. № 2. С. 3–12. [Zaslavskaya T. I., Trotskiy A. Ya., Fedoseev V. I. Socio-territorial structure of the West Siberian region. Izv.SO AN SSSR. Ser. ekonomiki i prikladnoi sotsiologii, 1985, 7(2): 3–12. (In Russ.)]

- Ильиных В. А., Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Зерновое хозяйство Сибири в 1990-е гг. *Сибирская деревня*, отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2017. С. 300–322. [Ilinykh V. A., Karpunina I. B., Melentyeva A. P. Grain economy of Siberia in the 1990s. *Siberian village*, ed. Ilinykh V. A. Novosibirsk: Sibprint, 2017, 300–322. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zuozvj>
- Ильиных В. А., Николаев А. А., Рынков В. М., Андреенков С. Н., Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с. [Ilinykh V. A., Nikolaev A. A., Rynkov V. M., Andreenkov S. N., Karpunina I. B., Melentyeva A. P. *Agriculture in Siberia in the 20th century: problems of development and crises*. Novosibirsk: Sibprint, 2012, 408. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmbheb>
- Ильиных В. А., Рынков В. М., Андреенков С. Н., Орлов Д. С., Белянин Д. Н., Мазур Л. Н., Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Проекты преобразования аграрного строя в Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с. [Ilinykh V. A., Andreenkov S. N., Rynkov V. M., Orlov D. S., Belyanin D. N., Mazur L. N., Karpunina I. B., Melentyeva A. P. *Projects for the transformation of the agrarian system in Siberia in the twentieth century: the choice of ways and methods of modernization*. Novosibirsk: Sibprint, 2015, 298. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uajudh>
- История Кузбасса, отв. ред. Н. П. Шуранов. Кемерово: СКИФ; Кузбасс, 2006. 360 с. [*History of Kuzbass*, ed. Shuranov N. P. Kemerovo, SKIF; Kuzbass, 2006, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yzgynh>
- Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 636 с. [Konovalov A. B. *The party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006, 636. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oyamei>
- Корнилов Г. Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты. *История науки и техники*. 2018. № 2. С. 36–50. [Kornilov G. E. Agrarian transition in Russia in the twentieth century: features, rates, results. *History of Science and Engineering*, 2018, (2): 36–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysiacg>
- Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1965–1985 годах, отв. ред. Н. Я. Гушчин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1991. 493 с. [*Peasantry and agriculture in Siberia in 1965–1985*, ed. Gushchin N. Ya. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1991, 493. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmbgxd>
- Кулёв В. М. История подряда как формы активизации человеческого фактора в сельском хозяйстве России: от Н. С. Хрущева к Л. И. Брежневу. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12. № 6. С. 139–145. [Kulyev V. M. History of contract work as a form of human factor activization in Russias agricultural sector under Khrushchev and Brezhnev. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2010, 12(6): 139–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxjyol>
- Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: УрГУ, 2006. 564 с. [Mazur L. N., Brodskaya L. I. *Evolution of rural settlements in the Middle Urals in the XX century: an experience of dynamic analysis*. Ekaterinburg: UrSU, 2006, 564. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrlexx>
- Назаренко В. И. Россия и зарубежные страны. Модели аграрной политики. М.: ПИМ, 2008. 476 с. [Nazarenko V. I. *Russia and foreign countries. Agricultural policy models*. Moscow: PIM, 2008, 476. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsqjsh>
- Наухацкий В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965–2000. Ростов н/Д: РГЭУ, 2003. 199 с. [Naukhatsky V. V. *Modernization of agriculture and the Russian village. 1965–2000*. Rostov-on-Don: RSUE, 2003, 199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqdcgv>
- Наухацкий В. В. Приоритеты аграрной политики 1965–2015 гг.: сравнительно-исторический анализ. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2017. № 1. С. 91–95. [Naukhatsky V. V. Agrarian policy priorities between 1965–2015: The comparative historical analysis. *The Humanities and socio-economic sciences*, 2017, (1): 91–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhswyt>
- Орлов Д. С. Аграрный сектор Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Бийск: АГАО им. В. М. Шукшина, 2013. 145 с. [Orlov D. S. *The agricultural sector of the Kemerovo region in the second half of the 1960s – the first half of the 1980s*. Biysk: The Shukshin ASAP, 2013, 145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywopxp>
- Палин А. В., Мирошник В. А., Звягин С. П., Зинякова В. М., Красильникова О. С., Литовченко В. П., Устьянцев А. Н., Реховская Т. А. История Кузбасса. Кемерово: КемТИПП, 2014. 368 с. [Palin A. V., Miroshnik V. A., Zvyagin S. P., Zinyakova V. M., Krasilnikova O. S., Litovchenko V. P., Ustyantsev A. N., Rekhovskaya T. A. *History of Kuzbass*. Kemerovo: KemiFST, 2014, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvnyst>
- Просеков А. Ю. Дореволюционное, советское и современное законодательство в сфере продовольственной политики. *Пищевая промышленность*. 2018. № 3. С. 32–35. [Prosekov A. Yu. Pre-revolutionary, Soviet and modern legislation in the field of food policy. *Food Industry*, 2018, (3): 32–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrhsrd>

- Романченко В. Я. Государственные сельские хозяйства России: исторический опыт, проблемы, уроки развития. Саратов: СГСЭУ, 2000. 196 с. [Romanchenko V. Ya. *State agriculture in Russia: historical experience, problems, and development lessons*. Saratov: SSSEU, 2000, 196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vilaiv>
- Томилин В. Н. Колхозы СССР в новых экономических условиях конца 1950-х – начала 1960-х гг. *Вестник архивиста*. 2020. № 1. С. 194–207. [Tomilin V. N. Soviet Kolkhozes under new economic conditions of the late 1950s – early 1960s. *Herald of an archivist*, 2020, (1): 194–207. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2020-1-194-207>
- Томилин В. Н. Попытки решения продовольственной проблемы в СССР в период политического лидерства Н. С. Хрущева. *Северо-Запад в аграрной истории России*. 2019. № 25. С. 228–236. [Tomilin V. N. Attempts to solve the food problem in the USSR under N. S. Khrushchev. *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*, 2019, (25): 228–236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/exklqc>
- Серогодский Н. А. Аграрные преобразования периода перестройки: цели, методы, результаты, 1985–1991 гг. Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2011. 249 с. [Serogodsky N. A. *Agrarian transformations of the perestroika period: goals, methods, results in 1985–1991*. Slavyansk-on-Kuban: SSPI, 2011, 249. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpuqgb>
- Серогодский Н. А. Основные тенденции развития сельского хозяйства СССР в 1980-е гг. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2016. № 1. С. 441–451. [Serogodsky N. A. The main trends in the development of agriculture in the USSR in the 1980s. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, 2016, (1): 441–451. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbycgv>
- Сухова О. А., Наухацкий В. В., Андреенков С. Н., Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н., Мозохин О. Б., Шарапов С. В., Ягов О. В. СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991). Пенза: ПГУ, 2022. 764 с. [Sukhova O. A., Naukhatsky V. V., Andreenkov S. N., Kursheva G. A., Bikeykin E. N., Mozokhin O. B., Sharapov S. V., Yagov O. V. *USSR: Agrarian policy and regional peculiarities of its implementation (1922–1991)*. Penza: PSU, 2022, 764. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eqidqr>
- Трефилкина И. П., Зяблицева С. В., Хромова Т. Ю. История сельского хозяйства и аграрных отношений в России (VI–XX века). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 234 с. [Trefilkina I. M., Zyablitseva S. V., Khromova T. Yu. *History of agriculture and agrarian relations in Russia (VI–XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 234. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqeutt>
- Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни, 1965–1980. М.: Мысль, 1982. 208 с. [Tyurina A. P. *Socio-economic development of the Soviet village, 1965–1980*. Moscow: Mysl, 1982, 208. (In Russ.)]
- Хромова Т. Ю. Аграрный сектор Кузбасса в годы войны. *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2016. № S2. [Khromova T. Y. The agrarian sector of Kuzbass in the years of war. *Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*, 2016, (S2). (In Russ.)] URL: <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2016/S02/00192.pdf> (accessed 15 Dec 2022). <https://elibrary.ru/xenmhf>
- Шевельков А. И. «Почему я должен верить мартовскому пленуму ЦК КПСС?» «Неудобные» вопросы партийному руководству. Весна 1965 г. *Исторический архив*. 2013. № 1. С. 4–10. [Shevelkov A. I. "Why should I believe the March Plenum of the Central Committee of the CPSU?" The inconvenient questions to the party leadership. Spring 1965. *Istoricheskii arkhiv*, 2013, (1): 4–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pscfch>
- Шевельков А. И. Аграрная политика и нарастание кризиса в сельском хозяйстве РСФСР во второй половине XX века. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 6. С. 73–80. [Shevelkov A. I. Agrarian policy and the growing crisis in the agriculture of the RSFSR in the second half of the XX century. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2009, (6): 73–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kknnxz>
- Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 526 с. [Shcheglova T. K. *The village and the peasantry of the Altai territory in the XXth century*. Oral history. Barnaul: BSPU, 2008, 526. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwxcob>
- Kornilov G. Russian modernization in the 20th century: Features, pace, and results. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2022, 92(S3): S221–S234. <https://doi.org/10.1134/S1019331622090088>

оригинальная статья

Особенности формирования сети горноспасательных станций в Кузбассе в 1922–1934 гг.

Сарин Дмитрий Петрович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-6871-702X>

sarin.d@mail.ru

Поступила в редакцию 27.08.2023. Принята после рецензирования 23.10.2023. Принята в печать 23.10.2023.

Аннотация: Статья посвящена проблеме сопряжения темпов развития горноспасательной службы и угольной отрасли Кузбасса, обусловленных переходом внутренней политики государства от нэпа к индустриализации. В работе отражена последовательность решений, принятых центральными органами государственной власти для расширения сети горноспасательных станций, обслуживающих шахты угольной промышленности СССР. На примере Анжеро-Судженской, Ленинской и Кемеровской горноспасательных станций показан процесс формирования и подготовки респираторных и вспомогательных команд. Дана характеристика количественного состава сотрудников горноспасательной службы Кузбасса на 1 июля 1924 г. Показана взаимосвязь расширения сети горноспасательных станций с развитием угольной отрасли. Акцентируется внимание на положительном влиянии централизованной формы организации горноспасательной службы в системе государственного горного надзора. Показаны источники финансирования горноспасательных станций и порядок оплаты спасательных и вспомогательно-технических работ. Накануне второй пятилетки удельный вес станций Кузбасса в общем количестве горноспасательных станций СССР составлял 8,5 %. Сведения, извлеченные из архивных материалов, позволили определить точные даты создания первых государственных горноспасательных станций на Кемеровском и Ленинском рудниках, установить имена первых руководителей горноспасательной службы в Сибири. Сделан вывод, что формирование широкой сети горноспасательных станций в Кузбассе стало возможно благодаря финансовой и организованной поддержке государства.

Ключевые слова: горноспасательная служба, горноспасательное дело, угольная промышленность, безопасность в промышленности, шахта, респираторная команда, рудничный пожар

Цитирование: Сарин Д. П. Особенности формирования сети горноспасательных станций в Кузбассе в 1922–1934 гг. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 870–882. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-870-882>

full article

Mine-Rescue Stations in Kuzbass in 1922–1934

Dmitriy P. Sarin

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-6871-702X>

sarin.d@mail.ru

Received 27 Aug 2023. Accepted after peer review 23 Oct 2023. Accepted for publication 23 Oct 2023.

Abstract: In the early 1920s, Russia moved on from the New Economic Policy to industrialization. The Kuznetsk Coal Basin needed an advanced mine-rescue system to support its growing coal industry. This research focused on the chain of decisions made by the state authorities to expand the mine-rescue stations network across the USSR. The authors used the examples of mine-rescue stations in Anzhero-Sudzhensk, Leninskiy, and Kemerovo to describe the formation and development of respiratory and supporting rescue teams. Archival sources made it possible to restore the quantitative composition, wage system, and funding sources of the Kuzbass mine-rescue service in July 1, 1924, as well as to identify the first management team. The mine-rescue development followed the expansion of the coal industry under the efficient state control provided by the centralized mining supervision. By the beginning of the second five-year industrial plan, Kuzbass was responsible for 8.5 % of the total mine-rescue stations in the country. The Kuzbass region owed its wide and efficient network of mine-rescue stations to the financial and organizational support of the state.

Keywords: mine-rescue service, mine rescue works, coal industry, industrial safety, mine, respiratory team, mine fire

Citation: Sarin D. P. Mine-Rescue Stations in Kuzbass in 1922–1934. *SibScript*, 2023, 25(6): 870–882. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-870-882>

Введение

Вековая история кузбасской горноспасательной службы крепко переплетена с развитием отечественной угольной отрасли и совершенствованием государственной системы горного надзора. Восстановление и реконструкция угольной промышленности Кузбасса в первые годы советской власти, а затем ее форсированное развитие в годы индустриализации выявили необходимость создания новых горноспасательных станций (ГСС) для обслуживания шахт бассейна. Прерогатива определения месторасположения и штатов новых ГСС в период нэпа принадлежала Центральному управлению горного надзора Главного управления горной промышленности ВСНХ РСФСР (ЦУГН). В годы индустриализации горноспасательная служба была военизирована и функционировала в системе Управления противовоздушной обороны и военизированных специальных частей Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР (УПВО и ВСЧ НКТП СССР).

Развитие горноспасательного дела в угольных бассейнах СССР, включавшее расширение сети ГСС, осуществлялось в русле государственной задачи обеспечения безопасности труда в горной промышленности. Решения центральных органов исполнительной власти об увеличении количества ГСС были обусловлены необходимостью наличия в промышленных центрах угольной отрасли отрядов горноспасателей, способных в непригодной для дыхания атмосфере проводить подземные работы в шахтах. Кроме спасения жизней шахтеров при катастрофах, взрывах газа и других чрезвычайных ситуациях, горноспасатели эффективно работали при ликвидации подземных пожаров, угрожавших гибелью отдельных рудников и целых месторождений [Левенец 1932: 22].

В настоящее время существует мнение, что история развития горноспасательной службы Кузбасса изучена в недостаточной степени, в тени остаются вопросы эффективности работы горноспасателей [Хорошилов 2011: 7–8]. Следует признать, что процесс расширения сети ГСС в Кузбассе в 1920–1930-е гг. частично получил освещение в научных трудах, посвященных успехам индустриального Кузбасса [Вторая угольная... 1936] и развитию горноспасательного дела в России [Аксенов и др. 2013; Голик и др. 2019; Лебедев 2014; Левицкая, Тортобаев 2018; Овчаренко и др. 2022; Павлова 2022b; Тарима, Родионов 2017; Фадеев 1934; 1935; Хорошилова, Ефимов 2013; Щаблов и др. 2013], но в то же время не являлся предметом отдельного исторического исследования.

Несмотря на значительное количество публикаций, до сих пор отсутствует труд, позволяющий детально рассмотреть аспекты процесса создания ГСС и объединения их в единую сеть. Полезной при анализе современных научных публикаций является статья А. В. Павловой «Современная историография горноспасательного дела в России и на Донбассе» [Павлова 2022a].

Цель данной работы обусловлена определением особенностей формирования сети ГСС в угольной промышленности Кузбасса в 1920-е – начале 1930-х гг.

Методы и материалы

Основу для проведения исследования составили документы, хранящиеся в государственных архивах Кемеровской, Новосибирской, Томской областей и Российском государственном архиве экономики. При подготовке статьи были использованы архивные фонды Анжеро-Судженского представительства государственного объединения каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна; Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» СТО СССР; Исполкома Западно-Сибирского краевого совета депутатов трудящихся; Горного отдела Сибкрайсовнархоза; Управления Томско-Алтайского горного округа; Управления ПВО и ВСЧ НКТП СССР. В работе использован проблемно-хронологический метод, позволивший проследить процесс формирования сети ГСС в Кузбассе. Результаты исследования позволяют определить даты создания первых государственных горноспасательных станций в Кемерове и Ленинске-Кузнецком, установить имена первых руководителей горноспасательной службы Сибири и ГСС Кузбасса.

Результаты

Возникновение сети горноспасательных станций в период нэпа

Важную роль в развитии горноспасательной службы в рассматриваемый период играл государственный горный надзор. Для упорядочения системы надзора в угольной промышленности 30 января 1922 г. Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР принял декрет «Положение о Горном Надзоре в РСФСР», в котором управление горным надзором было закреплено за ЦУГН. В соответствии с Положением в Томске было создано Сибирское управление горного надзора (Сибгорнадзор), начальником которого 22 мая 1922 г. был назначен горный

инженер Леонид Степанович Губарев. В начале декабря 1923 г. Сибгорнадзор переехал в Новониколаевск¹. В состав Сибгорнадзора входили маркшейдерский и горноспасательный отделы, последний начал функционировать с 1 июля 1923 г. под руководством горного инженера Корнилия Дмитриевича Безуглого, имевшего опыт работы в области горноспасательного дела². В прямом подчинении Сибгорнадзора находились Управления Томско-Алтайского, Енисейского и Иркутского горных округов, а также горноспасательные станции Сибири³.

1 февраля 1922 г. между Центральным Правлением каменноугольной промышленности Кузбасса (ЦПКП Кузбасса) и ЦУГН было заключено соглашение, в соответствии с которым технический персонал, рабочие, движимое и недвижимое имущество спасательных и испытательных станций, а также все аппараты и принадлежности на этих станциях автоматически перешли в ведение Центрального управления горного надзора РСФСР⁴. Руководители горноспасательных станций были обязаны беспрекословно по первому требованию ЦПКП Кузбасса и отдельных рудников обеспечить выполнение всех спасательных и вспомогательно-технических работ. В рамках соглашения Анжерская спасательная станция была выведена из состава «Кузбасстреста» и передана в прямое подчинение Сибгорнадзору [Безуглый 1929: 286]. Анжеро-Судженское Райуправление обеспечивало со своих складов снабжение станции техническим инвентарем неспециального назначения, фуражом и материалами, оплата за которые производилась по себестоимости за счет ЦУГН. В отношении снабжения продовольствием рабочие и служащие спасстанций во всем приравнивались к трудящимся угольной промышленности Кузбасса.

В начале 1920-х гг. в Сибири функционировала лишь одна Анжеро-Судженская районная II разряда горноспасательная станция, которая обслуживала угледобывающие предприятия Кузнецкого и Черемховского бассейнов. Данная спасстанция была открыта в 1907 г. [Аксенов и др. 2013: 13], с 1913 г. она имела на вооружении 26 аппаратов «Дрегер» (модель 1911 г.) и шланговые дыхательные аппараты «Вестфалия» (модель 1912 г.),

из которых в боевой готовности на 1 июля 1923 г. находилось 11 аппаратов⁵. Из-за отсутствия собственных транспортных средств на станции при обслуживании Анжеро-Судженского района для выезда к месту аварии или чрезвычайной ситуации горноспасатели использовали лошадей с конного двора Рудоуправления, а в случае передвижения на большие расстояния за пределы района администрация железной дороги предоставляла необорудованный вагон.

Персонал станции на 14 июня 1923 г. характеризовался следующим образом: начальник – горный инженер Владимир Осипович Курбатов и помощник начальника – горный техник Иван Антонович Дубакин прошли специальную и техническую подготовку по спасательному делу в Донбассе; 2 инструктора и 3 члена респираторной команды прошли подготовку в Анжерке; 20 человек вспомогательной команды проходили обучение при спасстанции, из них 12 членов получали денежное содержание за счет бюджета спасстанции и 8 членов – за счет Рудоуправления⁶. Членами вспомогательной команды являлись горняки-совместители, которые в свободное, но заранее определенное время, не реже одного раза в месяц являлись на станцию для обучения и совершенствования практических навыков работы в респираторах⁷.

Для тренировки спасательной команды при станции имелся дымный штрек. Сигнал тревоги – сирена – подавался специальным гудком, имевшимся на шахте № 1. Жилищ при станции не было, сотрудники размещались в квартирах жилфонда Рудоуправления, что отрицательно сказывалось на времени сбора спасательного отряда по тревоге. На боеспособность членов респираторной команды отрицательно влияло отсутствие регулярного медицинского осмотра. Например, в 1921 г. во время тушения пожара в Кольчугино из 12 человек отряда, прибывшего на тушение пожара, 3 человека оказались негодными для работ в респираторах⁸.

Наличие на огромной территории Сибири одной спасстанции и ее удаленность от угольных рудников подчеркивали необходимость увеличения числа станций. Так, переброска команды спасателей из Анжерки в угольные районы Кузбасса была затруднена несовершенством железнодорожного транспорта

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 269–269 об.

² Там же. Л. 141.

³ Там же. Л. 175–177.

⁴ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–1 об.

⁵ ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 70.

⁶ Там же. Л. 43, 43 об., 171.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 38.

⁸ Там же. Д. 85. Л. 72.

и примитивностью переправы через реку Томь, а для преодоления расстояния в 1360 верст до Черемховского района требовалось около трех суток⁹.

В 1923 г. ЦУГН планировало на территории Сибири открыть три горноспасательных станции в Ленино (бывш. Кольчугино), Кемерово и Черемхово¹⁰. По разным причинам удалось открыть только Ленинскую станцию. Торжественное открытие спасстанции состоялось 27 июля 1923 г. в присутствии свыше 400 рабочих и служащих Ленинского района, управляющего Райуправления, а также представителей Центрального и Сибирского управлений Горнадзора, рудничного комитета Всероссийского союза горнорабочих (Рудком ВСГ), местных советских и партийных организаций¹¹.

По решению участников торжественного собрания в Москву были отправлены две телеграммы. В первой, направленной в ЦК ВСГ, говорилось: «Представители всех партийных, советских, профессиональных организаций, общее собрание рабочих и служащих Ленинского рудника приносят Вам глубокую благодарность за открытие Горнадзором спасстанции сегодня 27 июля. Рабочие на громадном подъеме воспрянули духом, глубоко почувствовав заботу о нем Союза Соввласти»; во второй, в адрес ЦУГН: «открытие спасстанции яркое доказательство Вашей заботы о жизни и здоровья шахтера-горняка и энергии быстроты действия организаторов станции»¹².

Для формирования команды спасателей станции из 42 человек рудничных горнорабочих после тщательного медицинского осмотра было отобрано 12 наиболее достойных и удовлетворяющих требованиям человек¹³. Для подготовки членов респираторной и вспомогательной команд в период с 1 по 12 августа 1923 г. под руководством горного инженера К. Д. Безуглого, инструкторов Анжерской и Ленинской станций Ивана Алексеевича Мирошниченко и Павла Сергеевича Боровкова были организованы теоретические и практические занятия. После окончания обучения все кандидаты сдали экзамены специально сформированной комиссии в составе начальника Сибгорнадзора Л. С. Губарева, начальника

Горноспасотдела К. Д. Безуглого, представителей Рудком ВСГ и Райуправления. По итогам экзаменов члены комиссии в акте отметили: «Принимая во внимание очень короткий промежуток времени подготовки и строжайшие требования, предъявляемые к кандидатам во время испытания, нельзя не признать достигнутые результаты испытаний вполне совершенными, что объясняется как страстным стремлением обучавшихся к работе в спасательном отряде, так и добросовестной и дельной работе обучавших»¹⁴. После сдачи теоретической части были произведены практические работы в дымном штреке в регенеративных и шланговых аппаратах. По результатам работ комиссия посчитала «вполне возможным признать наличность боеспособности отряда и станции»¹⁵.

Учитывая результаты испытаний, в состав спасстанции были зачислены 1 монтер, 3 члена респираторной и 8 человек вспомогательной команд. Инструктором был назначен член респираторной команды Анжерской станции П. С. Боровков¹⁶, фельдшером по совместительству принят Иван Яковлевич Гусев. Из-за отсутствия специалиста на должность начальника Ленинской станции после 10-дневного изучения спасательного дела под руководством горного инженера К. Д. Безуглого временно был назначен горный техник Никита Ефимович Петров по совместительству со службой в Рудоуправлении Ленрайона¹⁷.

За произведенные сотрудниками спасстанции обслуживающие работы Рудоуправлением Ленрайона производилась следующая оплата: за один час работы в респираторах – стоимость 1 смены; дежурства за 6 часов днем и 5 часов ночью – стоимость 1 смены¹⁸.

В начале своего существования Ленинская станция ввиду слабого оборудования спасательным инвентарем и персоналом имела местное значение и обслуживала исключительно Ленинский угольный район, дополнительно личный состав станции должен был в случае необходимости оказывать временную помощь до прибытия подкрепления с Анжеро-Судженской станции на коях Южной группы «Кузбасстреста»¹⁹.

⁹ Там же. Л. 71–71 об.

¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 37.

¹¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 36. Л. 13–15 об.

¹² Там же. Л. 15 об.

¹³ ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 227.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 36. Л. 12.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 227–227 об.

¹⁷ Там же. Л. 110 об.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 36. Л. 35.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 342.

С перспективой назначения на должность начальника Кемеровской горноспасательной станции 13 ноября 1923 г. на службу в Сибгорнадзор был принят молодой горный инженер Николай Иванович Дорогов-Генин, который прошел курс обучения спасательному делу на Анжеро-Судженской станции²⁰. Но из-за задержки открытия спасстанции в Кемерово Н. И. Дорогов-Генин был назначен 20 декабря 1923 г. на должность начальника Ленинской станции²¹.

С 1 августа 1923 г. кузбасские горноспасательные станции в соответствии с письмом ЦУГН от 7 августа 1923 г. были переведены в перворазрядные²². Поэтому при составлении сметы на 1923 / 1924 операционный год были увеличены расходы на содержание Анжеро-Судженской районной горноспасательной станции I разряда, Ленинской и Кемеровской подрайонных станций I разряда (последняя к тому времени еще была не открыта). Приказом Сибгорнадзора от 19 сентября 1923 г. № 116 Ленинская станция была подчинена Анжеро-Судженской районной спасстанции²³.

В начале 1924 г. разногласия между Сибгорнадзором и директором Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК) Себальдом Рутгерсом, не позволившие открыть станцию в Кемерово в 1923 г., были урегулированы. Необходимость открытия на Кемеровском руднике государственной горноспасательной станции была признана руководством АИК, в планы которого входило как можно быстрее начать вскрышные работы пожарных участков на Волковском пласте, сделать это могли только подготовленные и специально оснащенные горноспасатели. Официальное открытие Кемеровской станции состоялось 16 апреля 1924 г., после чего она была включена в сеть ГСС Сибири с подчинением Анжеро-Судженской станции²⁴. Бывшая спасстанция, которая была создана в 1923 г. как вспомогательное подразделение при АИК, была упразднена. На момент открытия станция располагала 6 аппаратами системы «Пауль», 6 аккумуляторными лампами, насосом высокого давления «Дрегера» и другим инвентарем²⁵. С Анжеро-Судженской станции для усиления был перебросен

заранее подготовленный ЦУГН для Кемеровской станции комплект инвентаря и материалов²⁶.

В апреле началось формирование и обучение кемеровской спасательной команды, были организованы занятия по теоретической и практической подготовке обращения с аппаратами и оказанию первой помощи при несчастных случаях. Начальником станции был назначен (по совместительству) помощник главного инженера АИК горный инженер Сергей Михайлович Скорбященский, инструктором был принят ранее временно исполнявший обязанности заведующего бывшей спасстанцией АИК Николай Сергеевский, для усиления состава респираторной команды в Кемерово был переведен специалист по аппаратам «Дрегера» Георгий Васильевич Белоконов, работавший инструктором на Анжеро-Судженской станции²⁷. После обучения и сдачи экзаменов в июне в состав спасстанции были зачислены 2 члена респираторной команды и 6 членов вспомогательной команды, что позволило привести штат сотрудников к полному комплекту – 12 человек²⁸. До постройки и оборудования специально предназначенного каменного здания в августе 1924 г. при Центральной шахте Кемеровского рудника станция размещалась на нижнем этаже главной конторы АИК.

Начало функционирования Кемеровской станции стало очередным шагом в стратегии ЦУГН по созданию спасстанций в каждом крупном угольном районе Сибири и расширению сети ГСС на территории Кузбасса.

В июле 1924 г. Сибгорнадзор был реорганизован в Горный отдел Сибпромбюро ВСНХ, который возглавил горный инженер Леонид Александрович Скворцов²⁹. В его подчинение перешли спасательные станции Кузбасса, а Анжерская станция была переименована в «Сибирскую правительственную горноспасательную и испытательную станцию» [Безуглый 1929: 286].

Общее количество сотрудников трех кузбасских станций составляло 57 человек, или 89 % от штатного расписания, в пересчете на 1 тысячу трудящихся угольной промышленности Кузбасса приходилось примерно 4,3 персонала ГСС (табл. 1³⁰). Для сравнения – в Донбассе

²⁰ Там же. Л. 248 об.

²¹ ГАТО. Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 36. Л. 45.

²² ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 129.

²³ Там же. Л. 172.

²⁴ Там же. Л. 367, 388, 409–410.

²⁵ Там же. Л. 391.

²⁶ Там же. Л. 403.

²⁷ Там же. Л. 403 об., 408, 473 об.

²⁸ Там же. Л. 492–492 об.

²⁹ Там же. Д. 85. Л. 478.

³⁰ Сост. по: ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 2. Л. 29 об., 72; ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 477–475.

на 1 апреля 1924 г. в составе 22 спасстанций числилось 495 сотрудников, а на 1 тысячу трудящихся приходилось 3,3 персонала ГСС [Шуб 1929: 2030–2031]. Более высокий показатель в Кузбассе объясняется тем, что станции обслуживали меньшее количество шахт, а количество шахтеров было в 10 раз меньше, чем в Донбассе.

Как видно из показателей таблицы 1, основные категории штатных должностей станций были укомплектованы почти полностью. Самый высокий комплект сотрудников был на Анжеро-Судженской станции – 121 %, он достигался благодаря тому, что 6 человек вспомогательной команды находились на содержании Рудоуправления. Показатели таблицы позволяют считать, что число профессиональных горноспасателей в Кузбассе с вводом в строй Ленинской и Кемеровской станций увеличилось в два раза.

Заработная плата сотрудников кузбасских ГСС определялась по 17-разрядной сетке: начальник районной спасстанции получал по 15 разряду, помощник начальника – 14, инструктор – 13, делопроизводитель – 11, фельдшер, монтер и член респираторной команды – по 10 разряду, кучер – 5³¹. У сотрудников подрайонной станции, за исключением фельдшера, оклад на один разряд был ниже. Члены вспомогательной команды

получали денежное вознаграждение в размере 1/5 части оклада: Анжерской станции – по 10 разряду; Ленинской – по 9 разряду.

Судить о подготовке штатного состава кузбасских горноспасателей и регулярности проведения практических занятий позволяют ежемесячные отчеты в Сибгорнадзор. Так, в марте 1924 г. в Анжерке каждый из 25 горноспасателей в течение 2-х часов выполнял разные упражнения в дымном штреке в шланговом дыхательном аппарате «Вестфалия», в таких же условиях на Ленинской станции из 17 человек 9 работали в респираторах системы «Дрегера», остальные – в шланговом аппарате³².

Для тренировки активно-спасательного персонала Ленинской станции применяли комплекс физических упражнений на открытом воздухе в респираторе «Дрегера», вес которого составлял 17 кг [Новосильцев 1928: 29]. Результаты фиксировались в отдельной ведомости. Комплекс был рассчитан на 60 минут и проводился в определенной последовательности: 1) передвижение пешком 1200 м – 19 минут; 2) бег 480 м – 5 минут; 3) передвижение пешком 360 м – 5 минут; 4) отдых – 15 минут; 5) ползание с крепью 120 м – 7 минут; 6) отдых – 9 минут. До и после выполнения каждого упражнения

Табл. 1. Количественный состав сотрудников горноспасательных станций Кузбасса на 1 июля 1924 г.

Tab. 1. Quantitative personnel analysis of mine-rescue stations in Kuzbass, July 1, 1924

Должность	Анжеро-Судженская районная ГСС, I разряд		Ленинская подрайонная ГСС, I разряд		Кемеровская подрайонная ГСС, I разряд		Итого в наличии, количество человек (% от штата)
	по штату	в наличии, количество человек	по штату	в наличии, количество человек	по штату	в наличии, количество человек	
Начальник станции	1	1	1	1	1	1*	3 (100)
Помощник начальника станции	1	1	–	–	–	–	1 (100)
Инструктор	1	1	1	1	1	1	3 (100)
Член респираторной команды	5	5	3	3	3	2	10 (90)
Фельдшер	1	1*	1	1*	1	1*	3 (100)
Монтер	1	0	1	1	1	1	2 (66,6)
Бухгалтер-счетовод	1	1	–	–	–	–	1 (100)
Кучер	1	1	1	0	1	0	1 (33,3)
Член вспомогательной команды	12	18	12	9	12	6	33 (91,6)
Всего в наличии, количество человек (% от штата)	24	29 (121)	20	16 (80)	20	12 (60)	57 (89)

Прим.: * – по совместительству.

³¹ ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 176–177.

³² Там же. Л. 343–344 об.

у горноспасателя измеряли пульс и оценивали его общее физическое состояние. Также фиксировали недостатки действий горноспасателей, связанные с устройством регенеративного респиратора, например, при выполнении упражнения бег нередко фиксировали замечание *мало воздуха*, а при упражнении *ползание с крепью* из-за того, что в аппарате «Дрегера» образца 1904–1909 гг. дыхательный мешок был расположен на груди [Левенец 1927: 36], делали запись «дыхательный мешок стесняет движение»³³.

В 1920-е гг. кузбасские горноспасатели принимали участие в разных спасательных и вспомогательно-технических работах. 14 июня 1922 г. команда Анжеро-Судженской станции была вызвана для тушения подземного пожара на руднике «Надежда» (в 12 верстах от Анжерской копи)³⁴. Через 1½ часа после вызова команда была уже на месте и приступила к работе в шахте по возведению перемычек с целью локализации пожара. В течение 19-часовой непрерывной, напряженной работы команда успела возвести 4 двойные деревянные перемычки и 1 кирпичную на глине, благодаря чему пожар был локализован. Работа велась в сильном жару, обжигающем лицо и руки, и в воде, доходящей до пояса.

Профессионализм продемонстрировали кемеровские горноспасатели 28 мая 1926 г., когда в 7.00 утра на шахте «Центральная» Кемеровского рудника произошел взрыв гремучего газа³⁵. В 7.30 дежурный по Кемеровской спасстанции получил извещение, в 7.37 горноспасатели выдвинулись к месту катастрофы и приступили к спасательным работам в респираторах. На поверхность были подняты: 4 человека, получившие серьезные ожоги (один из них позже скончался в больнице), 2 человека, получившие отравление газом, и 2 трупа шахтеров. Во время поиска шахтеров при проведении раскопок произошел обвал крупных кусков породы, которыми засыпало члена респираторной команды Ивана Лебедева, а член вспомогательной команды Михаил Козыкин получил серьезную травму, оба были доставлены в больницу.

Профессиональная деятельность горноспасателей не ограничивалась территорией Кузбасса. Так, команда анжерских спасателей в количестве 8 человек во главе с помощником начальника станции горным

техником Андрианом Ефремовичем Неустроевым в период с 8 января по 12 февраля 1924 г. совершила выезд в Экибастуз для локализации рудничного пожара на шахте № 1³⁶. На переброску отряда, как следовало из доклада начальника Горноспасотдела Сибгорнадзора К. Д. Безуглого, осуществлявшего общее руководство горноспасательной экспедицией, потребовалось 9 суток³⁷. При следовании по маршруту Анжерка – ст. Татарская – Славгород – Павлодар – Экибастуз, экспедиция использовала железнодорожный транспорт, а 25-верстный участок пути с переходом через реку Иртыш был преодолен на верблюдах и быках, осложняли дорогу степные снежные бураны. Свидетельство за № 323 от 31 января 1924 г., подписанное руководителями Экибастузских копей, подтверждает успешное выполнение возложенных на отряд опасных работ в респираторах и подчеркивает наличие у горноспасателей опыта и хороших знаний спасательного дела³⁸.

В соответствии с Постановлением ВСНХ № 1099 от 23 сентября 1926 г. была проведена реорганизация 18 горноспасательных станций и 6 спасательных пунктов на Украине, Урале и в Кузбассе. Ленинская и Кемеровская станции с 1 октября 1926 г. были сняты с госбюджета и переведены на содержание АИК³⁹. Статус государственной в Кузбассе остался только у Анжеро-Судженской станции, которая осталась на госбюджете. В рамках реорганизации Горный отдел ВСНХ РСФСР санкционировал открытие вместо Кемеровской и Ленинской станций горноспасательных пунктов⁴⁰. В штат спаспунктов входили начальник и один-два инструктора, задачей которых было обучение спасательному делу шахтеров близлежащих шахт без отрыва от основного места работы из расчета 5 человек на каждую смену рабочих [Фадеев 1935: 26], а также поддержание в исправном состоянии респираторов и другого горноспасательного оборудования.

Через месяц после принятия СНК СССР 19 мая 1927 г. постановления о создании Главной горнотехнической инспекции [Князева 2006: 73] в Южно-Кузнецком районе 18 июня на Прокопьевском руднике была организована первая профессиональная горноспасательная команда [Шаблов и др. 2013: 60].

³³ ГАТО. Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 36. Л. 78.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 15. Л. 43.

³⁵ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 76. Л. 58–85.

³⁶ Там же. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 85. Л. 310.

³⁷ Там же. Л. 292–292 об.

³⁸ Там же. Л. 313.

³⁹ ГАКО. 80. Оп. 1. Д. 104. Л. 74.

⁴⁰ Там же. Л. 76.

Открытие горноспасательных станций и спаспунктов в условиях нэпа стало возможно благодаря централизованному снабжению специальным снаряжением и оборудованием по линии горного надзора, а также укреплению кадрового состава новых станций, подготовленных на базе Анжеро-Судженской станции специалистов в области горноспасательного дела. Несмотря на децентрализацию горноспасательной службы в 1926–1927 гг., наличие 4-х горноспасательных единиц в основных промышленных центрах бассейна, взаимодействующих в системе горного надзора, позволяет считать, что на территории Кузбасса была развернута сеть специальных горноспасательных учреждений.

Расширение сети горноспасательных станций в начальный период индустриализации

В годы I пятилетки расширение сети ГСС было сопряжено с форсированным развитием угольной промышленности Кузбасса. Так, к 1932 г. в Кузнецком бассейне было заложено 49 шахт, появились новые рудники – Киселёвский, Араличевский и Осинниковский [Ермолаев и др. 2021: 114, 116], которые нуждались в создании новых ГСС. Как верно подметил начальник УПВО и ВСЧ НКТП СССР П. Я. Медведев-Орлов, «рост горноспасательного дела определенно, нога в ногу, следует за развитием горной промышленности» [Медведев-Орлов 1935: 23].

В соответствии с Постановлением Народного комиссариата труда (НКТ) СССР № 92 от 5 марта 1930 г. «Положение о горноспасательном деле в СССР» сеть ГСС в Кузбассе увеличилась до 6 единиц, станции получили статус: районных – Ленинская и Анжеро-Судженская; групповых – Кемеровская и Прокопьевская; рудничных – Араличевская (г. Новокузнецк) и Осиновская (г. Осинники) [Новосильцев 1931: 208]. Наблюдение и контроль за состоянием и деятельностью спасстанций были возложены на Западно-Сибирскую государственную горнотехническую инспекцию. Финансирование спасстанций и вспомогательных команд осуществлялось за счет потонных отчислений с добычи-брутто объединения «Сибуголь»⁴¹. Размер отчислений устанавливался объединением по соглашению с Наркоматом труда СССР и Центральным комитетом союза горнорабочих СССР.

В 1931 г. центральные органы власти приняли ряд декретов в русле развития и централизации горноспасательной службы в ведомстве УПВО НКТП СССР: Постановление СНК СССР «О мероприятиях по усилению охраны труда в горной промышленности» № 628 от 31 июля 1931 г., Постановление СТО СССР «О военизации горноспасательных частей Донбасса» № 604 от 11 декабря 1931 г., Постановление НКТП СССР «Об утверждении нового списка горноспасательных станций и списка лабораторий при них и о связанных с этим изменениях и дополнениях положения о горноспасательном деле» № 327 от 28 декабря 1931 г. Последнее фиксировало расширение сети кузбасских станций до 11 единиц. В нем отдельно оговаривалось, что районные ГСС Сибири из-за больших расстояний между ними и связанной с этим невозможности во время катастроф быстро получить помощь от спасательных станций других районов делятся в зависимости от величины района обслуживания на три разряда: Анжеро-Судженская – I разряда; Кемеровская – II; Прокопьевская – III (табл. 2⁴²).

Позже из этого списка по решению совещания при Наркомате труда СССР были исключены Барзасская групповая (3 июня 1933 г.) и Мариинская рудничная (8 марта 1933 г.) станции, вместо последней были созданы спасательные пункты «Центральный» и «Берикульский», а Анжеро-Судженская и Прокопьевская станции получили статус районных станций II разряда [Гауфман 1934: 34].

Важным фактором развития кузбасских ГСС стало возросшее финансирование, осуществляемое объединением «Кузбассуголь» по распоряжению НКТП СССР⁴³. Так, согласно утвержденному плану ассигнований на строительство, оборудование и эксплуатацию горноспасательных станций в СССР на 1934 г. угольные тресты НКТП СССР получили разрядку⁴⁴, по которой «Кузбассуголь» был обязан обеспечить перечисление на строительство зданий спасстанций и технических сооружений при них 662 тыс. рублей, что составляло 47,9 % от общей суммы по данной статье расходов, а на их оборудование – 538 тыс. рублей, или 29,6 %. Всего годовая сумма отчислений по содержанию всех кузбасских ГСС составила 2950 тыс. рублей, или 20,2 % от общей суммы ассигнований по союзным трестам.

⁴¹ С 06.10.1930 – «Востуголь», с 01.10.1931 – «Кузбассуголь».

⁴² Сост. по: Безопасность труда в промышленности. 1932. № 2. С. 49; 1933. № 2. С. 65.

⁴³ Постановлением Центрального исполнительного комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР от 05.01.1932 Высший Совет Народного Хозяйства был преобразован в общесоюзный Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП СССР).

⁴⁴ Распоряжение по Главному управлению угольной и сланцевой промышленности НКТП № 249 от 14.12.1933. *Безопасность труда в промышленности*. 1934. № 1. С. 43.

Табл. 2. Горноспасательные станции Кузбасса в 1932 г.
Tab. 2. Mine-rescue stations in Kuzbass in 1932

Тип станций	Наименование станций	Район обслуживания
Центральная (Сибирская)	Ленинская (Ленинск-Кузнецкий)	Все спасстанции Сибири: • Западного и Восточного Сибирского края • Шахты Ленинского рудника Салаирские рудники
Районная I разряда	Анжеро-Судженская	• Мариинская станция • Шахты Анжеро-Судженского рудника • Шахты Андреевского и Федоровского рудников
Районная II разряда	Кемеровская	• Алыкаевская и Барзасская спасстанции • Шахты Кемеровского рудника • Шахты Алтайского и Ягуновского рудников
Районная III разряда	Прокопьевская	• Киселево-Афонинская, Араличевская, Осиновская спасстанции • Шахты и штольни Прокопьевского рудника
Групповая	Осиновская	• Шахта и штольни Осиновского рудника
Групповая	Барзасская	• Шахты № 1 и № 2 (разработка сапропелитовых пластов)
Рудничная I разряда	Араличевская	• Шахта и штольни Араличевского рудника • Рудная промышленность: Тельбесские рудники
Рудничная I разряда	Киселёво-Афонинская	• Штольни Киселёво-Афонинского рудника
Рудничная I разряда	Белово-Бобанаковская	• Шахты Белово-Бобанаковского рудника
Рудничная I разряда	Алыкаевская*	• Шахты Алыкаевская, Щегловская № 1 и Ишановская
Рудничная I разряда	Мариинская	• Золотые рудники Мариинской группы

Прим.: * – по факту был развернут спасательный пункт в 1932 г.

Количество спасательных станций в СССР к 1934 г. достигло 130 единиц [Фадеев 1934: 14], в это число входили 11 горноспасательных единиц Кузбасса, которые составляли 8,5 % удельного веса всех станций страны. С введением в эксплуатацию основных объектов Сибирской центральной спасстанции в Ленинске-Кузнецком завершилось формирование разветвленной сети ГСС в Кузбассе (рис.).

В 1935 г. в г. Ленинск-Кузнецкий было завершено строительство крупнейшей в стране Центральной горноспасательной станции имени Моисея Львовича Рухимовича, ее стоимость составила около 5 млн рублей [Вторая угольная... 1936: 226]. Значительный вклад в создание лучшей в то время в Европе спасательной и испытательной станции внес ее первый руководитель, горный инженер Болеслав Фридрихович Гриндлер [Кладчихин 2010: 85]. На первой конференции по борьбе с рудничными пожарами, проходившей с 17 по 24 февраля 1935 г. в Ленинске-Кузнецком, П. Я. Медведев-Орлов, восхищаясь возведенными

корпусами, внушительной дымной башней, просторными научно-исследовательскими лабораториями, многочисленными подсобными предприятиями, транспортным парком, боевым снаряжением и учебным оборудованием для обучения горноспасательному делу, называл станцию горноспасательным комбинатом [Медведев-Орлов 1935: 22].

После осуществленной военизации спасстанций Донбасса в 1933 г. военизации были подвергнуты станции в других районах страны. Так, во исполнение Постановления СНК СССР № 25 от 7 января 1934 г. «О военизации личного состава горноспасательных станций НКТП» вся сеть ГСС Кузбасса подверглась реорганизации. Приказами начальника УПВО и ВСЧ НКТП СССР № 10 от 3 марта и № 11 от 17 марта 1934 г. кузбасские спасстанции были переформированы в военизированные горноспасательные отряды (ВГСО) и отдельные взводы, а на базе Сибирской центральной станции была развернута Инспекция военизированных горноспасательных частей Сибири и Дальнего Востока

(Инспекция), начальником которой был назначен бывший особоуполномоченный по Сибири и Дальнему Востоку Б. Ф. Гриндлер⁴⁵.

В 1935 г. на территории Кузбасса под управлением Инспекции функционировали: Особый военизированный горноспасательный отряд (Ленинск-Кузнецкий), в состав которого входил 1-й взвод – Белово-Бобанакровский; 9-й ВГСО в Кемерове (1-й взвод – Алыкаевский; оперативный пункт «Барзасский»); 15-й ВГСО в Прокопьевске (1-й взвод – Осинковский; 2-й – Киселёвский; 3-й – Араличевский); 18-й ВГСО в Анжеро-Судженске (1-й взвод – Судженский; оперативный пункт «Центральный»)⁴⁶. Таким образом, развернутая в 1922–1934 гг. сеть ГСС в Кузбассе была преобразована в структуру военизированных горноспасательных частей НКТП СССР.

Заключение

В условиях непа сдерживающим фактором развития горноспасательного дела в СССР являлись постоянные финансовые издержки, связанные с содержанием спасательных станций и оснащением их специальным снаряжением и оборудованием. Включение в 1922 г. ГСС в систему государственного горного надзора положительно сказалось на развитии горноспасательной службы. Централизованное управление и стабильно-умеренное

государственное финансирование горноспасательной службы стали определяющими факторами в процессе начала формирования в Кузбассе сети ГСС. Благодаря функционированию Анжеро-Судженской, Ленинской и Кемеровской станций шахты основных угольных рудников бассейна были обеспечены силами и средствами горноспасательной службы.

Децентрализация горноспасательной службы, произошедшая в 1926 гг., отрицательно сказалась на развитии сети ГСС. Подрайонные станции были сняты с госбюджета и перешли в разряд спасательных пунктов при угольных объединениях с сокращением штата сотрудников. Положительным фактом в это время стало открытие спасательного пункта на Прокопьевском руднике.

Значительное расширение сети ГСС произошло в период 1931–1934 гг., когда индустриальный Кузбасс в рамках реализации проекта Урало-Кузнецкого комбината приобрел статус второй угольной базы СССР. Прежний потенциал горноспасательных учреждений не соответствовал потребностям быстро развивающейся угольной промышленности не только в Кузбассе, но и в других угольных бассейнах страны. Учитывая данное обстоятельство, центральные органы власти СССР, применив директивно-централизованный механизм регулирования экономикой, осуществили

Рис. Сеть горноспасательных станций Кузбасса в 1934 г.

Fig. Mine-rescue stations network in Kuzbass in 1934

⁴⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-8093. Оп. 1. Д. 12. Л. 209, 210.

⁴⁶ Там же. Д. 24. Л. 10–10 об.

реорганизацию и военизацию горноспасательной службы, спасстанции были выведены из состава угольных объединений и переданы в ведомство Управления противовоздушной обороны Наркомтяжпрома. В то же время объединениям угольной отрасли вменялось в обязанность обеспечить финансирование горноспасательных станций в ракурсе совершенствования и развития горноспасательного дела.

Осуществленные изменения способствовали внушительному росту горноспасательных станций как в целом по всей горной промышленности СССР, так и в Кузбассе. Если накануне индустриализации сеть ГСС в Кузбассе состояла из одной спасстанции и 3 спаспунктов, то в 1934 г. функционировали уже 9 горноспасательных станций и 2 спаспункта, а имевшийся на спасстанциях арсенал регенерирующих респираторов немецкого и советского производства (аппарат «Дрегера», модель 1924 г., РКР-1, КИП-3) насчитывал 286 аппаратов, из которых 63 % – аппараты двухчасового защитного действия и 37 % – одночасового действия⁴⁷. Косвенно данные показатели свидетельствуют об увеличении активно-спасательного персонала горноспасателей в сравнении с периодом нэпа примерно в 5 раз. Констатируя количественный рост ГСС, необходимо отметить, что процессу расширения сети спасстанций были присущи те же проблемы, которые испытывала в то время вся угольная отрасль Кузбасса: дефицит квалифицированных кадров, нехватка специальных и технических средств, острый жилищный кризис.

Важную роль в деле укрепления горноспасательного дела в Кузбассе сыграло введение в эксплуатацию Сибирской центральной спасстанции в Ленинске-Кузнецком. Выполняя функцию краевого горноспасательного центра для Сибири и Дальнего Востока,

станция объединяла и обслуживала все станции в оперативном, учебном, снабженческом, производственном и научно-исследовательском отношениях. Функционирование Сибирской центральной станции позволило улучшить снабжение кузбасских станций респираторами и горноспасательным оборудованием, а также повысить уровень профессиональной подготовки горноспасателей, проходивших обучение на ее базе.

Начиная с 1 апреля 1934 г. личный состав кузбасских горноспасательных станций подвергся военизации, на базе существовавших станций были развернуты Инспекция военизированных горноспасательных частей Сибири и Дальнего Востока и четыре военизированных горноспасательных отряда. Штатное расписание состава военизированных сотрудников и вольнонаемного персонала горноспасательной службы было увеличено до 484 единиц⁴⁸, что в 7,5 раза больше в сравнении с 1924 г.

Таким образом, особенностью количественного роста и улучшения технического оснащения ГСС в Кузбассе в годы первых пятилеток является все возрастающая финансовая и организованная государственная поддержка горноспасательной службы. В целом следует признать, что осуществленная в 1931–1934 гг. централизация и военизация горноспасательной службы в системе УПВО и ВСЧ НКТП СССР положительно отразились на завершении формирования сети горноспасательных станций в Кузбассе.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аксенов В. В., Черечукин В. Г., Евсеев В. В., Шестопал В. В., Беликов А. В., Шентяпин Д. С., Романченко С. Б., Дингес В. Р., Перцев А. Ф., Руденко В. А., Волошин А. А., Варшавский С. Ю., Александров А. В. ВГСЧ: вчера, сегодня, завтра. Горноспасательное дело в России. М.: ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2013. 180 с. [Aksenov V. V., Cherechukin V. G., Evseev V. V., Shestopal V. V., Belikov A. V., Shentyapin D. S., Romanchenko S. B., Dinges V. R., Pertsev A. F., Rudenko V. A., Voloshin A. A., Varshavsky S. Yu., Aleksandrov A. V. *Mine-rescue brigade: yesterday, today, and tomorrow. Mine-rescue works in Russia*. Moscow: FC VNII GOChS Emercom of Russia, 2013, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwpcbh>
- Безуглый К. Д. К вопросу разработки нового положения о горноспасательном деле в СССР. *Горный журнал*. 1929. № 3. С. 286–288. [Bezuglyi K. D. New regulation on mine-rescue works in the USSR. *Gornyi Zhurnal*, 1929, (3): 286–288. (In Russ.)]
- Вторая угольная база СССР Кузбасс. Ч. 2. Кн. 2. Техника производства и экономика Кузбасса, ред. М. С. Строилов. Новосибирск-М.-Л.-Грозный: Гос. объединенное науч.-техн. изд-во, 1936. 269 с. [Kuzbass as the second-large coal base in the USSR. Pt. 2. Book 2. *Production technology and economy in Kuzbass*, ed. Stroilov M. S. Novosibirsk-Moscow-Leningrad-Grozny: Gos. obedinennoe nauch.-tekhn. izd-vo, 1936, 269. (In Russ.)]

⁴⁷ Там же. Д. 20. Л. 241.

⁴⁸ Там же. Л. 154.

- Гауфман В. М. Изменения и дополнения, внесенные в сеть горноспасательных станций. *Безопасность труда в промышленности*. 1934. № 10. С. 34. [Gaufman V. M. Changes and additions made to the mine-rescue stations network. *Bezopasnost' Truda v Promyshlennosti*, 1934, (10): 34. (In Russ.)]
- Голик А. С., Попов В. Б., Ярош А. С., Огурецкий В. А., Огурецкий В. В., Огурецкий А. В. Горноспасательные дела в России. *Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности*. 2019. № 1. С. 42–49. [Golik A. S., Popov V. B., Yarosh A. S., Oguretskiy V. A., Oguretskiy V. V., Oguretskiy A. V. Mining rescue cases in Russia. *Vestnik nauchnogo tsentra po bezopasnosti rabot v ugolnoi promyshlennosti*, 2019, (1): 42–49. (In Russ.)]
- Ермолаев А. Н., Карпинец А. Ю., Морозов Н. М., Усков И. Ю. История Кузбасса. Т. 2. Кн. 2. Кузнецкий край на переломе эпох в 1890-х – начале 1940-х годов. Кемерово: Кузбасская медиагруппа; ArtAvis, 2021. 380 с. [Ermolaev A. N., Karpinets A. Yu., Morozov N. M., Uskov I. Yu. *History of Kuzbass. Vol. 2. Book 2. The Kuznetsk Territory at the tipping point of eras in 1890s – early 1940s*. Kemerovo: Kuzbasskaia mediagruppa; ArtAvis, 2021, 380. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nqoxim>
- Кладчихин В. С. Горные спасатели. *Директорский корпус Кузбасса: очерки современного написания*, гл. ред. В. П. Мазин. Новосибирск: Сибирское время, 2010. Т. 2. С. 81–89. [Kladchikhin V. S. Mine rescuers. *Director's corps of Kuzbass: essays of modern writing*, ed. Mazikin V. P. Novosibirsk: Sibirskoe vremia, 2010, vol. 2, 81–89. (In Russ.)]
- Князева Л. К. История создания журнала «Безопасность труда в промышленности». *Безопасность труда в промышленности*. 2006. № 7. С. 73–76. [Knyazeva L. K. The Journal of Industrial Safety. *Bezopasnost' Truda v Promyshlennosti*, 2006, (7): 73–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/juquaj>
- Лебедев А. В. Спасательное дело в России. М.: ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2014. 252 с. [Lebedev A. V. *Mine-rescue works in Russia*. Moscow: FC VNII GOChS Emercom of Russia, 2014, 252. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcndcf>
- Левенец Н. Б. Горноспасательное дело в СССР (Обзор за 15 лет). *Безопасность труда в промышленности*. 1932. № 10. С. 18–22. [Levenets N. B. Mine-rescue works in the USSR: a 15 years. *Bezopasnost' Truda v Promyshlennosti*, 1932, (10): 18–22. (In Russ.)]
- Левенец Н. Б. Спасательное дело в рудниках. М.: Вопросы труда, 1927. 64 с. [Levenets N. B. *Rescue works in the mines*. Moscow: Voprosy truda, 1927, 64. (In Russ.)]
- Левицкая И. А., Тортобаев О. Е. Горноспасательное дело в России: исторический обзор. *Перспективы инновационного развития угольных регионов России: VI Междунар. науч.-практ. конф.* (Прокопьевск, 10–12 апреля 2018 г.) Прокопьевск: Изд-во филиала КузГТУ в г. Прокопьевске, 2018. С. 264–266. [Levitskaya I. A., Tortobaev O. E. Mine rescue works in Russia: historical overview. *Prospects of the innovative development of coal regions of Russia: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Prokopyevsk, 10–12 Apr 2018. Prokopyevsk: KuzSTU branch in Prokopyevsk, 2018, 264–266. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrhbhf>
- Медведев-Орлов П. Я. Первая конференция по борьбе с рудничными пожарами. *Безопасность труда в промышленности*. 1935. № 6. С. 22–25. [Medvedev-Orlov P. Ya. The first conference on fighting mine fires. *Bezopasnost' Truda v Promyshlennosti*, 1935, (6): 22–25. (In Russ.)]
- Новосильцев И. С. Рудничное спасательное дело. Днепропетровск: Днепропетровский горный институт, 1928. 170 с. [Novosiltsev I. S. *Mine-rescue works*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk mining institute, 1928, 170. (In Russ.)]
- Новосильцев И. С. Рудничные пожары и спасательное дело. Днепропетровск-Харьков: ДВОУ, Техническое изд-во, 1931. 215 с. [Novosiltsev I. S. *Mine fires and rescue works*. Dnepropetrovsk-Kharkov: DVOU, Tekhnicheskoe izd-vo, 1931, 215. (In Russ.)]
- Овчаренко Г. В., Сергиенко А. Н., Дорошенко С. И. История создания государственной горноспасательной службы России (к 100-летию юбилею). *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2022. № 2. С. 68–76. [Ovcharenko G. V., Sergienko A. N., Doroshenko S. I. History of creation of state mine rescue service of Russia (for 100-th anniversary). *Psychological and pedagogical safety problems of human and society*, 2022, (2): 68–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytadbk>
- Павлова А. В. Современная историография горноспасательного дела в России и на Донбассе. *Современная научная мысль*. 2022a. № 4. С. 260–268. [Pavlova A. V. Modern historiography of mine rescue in Russia and Donbass. *Modern scientific thought*, 2022a, (4): 260–268. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-4-260-268>
- Павлова А. В. Факторы военизации горноспасательной службы в СССР и Донбассе (1928–1934 гг.). *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2022b. № 4. С. 57–60. [Pavlova A. V. Factors of militarization of the mountain rescue service in the USSR and Donbass (1928–1934). *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022b, (4): 57–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eefowm>

- Тарима С. В., Родионов В. А. Исторические аспекты становления горноспасательной службы и перспективы подготовки горноспасателей. *Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций*: Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 1 июля 2017 г.) СПб.: СПб УГПС МЧС России, 2017. С. 49–53. [Tarima S. V., Rodionov V. A. Historical aspects of formation of the mountain rescue service and prospect training rescuers. *Training of personnel within the system of prevention and elimination of emergency consequences*: Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 1 Jul 2017. St. Petersburg: Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 2017, 49–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lyzdzbb>
- Фадеев В. А. Горноспасательное дело. М.-Л.: Глав. ред. горно-топливной лит-ры, 1935. 82 с. [Fadeev V. A. *Mine-rescue works*. Moscow-Leningrad: Glav. red. gorno-toplivnoi lit-ry, 1935, 82. (In Russ.)]
- Фадеев В. А. Строительство горноспасательных станций. *Сборник трудов и материалов по горноспасательному делу № 1*. М.: ГНТ ГГНИ, 1934. С. 14–20. [Fadeev V. A. Building of mine-rescue stations. *Collection of papers and materials on mine rescue works No. 1*. Moscow: GNT GGNI, 1934, 14–20. (In Russ.)]
- Хорошилов А. В. Состояние безопасности труда в угольной промышленности Кузбасса и борьба за сохранение жизни и восстановление здоровья травмированных шахтеров: 20-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 31 с. [Khoroshilov A. V. *The occupational safety status in the Kuzbass coal industry and rehabilitation of injured miners in the 1920s – the early 21 century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2011, 31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zolpyp>
- Хорошилова Л. С., Ефимов Д. А. К истории решения вопроса о безопасности труда работников промышленных предприятий Урало-Кузнецкого комплекса. *Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности*. 2013. № 1-2. С. 179–183. [Khoroshilova L. S., Efimov D. A. To the history of the Ural-Kuznetsk industrial enterprises complex workers labor safety question solution. *Vestnik nauchnogo tsentra po bezopasnosti rabot v ugolnoi promyshlennosti*, 2013, (1-2): 179–183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qisruz>
- Шуб Е. Б. Состояние горноспасательного дела в Донбассе. *Горный журнал*. 1929. № 11. С. 2011–2032. [Shub E. B. The status of mine-rescue works in Donets Coal Basin. *Gornyi Zhurnal*, 1929, (11): 2011–2032. (In Russ.)]
- Щаблов Н. Н., Виноградов В. Н., Гаврилова О. В. Становление и развитие горноспасательного дела в России. *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2013. № 4. С. 58–65. [Schablov N. N., Vinogradov V. N., Gavrilova O. V. Formation and development of mine rescue work in Russia. *Psychological and pedagogical safety problems of human and society*, 2013, (4): 58–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yixzrr>

Указатель статей, изданных в 2023 г. в журнале «СибСкрипт»

	Стр.	№
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ		
Аброськин С. В. Коммерческая реклама на страницах справочных торгово-промышленных изданий Томской губернии (1894–1903 гг.)	794	6
Анисимова И. В. Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. и его значение в модернизации судебно-правовой системы Степного края	393	3
Берман Е. А. Исторический некрополь сектантов-субботников иудейского вероисповедания г. Зима Иркутской области	343	3
Беспалько Д. Н. Государственная монополизация пушнозаготовок в ДВР в 1920–1922 гг. как предмет объективного восприятия и критики руководителем промыслового ведомства Н. А. Михайловским	806	6
Блинов А. В. Кузбасс в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.)	357	3
Головченко Н. Н. Наконечники копий из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа	715	6
Горбатов А. В., Федорович А. В. Пятидесятники в Восточной Европе и Западной Сибири: история и общность судьбы в XX в.	749	6
Горлышкин Н. Е. Геоинформационные системы как инструмент по изучению памятников археологии Нового времени (по материалам Западной Сибири)	726	6
Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д., Курманкулов Ж. К. Архивное наследие М. К. Кадырбаева как источник по изучению каменных изваяний Казахстана	402	3
Каймашникова Е. Б., Генина Е. С. Организация военно-санитарной подготовки в Центральном институте усовершенствования врачей во второй половине 1930-х гг.	277	3
Карелин А. С. Деятельность Кемеровского областного врачебно-физкультурного диспансера (1949–1965 гг.)	852	6
Комлева Е. В. Сибирское купечество на страницах путевого дневника и писем М. М. Сперанского (1819–1821 гг.)	367	3
Короткова М. Н. Модернизация первичного звена здравоохранения: к вопросу об эффективности социальной политики постсоветского государства	818	6
Литягина А. В. Развитие фотографического дела в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	379	3
Мирзабеков М. Я. Пропаганда гендерного равноправия средствами массовой информации Дагестана в 1960-е гг. и ее результаты	285	3
Орлов Д. С. Развитие сельского хозяйства Кузбасса в первой половине 1980-х гг.	861	6
Попов Ю. П. Роль США в заключении Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 г.	307	3
Самашев З. С. Вкладышевый кинжал эпохи неолита из поселения Усть-Нарым на р. Иртыш	735	6
Сарин Д. П. Особенности формирования сети горноспасательных станций в Кузбассе в 1922–1934 гг.	870	6

	Стр.	№
<i>Свеколкин Н. И.</i> 1916 год. Десятый ускоренный выпуск военного времени Павловского военного училища. Пятая рота в лицах и судьбах юнкеров	829	6
<i>Синдеев А. А.</i> «Программа будущего» О. Шольца и европейское направление внешней политики России	315	3
<i>Суровень Д. А.</i> Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 2: Формирование династического культа богини солнца и его трансформация в общегосударственный культ	758	6
<i>Тихомиров Н. В.</i> Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга)	297	3
<i>Тодыков Е. С.</i> Реакция СССР на создание Евратома	323	3
<i>Турыгин А. А., Куприянов Б. В., Талалаев А. А.</i> Политическая социализация советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии (на примере международных визитов)	331	3
<i>Черноперов В. Л., Усманов С. М.</i> Российское интеллигентоведение: специфика, основные научные школы, перспективы	776	6
<i>Шайдуров В. Н.</i> Предпринимательство бухарских евреев в зеркале экономической модернизации Центральной Азии в начале XX в. (на примере торгового дома «Юсуф Давыдов»)	416	3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
<i>Грунина Л. П., Салтымакова О. А.</i> Методика исследования мотива в художественном тексте	119	1
<i>Дубаков Л. В.</i> «Буддист» барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг и «правая литература»	128	1
<i>Нечаева А. Л.</i> Другость как базис художественного пространства: сравнительный аспект киносценария и фильма	567	4
<i>Рогова Е. Н., Яницкий Л. С.</i> Традиции магического реализма в «Письмовнике» М. Шишкина и «Симоне» Н. Абгарян	136	1
<i>Серенков Ю. С.</i> Пародия в литературе. Опыт культурологического видения феномена	577	4
<i>Синегубова К. В.</i> Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент»	587	4
ПСИХОЛОГИЯ		
<i>Алборова А. В., Дреева С. В., Старченко В. В.</i> Проблема доверия в межэтнических отношениях в поликультурном социуме	240	2
<i>Баланев Д. Ю., Щеглова Э. А., Бредун Е. В., Тютюников П. Р.</i> Статистическая реконструкция психологических тенденций проявления набора факторов как проекций онтологической сущности теоретического конструкта	595	5
<i>Белинская Е. П., Авазматова Ф. Х.</i> Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями	635	5
<i>Билан М. А., Горбатова М. М.</i> Жизненные стратегии осужденных, отбывающих наказание за преступления разной степени тяжести	193	2
<i>Бохан Т. Г., Силаева А. В., Лецинская С. Б., Терехина О. В.</i> Особенности психического и физического развития детей дошкольного возраста, рожденных с помощью ВРТ	606	5
<i>Волкова О. В.</i> Сравнительный анализ механизмов формирования выученной беспомощности у студентов гуманитарных специальностей России и США	247	2
<i>Губанова М. И.</i> Психолого-педагогические аспекты полифункциональности профессиональной деятельности современного преподавателя	677	5

	Стр.	№
<i>Злобина М. В., Красноядцева О. М.</i> Толерантность к неопределенности как компонента стратегий жизнеосуществления	655	5
<i>Капустина Т. В., Родникова Е. А.</i> Особенности проявления комплексного посттравматического стресса у людей с разными типами привязанности к матери	615	5
<i>Кирилюк М. И., Пенявская А. В.</i> Совладающее поведение у молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности	665	5
<i>Красноядцева О. М., Найман А. Б.</i> Личностные ресурсы саморегуляционной активности клиентов онлайн психологической службы	209	2
<i>Кудинов С. И., Седова И. В., Абушик А. С.</i> Особенности эмоционального выгорания педагогов с разными показателями самоотношения	687	5
<i>Лукьянов О. В., Неровных М. С.</i> Социальные аспекты вариативности индивидуальных различий высших психических функций у детей дошкольного возраста	147	2
<i>Минюрова С. А., Басюк В. С., Брель Е. Ю., Воробьева И. В., Кружкова О. В.</i> Особенности выражения эмоций педагогами в условиях цифрового взаимодействия	218	2
<i>Нелюбин Н. И.</i> Психология мышления в поисках человекообразности: системно-антропологический взгляд	161	2
<i>Пенкина Е. Н., Шамшикова О. А.</i> Психометрический анализ опросника эмоционального интеллекта для подростков TEIQue-ASF К. В. Петридеса и А. Фернхема	169	2
<i>Расина Э. О.</i> Индекс виртуализации личности интернет-пользователя социальных сервисов: апробация психометрической методики	228	2
<i>Руденко С. Л.</i> Взаимосвязь субъективного качества жизни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом	625	5
<i>Скорова Л. В., Суворова Д. К.</i> Семантическая структура образа киногероя, предпочитаемого подростками	183	2
<i>Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю.</i> Гендерные особенности когнитивного функционирования у лиц, перенесших COVID-19	696	5
<i>Титова О. И.</i> Маскулинность и фемининность в социальном взаимодействии: сравнительный анализ	645	5
<i>Федоровский А. Е., Атаманова И. В.</i> К вопросу о психологической природе языковой тревожности	258	2
<i>Федотова В. А.</i> Роль культурной дистанции в адаптации студентов из арабских стран к условиям образовательной среды российского вуза	270	2
<i>Юсупов П. Р., Мардасова Т. А.</i> Копинг-стратегии и психологические особенности отношения к ситуации пандемии COVID-19 и ограничительным мерам студентов медицинских специальностей	705	5
<i>Юсупов П. Р., Мардасова Т. А.</i> Психологические характеристики агрессивности у молодых людей в контексте мотивации употребления алкоголя	200	2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
<i>Байкулова А. Н., Кормилицына М. А.</i> Позитивная деловая коммуникация: средства гармонизации общения в групповых коммерческих чатах	461	4
<i>Ван Ч.</i> Образ луны в языковом сознании китайцев: экспериментальное психолингвистическое исследование	94	1

	Стр.	N°
Вдовиченко Е. А., Каменева В. А., Жданова С. Ю. Взаимосвязь структурных компонентов новостных текстов политического характера с комментариями детской таргет-группы	543	4
Волкова А. Б., Кобенко Ю. В. Сегменты и субклассы псевдозаимствованных онимов в немецком литературном языке	1	1
Евпак Е. В. Особенности региональной политической коммуникации в соцсетях: сравнительный анализ	556	4
Егорова В. Г., Задобровская О. Ф. Образная схема <i>контейнер</i> и типы контейнеров (на примере изучения ментальных значений английских фразовых глаголов)	433	4
Ерофеева Е. В., Обухова И. А. Конструирование образа феминизма в российских СМИ: корпусное исследование	35	1
Заманова И. В. Современные принципы лексикографической интерпретации психической лексики (на примере нормативного толкового словаря)	10	1
Иванов А. В. Из истории терминологии немецкой лингвистики: Umlaut	27	1
Иконникова О. Н., Калинин С. С. Генезис лексических суффиксов в языках салишской семьи	491	4
Касаткина Т. Ю. Межъязыковое исследование ассоциативного значения слова <i>жизнь</i> : на материале удмуртского, татарского и башкирского языков	509	4
Козачина А. В., Темерова О. А. Языковые средства конструирования имиджа Японии через призму педагогического дискурса	47	1
Колмогорова А. В., Лямзина С. А., Гимаздинов И. Р. Семиотическая адаптивность в компьютерно-опосредованной речевой терапии при афазии: эколлингвистический подход	102	1
Корогодина И. В. Ядерные признаки эмоционального концепта <i>Abneigung</i> и их лексические средства репрезентации	75	1
Куракина Н. А., Корнева Р. Г. Способы репрезентации индивидуально-авторских характеристик З. Смит в оригинале и переводе	522	4
Кутеко Д. А. Реализация вторичных функций времен в комедиях итальянских авторов XVI в.	500	4
Лагажан Ю. А., Ленец А. В. Корпусная диагностика лингвистического конструирования вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиадискурсе	471	4
Лань Л. Неофициальная китайская урбанонимия в аспекте отражения обыденной городской культуры (на языковом материале г. Чэнду, КНР)	441	4
Малашенкова Е. Н. Речевой жанр <i>пожелание</i> в ситуациях асимметричного общения (на материале педагогического дискурса)	55	1
Манашова В. Д. К вопросу о параметрах лингвокультурологического комментария номинаций одежды в говорах Среднего Приобья: материал изготовления	85	1
Оленев С. В., Люнгрин В. А. Риторическая значимость характеристики подсудимого и потерпевшего в речах судебных ораторов	534	4
Панкратова С. А. Инвективная лексика в зарубежном кинодискурсе последней декады	66	1
Шаравьёва И. В., Неклюдова М. С. Выявление семантического и прагматического аспектов фразеологизмов в китайском сериале <i>靠近你温暖我</i> (Мне с тобой тепло)	451	4
Штеба А. А. Континуум неопределенных эмоций	111	1
Шульгинов В. А., Алянский К. А. Невежливые коммуникативные практики как инструмент создания сообществ в комментариях к спортивным новостям	481	4

Index of articles published in 2023 in the journal "SibScript"

	Pages	Issue
HISTORY & ARCHEOLOGY		
<i>Abroskin S. V.</i> Advertising in Commercial and Industrial Journals Issued in the Tomsk Province in 1894–1903	794	6
<i>Anisimova I. V.</i> Temporary Regulation "On Administration in the Ural, Turgai, Akmola and Semipalatinsk Regions" of 1868 and Its Significance in Modernization of Judicial and Legal System of the Steppe Region	393	3
<i>Berman E. A.</i> Historical Necropolis of Jewish Subbotniks in the Town of Zima, Irkutsk Region	343	3
<i>Bespalko D. N.</i> State Monopolization of Fur Hunting in the Far Eastern Republic in 1920–1922: Perspective of N. A. Mikhailovsky, Head of Fishing Department	806	6
<i>Blinov A. V.</i> Kuzbass in the West-Siberian Academic Environment (1885–1917)	357	3
<i>Chernopetrov V. L., Usmanov S. M.</i> Russian Intellectual Studies: Specifics, Main Scientific Schools, and Prospects	776	6
<i>Ermolenko L. N., Kasenova A. D., Kurmankulov Zh. K. M. K.</i> Kadyrbaev's Archive as a Source for Studying the Stone Monuments of Kazakhstan	402	3
<i>Golovchenko N. N.</i> Spearheads from the Museum of Altai State Pedagogical University: Funeral Rites of the Upper Ob Peoples in the Early Iron Age	715	6
<i>Gorbatov A. V., Fedorovich A. V.</i> Pentecostals in Eastern Europe and Western Siberia: Shared History in the XX Century	749	6
<i>Gorlyshkin N. E.</i> Geographic Information Systems as a Tool of Modern Age Archeology in Western Siberia	726	6
<i>Karelin A. S.</i> Kemerovo Regional Medical Exercises Dispensary in 1949–1965	852	6
<i>Kaymashnikova E. B., Genina E. S.</i> Military Medical Training at the Central Institute for the Advanced Medical Education in the Second Half of the 1930s	277	3
<i>Komleva E. V.</i> Siberian Merchants in Mikhail M. Speransky's Travel Diary and Letters (1819–1821)	367	3
<i>Korotkova M. N.</i> Modernization of Primary Healthcare: Efficiency of Social Policy in the Post-Soviet State	818	6
<i>Lityagina A. V.</i> Photography Business in Urban Western Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Century	379	3
<i>Mirzabekov M. Ya.</i> Promotion of Gender Equality by the Mass Media of Dagestan in the 1960s and its Results	285	3
<i>Orlov D. S.</i> Agricultural Development in Kuzbass in 1981–1985	861	6
<i>Popov Yu. P.</i> The United States of America in the Four Power Agreement on Berlin (1971)	307	3
<i>Samashev Z. S.</i> Neolithic Liner Dagger from Ust-Narym in the Irtysh River Valley	735	6
<i>Sarin D. P.</i> Mine-Rescue Stations in Kuzbass in 1922–1934	870	6
<i>Shaidurov V. N.</i> Entrepreneurship of Bukharan Jews during Economic Modernization of Central Asia in the Early XX Century: Yusuf Davydov Trading House	416	3
<i>Sindeev A. A.</i> Olaf Scholz, His Program of the Future, and the European Direction in Russia's Foreign Policy	315	3

	Pages	Issue
Surowen D. A. Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 2: Dynastic Cult of the Sun Goddess and Its Transformation into a Statewide Cult	758	6
Svekolkin N. I. Fifth Squad Cadets of the Tenth Accelerated Wartime Graduation, Pavlovsk Military School, 1916	829	6
Tikhomirov N. V. Everyday Life at a Provincial School in the 1930s: The Stalinist Way Newspaper in the Town of Taiga, West Siberia	297	3
Todykov E. S. Soviet Response to the European Atomic Energy Community (Euratom)	323	3
Turygin A. A., Kupriyanov B. V., Talalaev A. A. Political Socialization of Soviet Schoolchildren as Part of Children's Public Diplomacy: International Visits	331	3
LINGUISTICS		
Baikulova A. N., Kormilitsyna M. A. Positive Business Communication: Means of Harmonizing Communication in Commercial Group Chats	461	4
Egorova V. G., Zadobrivskaia O. F. Container Scheme-Image and Its Types: English Phrasal Verbs of Cognitive Activity	433	4
Erofeeva E. V., Obukhova I. A. Constructing the Image of Feminism in Russian Media: A Corpus Study	35	1
Evpak E. V. Regional Political Communication in Social Media: Comparative Analysis	556	4
Ikonnikova O. N., Kalinin S. S. Origin of Lexical Suffixes in the Salish Languages	491	4
Ivanov A. V. From the History of German Terminology: Umlaut	27	1
Kasatkina T. Yu. Associative Meaning of the Word <i>Life</i> in the Udmurt, Tatar, and Bashkir Languages: An Interlanguage Comparative Study	509	4
Kolmogorova A. V., Lyamzina S. A., Gimazdinov I. B. Semiotically Adaptive Computer-Mediated Speech Therapy with Patients in Aphasia in the Light of Ecolinguistics	102	1
Korogodina I. V. Emotional Concept of <i>Abneigung</i> : Core Features and Lexical Representations	75	1
Kozachina A. V., Temerova O. A. Linguistic Means of Constructing the Image of Japan in Pedagogical Discourse	47	1
Kurakina N. A., Korneva R. G. Representation of Zadie Smith's Individual Style in Original Text and Translation	522	4
Kuteko D. A. Secondary Functions of Tenses in Italian Comedies of the XVI Century	500	4
Lagazhan Yu. A., Lenets A. V. Corpus Diagnostics in Linguistic Construction: Vaccination Against COVID-19 in the German-Language Media Discourse	471	4
Lan L. Vernacular Chinese Urbanonyms as a Reflection of Ordinary Urban Culture in the City of Chengdu, China	441	4
Malashenkova E. N. Speech Genre of <i>Congratulation</i> in Asymmetric Communication	55	1
Manashova V. D. Linguistic and Culturological Commentary of Clothing Nominations in the Subdialects of the Middle Ob: Manufacturing Material	85	1
Olenev S. V., Lyungrin V. A. Characteristics of the Defendant and the Victim in Forensic Rhetoric	534	4
Pankratova S. A. Invective Lexicon in the Foreign Film Discourse of the Last Decade	66	1
Sharavieva I. V., Nekliudova M. S. Phraseological Semantics and Pragmatics in Chinese TV Series 靠近你温暖我 (Close to You, Make Me Warm)	451	4

	Pages	Issue
<i>Shteba A. A.</i> Continuum of Fuzzy Emotions	111	1
<i>Shulginov V. A., Alyansky K. A.</i> Impolite Communication Practices as a Community-Building Tool in Sports News Comments	481	4
<i>Vdovichenko E. A., Kameneva V. A., Zhdanova S. Yu.</i> Structural Elements of Political News Texts and Comments from Children Target Group	543	4
<i>Volkova A. B., Kobenko Yu. V.</i> Segments and Subclasses of Pseudo-Borrowed Onyms in the German Literary Language	1	1
<i>Wang Z.</i> Associative Image of the Moon in the Chinese Language Consciousness: Experimental Psycholinguistic Research	94	1
<i>Zamanova I. V.</i> Modern Lexicographic Interpretation of Psychic Vocabulary: A Standard Explanatory Dictionary	10	1
LITERARY STUDIES		
<i>Dubakov L. V.</i> Buddhist Baron R. Ungern von Sternberg and the Right-Wing Literature	128	1
<i>Grunina L. P., Saltymakova O. A.</i> Motif in Fiction: A New Research Methodology	119	1
<i>Nechaeva A. L.</i> Otherness as Basis of Artistic Chronotope: Script vs. Film	567	4
<i>Rogova E. N., Yanitskiy L. S.</i> Traditions of Magical Realism in M. Shishkin's Letter Book and N. Abgaryan's Simon	136	1
<i>Serenkov Yu. S.</i> Parody in Literature: A Culture-Determined View	577	4
<i>Sinegubova K. V.</i> Theme of Laughter in Ksenia Buksha's Advent	587	4
PSYCHOLOGY		
<i>Alborova A. V., Dreeva S. V., Starchenko V. V.</i> Interethnic Trust Issues in a Multicultural Society	240	2
<i>Balanev D. Yu., Shcheglova E. A., Bredun E. V., Tyutyunnikov P. R.</i> Set of Factors Projected as Ontological Essence of Theoretical Construct: Statistical Reconstruction of Psychological Tendencies	596	5
<i>Belinskaya E. P., Avazmatova F. Kh.</i> Gender Stereotypes and Coping with Adversities	635	5
<i>Bilan M. A., Gorbatova M. M.</i> Life Strategies in Convicts with Different Sentence Severity	193	2
<i>Bokhan T. G., Silaeva A. V., Leshchinskaia S. B., Terekhina O. V.</i> Mental and Physical Development of Preschool Children Born After Assisted Reproduction	606	5
<i>Fedorovsky A. Ye., Atamanova I. V.</i> On the Psychological Nature of Language Anxiety	258	2
<i>Fedotova V. A.</i> The Role of Cultural Distance in the Adaptation of Arab Students to the Educational Environment of Russian Universities	270	2
<i>Gubanova M. I.</i> Psychology and Pedagogy of Polyfunctional Professional Activity of Teaching Staff	677	5
<i>Kapustina T. V., Rodnikova E. A.</i> Complex Post-Traumatic Stress in People with Different Types of Child-Mother Attachment	615	5
<i>Kirilyuk M. I., Penyavskaya A. V.</i> Coping Behavior in Young People with Different Levels of Ambiguity Tolerance	665	5
<i>Krasnoryadtseva O. M., Naiman A. B.</i> Self-regulatory Resources in Clients of an Online Psychological Support Service	209	2

	Pages	Issue
Kudinov S. I., Sedova I. V., Abushik A. S. Emotional Burnout in School Teachers with Different Self-Attitude Indicators	687	5
Lukyanov O. V., Nerovnykh M. S. Social Aspects of Variability of Individual Differences in Higher Mental Functions in Preschool Children	147	2
Miniurova S. A., Basyuk V. S., Brel E. Yu., Vorobyova I. V., Kruzhkova O. V. Teachers and Expression of Emotions in Digital Communication	218	2
Nelyubin N. I. Psychology of Thinking in Search of Human Dimension: A Systemic and Anthropological View	161	2
Penkina E. N., Shamshikova O. A. K. V. Petrides and A. Furnham's TEIQue-ASF Emotional Intelligence Questionnaire for Teenagers: A Psychometric Analysis	169	2
Rasina E. O. Internet User Personality Virtualization Index: Psychometric Technique Approbation	228	2
Rudenko S. L. Quality of Life and Social Perception in Patients with Hysterical Neurosis	625	5
Skorova L. V., Suvorova D. K. Semantic Structure of a Movie Hero Favored by Teenagers	183	2
Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Zhikharev A. Yu. Gender Aspects of Cognitive Functioning in Former COVID-19 Patients	696	5
Titova O. I. Masculinity and Femininity in Social Interaction: An Intergroup Analysis	645	5
Volkova O. V. Learned Helplessness in University Students that Major in Humanities in Russia and the USA: A Comparative Study	247	2
Yusupov P. R., Mardasova T. A. Aggression and Motivation of Alcohol Consumption in Young People	200	2
Yusupov P. R., Mardasova T. A. Medical Students and Their Attitude to COVID-19 Pandemic and Restrictive Measures: Coping Strategies and Psychological Features	705	5
Zlobina M. V., Krasnoryadtseva O. M. Ambiguity Tolerance as a Component of Life Self-Fulfillment	655	5

Уведомление о ретрагировании статей из журнала «Вестник Кемеровского государственного университета»
(Протокол заседания редакционной коллегии журнала «Сибскрипт» № 6 от 20.11.2023)

1. Бирюков С. В. Президентские выборы 2015 года в Казахстане: внутриполитическое и внешнеполитическое значение. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-5. С. 78–81.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Бирюков С. В. Президентские выборы 2015 года в Казахстане: внутриполитическое и внешнеполитическое значение. *Политические институты и процессы*. 2015. № 2. С. 27–32.
2. Погулич О. В. Институциональный дизайн антикоррупционной политики в субъектах Байкальского региона Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-2. С. 81–84.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании: Погулич О. В. К вопросу об институциональном дизайне антикоррупционной политики субъектов Байкальского региона. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2015. № 4. С. 88–94.
3. Суровой Э. П., Борисова Н. В., Говорина С. П., Бугерко Л. Н. Окисление наноразмерных пленок меди аммиаком. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 1. С. 101–106.
Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
Основание для отзыва: дублирующая публикация.
Информация о дублировании:
 - Суровой Э. П., Говорина С. П., Борисова Н. В., Бугерко Л. Н. Взаимодействие наноразмерных систем медь – оксид меди(II) с аммиаком. *Коррозия: материалы, защита*. 2008. № 7. С. 4–9
 - Суровой Э. П., Говорина С. П., Борисова Н. В., Бугерко Л. Н. Изучение процесса взаимодействия наноразмерных систем медь – оксид меди(II) с аммиаком. *Известия высших учебных заведений. Серия: Химия и химическая технология*. 2010. Т. 53. № 1. С. 60–63.

Addendum: Невежливые коммуникативные практики как инструмент создания сообществ в комментариях к спортивным новостям

Шульгинов Валерий Александрович
НИУ ВШЭ – Москва, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>
Scopus Author ID: 57215049020
vsulginov@hse.ru

Алянский Кирилл Алексеевич
НИУ ВШЭ – Москва, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0001-7283-0992>

Редакция журнала «СибСкрипт» сообщает о внесении дополнительной информации в опубликованную статью: Шульгинов В. А., Алянский К. А. Невежливые коммуникативные практики как инструмент создания сообществ в комментариях к спортивным новостям. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 481–490. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-481-490>

Аффилиация автора Валерия Александровича Шульгинова дополнена информацией о второй организации: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, Москва. Рукопись будет обновлена, а оригинал останется доступным на веб-странице статьи

Addendum: Impolite Communication Practices as a Community-Building Tool in Sports News Comments

Valery A. Shulginov
HSE University – Moscow, Russia, Moscow
<https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>
Scopus Author ID: 57215049020
vsulginov@hse.ru

Kirill A. Alyansky
HSE University – Moscow, Russia, Moscow
<https://orcid.org/0000-0001-7283-0992>

The Editorial Office of SibScript would like to report about the addition of information in the published article: Shulginov V. A., Alyansky K. A. Impolite Communication Practices as a Community-Building Tool in Sports News Comments. *SibScript*, 2023, 25(4): 481–490. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-481-490>

The affiliation of the author Valery A. Shulginov supplemented with information about the second organization: Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow.
The manuscript will be updated and the original will remain available on the article webpage.

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 05.12.2023.

Дата выхода в свет 18.12.2023.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 21,2. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

